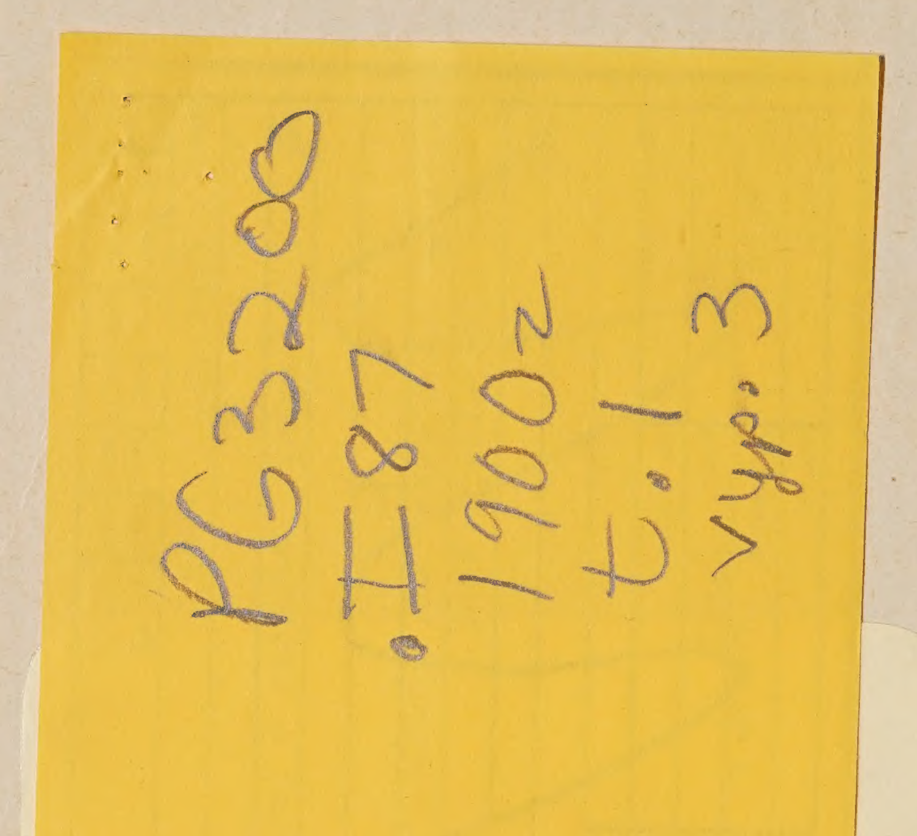
В. В. Сиповскій

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ
ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

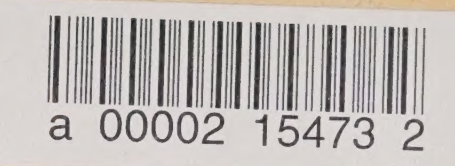
Томъ I. Вып. 3

Изданіе 3

С.-Петербургъ
Изданіе Я. Башмакова и К°.
1910

PG3200
.I87
1900z
t.1
vyp.3

PG3200
.I 87
1900z
t.1, vyp.3

a 00002 15473 2

Сочиненія прив.-доц. Имп. Спб. Университета В. В. Сиповскаго.

1) **ИСТОРІЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.**

Допущено Уч. Ком. М. Н. П. въ качествѣ *руководства* въ мужскія и женскія гимназіи и реальныя училища М-ва Нар. Пр.; вслѣдствіе такого постановленія допущено въ качествѣ руководства и въ коммерческія училища Мин. Торг. и Пром. и въ женскія гимназіи Вѣд. Императрицы Маріи.

Часть I. Выпускъ 1-й: НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. Изданіе 5, стеоретипное. Ц. въ переплетѣ 60 к.

Часть I. Выпускъ 2-й; ИСТОРІЯ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ОТЪ НАЧАЛА ДО XVIII ВѢКА. Изданіе 4. Ц. въ переплетѣ 1 руб.

Часть II. ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ СЪ ЭПОХИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ДО ПУШКИНА. Изданіе 3, исправленное. Ц. въ переплетѣ 1 р. 20 к.

Часть III. Выпускъ 1-й. ИСТОРІЯ НОВОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX СТОЛѢТІЯ. (Пушкинъ, Гоголь, Бѣлинскій). Изданіе 2. Ц. въ перепл. 1 р. 20 к.

Часть III. Выпускъ 2-ой: ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX СТ. 40—60-хъ ГОДОВЪ. Изд. 2. Ц. въ переплетѣ 1 р. 25 к.

2) **ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.** Примѣнительно къ «Исторіи русской словесности».

Томъ 1, вв. 1—2, т. 2, вв. 1—5 и т. 3, вв. 1, 2 и 3 *допущены* Ученымъ Комит. М-ва Нар Пр. въ качествѣ *учебнаго пособія* въ средне-учебныя заведенія Мин. Нар. Просв.; вслѣдствіе такого постановленія они допускаются и въ учебн. зав. Вѣд. Императрицы Маріи и учебн. заведенія Мин. Торговли и Промышленности.

Томъ I. Выпускъ 1-ый. НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. Изданіе 4. Ц. въ переплетѣ 90 к.

Томъ I. Вып. 2-ой—РУССКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ СЪ XI ДО XVIII в. Изданіе 4. Ц. въ переплетѣ 90 к.

Томъ I. Выпускъ 3-й. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII-го в. Изданіе 3. Ц. въ переплетѣ 80 коп.

Томъ II. Выпускъ 1-ый: РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII—XIX В. Изданіе 2. Ц. въ переплетѣ 75 коп.

Томъ II. Выпускъ 2-й: РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА НАЧАЛА XIX В. Ц. въ переплетѣ 75 коп.

Томъ II. Выпускъ 3-ій: РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА НАЧАЛА XIX В. Ц. въ переплетѣ 60 коп.

Томъ II. Вып. 4-ый: РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА 20—30-ЫХЪ ГОДОВЪ XIX В. Пушкинъ и Гоголь. Ц. въ переплетѣ 1 р. 50 к.

Томъ II. Вып. 5-ый. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА 30—40-ЫХЪ ГОДОВЪ XIX В. Кольцовъ, Лермонтовъ, Бѣлинскій. Ц. въ переплетѣ 1 р. 40 к.

Томъ III. Вып. 1-й. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА 40—60-ЫХЪ ГОДОВЪ XIX В. Тургеневъ, Гончаровъ, Островскій. Ц. въ переплетѣ 1 р.

Томъ III. Вып. 2-й: РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА 40—60-ЫХЪ ГОДОВЪ XIX В. Л. Толстой и Ѳ. Достоевскій. Ц. въ переплетѣ 1 р.

Томъ III. Вып. 3-й: РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА 60—70-ХЪ ГОДОВЪ XIX В. Н. Некрасовъ, Гр. А. Толстой, Я. Полонскій, А. Майковъ, Ѳ. Тютчевъ и А. Фетъ. Ц. въ переплетѣ 60 к.

Томъ III. Вып. 4-ый. РУССКАЯ КРИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX в. Ц. въ переплетѣ 1 руб.

3) **БѢЛИНСКІЙ, В. Г.** подъ редакціей со вступительной статьей В. В. Сиповскаго. Избранныя сочиненія о Пушкинѣ, Гоголѣ, Лермонтовѣ и Кольцовѣ. Цѣна въ папкѣ 50 к.

СОДЕРЖАНІЕ: ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ В. В. СИПОВСКАГО. ПУШКИНЪ: Народность, гуманность и художественность—отличительныя черты поэзіи Пушкина. Евгеній Онѣгинъ. Борисъ Годуновъ. **ГОГОЛЬ:** Повѣсти. Ревизоръ. **ЛЕРМОНТОВЪ:** Стихотворенія. **КОЛЬЦОВЪ:** Стихотворенія. **МЫСЛИ О ЛИТЕРАТУРѢ.** Поэзія, ея область и высокое значеніе. Идеализація и типы. Отношеніе поэта къ дѣйствительности.

4) **ПУШКИНЪ.** Жизнь и творчество. Ц. 3 р. 50 к. Рек. М. Н. Пр.

5) **ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКАГО РОМАНА.** Томъ I. Вып. 1-й и 2-й, до 1500 стр. Поступитъ въ продажу осенью 1910 г.

Складъ всѣхъ сочиненій В. В. Сиповскаго у Я. Башмакова и К°, въ С.-Петербургѣ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ

ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Составилъ В. В. СИПОВСКІЙ.

Т. I, вып. 3-й: РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII в.

ПРИМѢНИТЕЛЬНО КЪ „ИСТОРІИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ“
ТОГО ЖЕ АВТОРА Ч. II.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

Изданіе 1-е было допущено Ученымъ Комит. Мин. Нар. Просв. въ качествѣ учебнаго пособія въ среднеучебныя заведенія Мин. Нар. Просв.; вслѣдствіе такого постановленія книга эта допускается и въ учебн. завед. Вѣд. Императрицы Маріи Ѳеодоровны и учебн. заведенія Мин. Торговли и Промышленности.

Цѣна въ переплетѣ 80 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ Я. БАШМАКОВА и К°.
1910.

Типографія Спб. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „Трудъ“. Фонтанка, 86.

Предисловіе ко 2-ому изданію.

Выпуская нынѣ въ свѣтъ *вторымъ* изданіемъ первый томъ моей хрестоматіи, я, для удобства учащихся, разбилъ его на *выпуски;* въ *третій* выпускъ I-го тома вошла литература XVIII-го вѣка до Карамзина.

Во второе изданіе моей книги внесъ я много исправленій и дополненій (расширенъ отдѣлъ петровскаго періода, отдѣлъ сатирическихъ журналовъ и пр.).

Считаю своимъ долгомъ выразить благодарность уважаемому В. И. Короленко, который взялъ на себя трудное дѣло корректированья этой моей работы.

Оглавленіе.

Петровскій періодъ русской литературы.

Русскія вѣдомости.

В. Сиповскій, Исторія русской словесности, ч. II, стр. 79.

На Москвѣ вновь нынѣ пушекъ мѣдныхъ и гаубицъ и мортировъ вылито 400. Тѣ пушки, ядромъ по 24, по 18 и по 12 фунтовъ, гаубицы бомбами пудовыя и полупудовыя, мортиры бомбами девяти, трехъ и двупудовыя и меньше. И еще много формъ готовыхъ великихъ и среднихъ къ литью пушекъ, гаубицъ и мортировъ. А мѣди нынѣ на пушечномъ дворѣ, которая приготовлена къ новому литью, больше 40,000 пудъ лежитъ.

Повелѣніемъ его величества московскія школы умножаются, и 45 человѣкъ слушаютъ философію, и уже діалектику окончили.

Въ математической штурманской школѣ больше 300 человѣкъ учатся и добрѣ науку пріемлютъ.

На Москвѣ ноября съ 24 числа по 24 декабря родилось мужеска и женска полу 386 человѣкъ.

Изъ Персиды пишутъ: индѣйскій царь послалъ въ дарахъ великому Государю нашему слона и иныхъ вещей не мало. Изъ града Шемахи отпущенъ онъ въ Астрахань сухимъ путемъ.

Изъ Казани пишутъ: на рѣкѣ Соку нашли много нефти и мѣдной руды; изъ той руды мѣдь выплавили изрядну, отчего чаютъ немалую быть прибыль Московскому государству.

Изъ Сибири пишутъ: въ Китайскомъ государствѣ езуитовъ вельми не стали любить за ихъ лукавство, а иные изъ нихъ и смертію казнены.

Изъ Олонца пишутъ: города Олонца, попъ Иванъ Окуловъ, собравъ охотниковъ пѣшихъ съ тысячу человѣкъ, ходилъ за рубежъ въ свѣйскую границу и разбилъ свѣйскія ругозенскую и гиппонскую, и сумерскую, и керисурскую заставы, а на тѣхъ заставахъ шведовъ побилъ многое число, и взялъ рейтарское знамя, барабаны, и шпагъ, фузей и лошадей довольно, а что взялъ запасовъ и пожитковъ онъ попъ, и тѣмъ удовольствовалъ солдатъ своихъ, а достальные пожитки и хлѣбные запасы, коихъ не могъ забрать, все пожегъ. И соловскую мызу сжегъ, и около соловской многія мызы, и деревни дворовъ съ тысячу пожегъ же. А на вышеописанныхъ заставахъ по сказкѣ языковъ, которыхъ взялъ, конницы шведской убито—

50 человѣкъ, пѣхоты 400 человѣкъ; ушло изъ конницы 50, пѣхоты 100 человѣкъ, а изъ попова войска только ранено солдатъ два человѣка.

Изъ Львова пишутъ декабря въ 14 день: Силы казацкія подъ полковникомъ Самусемъ ежедневно умножаются; вырубя въ Немировѣ коменданта, съ своими ратными людьми городъ овладѣли, и уже намѣренъ есть Бѣлую Церковь добывать, и чаютъ, что и тѣмъ городомъ овладѣетъ, какъ Палей съ нимъ соединится съ своими войсками, и уже сказываютъ, что соединился, и будетъ ихъ всего войска 12,000 человѣкъ. Литовскій польскій гетманъ ѣдетъ къ своему войску подъ литовскую Брестъ, войско шведское по сказкѣ секретаря Орухо частію въ Казимирѣ, частію въ Сандомирѣ стоитъ, и сказываютъ, что черезъ великую Польшу въ прусскую землю пойдетъ. Подъѣздъ нашъ вновь отъ шведовъ собранныхъ волоховъ большую часть снесли, и нѣсколько въ ихъ платьѣ въ польскомъ обозѣ повѣсили.

Отъ Архангельскаго города пишутъ, сентября въ 20 день, что какъ его Царское величество войска свои въ различныхъ корабляхъ на Бѣлое море запровадилъ, оттолѣ далѣе пошелъ, и корабли паки назадъ къ Архангельскому городу прислалъ, и обрѣтаются тамо 15,000 человѣкъ солдатъ, и на новой крѣпости, на Двинкѣ нареченной, ежедневно 600 человѣкъ работаютъ.

На Москвѣ 1703 генваря въ 2 день.

Юности честное зерцало.

В. Сиповскій, Исторія русской словесности, ч. II, стр. 6—12.

Впервыхъ наипаче всего должны дѣти отца и матерь въ великой чести содержать. И когда отъ родителей что имъ приказано бываетъ, всегда шляпу въ рукахъ держать, а предъ ними не вздѣвать, и возлѣ нихъ не садитися, и прежде оныхъ не засѣдать, при нихъ во окно всѣмъ тѣломъ не выглядывать, но все потаеннымъ образомъ съ великимъ почтеніемъ не съ ними врядъ, но немного уступя позади оныхъ въ сторонѣ стоять, подобно яко пажъ нѣкоторый или слуга. Въ домѣ ничего своимъ именемъ не повелѣвать, но именемъ отца или матере; отъ челядинцевъ просительнымъ образомъ требовать, развѣ что у кого особливые слуги, которые самому ему подвержены бываютъ, для того, что обычайно служители и челядинцы не двумъ господамъ и госпожамъ, но токмо одному господину охотно служатъ. А окромѣ того, часто происходятъ ссоры и великіе между ими бываютъ отъ того мятежи въ домѣ: такъ что сами не опознаютъ, что кому дѣлать надлежитъ.

Дѣти не имѣютъ безъ именнаго приказу родительскаго никого бранить или поносительными словами попрекать. А ежели то надобно, и оное они должны учинить вѣжливо и учтиво.

У родителей рѣчей перебивать не надлежитъ, и ниже прекословить, и другихъ ихъ сверстниковъ въ рѣчи не впадать, но ожидать пока они выговорятъ. Часто одного дѣла не повторять; на столъ, на скамью, или на что иное не опираться и не быть подобнымъ деревенскому мужику, который на солнцѣ валяется, но стоять должны прямо.

Безъ спросу не говорить, а когда и говорить имъ случится, то должны они благопріятно, а не крикомъ и ниже съ сердца или съ задору говорить, не яко бы сумасброды. Но все, что имъ говорить, имѣетъ быть правда истинная, не прибавляя и не убавляя ничего. Нужду свою благообразно въ пріятныхъ и учтивыхъ словахъ предлагать, подобно якобы имъ съ какимъ иностраннымъ высокимъ лицемъ говорить случилось, дабы они въ томъ тако и обыкли.

Неприлично имъ руками или ногами по столу вездѣ колобродить, но смирно ѣсти. А вилками и ножикомъ по тарелкамъ, по скатерти или по блюду не чертить, не колоть и не стучать, но должны тихо и смирно, прямо, а не избоченясь сидѣть.

Когда родители или кто другіе ихъ спросятъ (позовутъ), то должны они къ нимъ отозваться и отвѣщать тотчасъ, какъ голосъ послышатъ. И потомъ сказать: „что изволите, государь, батюшка“, или: „государыня матушка“, или: „что мнѣ прикажете, государь“, а не такъ: „что, чего, што, какъ ты говоришь, чего хочешь?“ И не дерзостно отвѣщать: „да, такъ“, и ниже вдругъ наотказъ молвитъ: „нѣтъ“; но сказать: „такъ, мой сударь, слышу, государь; я выразумѣлъ, государь, учиню такъ, какъ вы, государь, приказали“. А не смѣхомъ дѣлать, якобы ихъ презирая и не слушая ихъ повелѣнія и словъ, но исправно примѣчать все, что имъ говорено бываетъ, а многажды назадъ не бѣгать и прежняго паки вдругорядь не спрашивать.

Когда имъ говорить съ людьми, то должно имъ благочинно, учтиво вѣжливо, разумно, а не много говорить; потомъ слушать, и другихъ рѣчи не перебивать, но и дать все выговорить и потомъ мнѣніе свое, что достойно, предъявить. Ежели случится дѣло и рѣчь печальная, то надлежитъ при такихъ быть печальну и имѣть сожалѣніе; въ радостномъ случаѣ быть радостну и являть себя весела съ веселыми. А въ прямомъ дѣлѣ и въ постоянномъ быть постоянну, а въ другихъ людей разсудковъ отнюдь не презирать и не отметать, но ежели чье мнѣніе достойно и годно, то похвалять и въ томъ соглашаться; ежели же которое сумнительно, въ томъ себя оговорить, что въ томъ ему разсуждать не достойно. А ежели въ чемъ спорить можно, то учинить съ учтивостію и вѣжливыми словами и дать свое разсужденіе на то, для чего. А ежели кто совѣту пожелаетъ, или что повѣритъ, то надлежитъ совѣтовать сколько можно, и повѣренное дѣло содержать тайно.

Съ духовными должны дѣти вездѣ благочинно, постоянно, учтиво и

вѣжливо говорить, а глупости никакой не предъявлять, но о духовныхъ вещахъ и о чинѣ ихъ или духовные вопросы предлагать.

Никто себя самъ много не хвали и не уничтожай (не стыди) и не срамоти, и ниже, дѣла своего возвеличивая, расширяй болѣе, нежели какъ оное въ подлинномъ дѣйствѣ состоитъ, и никогда роду своего и прозванія безъ нужды не возвышай, ибо такъ чинятъ люди всегда такіе, которые не вдавнѣ токмо прославились. А особливо въ той землѣ, гдѣ кто знакомъ, весьма не надлежитъ того дѣлать, но ожидать, пока съ стороны другіе похвалятъ.

Съ своими или съ посторонними служители гораздо не сообщайся, Но ежели оные прилежны, такихъ слугъ люби, а не во всемъ имъ вѣрь, для того что они грубы и невѣжи (неразсудливы) будучи, не знаютъ держать мѣры, но хотятъ при случаѣ выше своего господина вознестись, а отшедши прочь на весь свѣтъ разглашаютъ, что имъ повѣрено было. Того ради смотри прилежно, когда что хочешь о другихъ говорить, опасайся, чтобъ при томъ слугъ и служанокъ не было. А именъ не упоминай, но обиняками говори, чтобъ дознаться было неможно, потому что такіе люди много приложить и прибавить искусны.

Всегда недруговъ заочно, когда они не слышатъ, хвали, а въ присутствіи ихъ почитай, и въ нуждѣ ихъ имъ служи, также и о умершихъ никогда зла не говори.

Всегда время пробавляй въ дѣлахъ благочестныхъ, а празденъ и безъ дѣла отнюдь не бывай, ибо отъ того случается, что нѣкоторые живутъ лѣниво, не бодро, а разумъ ихъ затмится и иступится, потомъ изъ того добра никакого ожидать можно, кромѣ дряхлаго тѣла и червоточины, которое съ лѣности тучно бываетъ.

Младый отрокъ долженъ быть бодръ, трудолюбивъ, прилеженъ и безпокоенъ, подобно какъ въ часахъ маятникъ, для того, что бодрый господинъ ободряетъ и слугъ, подобно яко бодрый и рѣзвый конь учиняетъ сѣдока прилежна и осторожна; потому можно отчасти, смотря на прилежность и бодрость или радѣніе слугъ, признать, како правленіе котораго господина состоитъ и содержится, ибо не напрасно пословица говорится: *каковъ игуменъ, такова и братія.*

Како младый отрокъ долженъ поступать, когда оный въ бесѣдѣ съ другими сидитъ.

Когда прилучится тебѣ съ другими за столомъ сидѣть, то содержи себя въ порядкѣ по сему правилу:

Въ первыхъ обрѣжь свои ногти, да не явятся яко бы оные бархатомъ обшиты. Умой руки и сяди благочинно, сиди прямо и не хватай первый въ блюдо, не жри какъ свинія и не дуй въ ушное, чтобъ вездѣ брыз-

гало, не сопи егда яси. Первый не пій, будь воздерженъ и бѣгай пьянства; пій и яждь сколько тебѣ потребно, въ блюдѣ будь послѣдній. Когда что тебѣ предложатъ, то возьми часть изъ того; прочее отдай другому и возблагодари ему. Руки твои да не лежатъ долго на тарелкѣ, ногами вездѣ не мотай, когда тебѣ пить, не утирай (рта) губъ рукою, но полотенцемъ, и не пей, пока еще пищи не проглотилъ. Не облизывай перстовъ и не грызи костей, но обрѣжь ножемъ. Зубовъ ножемъ не чисти, но зубочисткою, и одною рукою прикрой ротъ, когда зубы чистишь; хлѣба приложа къ грудямъ не рѣжь, ѣшь что предъ тобою лежитъ, а инде не хватай. Ежели передъ кого положить хощешь, не примай перстами, какъ нѣкоторые народы нынѣ обыкли, надъ ѣствою не чавкай, какъ свинія, и головы не чеши; не проглотя куска, не говори, ибо такъ дѣлаютъ крестьяне. Часто чихать, сморкать и кашлять непригоже. Когда яси яйцо, отрѣжь напредь хлѣба и смотри, чтобъ при томъ не вытекло, и яждь скоро. Яичной скорлупы не разбивай, и пока яси яйцо, не пій, между тѣмъ не замарай скатерти и не облизывай перстовъ, около своей талерки не дѣлай забора изъ костей, корокъ, хлѣба и прочаго. Когда престанешь ясти, возблагодари Бога, умой руки и лицо и выполощи ротъ.

Младый шляхтичъ, или дворянинъ, ежели въ ексерциціи (въ обученіи) своей совершенъ, а наипаче въ языкахъ, въ конной ѣздѣ, танцованіи, въ шпажной битвѣ и можетъ доброй разговоръ учинить, ктомужъ красноглаголивъ и въ книгахъ наученъ, оный можетъ съ такими досуги, прямымъ придворнымъ человѣкомъ быть.

Прямый придворный человѣкъ имѣетъ быть смѣлъ, отваженъ и не робокъ, а съ Государемъ какимъ говорить съ великимъ почтеніемъ. И возможетъ о своемъ дѣлѣ самъ предъявлять и доносить, и на другихъ не имѣетъ надѣятися. Ибо гдѣ можно такого найти, который бы могъ кому такъ вѣренъ быть, какъ самъ себѣ. Кто при дворѣ стыдливъ бываетъ, оный съ порожними руками отъ двора отходитъ. Ибо когда кто господину вѣрно служитъ, то надобна ему вѣрная и надежная награда. А кто ища милости служитъ, того токмо милосердіемъ награждаютъ. Понеже никто ради какой милости долженъ кому служить, кромѣ Бога. А Государю какову ради чести и прибыли, и для временной милости.

Умный придворный человѣкъ намѣренія своего и воли никому не объявляетъ, дабы не упредилъ его другой, который иногда къ томужъ охоту имѣетъ.

Отрокъ долженъ быть весьма учтивъ и вѣжливъ, какъ въ словахъ, такъ и въ дѣлахъ: на руку не дерзокъ и не драчливъ, также имѣетъ оной стрѣтившаго на три шага не дошедъ, и шляпу пріятнымъ образомъ снявъ, а не мимо прошедши, назадъ оглядываясь, поздравлять. Ибо вѣжливу быть на словахъ, а шляпу держать въ рукахъ неубыточно, а похвалы достойно, и лучше, когда про кого говорятъ: онъ есть вѣжливъ, смиренный Кавалеръ и молодецъ, нежели когда скажутъ про котораго: онъ есть спѣсивый болванъ.

Младые отроки должны всегда между собою говорить иностранными языки, дабы тѣмъ навыкнуть могли: а особливо когда имъ что тайное говорить случится, чтобъ слуги и служанки дознаться не могли, и чтобъ можно ихъ отъ другихъ незнающихъ болвановъ распознать: ибо каждый купецъ товаръ свой похваляя продаетъ какъ можетъ.

Молодые отроки не должны носомъ храпѣть, и глазами моргать, и ниже шею и плеча, яко бы изъ повадки, трясти, и руками не шалить, не хватать, или подобное неистовство не чинить, дабы отъ издѣвки не учинилось въ правду повадки и обычая, ибо такія принятыя повадки младаго отрока весьма безобразятъ, и остыжаютъ такъ, что потомъ въ домѣхъ, ихъ пересмѣхая тѣмъ дражнятъ.

Непристойно на свадьбѣ въ сапогахъ, и острогахъ быть, и тако танцовать: для того, что тѣмъ одежду дерутъ у женскаго полу, и великій звонъ причиняютъ острогами, къ томужъ мужъ не такъ поспѣшенъ въ сапогахъ, нежели безъ сапоговъ.

Также когда въ бесѣдѣ или въ компаніи случится въ кругу стоять: или сидя при столѣ, или между собою разговаривая, или съ кѣмъ танцуя, не надлежитъ никому неприличнымъ образомъ въ кругѣ плевать, но на сторону. А ежели въ каморѣ, гдѣ много людей, то пріими харкотины въ платокъ и такъ невѣжливымъ образомъ въ каморѣ, или въ церькви не мечи на полъ, чтобы другимъ отъ того не згадить, или отъиди для того къ сторонѣ (или за окошко выброси), дабы никто не видалъ, и подотри ногами такъ чисто, какъ можно.

И сія есть немалая гнусность, когда кто часто сморкаетъ, якобы въ трубу трубитъ, или громко чхаетъ, будто кричитъ и тѣмъ въ прибытіи другихъ людей, и въ церьквѣ дѣтей малыхъ пужаетъ или устрашаетъ.

Еще же зѣло непристойно, когда кто платкомъ или перстомъ въ носу чиститъ, якобы мазь какую мазалъ, а особливо при другихъ честныхъ людехъ.

Дѣвическія чести и добродѣтелей вѣнецъ.

Состоящій въ послѣдующихъ двадесяти добродѣтеляхъ. А имянно: Охота и любовь къ слову и службѣ Божіей, истинное познаніе Бога, страхъ Божій, смиреніе, призываніе Бога, благодареніе, исповѣданіе вѣры, почитаніе родителемъ, трудолюбіе, благочиніе привѣтливость, милосердіе, чистота тѣлесная, стыдливость, воздержаніе, цѣломудріе, бережливость, щедрота, правосердіе и молчаливость и прочая.

Здѣ приступимъ по чину къ добродѣтели привѣтливости, ей же и другія подобныя добродѣтели касаются. А имянно: кротость, терпѣніе, пріятство, нисхожденіе, услужливость, съ благочестными доброе имѣть содружество, никого нарочно, или съ умыслу не изобижать, ко всякому быть

услужливу, ближняго сожалѣть, терпѣть, ласкову и единодушну быть, а не себя представлять весьма, и паче другихъ непорочна. Въ повседневной бесѣдѣ пріятливо и тихо обходитися, съ чужимъ говорить учтиво, отвѣщать ласково, другихъ охотно слушать, и всякое доброжелательство показывать въ поступкахъ, словахъ и дѣлахъ, которыя добродѣтели выше всѣхъ мѣръ украшаютъ дѣвицу.

Нынѣ приступимъ къ двадесятой и послѣдней добродѣтели дѣвической, а имянно: къ молчаливости. Природа устроила намъ только одинъ ротъ, или уста, а уши дала два: тѣмъ показуя, что охотнѣе надлежитъ слушать, нежели говорить, сему и древніе дѣтей своихъ обучали. Когда пріидешь въ чужій домъ, то буди слѣпа, глуха и нѣма, которое тебѣ можетъ въ молчаливость причтено быть.

Дѣвическое цѣломудріе.

Потупляетъ стыдливая дѣвица очи свои яко Ревекка, егда узрѣ еще изъ далеча Іакова грядуща, яко въ книгахъ первыхъ Моvсеа въ главѣ 24 пишетъ, что оная закры тогда лице свое: и каждая стыдливая дѣвица закрываетъ окна сердца своего. Ибо сердце всегда прелестно очамъ послѣдуетъ. Того ради блюди, дабы дѣвическій стыдъ пристойную красоту, очи въ землю потупляя являлъ. Также и ты, когда на тебя человѣкъ взираетъ, покраснѣвся очи свои не возвышай, но зракъ свой въ землю ниспущай.

Украснѣніе дѣвицъ, и младыхъ невѣстъ, также и замужныхъ есть достохвальная фарба, или цвѣтъ, и о семъ Діогенъ пишетъ: что украснѣніе есть признакъ къ благочестію. И Назіанзинъ увѣщаетъ, что одинъ токмо цвѣтъ въ дѣвицахъ пріятенъ, то-есть краснѣніе, которое отъ стыдливости происходитъ...

Разсуждается въ человѣкѣ отъ стыда въ лицѣ бываемая краска, за добрый признакъ, того ради и Терентій повѣствуетъ: кто отъ стыда покраснѣетъ, тотъ нужды не имѣетъ. Иныяжъ безумныя поблѣднѣютъ, которое однако не всегда зло бываетъ, но краснота есть пріятнѣе и похвальнѣе.

Дѣвическое смиреніе.

Между другими добродѣтельми, которыя честную даму или дѣвицу украшаютъ, и отъ нихъ требуются, есть смиреніе начальнѣйшая и главнѣйшая добродѣтель, которая весьма много въ себѣ содержитъ. И того недовольно, что токмо въ простомъ одѣяніи ходить, и главу наклонять, и наружными поступками смиренно себе являть, сладкія слова испущать, сего еще гораздо не довольно, но имѣетъ сердце человѣческое Бога знать, любить и боятися. Потомъ должно свои собственныя слабости, немощи и несовершенство признавать. И того для предъ Богомъ себя смирять, и ближняго своего

больши себя почитать, никого не уничижать, себя ни для какого дарованія не возвышать...

Приклады, како пишутся компліменты разные.

Поздравительное писаніе къ женскому полу въ день имянинъ. Моя Госпожа! Понеже я не сумнѣваюся, что вы въ сей радостный день, который ваше высокодрагое имя представляетъ, на многіе изустные поздравительные компліменты отвѣщать имѣти будете, то я тако безчастенъ есмь, что ради отлученія моего поздравленія прочимъ не могу присовокупить, однако же уповаю, что вамъ не непріятно будетъ, егда я письменно объявлю, како меня увеселилъ дорогой день тезоименитства, и притомъ должнѣйшее мое поздравленіе къ вамъ въ сихъ малыхъ строкахъ чрезъ почту посылаю. Богъ да подастъ, дабы вы еще многократно таковаго достойнопамятнаго дня при всегда умножающемся счастіи дожити сподобились, и егда оный паки случится, чтобъ намъ тогда васъ отъ нѣкотораго изряднаго любезнаго обязану видѣти; нынѣ же я, яко вашъ преданный слуга, дерзаю васъ мою госпожу, чрезъ присланный при семъ малый поминокъ перевезать, въ той надеждѣ, что вы сицевое склоннымъ сердцемъ воспріимете, и меня впредь пріязни своей рекомендованна быть допустите, яко же и я противъ того при всѣхъ данныхъ случаяхъ себя въ дѣлѣ изъявити не оставлю. Вашъ моей госпожи послушный.

Поздравительное писаніе нѣкотораго студента къ отцу своему при начатіи новаго года. Высокопочтенный господинъ отецъ! Во исполненіе моей чадской должности не могу оставить, при начатіи Божіею Милостію новаго года, вамъ всякаго блага желать, да подастъ милость всемогущаго, дабы вы, господинъ отецъ, не точію сей, но, и многіе послѣдствующіе годы и съ госпожею матерью моею, въ добромъ здравіи и во всемъ пожеланномъ благополучіи препроводить, такожде за положенные къ моему и моихъ любезныхъ братей и сестръ рачительному воспитанію, и за показанныя неоцѣненныя благодѣянія всякую честь и радость дожить, и за оное тысящекратное благословеніе получить могли, якоже я, что ко мнѣ принадлежитъ, никакого прилежанія не оставлю мои науки съ Божіею помощію сице продолжати, дабы о мнѣ положенное доброе нованіе могло исполнитися и дабы я моего представленнаго намѣренія достигнуть могъ. Впрочемъ предаю васъ, господина отца, и весь нашъ домъ Божіему защищенію, и пребываю во всю жизнь свою моего высокопочтеннаго господина отца—послушный сынъ: N. N.

Апоѳегмата.

В. Сиповскій, Исторія русской словесности, ч. II, стр. 4—5.

1. Платонъ.

Ученія его сія суть:

Всякія мудрости основа терпѣніе.

Злые нравы портятъ добрыя дѣла.

Терпѣливъ быть не можетъ, дондеже воли своей не одолѣетъ.

Повѣда, яко душа его о трехъ вещехъ скорбѣла: о богатомъ тщивомъ, въ нищету пришедшемъ; о разумномъ, разума лишенномъ, и о честномъ, въ безчестіе приведенномъ.

Гордаго презирай, дондеже гордости лишится.

Месть всегда зла и есть вредительна.

Подобаетъ начальнику быти инакому отъ людей; аще бо однаковъ будетъ, ни во что его вмѣнятъ люди.

Аще не вдастъ отецъ сына учитися отъ юности добрыхъ нравовъ, таковъ не имать наслѣдити достоянія отца своего.

Великосердъ есть, иже нищетою тяготы не пріемлетъ.

Лучше по смерти непріятелю имѣніе свое оставить, неже въ животѣ у пріятеля чего просить.

2. Аристотель.

Той вопрошаемый: какая бы ему была прибыль отъ философіи? отвѣща: азъ то творю охотою, что прочіи творятъ, опасаясь жестокаго закона.

Онъ же, обличаемый, яко даде милостыню злому человѣку, рече: не ему дахъ, но его человѣчеству.

Вопрошенъ, каковымъ намъ подобаетъ быть къ друзьямъ своимъ, отвѣща: таковымъ, каковымъ хочетъ имѣти ихъ къ себѣ.

Часто пріятелемъ своимъ и друзьямъ говаривалъ также и ученикамъ: Якоже зракъ пріемлетъ свѣтъ, тако человѣкъ отъ ученія.

Повѣда, яко ученія корень горекъ, но гроздъ и плодъ сладокъ.

Всякое ученіе принимать досадно; а, научась, на свою красоту употребляти и къ общему благу—вещь есть зѣло благопріятна.

Вопрошенъ, чѣмъ рознится умный отъ глупаго, отвѣща: яко живый отъ мертваго.

Въ бесѣдахъ глаголаше: ученіе въ счастіи человѣку красота, въ несчастіи прибѣжище.

Также вопрошенъ: что есть пріятель? отвѣща: есть едина душа въ двухъ тѣлесѣхъ.

Онъ же повѣда, яко нѣцыи суть тако скупи, аки бы имъ здѣ вѣчно жить, а иніи же щедри, аки бы имъ утре умереть.

Хотящимъ отъ него вѣдати, что есть надежда, на то отвѣщалъ: ничто же ино есть, токмо сонъ человѣка неспящаго.

Проповѣди Θеофана Прокоповича.

В. Сиповскій, Исторія русской словесности, ч. II, стр. 13.

Изъ похвальнаго слова о флотѣ россійскомъ (1720).

Необходимость заведенія флота.

Да разсудитъ всякъ, къ чему толь пространная поля водная моря и безмѣрный океанъ создалъ Богъ? къ питію ли? довлѣли бы на сіе рѣки, а источники, не толикое водъ множество, большую часть земноводнаго сего круга объемшее, еще же и питію человѣческому весьма неугодное. Сія того вина есть (яко премудрѣ разсуждаетъ Василій Великій въ своемъ Шестодневіи), что премудрый міра Создатель, промышляя человѣкомъ взаимное другоглюбіе, не благоволилъ всѣмъ странамъ земнымъ всякіе плоды житію нашему потребные произносити; ибо тогда сіи жители на оныхъ, а оные на сихъ ниже посмотрѣли бы, единъ отъ другаго помощи не требуя. Раздѣлилъ убо Творецъ земная своя благая различнымъ странамъ по части, дабы такъ, едина отъ другой требуя взаимнаго пособія, лучше въ любовный союзъ сопрягатися могли. Но понеже невозможно было людемъ имѣть коммуникацію земнымъ путемъ отъ конецъ до конецъ міра сего, того ради великій промыслъ Божій проліялъ промежъ селенія человѣческая водное естество, взаимному всѣхъ странъ сообществу послужити могущее. А отъ сего видимъ, какая и коликая флота морскаго нужда; видимъ, что всякъ, сего не любящій, не любитъ добра своего и Божію о добрѣ нашемъ промыслу неблагодаренъ есть.

Но обще о пользѣ флота много бы глаголати, но ненужно, яко всякому благоразсудному извѣстно есть. Мы точію вкратцѣ разсудимъ, какъ собственно россійскому государству нужный и полезный есть морской флотъ. А въ первыхъ, понеже не къ единому морю прилежитъ предѣлами своими сія монархія, то какъ не безчестно ей не имѣть флота? Не сыщемъ ни единой въ свѣтѣ деревни, которая, надъ рѣкою или озеромъ положена, не имѣла бы лодокъ: а толь славной и сильной монархіи, полуденная и полунощная моря обдержащей, не имѣть бы кораблей? хотя бы ни единой къ тому не было нужды, однако же было бы то безчестно и укорительно. Стоимъ надъ водою и смотримъ, какъ гости къ намъ приходятъ и отходятъ, а сами того не умѣемъ. Слово въ слово такъ, какъ въ стихотворскихъ фабулахъ нѣкій Танталъ стоитъ въ водѣ, да жаждетъ. И потому и наше море не наше. Да смотримъ, какъ то и поморіе наше? развѣ было бы наше по милости заморскихъ сосѣдъ, до ихъ соизволенія.

Что бо, когда благословилъ Богъ Россіи сія своя поморскія страны возвратити себѣ и другія вновь завладѣти, что было бы, аще бы не было готоваго флота? какъ бы мѣста сія удержати? какъ жить и отъ нападенія непріятельскаго опаситися, не токмо что оборонитися?

Земный непріятельскій приходъ издалече слышанъ и нескоръ: есть время приготовиться и предварить его. Не такъ морскій: не летаютъ предъ нимъ голосныя вѣсти, не слышатся шумы, не видно дыма и праха: въ который часъ увидиши его, въ томъ же и надѣйся пришествія его. Есть ли бы къ намъ добріи гости, не предвозвѣстя о себѣ, моремъ ѣхали, и узрѣвше ихъ, немощно бы уготовать трактаментъ для нихъ. Какъ же на такъ нечаянно и скоро нападающаго непріятеля мощно устроить подобающую оборону? едина конфузія, единъ ужасъ, трепетъ и мятежъ. А хотя бы кто и предвозвѣстилъ о походѣ его, то какъ же еще знать, на который онъ берегъ выйдетъ, на который городъ нападетъ? Какъ многіи поморскіи города, не весьма флота не имѣвшіи, но не имѣвшіи флота довольнаго, погибли, разоренни, не отъ сильнаго супостата, но отъ пиратовъ, то-есть морскихъ разбойниковъ, полны суть исторіи. А есть ли же иногда морскій непріятель и не получитъ своего желанія, однакожъ, настращавъ и поругався, отступаетъ безъ урону своего, не отлагая злобы, но храня яко неотмщенную на иное время. Приходящаго его, не начаешься, отходящаго нельзя догонять. Кратко рещи: поморію, флотомъ не вооруженному, такъ трудное дѣло съ морскимъ непріятелемъ, какъ трудно связанному человѣку драться съ свободнымъ, или какъ трудно земнымъ при рѣкѣ Нилѣ животнымъ обходиться съ крокодилами.

Такъ же то трудное было бы тебѣ, о Россіе, на поморіи твоемъ съ непріятелемъ обхожденіе, аще не бы милостивый промыслъ Божій предварилъ тебѣ благословеніемъ благостыннымъ, и не возбудилъ бы въ тебѣ тщаливаго духа ко устроенію флота и ко обученію морскаго плаванія. Не былъ бы укрощенъ на лучшее, но только раздраженъ на горшее супостатъ твой. Объяла и завладѣла рука твоя сіе толь славное и великое поморіе, яко возмездіе и обильный плодъ всѣхъ войны сея трудовъ и иждивеній. Но возмогла ли бы и удержать надолго единою земною силою? великое сумнительство. Есть ли же бы не могла, что слѣдовало? испразднилася бы слава толикихъ викторій; не меньшая бо слава есть удержать завоеванное, нежели завоевать, давная есть пословица. Отродилася бы непріятелю сила: паки бы было ему съ Ливоніи, Ингріи, Кареліи, Финляндіи множество и воинства, и имѣнія, и хлѣба; паки бы походы его и нападенія на твоя внутренняя. Нынѣ же, что? наготствуетъ, скудѣетъ и гладъ терпитъ. И вмѣсто того, чтобы на предѣлы наши нападалъ, своихъ видитъ разореніе, и вмѣсто того, чтобы имѣлъ намъ страшенъ быти, чуждое себѣ заступленіе купуетъ, хотя и не вельми счастливымъ торгомъ. Видиши, о Россіе, пользу флота твоего; не только бо готова и сильна тебѣ отъ нападенія непріятельскаго оборона,

которой бы не имѣла еси неимущи флота, по вышепредложенному разсужденію, но и наступательная на онаго сила велика, и викторіи не трудны.

Слово на погребеніе Петра Великаго (1725).

Что се есть! до чего мы дожили, о Россіяне? что видимъ, что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ! Не мечтаніе ли се? не сонное ли намъ привидѣніе? ахъ, какъ истинная печаль! ахъ, какъ извѣстное наше злоключеніе! Виновникъ безчисленныхъ благополучій нашихъ и радостей, воскресившій аки изъ мертвыхъ Россію и воздвигшій въ толикую силу и славу, или, паче, рождшій и воспитавшій, прямый сый отечествія своего отецъ, которому по его достоинству добріи россійсти сынове безсмертну быти желали, по лѣтамъ же и состава крѣпости многолѣтно еще жить имущаго вси надѣялися: противно и желанію и чаянію скончалъ жизнь, и, о лютой намъ язвы! тогда жизнь скончалъ, когда по трудахъ, безпокойствахъ, печалѣхъ, бѣдствіяхъ, по многихъ и многообразныхъ, смертѣхъ, жить нѣчто начиналъ. Довольно же видимъ, коль прогнѣвили мы Тебе, о Боже нашъ! и коль раздражили долготерпѣніе Твое! О недостойныхъ и бѣдныхъ насъ! О грѣховъ нашихъ безмѣрія! Не видяй сего, слѣпъ есть; видяй же и не исповѣдуяй, въ жестокосердіи своемъ окамененъ есть. Но что намъ умножать жалости и сердоболія, которыя утолять, елико возможно, подобаетъ. Какъ же то и возможно? понеже есть ли великіе его таланты, дѣйствія и дѣла воспомянемъ, еще вящше утратою толикаго добра нашего уязвимся и возрыдаемъ. Сей воистину толь печальной траты развѣ бы летаргомъ нѣкіимъ, нѣкіимъ смертообразнымъ сномъ забыть намъ возможно. Кого бы мы, и каковаго и коликаго лишилися?

Се оный твой, Россіе, Сампсонъ, каковый дабы въ тебѣ могъ явитися, никто въ мірѣ не надѣялся, а о явльшемся весь міръ удивился. Засталъ онъ въ тебѣ силу слабую, и сдѣлалъ по имени своему каменную, адамантову; засталъ воинство въ дому вредное и въ полѣ некрѣпкое, отъ супостатъ ругаемое, и ввелъ отечеству полезное, врагомъ страшное, всюду громкое и славное. Когда отечество свое защищалъ, купно возвращеніемъ отъятыхъ земель дополнилъ, и новыхъ провинцій пріобрѣтеніемъ умножилъ. Когда же возстающія на насъ разрушалъ, купно и зломыслящихъ намъ сломилъ и сокрушилъ духи, и, заградивъ уста зависти, славная проповѣдати о себѣ всему міру повелѣлъ.

Се твой первый, о Россіе, Іафетъ, неслыханное въ тебѣ отъ вѣка дѣло совершившій, строеніе и плаваніе корабельное: новый въ свѣтѣ флотъ, но и старымъ не уступающій, какъ надъ чаяніе такъ выше удивленія всея вселенныя, и отверзе себѣ путь во вся концы земли, и простре силу и славу твою до послѣднихъ океана, до предѣлъ пользы твоея, до предѣлъ

правдою полагаемыхъ; власть же твоея державы, прежде и на земли зыблющуюся, нынѣ и на морѣ крѣпкую и постоянную сотворилъ.

Се Моисей твой, о Россіе! не суть ли законы его яко крѣпкая забрала правды и яко нерѣшимыя оковы злодѣянія? не суть ли уставы его ясные— свѣтъ стезямъ твоимъ, высокоправительствующій сигклитъ и подъ нимъ главныя и частныя правительства отъ него учрежденныя не свѣтила ли суть тебѣ къ поисканію пользы, и ко отраженію вреда, къ безопасію миролюбныхъ и къ обличенію свирѣпыхъ? Воистину оставилъ намъ сумнѣніе о себѣ, въ чемъ онъ лучшій и паче достохвальный: или яко отъ добрыхъ и простосердечныхъ любимъ и лобызаемъ; или яко отъ нераскаянныхъ льстецовъ и злодѣевъ ненавидимъ былъ.

Се твой, Россіе, Соломонъ, пріемшій отъ Господа смыслъ и мудрость многу зѣло. И не довольно ли о семъ свидѣтельствуютъ многообразная философская искусства, и его дѣйствіемъ показанная и многимъ подданнымъ вліянная и заведенная различная, прежде намъ и неслыханная ученія хитрости и мастерства; еще же и чины и степени, и порядки гражданскіе, и честные образы житейскаго обхожденія, и благопріятныхъ обычаевъ и нравовъ правила: но и внѣшній видъ и наличіе краснопретворенное, яко уже отечество наше, и отвнутрь и отвнѣ, несравненно отъ прежнихъ лѣтъ лучшее, и весьма иное видимъ и удивляемся.

Се же твой, о церкве Россійская, и Давидъ и Константинъ: его дѣло— правительство синодальное, его попеченіе —пишемая и глаголемая наставленія. О коликая произносило сердце сіе воздыханія и невѣжествѣ пути спасеннаго! коликія ревности на суевѣрія, и лестническіе притворы, и расколъ гнѣздящійся въ насъ безумный, враждебный и пагубный! коликое же въ немъ и желаніе было и исканіе вящшаго въ чинѣ пастырскомъ искусства, прямѣйшаго въ народѣ богомудрія и изряднѣйшаго во всемъ исправленія.

Но о многоименитаго мужа! краткимъ ли словомъ обымемъ безчисленныя его славы, а простирати рѣчи не допускаетъ настоящая печаль и жалость, слезить и стенать понуждающая. Негли со временемъ нѣчто притупится тернъ сей, сердца наша бодущій, и тогда пространнѣе о дѣлахъ и добродѣтеляхъ его побесѣдуемъ. Хотя и никогда довольно и по достоинству его возглаголати не можемъ; а и нынѣ, кратко воспоминающе и аки бы токмо воскрылій ризъ его касающеся, видимъ, слышателіе, видимъ, бѣдніи мы и несчастливіи, кто насъ оставилъ и кого мы лишилися.

Не весьма же, о Россіяне, изнемогаемъ отъ печали и жалости, не весьма бо и оставилъ насъ сей великій монархъ и отецъ нашъ. Оставилъ насъ, но не нищихъ и убогихъ: безмѣрное богатство силы и славы его, которое вышеименованными его дѣлами означилося, при насъ есть. Какову онъ Россію свою сдѣлалъ, такова и будетъ; сдѣлалъ добрымъ любимую, любима и будетъ; сдѣлалъ врагомъ страшную, страшная и будетъ; сдѣлалъ на весь

міръ славную, славная и быть не перестанетъ. Оставилъ намъ духовная, гражданская и воинская исправленія. Убо оставляя насъ разрушеніемъ тѣла своего, духъ свой оставилъ намъ.

Наипаче же, во своемъ въ вѣчная отшествіи не оставилъ насъ сирыхъ. Како бо весьма осиротѣлыхъ насъ наречемъ, когда державное его наслѣдіе видимъ, прямаго по немъ помощника въ жизни его подобонравнаго владѣтеля по смерти его. Тебя, милостивѣйшая и самодержавнѣйшая Государыня наша, великая героиня, и монархиня, и матерь всероссійская. Міръ весь свидѣтель есть, что женская плоть не мѣшаетъ тебѣ быть подобной Петру Великому. Владѣтельское благоразуміе и матернее благоутробіе твое и природою тебѣ отъ Бога данное кому неизвѣстно? А когда обое то утвердилося въ тебѣ и совершилося, не просто сожитіемъ толикаго монарха, но и сообществомъ мудрости, и трудовъ, и различныхъ бѣдствій его, въ которыхъ чрезъ многая лѣта, аки злато въ горнилѣ искушенную, за малое судилъ онъ имѣть тебѣ ложа своего сообщницу, но и короны, и державы, и престола своего наслѣдницу сотворилъ. Какъ намъ не надѣяться, что сдѣланная отъ него утвердишь, недодѣланная сотворишь, и все въ добромъ состояніи удержишь? Токмо, о душе мужественная! потщися одолѣть нестерпимую сію болѣзнь твою, аще и усугубилась она въ тебѣ отъятіемъ любезнѣйшей дщери и аки жестокая рана новымъ уязвленіемъ безъ мѣры разъярилася. И якова ты отъ всѣхъ видима была въ присутствіи подвизающагося Петра, во всѣхъ его трудахъ и бѣдствіяхъ неотступная бывши сообщница, понудися такова же быть и въ прегорькомъ семъ лишеніи.

Вы же, благороднѣйшее сословіе всякаго чина и сана сынове россійстіи, вѣрностію и повиновеніемъ утѣшайте Государыню и матерь вашу. Утѣшайте и самихъ себе, несомнѣннымъ познаваніемъ Петрова духа въ Монархинѣ вашей видяще, яко не весь Петръ отшелъ отъ насъ. Прочее припадемъ вси Господеви нашему, тако посѣтившему насъ, да, яко Богъ щедротъ и отецъ всякія утѣхи, ея величеству самодержа́внѣйшей Государынѣ нашей и ея дражайшей крови: дщерямъ, внукамъ, племянницамъ и всей высокой фамиліи отретъ сія неутолимыя слезы, и усладитъ сердечную горесть благостыннымъ своимъ призрѣніемъ, и всѣхъ насъ, милостивнѣ да утѣшитъ.

Но, о Россіе, видя, кто и каковый тебе оставилъ, виждь — и какову оставилъ тебѣ. Аминь.

Лирика Ѳеофана Прокоповича.

В. Сиповскій, Исторія русской словесности, ч. II, стр. 15—17.

Сраженіе при р. Прутѣ.

За могилою Рябою,
Надъ рѣкою Прутовою,
Было войско въ страшномъ бою.
  Въ день недѣльный отъ полудни
  Стался часъ намъ вельми трудный,
  Пришелъ Турчинъ многолюдный.
Пошли на встрѣчь казацкіе,
Пошли полки Волосскіе,
Пошли загоны Донскіе.
  Легкій воинъ, робивъ много,
  Да цо было числа малого
  Не отнялъ мѣсця лихого.
Поялъ то былъ городъ близкій,
Врагомъ добрый, бо было низкій
Далъ бы на насъ пострѣлъ рискій.
  Пришли на Прутъ коломутный,
  Туже то былъ нашъ часъ смутный,
  Тутъ не то былъ бой окрутный.
Всю ночь крики, всю ночь стуки,
Всю ночь огонь превеликій,
Всю ночь тамъ Марсъ шелъ дикій.
  А скоро ночь уступила,
  Большее зло наступило,
  Вся армата загремила.
Не малый часъ тамъ стрѣляно,
Ажъ не скоро заказано,
„На миръ!“ „на миръ!“ закричано.
  Не судилъ Богъ христіанства
  Освободитъ отъ поганства,
  Еще не далъ сбить поганства!
Магомете, Христовъ враже,
Ащо дальній часъ покажетъ,
Кто отъ чіихъ рукъ поляжетъ.

Преложеніе псалма 72.

Коль благъ Богъ Израилевъ.

Аще изъ земли престанутъ рѣки истекати
И начнутъ моря брегъ свой великій преступати.
И, падши, небо землю покрыетъ всю звѣздами.
Воздухъ въ огнь, прешедшъ, возсвирѣпѣетъ молніями:
То ниже тогда благость Вышняго многопомощна
Предастъ праведна въ руцѣ грѣшнаго безпомощна...

Запорожецъ кающійся.

Что мнѣ дѣлать, я не знаю,
А безвѣстно погибаю.
Забрелъ въ лѣсы непроходны,
Въ страны гладны и безводны.
Атаманы и гетманы,
Попалъ я въ ваши обманы.
Пропадить вы за пороги,
Лишь бы не сбиться съ дороги...
(и т. д.).

Антіоху Кантемиру.

Не знаю кто ты, пророче рогатый,
Знаю, коликой достоинъ ты славы.
Да почто-жъ было имя укрывати?
Знать, тебѣ страшны сильныхъ глупцовъ нравы.
Плюнь на ихъ грозы! Ты блаженъ трикраты.
Благо, что Богъ далъ умъ тебѣ здравый.
Пусть весь міръ будетъ на тебя голосливый,
Ты и безъ счастья довольно счастливый,—
Объемлетъ тебя Аполлонъ великій,
Любитъ всякъ, кто есть таинствъ его зритель!
О тебѣ поютъ парнасскіе лики,
Всѣмъ честнымъ сладка твоя добродѣтель,

И будетъ сладка въ будущіе вѣки!
А я нынѣ сущій твой любитель,
Но сіе за верхъ славы твоей буди,
Что тебя злые ненавидятъ люди.
А ты, какъ началъ тещи путь преславный,
Коимъ книжные текли исполины,
И перомъ смѣлымъ мещи порокъ явный
На нелюбящихъ ученой дружины,
И разрушай всякъ обычай злонравный,
Желая доброй въ людяхъ перемѣны,
Кой плодъ ученый не единъ искуситъ,
А дураковъ злость языкъ свой прикуситъ.

Любовные стихи—„пѣсни“ XVII—XVIII вв.

В. Сиповскій, Исторія русской словесности, ч. II, стр. 27—29.

Пѣсня Савки Карцова

(1698 г.).

Очей моихъ преславному свѣту
И не лестному нашему совѣту,
Здрава буди, душа моя, многія лѣта
И не забывай праведнаго твоего обѣта—
Какъ мы съ тобою предъ Богомъ обѣщалися,
Въ которое время перстнями помѣнялися
И вѣнцы на главахъ нашихъ имѣли
Златые, въ дни мимошедшіе, радостные,
Святые. Почасту, свѣте моя, воспоминай,
Наипаче же въ молитвахъ своихъ не забывай;
А я во истину тебя не забываю,
По всякій часъ воспоминаю,
И тако мнѣ по тебѣ тошно.
Какъ было бы мошно,
И я бы отселя полетѣлъ
И къ тебѣ бы душа моя, прилетѣлъ,
И мы съ тобой бъ повидались,
Каморку затворили бъ
И всю тайную переговорили!
Лазоревой мой цвѣточикъ,
Наимилѣйшій мой животочикъ,
Возвѣщай, наимиличку, тебѣ,
Что понесъ на себѣ,
Какъ я пріѣхалъ къ государю батюшку,
Потомъ видѣлъ и государыню матушку,
Пресвѣтлыя очи
И обачилъ я радость твою!

Анонимныя пѣсни начала XVIII в.

I.

Радость моя паче мѣры, утѣха драгая,
Неоцѣненная краля, лапушка милая
И веселая, пріятно гдѣ теперь гуляешь?
Стосковалось мое сердце, по что такъ дерзаешь.
Вспомни, радость прелюбезна, какъ мы веселились,
И пріятныхъ разговоровъ съ тобой насладились.
Уже нынѣ сколько время не зрю мою радость!
Прилети, моя голубка, сердечная сладость!
Если васъ сподоблюсь видѣть, закричу: „ахъ, свѣтикъ мой!
Ты ли, радость, предо мной! Я рабъ и слуга твой“.
Толи разно развернусь, прижавъ, поцѣлую,
Подарю драгую перстнемъ, кинусь, размилую.

Виватъ, радость! Виватъ, сердце!
Виватъ, дорогая!
Неоцѣненная краля, бралiантъ, дорогая!
Ужъ въ послѣдню воспѣваю: прощай,
мой любезный свѣтъ!
Этимъ рѣчь мою кончаю, желаю
вамъ много лѣтъ!

II.

Фортуна злая, что́ такъ учиняешь?
Почто съ милою меня разлучаешь?
Я хотѣлъ до смерти въ любви пребыти,—
Ты жъ меня тщишься отъ нея отрыти.
Или ты не знаешь, фартуница злая,
Коль ми есть сладка та моя милая?
Нѣсть ея краснѣе на семъ зримомъ
свѣтѣ,
На вертоградѣ, прекрасномъ цвѣтѣ!
Хоть воззрю на цвѣты—они пропадаютъ
И по натурѣ своей скоро исчезаютъ:
Ты, моя милая, не такъ быть хотѣла,
Колись ты, злая, скоро приспѣла,
Скоро возлетѣла, какъ перната
птица;
Мою милую, златую голубицу
Отъ меня — ничто же ей злое сотворша—
Днесь ее вижду отъ себя отторгшу.
Ахъ, фортуна злая, отъ меня отстани,
А любовiю паки ко мнѣ пристани,
За что́ благодаренъ являтися буду
И до конца вѣка отнюдь не забуду!

III.

Азъ, дивно въ мiрѣ стало,
Что въ людяхъ правды не стало;
Прежде между нами была вѣрность,
Нынѣ явилась некрѣпость,
Мню, яко люди не разлучили
И лестными словами прельстили!
Не грѣхъ ли тѣмъ себѣ получаютъ,
Что между нами любовь разлучаютъ?
Трудно смерти вскорѣ искоренити,
Не возможно и въ правду жити
Ей, ей, да явлюсь вѣрна
И никогда буду другу непотребна.

Стихи Монса.

Ахъ, что есть свѣтъ и въ свѣтѣ!
ахъ, все противное!
Не могу жить, ни умерти! Сердце
тоскливое,
Долго ты мучилось! Нѣтъ упокоя
сердца,
Купидонъ, воръ проклятый, вельми
радуется.
Пробилъ стрѣлою сердце: лежу безъ
памяти,
Не могу я очнуться и очими плакати,
Тоска великая, сердце кровавое
Рудою запеклося, и все пробитое!

Стихи цесаревны Елизаветы Петровны.

Всякiй разсуждаетъ, какъ въ свѣтѣ бъ
жить,
А недоумѣваетъ, какъ съ рокомъ бы
быть;
Что така тоска и жизнь не мила,
Когда другъ не зрится, лучше бъ
жизнь лишиться—
Вся та красота.
Я не въ своей мочи огнь утушить,
Сердцемъ я болѣю, да чѣмъ пособить?
Что всегда разлучно и безъ тебя
скучно,
Легче бъ тя не знати, нежель такъ
страдати
Всегда по тебѣ.
О несчастiе злое, долго ль мя мучити!
О чемъ я страдаю, то не даешь
зрить;
Или я одна тебѣ отданна,
Что меня мучити, тѣмъ ся веселити
И жизни лишити!
Куда красные дни тогда бывали,
Когда мои очи тя не видали,
Ахъ, не были въ скукѣ и ни въ
какой мукѣ,
Какъ цвѣтъ процвѣтала!

Гисторія о россійскомъ матросѣ Василіи Коріотскомъ и о прекрасной королевнѣ Иракліи, Флоренской земли.

В. Сиповскій, Исторія русской словесности, ч. II, стр. 22—25.

Въ Россійскихъ Европіяхъ нѣкоторый живяше дворянинъ, имяше имя ему Іоаннъ, по малой фамиліи Коріотской. Имѣлъ у себя сына Василія, лицемъ зѣло прекрасна. А оной дворянинъ (въ) великую скудость пріиде и не имѣяше у себя пищи. Во едино же время оной его сынъ рече отцу своему: „Государь мой батюшко! Прошу у тебе родительскаго благословленія, изволь мене отпустить въ службу, — то мнѣ будетъ въ службѣ даваться жалованья, отъ котораго и вамъ буду присылать на нужду и на прокормленія". Выслушавъ же отецъ его и даде ему благословленіе, отпустя отъ себя. Василій же, взявъ отъ отца своего благословленіе, пріиде въ Санктпетербурхъ и записался въ морской флотъ въ матросы. И отослали его на корабль по опредѣленію; на караблѣ призываше (его) по обыкновенію матросскому зѣло нелестно и прочихъ всѣхъ матросовъ; въ наукахъ пребываше и (у) всѣхъ персонъ знатныхъ въ услуженіи полюбился, котораго всѣ любили и жаловали безъ мѣры. И слава объ немъ велика прошла за его науку и услугу, понеже онъ зналъ въ наукахъ матросскихъ велми остро, по морямъ гдѣ острова и пучины морскія и мели, и быстрины, и вѣтры, и небесныя планеты, и воздухи. И за ту науку на карабляхъ старшимъ пребывалъ и отъ всѣхъ старшихъ матросовъ въ великой славѣ прославлялся.

Во едино же время указали маршировать и добирать младшихъ матросовъ за моря въ Галандію, для наукъ арихметическихъ и разныхъ языковъ; токмо онаго Василія въ старшіе не командировали съ младшими матросами, но оставленъ бысть въ Кранштатѣ; но токмо онъ по желанію своему просился, чтобъ его съ командированными матросами послать за моря въ Галандію для лучшаго познанія наукъ. По его прошенію былъ командированъ съ прочими матросами, отпущенъ за моря въ Галандію съ младшими матросами.

[Василій за границей усердно учился и служилъ. Имъ очень дорожилъ его хозяинъ. Нѣсколько лѣтъ жилъ онъ за границей].

Но токмо онъ Василей нача еже съ прилежаніемъ въ Россію къ отцу своему проситься, и видѣвъ гость его несклонную просбу и по желанію его уволилъ ему ѣхать въ Россію, и даде ему оной гость три корабля съ разными товарами и суммы своей денежной казны доволно, и просилъ его, чтобъ, бывъ у отца своего, къ нему возвратился, и отпустилъ его съ великою печалью. И оной матросъ Василей Коріотской, принявъ корабли и работниковъ-матросовъ и поднявъ парусы, побѣжали къ Россійской Европіи. И по отбытіи на корабляхъ оной Василей взялъ тысячу червонцевъ и зашилъ въ кафтанъ свой въ клинья тайно, чтобъ никто не зналъ, для вся-

кой приключающейся между... И минувшихъ семи днѣхъ какъ корабли изъ Галандіи поплыли, воста время и неукротимая буря.

[Корабль разбился и Василій выброшенъ былъ на берегъ].

И какъ онъ Василей отъ великаго ужеса, лежа на островѣ, очнулся и взыде на островъ, и веліе благодареніе воздавъ Богу, что его Богъ вынесъ на сухое мѣсто живаго: „Слава Тебѣ, Господи Боже, Небесный Царю и Человѣколюбче, яко не остави мя грѣшнаго за грѣхи моя погубити, въ водахъ морскихъ погрызнутися!"

Потомъ стоящу ему на островѣ, много мысляще и осмотряюще сѣмо и овамо, въ которыя страны принесло и какой островъ; токмо хотя и много время по морямъ ходилъ, а такого острова не видалъ, понеже на ономъ островѣ великой непроходимой лѣсъ и великія трясины и болота, что отъ моря никуды и проходу нѣтъ, а уже ему ѣсть зѣло хотѣлось, и хотя у него червонцы были зашиты въ клиньяхъ въ кафтанѣ, токмо негдѣ и не у кого было (купить), и помощи ему въ нихъ никакой не было. И ходя по брегу на многія часы, усмотрѣлъ какъ бы ему куда проитить къ жилищу и ходя нашелъ малинкую тропку въ лѣсъ, яко хожденіе человѣческое, а не звѣрское. И о томъ размышлялъ, какая та стежка: ежели поидти, то заидти невѣдомо куда: и потомъ размышлялъ на долгъ часъ, и положась на волю Божію, пошелъ тою стежкою въ темной лѣсъ тридцать верстъ къ великому буераку. Видѣ великой, огромной дворъ, поприща на три, весь кругомъ стоящимъ тыномъ огороженъ. И подошелъ ко двору близко къ воротамъ,—тѣ ворота крѣпко заперты; и хотѣлъ посмотрѣть на дворъ, токмо скважины не нашелъ, и страхомъ обдержимъ и убоялся. Помышлялъ потомъ, что конечно зашелъ къ разбойникамъ, и думалъ, какъ сказаться: ежели добрымъ человѣкомъ, то убьютъ; ежели сказаться разбойникомъ, то въ разбояхъ не бывалъ. А въ томъ дворѣ великой шумъ и крикъ, и въ разныя игры играютъ. И вздумалъ сказаться разбойникомъ, и нача у воротъ крѣпко толкаться; то оныя услышали, въ скорости вороты отворяли и спроша его: что за человѣкъ и откуда. Видѣвъ же Василей, что разбойники и множество ихъ народа стояще и играюще въ разныя игры и музыки пьяныхъ, то отвѣтствовалъ имъ Василей: „Азъ есмь сего острова разбойникъ, единъ разбивалъ плавающихъ по морю". И оныя разбойники взяша и приведоша его ко атаману. Атаманъ же, видѣвъ его молодца удалаго и остра умомъ и зрачна, лицомъ прекрасна и осанкою добра зѣло, нача его вопрошати: „Чего ради пришелъ къ намъ?" Василей же рече, яко: „Единому мнѣ жити скушно, и слышавъ васъ въ семъ островѣ живущихъ и весело играющихъ, того ради къ вамъ пріидохъ и прошу, чтобъ вы меня въ товарищи приняли". И атаманъ принявъ его и опредѣлилъ къ разбойникамъ въ товарищи.

Минувшу же дни по утру рано прибѣжалъ отъ моря есаулъ ихъ команды и объявилъ; „Господинъ атаманъ, изволь командировать партію молод-

цовъ на море, понеже по морю ѣдутъ галеры купецкія съ товары“. Слышавъ то, атаманъ закричалъ: „Во фрунтъ!“ То во едину часа минуту всѣ вооружишася и сташа во фрунтъ. Токмо россійскій матросъ Василей единъ стоитъ безъ ружья особо, понеже не опредѣленъ. Тогда разбойники рѣша атаману: „Что нашъ новопріемной товарищъ стоитъ безъ ружья и не въ нашемъ фрунтѣ; изволте приказать оружія выдать“. И атаманъ вскорѣ повелѣ ему оружія выдать и во фрунтъ встать. И оной матросъ хотя того не желалъ, но токмо чрезъ боязнь взявъ оружія, и сталъ со фрунтъ. И при командированіи сталъ Василей просить атамана: „Господинъ атаманъ и вы всѣ, молодцы товарищи, прошу васъ, пожалуйте уволте меня одного на добычу, понеже я извыкъ одинъ разбивать и хочу вамъ прибыль принесть“.

[Василій уходилъ одинъ и приносилъ разбойникамъ свои червонцы, выдавая ихъ за добычу].

Во едино же время соидошася вси разбойники и начаша думать о россійскомъ матросѣ, чтобъ его поставить во атаманы, понеже видѣвъ его молодца удалаго и остра умомъ. И пріидоша вси ко атаману къ старому и начаша ему говорить: „Господинъ нашъ атаманъ, изволь свое старшинство сдать новопріемному нашему товарищу, понеже твое управленіе къ намъ худо; изволь съ нами быть въ рядовыхъ, и которая наша казна изволте съ рукъ сдать“. Тогда атаманъ имъ отвѣщалъ: „Братцы молодны, буди по воли вашей“. И вси единогласно россійскому матросу Василію рѣша: „Буди намъ ты атаманъ, изволь нашу казну всю принять и нами повелѣвать“. Тогда отвѣща имъ Василей: „Братцы молодцы, пожалуйте оставте меня отъ такого дѣла, понеже я атаманомъ не бывалъ; радъ бы съ вами въ товарищахъ быть, а атаманскаго управленія не знаю“. И нача предъ ними горко плакати, разбойники же, его зѣло видя плачущаго, вси яко звѣри единогласно россійскому матросу Василію рѣша: „Буди ты намъ атаманъ, изволь нашу казну всю принять и нами повелѣвать“. Отвѣща къ нимъ Василей: „Братцы молодцы, пожалуйте оставте мене отъ такого дѣла, понеже я атаманомъ не бывалъ, радъ бы съ вами въ товарищахъ быть; атаманскаго управленія не знаю“. И нача предъ ними горко плакати; разбойники же видѣвше его зѣло плачуща, вси яко люты звѣри единогласно закричали: „Ежели ты атаманомъ быть не желаешь, то сего часу мы тебе изрубимъ въ пирожныя части“. Видѣвъ же Василей зѣло убояшася, чтобъ отъ нихъ не быть и въ правду убиту, глаголя имъ: „Буди по воли вашей; токмо прошу васъ: будите, во всемъ меня послушны“. Тогда вси единогласно рѣша: „Господинъ нашъ атаманъ, во всемъ слушать будемъ“. И старой атаманъ отдаде ему ключи и поведе его по погребамъ.

И какъ спустя ихъ на добычу, думалъ самъ: что у нихъ въ чуланѣ имѣется, понеже всю сумму сдали, а въ этотъ чуланъ ходить не велѣли, хотя ключъ у него. И на долгъ часъ размыслилъ и осмѣлился отпереть чуланъ и дверь отворить, и видѣ дѣвицу зѣло прекрасну въ златомъ одѣяніи

королевскомъ одѣту, яко той красоты во всемъ свѣтѣ сказать не возможно. И какъ увидя Василей, паде отъ ея лѣпоты на землю, яко Лодвикъ королевичъ рахлинскій, токмо не такъ, какъ Лодвикъ себя отягчилъ любовію силною и въ болѣзнь впаде. Сей Василей, вставъ на колѣнки, рече: „Государыня, прекрасная дѣвица, королевна, ты роду какого, и како сими разбойниками взята“. И отвѣща дѣвица: „Изволь, милостивый государь, слушать, я тебѣ донесу. Азъ есмь роду королевскаго, дочь великаго короля Флоренскаго, а имя мое Ираклія; токмо едина была у отца своего дочь; и уже тому два года, пришли моремъ въ наша государства изъ Европіи кораблями россійскіи купцы, и я въ то время гуляла съ дѣвицами въ шлупкахъ, и смотрѣла россійскихъ товаровъ и всякихъ диковинокъ. И какъ мы на шлюпкахъ отъ кораблей поплыли, то оныя разбойники набѣжали въ буерахъ и всѣхъ гребцовъ у насъ побили и дѣвицъ въ море побросали, мене едину въ сей островъ уведоша, и держатъ по сіе время,—что между ими великая распря: тотъ хочетъ взять себѣ, а другой не даетъ; и затѣмъ споромъ хотятъ меня изрубить. И я предъ ними горко плакати“... И стала его вопрошать: „Молю тя, мой государь, ваша фамилія како, сюда зайде изъ котораго государства, понеже я у нихъ разбойниковъ до сего часу васъ не видала, и вижу васъ, что не ихъ команды, но признаю васъ быть нѣкотораго кавалера“. Тогда Василей нача ей о себѣ сказывать. Королевна же, слышавъ отъ него, паде на колѣнки и нача его цѣловать любезно и просить, чтобъ ея онъ не оставилъ, какъ самъ поидетъ. Василей же клятвою обѣщался не оставить и заперъ чуланъ и отыде въ великой печали.

Въ единое же время нача говорить Василей всѣмъ разбойникамъ, чтобъ великія суммы порознь разбирать, злато и серебро и драгія каменія сыпать въ сумы, и по его приказу множество сумъ (пошили) и начаша разбирать все порознь и въ сумы сыпать. И какъ все разобраша, то атаманъ рече имъ: „Братцы молодцы, приведите мнѣ коня, и я поѣду по острову, погуляю“. Они же тотъ часъ приведоша коня къ нему и осѣдлаше драгимъ уборомъ. Василей же ѣздилъ весь день по острову сему, но токмо кругомъ моря, а сухого пути слѣду нѣтъ. И узрѣвъ на одной сторонѣ — пристаютъ рыболовы; онъ же ихъ спрашиваетъ — что изъ котораго государства. „А пріѣзжаемъ сюда для продажи въ семъ островѣ живущимъ разбойникамъ рыбы“. А того они не вѣдали, что ихъ атаманъ. Онъ же рече имъ: „Братцы молодцы, пребудьте здѣсь два дня, и я вамъ дамъ великую плату; вывезите меня до цыцарскихъ почтовыхъ буеровъ“. Они же обѣщалися подождать.

Потомъ пріѣхалъ атаманъ Василей къ разбойникамъ въ великомъ веселіи; они же тотчасъ у него коня приняли и съ честію его приведоша до горницы и начаша вси пити и веселитися. И какъ ночь прошла, то Василей тотъ часъ велѣлъ всѣмъ собраться во фрунтъ. Какъ скоро всѣ во фрунтъ собрались, то онъ нача къ нимъ говорить: „Братцы молодцы, вчерашняго числа я видѣлъ на морѣ корабли плывутъ, семь кораблей съ Португаліи:

изволте за ними гнать, а я признаю, что купецкія". И они тотъ часъ вси поѣхали въ буерахъ.

Матросъ Василей тотъ часъ взялъ двухъ коней и собравъ роспуски и наклавъ сумъ съ златомъ и сребромъ и драгими каменіями, елико можно было двумъ конямъ везти, и пришелъ къ королевнѣ и ее взялъ со собою. [Ему удалось убѣжать отъ разбойниковъ]. Василей нанелъ почтовое судно до Цесаріи, въ которое убравшись и съ королевною Иракліею, и поѣхали моремъ до Цесаріи. И пріѣхали въ Цесарію благополучно, и за наемъ по договору денги заплатилъ.

Приплыша же въ Цесарію, нанелъ нѣкоторой министерской домъ зѣло украшенъ, за которой платилъ на каждой мѣсяцъ по пятидесятъ червонцевъ, и въ томъ домѣ стоялъ и съ королевною въ великой славѣ. И нанелъ себѣ въ лакеи пятдесятъ человѣкъ, которымъ подѣлалъ ливреи, велми съ богатымъ уборомъ, что при дворѣ цесарскомъ такихъ ливрей нѣтъ чистотою; а королевнѣ нанелъ дѣвицъ самыхъ лѣпообразныхъ тридцать, которыхъ зѣло украсивъ. Случися нѣкоторой праздникъ, то россійской матросъ, убравшись въ драгоцѣнное платье,—великія лучи отъ него сіяютъ, — также приказалъ и людемъ убраться, а корету приказалъ заложить златокованную и коней добрыхъ, съ богатымъ конскимъ уборомъ, яко во всей Цесаріи таковаго сбора нѣтъ не у кого, и поѣхалъ къ церкви, въ которой будетъ цесарь самъ, и сталъ въ церкви у праваго крылоса.

Потомъ пріѣхалъ и цесарь къ церкви, и вшедъ въ церковь и увидѣвъ Василея въ богатомъ убранствѣ и чая каковъ пріѣзжай царевичъ или король, тотъ часъ призвалъ къ себѣ каморгера, которому вопросить приказалъ его: что за человѣкъ. И онъ каморгеръ съ почтеніемъ приступилъ къ россійскому матросу и по обычаю нача его спрашивать: что за человѣкъ, и котораго государства. „Матросъ, а фамилія моя неболшая — Василей Ивановъ сынъ Коріотской, а сюда привела меня нѣкоторая нужда быть", — которой выслушалъ каморгеръ и цесарю объявилъ. И какъ отслушалъ церковное пѣніе, то цесарь просилъ къ себѣ россійскаго матроса. И обѣщалъ быть, его величеству поклонъ отдать. И цесарь поѣхалъ во дворецъ свой, а Василей остался въ церкви для нѣкоторой своей Богу должности. [Цесарь пригласилъ Василія къ себѣ].

Егда начаша кушать, тогда цесарь нача разговаривать и россійскаго матроса спрашивать о его службѣ и похожденіи. И онъ Василей его цесарскому величеству отъ начала своего похожденія и службы подробно объявилъ: какъ на корабляхъ разбило бурею, и какъ пришелъ къ разбойникамъ и былъ атаманомъ, и какъ отъ нихъ увезъ прекрасную королевну Ираклію Флоренскую, даже до прибытія его въ Цесарію все по ряду. Слышавъ же цесарь зѣло дивися россійскому матросу: „Государь мой братецъ, Василей Ивановичъ, во истину всякой чести достойной! Я вамъ донесу, что сію королевну Флоренскаго короля за себя свaталъ, токмо такое несчастіе учини-

лось; (что безвременно пропала); отъ Флоренскаго короля адмиралъ старшей посланъ ее искать по всей Европіи, и гдѣ сыщутъ, то за него король обѣщалъ отдать оную королевну Ираклію и послѣ себѣ наслѣдникомъ хочетъ учинить. И оной адмиралъ собою не младъ. И я васъ, мой государь Василей Ивановичъ, имѣть буду вмѣсто брата роднаго", — котораго велѣлъ во всей Цесаріи за роднаго брата почитать. И по откушаніи много было разговоровъ, и поѣхалъ цесарь съ россійскимъ матросомъ, названнымъ братомъ своимъ, гулять. И россійской матросъ послалъ своего раба къ прекрасной королевнѣ Иракліи, чтобъ убралась хорошенько, понеже цесарь съ нимъ будетъ. И какъ тотъ посланной пріѣхалъ и объявилъ ей о пріѣздѣ цесаревомъ, и королевна убралась хорошенько и съ дѣвицами. И какъ цесарь съ Василіемъ гуляли, то россійской матросъ Василей нача просить цесаря, чтобъ къ нему пожаловать на квартеру, и цесарь поѣхалъ съ нимъ; и какъ пріѣхали, и королевна ихъ встрѣтила, и цесарь въ полатахъ долго бесѣдовалъ и спрашивалъ королевну, какъ она увезена отъ Флоренской земли разбойниками. И она цесарю все объявила. И цесарь веселился до самаго вечера и поѣхалъ во дворецъ, а ему, матросу Василію, и съ королевною велѣлъ переѣхать въ свой особой дворецъ и отъ своего дворца всѣ напитки и кушанья приказалъ отпускать и драбантамъ своимъ на караулѣ быть, и министрамъ, и пажамъ, и каморгерамъ неотступно быть; а королевнѣ дѣвицъ фрелинъ опредѣлилъ быть. И по утру россійской матросъ перебрался во дворецъ, данный отъ цесаря, и сталъ у цесаря въ великой славѣ пребывать.

Во едино же время россійской матросъ Василій былъ у цесаря; въ то время изъ Флоренскаго государства адмиралъ къ пристани цесарской пріѣхалъ и великую палбу учинилъ изъ пушекъ. Тогда цесарь послалъ каморгера освѣдомиться, кто прибылъ. И каморгеръ освѣдомився объявилъ, что адмиралъ Флоренскаго государства. [Адмиралъ пригласилъ Василія на корабль].

И какъ въ корабль пришли, тогда адмиралъ нача всякими напитками поити жестоко всѣхъ генераловъ и министровъ и пажей и драбантовъ; великіе бочки вина выставилъ и во всякія игры играть приказалъ. А какъ всѣ пьяни стали, тогда адмиралъ, вышедъ изъ корабля, и велѣлъ своимъ офицерамъ и солдатамъ, чтобъ цесарскихъ генераловъ и министровъ съ кораблей бросать и драбантовъ бить и дымать парусы, чтобъ изъ Цесаріи уйтить. И оный его офицеры приказъ приняли и начаша всѣхъ съ кораблей въ море бросать и въ цесарскія суда пьяныхъ метать. И поднявши парусы, побѣжали къ Россійской (?) Европіи. И оные адмиралъ вшедъ въ корабль, нача Василія Коріотскаго бить по щекамъ и за власы терзать, и рече адмиралъ: „Тебѣ ли, каналія непотребный, бестія, сею прекрасною королевною Иракліею владѣть". И бивши его, едва жива оставилъ и велѣлъ своимъ офицерамъ, навезавши едро пушечное, бросить въ морскую глубину. Тогда офицеры, взявъ Василія изъ корабля и помня прежнюю его къ себѣ ми-

лость, взявъ положили въ малую лодку и спустили на море, шляпу его съ едромъ пушечнымъ съ корабля бросили и сказали адмиралу, что бросили, и онъ въ глубину морскую съ едромъ уйде, только шляпа его на верху плаваетъ. Королевна же, видя сіе приключившееся надъ ними несчастіе, паде, обмерла отъ великой ужести, пала на землю. Адмиралъ же, приступивъ королевнѣ и поднявъ, дулъ въ уши и лилъ на перси ея воду, дондеже могла прійтить въ чувство; и какъ пріиде въ память, нача горко плакати. Тогда адмиралъ, выневъ изъ ноженъ свою шпагу, и съ пристрастіемъ рече: „Ежели станешь плакать, сейчасъ главу твою отсѣку". И приведе ее къ присягѣ, что отцу ея и матери о томъ своемъ несчастіи не сказывать, а сказалъ бы, яко съ Цесаріи боемъ взялъ. И она страху ради дала присягу, что по волѣ его сдѣлать, и отъ той печали пріиде въ великую болѣзнь.

И какъ цесарю сказали, что такое несчастіе учинилось, и брата его Василія въ море бросили, и весма печалился о братѣ своемъ и распалился сердцемъ, скоро велѣлъ собрать войско четырехъ тысячъ и съ войсками послалъ своего генерала и ковалера Флегонта, съ которымъ писалъ королю Флоренскому все подробно объ его адмиралѣ, какъ увезъ прекрасную королевну Ираклію и брата его Василія кинулъ въ море, (за) которое непотребство, при посланномъ его генералѣ и ковалерѣ Флегонтѣ, велѣлъ (бы) съ живого кожу снять и жилы всѣ вытянуть: „А ежели сего не учинишь, то все ваше царство разорю".

Василея же въ томъ маломъ суднѣ принесло къ нѣкоему малому острову, на который островъ вышедъ, нача горко плакати о своемъ несчастіи и призвалъ Господа Бога на помощь, и съ той печали на томъ островѣ уснулъ крѣпкимъ сномъ. [Потомъ Василій добрался до Флоренціи].

По прошестіи же трехъ мѣсяцевъ, какъ Василей во Флоренцію приде, прибылъ флоренской адмиралъ и съ прекрасною королевною Ираклією на пристань, и начаша изъ пушекъ палить и въ барабаны бить и во всякія игры играть. Тогда увѣдалъ король Флоренской, что адмиралъ его дочь, прекрасную королевну Ираклію, привезъ; тотъ часъ и съ королевою своею на пристань поѣхалъ, и увидѣвше дочь свою, отъ радости (нача) горко плакати; а королевна съ печали на силу вышла и ни очемъ ни говоритъ, лицомъ помрачена. Видѣвше отецъ ея и мать и начаша горко плакати и говорить: „Государыня наша, любезная дщерь, прекрасная королевна! Или ты недомогаешь, что ты видомъ очень печальна?" Она же, воздохнувъ жалостно, нача плакати и „рекла: Государь мой батюшка и государыня матушка, нынѣ я вижу васъ, токмо мало порадовалась сердцемъ своимъ, отъ печали своей, которая въ сердце мое вселилась не могу отбыть". И поѣхавши во дворецъ король, и королевна весма была печална и въ черномъ платьѣ.

Потомъ адмиралъ объявилъ королю: „Я королевну взялъ приступомъ". И просилъ адмиралъ королевскаго величества, что ему обѣщена отдать въ

жену, въ чемъ и король свое королевское (слово) не преминетъ. И какъ утро и день наста, къ законному браку совсѣмъ уготовился и пришедъ къ киркѣ; а прекрасную королевну повелѣ убирати въ драгоцѣнное платье королевское. И адмиралъ поѣхалъ со всѣмъ убранствомъ въ киркѣ. [Не хотѣла ѣхать Ираклія, но отецъ настоялъ].

И поѣхали къ киркѣ, какъ стали подъѣзжать близъ той богадѣльни, идѣже россійской матросъ, Василей, взявъ арфу, нача жалобную играть и пѣть арію:

„Ахъ, дражайшая, всего свѣта милѣйшая, какъ ты пребываешь,
А своего милѣйшаго друга въ свѣтѣ жива зрѣти не чаешь!
Воспомяни, драгая, како возмогъ тебѣ отъ морскихъ разбойническихъ рукъ свободити,
А сеи злы губители повелѣ во глубину морскую меня утопити!
Ахъ, прекрасный цвѣтъ, изъ очей моихъ нынче угасаешь,
Меня единаго въ сей печали во гробъ вселяешь.
Или ты прежнюю любовь забываешь,
А сему злому губителю супругою быть желаешь.
Точію сей мой пороль объявляю
И моей дражайшей воспѣваю
Аще и во отечествѣ своемъ у матери пребыти,
Прошу вѣрныя моя къ вамъ услуги не забыти!“

Слышавъ же королевна играюща на арфѣ и поюща къ ней арію, тотъ часъ повелѣ коретѣ стати и разумѣла, что ея вѣрный другъ Василей живъ, повелѣ спросити: кто играетъ. Пажъ пріиде и повѣда, яко нѣкій ковалеръ играетъ. Королевна же изъ кореты тотъ часъ сама встала и желала видѣть, кто играетъ. И какъ увидѣла, что милой ея другъ Василей Ивановичъ, и пришедъ ухвати его, нача горко плакати и во уста цѣловати. И взяла его за руку и посадила въ корету и повелѣ поворотить и ѣхать во дворецъ.

Василей же повелѣ адмирала предъ войскомъ цесарскимъ вывесть и съ живого кожу снять, а генералу цесарскому король Флоренской и Василей даша великія дары и всему войску цесарскому жалованье.

И послѣ той казни король Флоренской дочь свою, прекрасную королевну Ираклію, отпусти съ Василіемъ къ законному браку къ киркѣ. И вѣнчались въ той киркѣ, на которомъ ихъ законномъ бракѣ былъ генералъ цесарской Флегонтъ и всѣ генералы и министры флоренскія. И было великое веселіе во всей Флоренцы три недѣли. И по прошествіи трехъ недѣль генерала цесарскаго и съ войсками Василій отпустилъ въ Цесарію, писалъ съ великимъ благодареніемъ и обѣщался быть самъ къ цесарю.

И какъ къ цесарю генералъ Флегонтъ пріѣхалъ и объявилъ, что Василей Ивановичъ живъ и въ добромъ здоровьи обрѣтается и совокупился законнымъ бракомъ и прекрасную королевну Ираклію взялъ, и подалъ отъ него присланной листъ, который принялъ цесарь, въ великой радости былъ,

что его братъ Василей Ивановичъ живъ, въ добромъ здравіи обрѣтается. Василей спустя время самъ ѣздилъ къ цесарю и благодареніе цесаря за его прежнюю къ себѣ милость получилъ и возвратился во Флоренцыю и поживе въ великой славѣ и послѣ короля Флоренскаго былъ королемъ Флоренскіимъ; и поживе многія лѣта и съ прекрасной королевною Иракліею и потомъ скончался.

Сатиры Антіоха Кантемира.

В. Сиповскій, Исторія русской словесности, ч. II, стр. 32—42.

---

1. На хулящихъ ученіе (къ уму своему).

(По печатной редакціи)

Предисловіе къ читателю.

(Изъ начальной редакціи сатиръ).

Не столько обычаю, сколько нуждѣ послѣдуя, предувѣщаніе сіе пишу. Потребно мнѣ быть показалося, прежде нежели усмотришь стихи мои, предъявить тебѣ, съ какимъ намѣреніемъ они писаны. Ни зависть, ни злоба хулить, охота [1]) принудили меня осмѣять осмѣющихся [2]) ученіемъ; но излишество времени почти понудило къ тому. И такъ все, что я тутъ написалъ, въ забаву писано; между тѣмъ, хотя многіе могутъ въ беззлобныхъ стихахъ моихъ сыскать свое состояніе и нравы изображенные, вѣдали бъ, что я никогда партикулярно не представлялъ себѣ, когда писалъ, характеры, въ сей сатирѣ содержащіе [3]), и слушая злонравіе—не примѣчалъ злонравнаго. Прочіе, кому стихи мои не нравны, того прошу, чтобъ ихъ не читалъ; а кто за нихъ меня хулить станетъ, то помнилъ бы, что дурной лицемъ николи зеркала не любитъ.

Уме недозрѣлый, плодъ недолгой науки!
Покойся, не понуждай къ перу мои руки:
Не писавъ, летящи дни вѣка проводити

[1]) Ни охота.
[2]) Смѣющихся надъ ученіемъ.
[3]) Содержащіеся.

Можно и славу достать, хоть творцомъ [1]) не слыти.
Ведутъ къ ней нетрудные въ нашъ вѣкъ пути многи,
На которыхъ смѣлыя не запнутся ноги:
Всѣхъ непріятнѣе тотъ, что босы [2]) проклали,
Девять сестръ [3]). Многи на немъ силу потеряли,
Не дошедъ; нужно на немъ потѣть и томиться,
И въ тѣхъ трудахъ всякъ тебя, какъ мору, чужится [4]),
Смѣется, гнушается. Кто надъ столомъ гнется,
Пяля на книгу глаза, большихъ не добьется
Палатъ, ни расцвѣченна марморами саду;
Овцы не прибавитъ онъ къ отцовскому стаду.
Правда, въ нашемъ молодомъ монархѣ [5]) надежда
Всходитъ Музамъ немала; со стыдомъ невѣжда
Бѣжитъ его. Аполлинъ [6]) славы въ немъ защиту
Своей не слабу почулъ, чтяща свою свиту

[1]) Авторомъ.
[2]) Бѣдныя.
[3]) Музы.
[4]) Чуждается.
[5]) Петръ II, которому было только 14 лѣтъ.
[6]) Монарха, почитающаго свиту Аполлона (музъ), т.-е. науки.

Видѣвъ его самого, и во всемъ обильно
Тщится множить жителей парнасскихъ онъ сильно:
Но та бѣда, многіе въ царѣ похваляютъ
За страхъ то, что въ подданномъ дерзко осуждаютъ.
Расколы и ереси науки суть дѣти;
Больше вретъ, кому далось больше разумѣти;
Приходитъ въ безбожіе, кто надъ книгой таетъ,—
Критонъ съ четками въ рукахъ ворчитъ и вздыхаетъ,
И проситъ свята душа съ горькими слезами
Смотрѣть, сколь сѣмя наукъ вредно между нами.
Дѣти наши, что предъ тѣмъ тихи и покорны
Праотческимъ шли слѣдомъ, къ Божіей проворны
Службѣ, съ страхомъ слушая, что сами не знали,
Теперь, къ церкви соблазну, Библію честь стали,
Толкуютъ, всему хотятъ знать поводъ, причину,
Мало вѣры подая священному чину;
Потеряли добрый нравъ, забыли пить квасу,
Не прибьешь ихъ палкою къ соленому мясу;
Уже свѣчекъ не кладутъ, постныхъ дней не знаютъ,
Мірскую въ церковныхъ власть рукахъ лишнюю чаютъ,
Шепча, что тѣмъ, что мірской жизни ужъ отстали,
Помѣстья и вотчины весьма не пристали.
Сильванъ другую вину наукамъ находитъ:
Ученіе, говоритъ, намъ голодъ наводитъ;
Живали мы прежъ сего, не зная латынѣ,
Гораздо обильнѣе, чѣмъ живемъ мы нынѣ;
Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали;
Перенявъ чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли.
Буде рѣчь моя слаба, буде нѣтъ въ ней чину,
Ни связи, должно ль о томъ тужить дворянину?
Доводъ, порядокъ въ словахъ подлыхъ [1]) то есть дѣло;
Знатнымъ полно [2]) подтверждать иль отрицать смѣло.
Съ ума сошелъ, кто души силы и предѣлы
Испытаетъ, кто въ поту томится дни цѣлы,
Чтобъ строй міра и вещей вывѣдать премѣну
Иль причину; глупо онъ лѣпитъ горохъ въ стѣну.
Приростетъ ли мнѣ съ того день къ жизни иль въ ящикъ
Хоть грошъ? могу ль чрезъ то узнать, что приказчикъ,
Что дворецкій крадетъ въ годъ? какъ прибавить воду
Въ мой прудъ? какъ бочекъ число съ виннаго заводу?
Не умнѣе, кто глаза, полонъ безпокойства,
Коптитъ, печась при огнѣ, чтобъ вызнать рудъ свойства;
Вѣдь не теперь мы твердимъ, что буки, что вѣди;
Можно знать различіе злата, сребра, мѣди.
Травъ, болѣзней знаніе—все то голы враки;
Глава ль болитъ? тому врачъ ищетъ въ рукѣ знаки;
Всему въ насъ виновна кровь, буде ему вѣру
Нять [3]) хощешь. Слабѣемъ ли, кровь тихо чрезмѣру
Течетъ; если спѣшно, жаръ въ тѣлѣ, отвѣтъ смѣло

---

1) Людей не дворянскаго рода.
2) Достаточно.
3) Яти—взять.

Даетъ, хотя внутрь никто видѣлъ живо тѣло.
А пока въ басняхъ такихъ время онъ проводитъ,
Лучшій сокъ изъ нашего мѣшка въ его входитъ,
Къ чему звѣздъ теченіе числить, и ни къ дѣлу,
Ни къ стати за однимъ ночь пятномъ не спать цѣлу?
За любопытствомъ однимъ лишиться покою
Ища, солнце ль движется, или мы съ землею?
Въ часовникѣ можно честь на всякій день года
Число мѣсяца и часъ солнечнаго всхода.
Землю въ четверти дѣлить безъ Евклида смыслимъ:
Сколько копѣекъ въ рублѣ, безъ алгебры счислимъ.
Сильванъ одно знаніе слично [1]) людямъ хвалитъ.
Что учитъ множить доходъ и расходы малитъ:
Трудиться въ томъ, съ чего вдругъ карманъ не толстѣетъ,
Гражданству вреднымъ весьма безумствомъ звать смѣетъ.
Румяный, трожды рыгнувъ, Лука подпѣваетъ:
Наука содружество людей разрушаетъ;
Люди мы къ сообществу Божія тварь стали [2]),
Не въ нашу пользу одну смысла даръ пріяли.
Что же пользы иному, когда я запруся
Въ чуланъ, для мертвыхъ друзей живущихъ лишуся?
Когда все содружество, вся моя ватага
Будетъ чернило, перо, песокъ да бумага?
Въ весельи, въ пирахъ мы жизнь должны провождати;
И такъ она не долга: на что коротати,
Крушиться надъ книгою и повреждать очи?
Не лучше ли съ кубкомъ дни прогулять и ночи?
Вино даръ божественный, много въ немъ провору:
Дружитъ людей, подаетъ поводъ къ разговору,
Веселитъ, всѣ тяжкія мысли отымаетъ,
Скудость знаетъ облегчать, слабыхъ ободряетъ,
Жестокихъ мягчитъ сердца, угрюмость отводитъ,
Любовникъ легче виномъ въ цѣль свою доходитъ [1]).
Когда по небу сохой бразды водить станутъ,
А съ поверхности земли звѣзды ужъ проглянутъ;
Когда будутъ течь къ ключамъ своимъ быстры рѣки,
И возвратятся назадъ минувшіе вѣки [2]);
Когда въ постъ чернецъ одну ѣсть станетъ вязигу:
Тогда, оставя стаканъ, примуся за книгу.
Медоръ тужитъ, что чрезчуръ бумаги исходитъ
На письмо, на печать книгъ; а ему приходитъ,
Что не во что завертѣть завитыя кудри;
Не смѣнитъ на Сенеку онъ фунтъ доброй пудры;
Предъ Егоромъ [3]) двухъ денегъ Вергилій не стоитъ;
Рексу [4]), не Цицерону, похвала достоитъ.
Вотъ часть рѣчей, что на всякъ день звенятъ мнѣ въ уши;

---

[1]) Прилично.
[2]) Человѣкъ созданъ для общежитія.

[1]) Предыдущіе пять стиховъ подраженіе Горацію (книги 1-й посланіе 5-ое).
[2]) Предыдущіе четыре стиха подражаніе Овидію (7-я элегія).
[3]) Сапожникъ въ Москвѣ.
[4]) Портной въ Москвѣ.

Вотъ для чего я, уме, нѣмѣе быть клуши [1])
Совѣтую. Когда нѣтъ пользы, ободряетъ
Къ трудамъ хвала; безъ того сердце унываетъ.
Сколько жъ больше вмѣсто хвалъ да хулы терпѣти!
Труднѣе то, нежь пьяницѣ вина не имѣти,
Нежьли не славить попу святую недѣлю,
Нежьли купцу пиво пить не въ три пуда хмѣлю.
Знаю, что можешь, уме, смѣло мнѣ представить,
Что трудно злонравному добродѣтель славить,
Что щеголь, скупецъ, ханжа и такимъ подобны
Науку должны хулить,—да рѣчи ихъ злобны
Умнымъ людямъ не уставъ, плюнуть на нихъ можно.
Изряденъ, хваленъ твой судъ, такъ бы то быть должно;
Да въ нашъ вѣкъ злобныхъ слова умными владѣютъ,
А къ тому жъ не только тѣхъ науки имѣютъ
Недрузей, которыхъ я, краткости радѣя [2]),
Исчелъ, иль, правду сказать, могъ исчесть смѣлѣе.
Полно ль того? Райскихъ вратъ ключари святые
И имъ же Ѳемисъ вѣски ввѣрила златые
Мало любятъ, чуть не всѣ, истинну украсу.
Епископомъ хощешь быть? уберися въ рясу.
Сверхъ той тѣло съ гордостью риза полосата
Пусть прикроетъ, повѣсь цѣпь на шею отъ злата,
Клобукомъ покрой главу, брюхо бородою,
Клюку пышно повели везти предъ тобою;
Въ каретѣ раздувшися, когда сердце съ гнѣву
Трещитъ, всѣхъ благословлять нудь праву и лѣву:
Долженъ архипастыремъ всякъ тя въ сихъ познати
Знакахъ, благоговѣйно отцемъ называти.
Что въ наукѣ? что съ нея пользы церкви будетъ?
Иной, пиша проповѣдь, выпись позабудетъ,
Отъ чего доходамъ вредъ; а на нихъ церкви права
Лучшія основаны и вся ея слава.
Хочешь ли судьею стать? вздѣнь перукъ [1]) съ узлами,
Брани того, кто проситъ съ пустыми руками,
Твердо сердце бѣдныхъ пусть слезы презираетъ,
Спи на стулѣ, когда дьякъ выписку читаетъ.
Естьлижъ кто вспомнитъ тебѣ граждански уставы,
Иль естественный законъ, иль народны правы:
Плюнь ему въ рожу; скажи, что вретъ окалесну,
Налагая на судей ту тягоеть несносну,
Что подьячимъ должно лѣсть на бумажны горы [2]);
А судьбѣ довольно знать крѣпить приговоры.
Къ намъ не дошло время то, въ коемъ предсѣдала
Надъ всѣмъ мудрость и вѣнцы одна раздѣляла,
Будучи способъ одна къ вышнему восходу.
Златой вѣкъ до нашего не достигнулъ роду;
Гордость, лѣность, богатство — мудрость одолѣло;

[1]) Клуша (польское сл.)—галка.
[2]) Краткости ради.

[1]) Парикъ.
[2]) Перебирать, читать множество дѣлъ.

Науку невѣжество мѣстомъ ужъ посѣло:
Подъ митрой гордится то [1]), въ шитомъ платьѣ ходитъ,
Судитъ за краснымъ сукномъ, смѣло полки водитъ.
Наука ободрана, въ лоскутахъ обшита,
Изо всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита,
Знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ ея дружбы,
Какъ въ морѣ страдавшіе корабельной службы.
Всѣ кричатъ: никакой плодъ не виденъ съ науки;
Ученыхъ хоть голова полна, пусты руки.
Коли кто карты мѣшать [2]), разныхъ винъ вкусъ знаетъ,
Танцуетъ, на дудочкѣ [3]) пѣсни три играетъ,
Смыслитъ искусно прибрать въ своемъ платьѣ цвѣты;
Тому ужъ и въ самыя молодыя лѣты
Всякая высша степень—мзда ужъ не велика,
Седьми мудрецовъ себя достойнымъ мнить лика.
Нѣтъ правды въ людяхъ, кричитъ безмозглый церковникъ:
Еще не епископъ я, а знаю часовникъ,
Псалтырь и посланія бѣгло честь умѣю,
Въ Златоустѣ [4]) не запнусь, хоть не разумѣю.
Воинъ ропщетъ, что своимъ полкомъ не владѣетъ [5]),
Когда ужъ имя свое подписать умѣетъ.
Писецъ тужитъ, за сукномъ что не сидитъ краснымъ [6]),
Смысля дѣло набѣло списать письмомъ яснымъ.
Обидно себѣ быть мнитъ въ незнати старѣти,
Кому въ родѣ семь бояръ случилось имѣти
И двѣ тысячи дворовъ за собой считаетъ,
Хотя впрочемъ ни читать, ни писать не знаетъ.
Таковы слыша слова и примѣры видя,
Молчи, уме! не скучай, въ незнатности сидя,
Безстрашно того житье, хоть и тяжко мнится,
Кто въ тихомъ своемъ углу молчаливъ таится.
Коли что дала ти знать мудрость всеблагая,
Весели тайно себя, въ себѣ разсуждая
Пользу наукъ; не ищи, изъясняя тую [1])
Вмѣсто похвалъ, что ты ждешь, достать хулу злую.

———

2. На зависть и гордость дворянъ злонравныхъ (1729).

Предисловіе къ читателю.

(По начальной редакціи).

Надѣюся, что между прочими читателями будутъ и такіе, которые, лишь прочтутъ титулъ сатиры, возбунтуются на бѣднаго сатирика. „Что же?“ скажутъ: „ужъ враль сей мѣръ своихъ не знаетъ. Недовольно было того, что сначала хулилъ тѣхъ, которые до наукъ не охотники; теперь еще безъ панцыря противъ дворянъ наступаетъ; напослѣдокъ онъ намъ ничего не оставитъ, что бъ по его мнѣнію можно бы правильно сдѣлать. Кто его поставилъ надъ нами судьею?“ У таковыхъ читателей покорно прошу, чтобъ терпѣливо выслушали короткіе мои резоны, которые я имъ представить имѣю; неправеденъ бо судъ, гдѣ отвѣтчику

[1]) Невѣжество.
[2]) Играть въ карты.
[3]) Косая флейта (flûte traversière), которая была въ великой модѣ и всѣ молодые люди учились играть на ней.
[4]) Толкованіе Евангелія, Златоуста.
[5]) Не командуетъ.
[6]) Что онъ не судья.

[1]) Пользу.

потакаютъ, а челобитчика не слушаютъ.

Въ первой сатирѣ моей если я кого хулилъ, то подлинно такихъ, которые по всему хулы достойны, и нимало я не вышелъ изъ правды предѣловъ; защищалъ науку отъ невѣждъ и непріятелей ея, да не отъ такихъ невѣждъ, которые ничего не знаютъ, но которые ничего знать не хотятъ и для того всякое знаніе хулятъ, проповѣдуя, что оно не только не полезно, но и вредно народу. Согрѣшилъ ли я въ томъ? чаю, нѣтъ. Если убо тогда одну добродѣтель защищая, не согрѣшилъ, виноватъ ли я теперь, когда всѣ вмѣстѣ защищаю? ибо я не благородіе хулить намѣреваюся, но устремляюся противъ гордости и зависти дворянъ злонравныхъ, чѣмъ самымъ всякое благонравіе защищаю. Въ сей сатирѣ говорю, что преимущество благородія честно, и полезно, и знаменито, ежели благородный честные имѣетъ поступки и добрыми украшается нравами, что темнотою злонравія всякаго благородства блистаніе помрачается и что не тому достоинства вышнія приличны, чіе прозвище въ лѣтописцахъ за нѣсколько лѣтъ поминается, но котораго имя праведно въ настоящихъ временахъ хвалено бываетъ; потомъ показываю, что гордость неприлична дворянству и что гнусно дворянину завидовать благополучію подлѣйшихъ себя, коли оные чрезъ добрыя свои дѣла въ честь и славу происходятъ, что должны сами не въ играхъ и уборахъ время свое препровождать, но пóтомъ и мозольми въ пользу отечества доставить себѣ славу; напослѣдокъ насмѣваюся обычаямъ неполезнымъ, которые однакожъ не мѣшаютъ, если къ добродѣтели соединены. Кто за вся сія можетъ на меня правильно гнѣваться? Развѣ тотъ, кто тѣми злонравіями опятнанъ, которыя обличаю. Горацій, описуя разные виды злонравныхъ людей, сими словами періодъ кончаетъ: omnes hi metuunt versis, odere poëta—всѣ сіи боятся стиховъ, ненавидятъ стихотворцевъ [1]). Имъ непріятна добродѣтелей похвала и противна хула злонравій: имъ убо и сатириковъ имя ненавистно. Для того я больше тѣхъ, которые на меня сердитовать станутъ, нежели плачу о себѣ, что въ ихъ гнѣвъ впасть имѣю. На послѣдній ихъ вопросъ, которымъ вѣдать желаютъ, кто меня судьею поставилъ, отвѣтствую: что все, что я пишу—пишу по должности гражданина, отбивая все то, что согражданамъ моимъ вредно быть можетъ. Не для того такую ревность въ себѣ показываю, якобы въ сожалѣніе я пришелъ, видя своего дворянства непорядочное житіе. Не буди того! Но, предуспѣвая злому, то дѣлаю: столь бо гнусными и противными красками описавъ портретъ злонравнаго человѣка дворянина, всякій, чаю, всѣми способами стараться станетъ, чтобъ никое съ нимъ сходство не имѣлъ, отбѣгать всего того будетъ, чтó можетъ ему подобна тому учинить. Напослѣдокъ, желая изъяснить мнѣніе мое о преимуществѣ благородства, предъявляю, что не только оное не презираю, но почитаю и хвалю, яко способъ преизрядный для побужденія къ добродѣтели: ибо мужества, благоразумія, ревности и вѣрности воздаяніемъ обыкло быть благородство. Рѣдко въ наши вѣки добродѣтель за внутреннюю ея самой красоту любятъ; коли добро дѣлаютъ—ждутъ воздаянія, а когда не дѣлаютъ—боятся наказанія; для того имя благороднаго нужно и полезно, ибо такимъ (благородія именемъ) способомъ воздаяніе за добродѣтель продолжается отъ предковъ къ потомкамъ ихъ и отъ настоящихъ къ будущимъ вѣкамъ, и потому безпрестанно тою же дорогою тожъ себѣ проискивать и прочихъ одобряетъ.

---

[1]) **Книги 1-й сатира 4-я.**

Филаретъ и Евгеній.

Филаретъ.

Что такъ смутенъ, дружокъ мой? щеки внутрь опали,
Блѣденъ и глаза красны, какъ бы ночь не спали?
Задумчивъ, какъ тотъ, что чинъ патріаршъ достати
Ища, конный свой заводъ раздарилъ не кстати?
Цугомъ ли запрещено ѣздить, иль богато
Платье носить, иль твоихъ слугъ пеленать въ злато?
Картъ ли не стало въ рядахъ, вина ль дорогова?
Матерь, знаю, и родня твоя вся здорова:
Обильство сыплетъ тебѣ дары полнымъ рогомъ;
Ничто тебѣ не претитъ жить въ покоѣ многомъ.
Чтожъ молчишь? ужъ ли твои уста косны стали?
Не знаешь ты, сколь намъ другъ полезенъ въ печали?
Сколь много здравый совѣтъ полезенъ бываетъ,
Когда тому слѣдовать страсть не запрещаетъ?
А, а! дознаюсь я самъ, что тому причина:
Дамонъ на сихъ дняхъ досталъ перемѣну чина,
Трифону лента дана, Туллій деревнями
Награжденъ; ты съ пышными презрѣнъ именами.
Забыта крови твоей и слава, и древность
Предковъ, къ общества добру многотрудна ревность,
И преимуществъ твоихъ толпа неоспорныхъ;
А зависти въ тебѣ нѣтъ, какъ въ попахъ соборныхъ.

Евгеній.

Часть ты прямо отгадалъ. Хоть мнѣ не завидно,
Чувствую, сколь знатнымъ всѣмъ и стыдно и обидно,
Что кто не всѣ еще стеръ съ грубыхъ рукъ мозоли,
Кто недавно продавалъ въ рядахъ мѣшокъ соли,
Кто глушилъ насъ, „сальные“, крича, „ясно свѣчи
Горятъ“, кто съ подовыми горшкомъ истеръ плечи,
Тотъ, на высоку степень вспрыгнувши, блистаетъ [1]);
А благородство мое во мнѣ унываетъ
И не сильно принести мнѣ никакой польги [2]).
Знатны ужъ предки мои были въ царство Ольги [3])
И съ тѣхъ временъ по сихъ поръ въ углу не сидѣли,
Государства лучшими чинами владѣли.
Разсмотри гербовники, грамотъ виды разны,
Книгу родословную, записки приказны;
Съ прадѣдова прадѣда, чтобъ начать поближе,
Думнаго, намѣстника никто не былъ ниже;
Искусны въ миру, въ войнѣ разсудно и смѣло
Вершили ружьемъ, умомъ не одно тѣ дѣло.
Взгляни на пространныя стѣны нашей залы:
Увидишь, какъ рвали строй, какъ ломали валы [4]).
Въ судѣ чисты руки ихъ, помнитъ челобитчикъ
Милость ихъ, и помнитъ злу остуду [5]) обидчикъ.
А батюшка ужъ всѣмъ верхъ: какъ его не стало,
Государства правое плечо съ нимъ отпало.
Какъ батюшка выѣдетъ, всякъ долой съ дороги

---

[1]) Намекъ на кн. Меньшикова.
[2]) Пользы.
[3]) Жены Игоря.
[4]) Брали приступомъ города.
[5]) Наказаніе, гнѣвъ.

И шапочку снявъ, ему головою въ ноги;
Всегда за нимъ выборна таскалася свита,
Что ни день рано съ утра крестова [1]) набита
Тѣми, которыхъ теперь народъ почитаетъ
И отъ которыхъ нашъ братъ милость ожидаетъ.
Сколько разъ, не смѣя тѣ приступать къ намъ сами,
Дворецкому кланялись съ полными руками?
И когда батюшка къ нимъ промолвитъ хоть слово,
Заторопѣвъ, онѣмѣвъ, слезы у инова
Текли изъ глазъ съ радости; иной не спокоенъ,
Всѣмъ наскучилъ, хвастая, что былъ онъ достоенъ
Съ временщикомъ говорить, и весь веселился
Домъ его, какъ бы имъ кладъ богатый явился.
Самъ ужъ суди, какъ легко мнѣ должно казаться,
Столь славны предки имѣвъ, забытымъ остаться,
Послѣднимъ видѣть себя, куды глазъ ни вскину!

Филаретъ.

Слышалъ я важну твоей печали причину;
Позволь ужъ мнѣ мою мысль открыть и совѣты.
А вѣдай притомъ, что я лукавыхъ примѣты—
Лесть, похлѣбство не люблю; но сердце согласно
Съ языкомъ, что мыслитъ, то сей вымолвитъ ясно.
Благородство, будучи заслугъ мзда, я знаю
Сколь важно, и много въ немъ пользы признаваю.

[1]) Горница, гдѣ были иконы и кресты и гдѣ отправлялись молитвы.

Почесть та къ добрымъ дѣламъ многихъ одобряетъ,
Коль въ награду кто себѣ большей ожидаетъ.
(Сыщешь въ людяхъ таковыхъ, которымъ не дивны
Куча золота, ни домъ огромный, ни льстивый
На пуху покой, ни жизнь сколь бы ни прохладна;
Къ титламъ, къ славѣ до одной всяка душа жадна).
Но тщетно имя оно [1]), ничего собою
Не значитъ въ томъ, кто себѣ своею рукою
Не присвоитъ почесть ту, добыту трудами
Предковъ своихъ. Грамота, плѣснью и червями
Изгрызена, знатныхъ насъ дѣтьми есть свидѣтель;
Благородными явитъ одна добродѣтель [2]).
Презрѣвъ покой [3]), снесъ ли ты самъ труды военны?
Разогналъ ли предъ собой враги устрашенны?
Къ безопаству общества расширилъ ли власти
Нашей рубежъ? Судъ судя, забылъ ли ты страсти?
Облегчилъ ли тяжкія подати народу?
Приложилъ ли къ царскому что ни есть доходу?
Примѣромъ, словомъ твоимъ ободрены ль люди,
Хоть мало очистить злыхъ нравовъ темны груди?
Иль буде случай, младость въ то не допустила,
Есть ли показаться въ томъ впредь воля и сила?
Знаешь ли чисты хранить и совѣсть и руки?

[1]) Дворянство.
[2]) Стихъ Ювенала: Nobilitas sola est atque unica virtus (сатира 8-ая).
[3]) Слѣдующіе 14 стиховъ — подражаніе Буало (5-ая сатира).

Бѣдныхъ жалки ли тебѣ слезы и докуки?
Не завистливъ, ласковъ, правъ, не гнѣвливъ, беззлобенъ,
Вѣришь ли, что всякъ тебѣ человѣкъ подобенъ?
Изрядно можешь сказать, что ты благороденъ,
Можешь счесться Гектору иль Ахиллу сроденъ;
Іулій и Александръ, и всѣ мужи славны
Могутъ быть предки твои, лишь бы тебѣ нравны.
Мало жъ пользуетъ тебя звать хоть сыномъ царскимъ,
Буде въ нравахъ съ гнуснымъ ты не разнишься псарскимъ.
Спросись хоть у Нейбуша [1]), таковы ли дрожжи
Любы, какъ пиво ему, отречется трожжи [2]);
Знаетъ онъ, что пива тѣ славные остатки,
Да плюетъ на то, когда не какъ пиво сладки.
Разнится потомкомъ быть предковъ благородныхъ,
Или благороднымъ быть. Та же и въ свободныхъ
И въ холопахъ течетъ кровь, та же плоть, тѣ жъ кости.
Буквы, къ нашимъ именемъ приданныя [3]), злости
Нашей не могутъ прикрыть; а худые нравы
Истребятъ вдругъ древнія въ умныхъ память славы,
И чужихъ обнажена красныхъ перьевъ галка
Будетъ имъ, съ стыдомъ своимъ и смѣшна и жалка.
Знаю, что неправедно забыта бываетъ
Дѣдовъ служба, когда внукъ въ нравахъ успѣваетъ;

[1]) Генералъ-маіоръ, пріятель Кантемира, великій охотникъ до пива.
[2]) Трижды.
[3]) Титла князя, графа и проч.

Но бѣдно блудитъ [1]) нашъ умъ, буде опираться
Станемъ мы на нихъ однихъ. Столбы сокрушатся
Подъ излишнимъ бременемъ, есть ли сами въ силу
Нужную не приведемъ ту подпору хвилу [2]).
Свѣтлой воды ихъ труды ключъ тебѣ открыли,
И черпать вольно тебѣ, но нужно, чтобъ были
И чаши чисты твои, и нужно сгорбиться
Къ ключу: сама вода въ ротъ твой не станетъ литься.
Ты самъ, праотцевъ твоихъ исчисляя славу,
Призналъ, что та [3]) надлежитъ ихъ дѣламъ и нраву:
Иной въ войнахъ претерпѣлъ нужду, страхъ и раны,
Инымъ въ морѣ недруги валы попраны,
Иной правды вѣсилъ тихъ, бѣгая обиды;
Всѣхъ были различные достоинства виды.
Если бъ ты имъ подражалъ, право бъ могъ роптати,
Что за другими тебя и въ пару [4]) не знати.
Потрись на оселку, другъ; покажи въ чемъ славу
Крови собой и твою жалобу быть праву.
Пѣлъ пѣтухъ, встала заря, лучи освѣтили
Солнца верхи горъ: тогда войско выводили
На поле предки твои [5]); а ты подъ парчею,
Углубленъ мягко въ пуху тѣломъ и душею,
Грозно сопешь. Когда дни пребѣгутъ двѣ доли—

[1]) Заблуждается.
[2]) Хилу.
[3]) Слава.
[4]) Въ поту.
[5]) Подражаніе 8-й сатирѣ Ювенала.

Зѣвнешь, растворишь глаза, выспишься
до воли,
Тянешься ужъ часъ, другой, нѣжишься,
ожидая
Пойла, что шлетъ Индія иль везутъ
съ Китая [1]);
Изъ постели къ зеркалу однимъ
спрыгнешь скокомъ,
Тамъ ужъ въ попеченіи и трудѣ глу-
бокомъ,
Женскихъ достойную плечъ завѣску
на спину
Вскинувъ, волосъ съ волосомъ при-
бираешь къ чину:
Часть надъ лоскимъ лбомъ торчать
будутъ сановиты [2]),
По румянымъ часть щекамъ въ ко-
лечки завиты
Свободно станетъ играть [3]), часть
уйдетъ за темя
Въ мѣшокъ [4]). Дивится тому строе-
нію племя
Тебѣ подобныхъ; ты самъ, новый
Нарцисъ, жадно
Глотаешь очьми себя; нога жмется
складно
Въ тѣсномъ башмакѣ твоя; потъ со
слугъ валится,
Въ двѣ мозоли и тебѣ краса стано-
вится;
Избитъ полъ, и подъ башмакъ стерто
много мѣлу,
Деревню вздѣнешь потомъ на себя
ты цѣлу [5]).
Не столько стоитъ народъ римляновъ
пристойно
Основать, какъ выбрать цвѣтъ и парчу,
и стройно
Сшить кафтанъ по правиламъ щеголь-
ства и моды:
Пора, мѣсто и твои разсмотрѣны
годы [6]),
Чтобъ лѣтамъ сходенъ былъ цвѣтъ,
чтобъ тебѣ по образу
Нѣжну зеленъ въ городѣ не досажалъ
глазу,
Чтобъ бархатъ не отягчалъ въ лѣт-
нюю пору тѣло,
Чтобъ тафта не хвастала среди зимы
смѣло;
Но зналъ бы всякъ свой предѣлъ,
право и законы,
Какъ искусные попы всякаго дни
звоны.
Долголѣтняго пути въ краяхъ чуже-
странныхъ,
Иждивеній и трудовъ тяжкихъ и про-
странныхъ
Дивный плодъ ты произнесъ. Ущербя
пожитки,
Понялъ, что фалды должны тверды
быть, не жидки,
Въ полъ-аршинъ глубоки и ситомъ
подшиты,
Согнувъ кафтанъ, не были бъ станомъ
всѣ покрыты;
Каковъ рукавъ долженъ быть, гдѣ
клинья уставить,
Гдѣ карманъ, и сколько грудь окружа
прибавить;
Въ лѣто или осенью, въ зиму иль
весною
Какую парчу подбить пристойно
какою,
Что приличнѣе нашить, серебро или
злато,
И Рексу лучше тебя знать ужъ труд-
новато.
Въ обѣдъ и на ужинѣ частенько
двоится
Свѣча въ глазахъ, что полъ подъ то-
бой вертится,
И обжирство тебѣ въ ротъ куски
управляетъ.
Гнусныхъ тогда полкъ друзей тебя
окружаетъ,
И, глодая до костей самыхъ, нравъ
веселый,

---

[1]) Кофе или чай.

[2]) Тупей.

[3]) Волосы, на вискахъ завитые.

[4]) Пучокъ, который назади заклады-
вался въ мѣшокъ.

[5]) Богатый кафтанъ, стоящій цѣлой
деревни.

[6]) Правила щегольства обращали вни-
маніе на время года и возрастъ: чело-
вѣку за 20 лѣтъ не позволялось упо-
треблять матерію краснаго и особенно
розоваго цвѣта.

Тщиву душу и въ тебѣ хвалитъ разумъ зрѣлый.
Сладко щекотятъ тебѣ ухо красны рѣчи,
Вздутымъ поднятъ пузыремъ, чаешь, что подъ плечи
Не дойдетъ тебѣ людей все прочее племя.
Оглянись, намѣстниковъ царскихъ чисто сѣмя:
Тотъ же полкъ лишь съ глазъ твоихъ тебѣ ужъ смѣется;
Скоро станетъ и въ глаза; притворство минется,
Когда истощишь твоихъ пожитковъ остатки.
(Боюсь я устъ, что въ лицо точатъ слова сладки).
Ты самъ неотступно то время ускоряешь,
Изъ рукъ ты пестрыхъ пучки бумагъ [1]) не спускаешь.
И мечешь горстью, твоихъ мозольми и пòтомъ
Предковъ скоплено, добро. Деревня со скотомъ
Не первая ужъ пошла въ бережную руку
Того, кто мало предъ симъ кормился отъ стуку
Молота по жаркому въ кузницѣ желѣзу,
Приложился сильный жаръ къ поносному рѣзу;
Часто любишь опирать щеки на грудь бѣлу;
Въ томъ проводишь прочій день [2]) и ночь почти цѣлу.
Но тѣ, кои на стѣнахъ большой твоей залы
Видишь надписи, прочесть трудъ тебѣ не малый;
Чужой глазъ нуженъ тебѣ и помощь чужая
Нужнѣе, чтобъ знать назвать черту, что, копая
Воинъ предъ собой ведетъ [3]), укрываясь, къ валу;

[1]) Карты.
[2]) Остальное время сутокъ.
[3]) Траншея.

Чтобъ различить, гдѣ стѣны часть одна по малу
Частымъ быстро-пагубныхъ пуль ударомъ пала,
Гдѣ грозно, разсѣдшися, земля вдругъ пожрала [1]);
Къ чему тутъ войска одна часть въ четверобочникъ [2])
Строится, гдѣ болѣе нуженъ ужъ спомочникъ
Рѣдкимъ полкамъ, и гдѣ ужъ превосходны силы
Оплошнаго недруга надежду прельстили.
Много вышнихъ требуетъ свойствъ чинъ воеводы
И много разныхъ искусствъ; и входъ, и исходы,
И мѣсто годно къ бою видитъ однимъ взглядомъ.
Лишней безопасности не опоенъ ядомъ,
Остръ, проницаетъ враговъ тайные совѣты,
Временно предупреждать удобенъ навѣты [3]),
О обильности въ своемъ таборѣ [4]) печется
Неусыпно, и любовь ему предпочтется
Войска, и не будетъ имъ за страхъ ненавидимъ;
Отцемъ невинный народъ зоветъ, не обидимъ
Его жадностью, врагамъ однимъ лишь ужасенъ,
Тихимъ нравомъ и умомъ и храбростью красенъ,
Не спѣшитъ дѣло начать; начавъ, производитъ
Смѣло и скоро: не столь бѣгло Перунъ сходитъ,
Страшно гремя. Въ счастіи умѣренъ быть знаетъ,
Терпѣливъ въ нуждѣ, въ бѣдствѣ твердъ не унываетъ.

[1]) Гдѣ стѣна разрушена ядрами или взорвана подкопомъ.
[2]) Въ каре.
[3]) Замыслы.
[4]) Лагерѣ.

Ты тѣхъ добродѣтелей, тѣхъ чуть имя знаній
Слыхалъ ли? Самыхъ числу дивишься ты знаній,
И въ одинъ всѣхъ мозгъ вмѣстить смертныхъ столь мнишь трудно,
Сколь дворецкому не красть, иль судьѣ жить скудно.
Какъ тебѣ ввѣрить корабль, коль лодкой не правилъ?
И хотя въ пруду твоемъ, лишь берегъ оставилъ,
Тотчасъ къ берегу спѣшишь: гладкихъ испугался
Ты водъ. Кто пространному морю первый вдался,
Мѣдное сердце имѣлъ; смерть тамъ обступаетъ
Съ низу, съ верху и боковъ; одна отдѣляетъ
Отъ нея доска, толста пальца лишь въ четыре [1]):
Твоя душа требуетъ разстоянья шире,
И писана смерть [2]) тебя дрожать заставляетъ.
Одинъ холопъ лишь твою храбрость искушаетъ,
Что одинъ онъ отвѣчать тебѣ не посмѣетъ.
Нужно жъ много и тому, кто рулемъ владѣетъ,
Искусствъ и свойствъ съ самаго укрѣпленныхъ дѣтства,
И столь нужнѣй тѣ ему, сколь вящши суть бѣдства
На морѣ, нежь на землѣ. Твари Господь чудну
Мудрость свою оказалъ, во всѣхъ неоскудну
Мѣру поставя частяхъ міра, и межъ ними
Взаимно согласіе, лучами своими
Свѣтила небесныя—желѣзце, немногу
Отъ дивнаго камня взявъ силу—намъ дорогу

1) Предыдущіе 4 стиха — подражаніе Ювеналу (сатира 12).
2) Изображенная на картинѣ.

Надежную въ безднѣ водъ показать удобны [1]);
Небесъ положеніе на землѣ способный
Бываетъ намъ проводникъ, и когда страхъ мучитъ
Грубыхъ пловцевъ, кормчаго искуснаго учитъ
Скрытый камень миновать иль берегъ опасный,
И въ пристань достичь, гдѣ часъ кончится ужасный.
Недруга догнать, надъ нимъ занять вѣтръ способный
И побѣду одержать, вступя въ бой удобный—
Трудъ не малый. На морѣ, какъ на землѣ, тѣ же
Начальниковъ должности: тебѣ еще рѣже
Снились трубы и компасъ, нежъ строй и осада.
За краснымъ судить сукномъ Адамлевы чада
Иль править достоинъ тотъ, чья есть совѣсть чиста,
Сердце къ сожалѣнью склонно, и рѣчиста [2])
Кого деньга одолѣть, ни страхъ, ни надежда
Не сильны, предъ кѣмъ всегда мудрецъ и невѣжда,
Богачъ и нищій съ сумой, гнусна бабья рожа
И краснаго цвѣтъ лица, пахарь и вельможа
Равны въ судѣ, и одна правда превосходна.
Кого не могутъ прельстить въ хитростяхъ всеплодна
Ябеда и ея другъ дьякъ или подьячей,
Чтобъ, чрезъ руки прошедъ, слѣпымъ не сталъ зрячей,
Блюстись долженъ, и самъ знать и листъ и страницу,

1) Два способа направлять корабль: наблюденіе надъ небесными свѣтилами и компасъ.
2) У лакомыхъ судей деньги сильнѣе всякаго довода и потому названы рѣчистыми. *К-ръ.*

Что отъ нападенія сильнаго вдо-
вицу,
Соперника можетъ спасть, и сиротъ
спокойну
Уставить жизнь, предписавъ плутамъ
казнь достойну.
Наизусть онъ знаетъ всѣ естественны
права,
Изъ нашего высосалъ весь онъ сокъ
устава,
Мудры не спускаютъ съ рукъ указы
Петровы,
Коими стали мы вдругъ народъ уже
новый,
Не меньше стройный другихъ, не
меньше обильный,
Завидимъ врагу, и въ немъ злобу унять
сильный.
Можешь ли что обѣщать народу по-
добно?
Бѣдныхъ слезы предъ тобой льются,
пока злобно
Ты смѣешься нищетѣ; каменный ду-
шою,
Бьешь холопа до крови, что махнулъ
рукою
Вмѣсто правой лѣвою (звѣрямъ лишь
прилична
Жадность крови; плоть въ слугѣ твоей
одналична).
Мало, правда, ты копишь денегъ, но къ
нимъ жаденъ:
Мотъ почти всегда живетъ сребро-
любьемъ смраденъ
И все законно онъ мнитъ, что ужъ
истощенной
Можетъ дополнить мѣшокъ; нужды со-
вершенной
Стала ему золота куча, безъ которой
Прохладамъ долженъ своимъ видѣть
конецъ скорой.
Арабскаго языка права и законы
Мнятся тебѣ, дикіе русску уху звоны.
Есть ли въ тѣ чины не гожъ, скажешь
мнѣ, я чаю—
Не хуже Клита носить ключъ золотой
знаю;
Какія свойства его, какая заслуга,
Лучшимъ могли показать изъ нашего
круга?

Клита въ постелѣ застать не можетъ
день новой,
Неотступенъ сохнетъ онъ, зѣвая въ
крестовой,
Спины своей не жалѣлъ, кланяясь и
мухамъ,
Коимъ доступъ дозволенъ къ времень-
щичьимъ ухамъ.
Клитъ остороженъ, свои слова точно
мѣритъ,
Льститъ всякому, никому почти онъ
не вѣритъ,
Съ холопомъ новыхъ людей [1]) дружбу
весть не рдится [2]),
Истинная мысль его прилежно таится
Въ дѣлахъ его. О трудахъ своихъ
онъ не тужитъ,
Идучи упрямо въ цѣль; Клиту сча-
стье служитъ,
Иныхъ свойствъ не требуетъ, кому
оно дружно;
А у Клита безъ того нѣчто ванять
нужно
Тому, кто въ царскомъ прожить домѣ
жизнь уставилъ,
Чтобъ крылья, къ солнцу подшедъ,
мягки не расплавилъ [3]).
Короткій языкъ, лице и радость
удобно
И печаль изображать какъ больше
способно
Въ пользѣ себѣ, по другихъ лицу
примѣняясь.
Честнѣе будетъ онъ другъ, всѣмъ
друженъ являясь;
И много смиреніе, и разсудность
многу
Совѣтую при дворѣ. Лучшую дорогу
Избралъ, кто правду всегда говорить
принялся,
Но и кто правду молчитъ, виновенъ
не стался,
Буде ложью утаить правду не по-
смѣетъ.

---

[1]) Простыхъ, которые дослужились до знатныхъ чиновъ.

[2]) Не краснѣетъ.

[3]) Сатирикъ государя уподобляетъ солцу, а неловкаго придворнаго—Икару, который поднялся къ солнцу на восковыхъ крыльяхъ.

Счастливъ, кто средины той держаться умѣетъ;
Умъ свѣтлый нуженъ къ тому, разговоръ пріятный,
Учтивость приличная, что даетъ родъ знатный,
Ползать не совѣтую, хоть спеси гнушаюсь;
Всего того я въ тебѣ искать опасаюсь.
Словомъ, много о вещахъ тщетныхъ безпокойства,
Но въ тебѣ ни одного нѣтъ хвальнаго свойства.
Исправь себя, и тогда жди, дружокъ, награды;
По тѣхъ поръ, что ты забытъ, не чувствуй досады:
Пороковъ, кои теперь заграждены тѣнью
Стѣнъ твоихъ, не прикроешь высшею степенью.
Чистъ быть долженъ, кто туды, не поблѣднѣвъ, всходитъ,
Куды зоркіе глаза весь народъ наводитъ.
Но положимъ, что твои заслуги и нравы
Достойнымъ являютъ тя лучшей мзды и славы:
Тѣ, кои оной тебя неправо лишаютъ,
Жалки, что пользу свою въ тебѣ презираютъ;
А ты не долженъ судить, судятъ ли тѣ здраво,
Или самъ многимъ себя предпочтешь неправо.
Надъ всѣмъ же тому, кто родъ съ древня начала
Ведетъ, зависть, какъ свиньѣ узда, не пристала,
Еще бъ можно извинить, есть ли знатный тужитъ,
Видя, что счастье во всемъ слѣпо тому служитъ,
Коего сколь теменъ родъ, столь нравы развратны,
Ни отечеству добры, ни людямъ пріятны:
Но когда противное видитъ въ человѣкѣ,
Веселиться долженъ онъ, что есть въ его вѣкѣ
Мужъ таковъ, кой добрыми родъ свой возвышаетъ
Дѣлами, и полезенъ всѣмъ быть начинаетъ.
Что жъ въ Дамонѣ, въ Трифонѣ и въ Туллiѣ гнусно,
Что, какъ награждаютъ ихъ, тебѣ на смерть грустно?
Благонравны тѣ, умны, вѣрность ихъ не мала;
Слава наша съ трудомъ ихъ нѣчто воспріяла.
Правда, въ царство Ольгино предковъ ихъ не знали,
Думнымъ и намѣстникомъ дѣды не бывали,
И дворянства древностью считаться съ тобою
Имъ нельзя; да что съ того? они вѣдь собою
Начинаютъ знатный родъ, какъ въ древніе вѣки
Твои предки, когда Русь стали крестить греки.
И твой родъ не все таковъ былъ, какъ потомъ стался:
Но первый съ предковъ твоихъ, кой дворянинъ звался,
Имѣлъ отца славою гораздо поуже,
Каковъ Трифонъ, Туллій былъ, или и похуже.
Адамъ дворянъ не родилъ, но одному сыну
Жребій былъ копать садъ, пасть другому скотину;
Ной въ ковчегѣ съ собою спасъ все себѣ равныхъ—
Простыхъ земледѣтелей, нравами лишь славныхъ:
Отъ нихъ мы произошли, одинъ поранѣе
Оставя дудку, соху; другой попозднѣе.

Ломоносовъ.

В. Сиповскій, Исторія русской словесности, ч. II, стр. 48—61.

Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія [1]).

1743.

1.

Лице свое скрываетъ день,
Поля покрыла влажна ночь,
Взошла на горы чорна тѣнь,
Лучи отъ насъ прогнала прочь.
Открылась бездна звѣздъ полна:
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.

2.

Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ,
Какъ перстъ между высокихъ горъ,
Такъ гибнетъ въ ней мой умъ и взоръ.

3.

Уста премудрыхъ намъ гласятъ:
Тамъ разныхъ множество свѣтовъ,
Несчетны солнца тамъ горятъ,
Народы тамъ и кругъ вѣковъ:
Для общей славы божества
Тамъ та же сила естества,

4.

Но гдѣ жъ, натура, твой законъ?
Съ полночныхъ странъ встаетъ заря!
Не солнце ль ставитъ тамъ свой тронъ?
Не льдисты ль мещутъ огнь моря?
Се хладный пламень насъ покрылъ!
Се въ ночь на землю день вступилъ!

5.

О вы, которыхъ быстрый зракъ
Пронзаетъ въ книгу вѣчныхъ правъ,
Которымъ малый вещи знакъ
Являетъ естества уставъ,
Вы знаете пути планетъ,
Скажите, что нашъ умъ мятетъ?

6.

Что зыблетъ ясный ночью лучъ?
Что тонкій пламень въ твердь разитъ?
Какъ молнія безъ грозныхъ тучъ
Стремится отъ земли въ зенитъ?
Какъ можетъ быть, чтобъ мерзлый паръ
Среди зимы рождалъ пожаръ?

7.

Тамъ споритъ жирна мгла съ водой;
Иль солнечны лучи блестятъ,
Склонясь сквозь воздухъ къ намъ густой;
Иль тучныхъ горъ верхи горятъ;
Иль въ морѣ дуть престалъ Зефиръ,
И гладки волны бьютъ въ эѳиръ.

8.

Сомнѣній полонъ вашъ отвѣтъ,
О томъ, что окрестъ ближнихъ мѣстъ.
Скажите жъ, коль пространенъ свѣтъ?
И что малѣйшихъ далѣ звѣздъ?
Несвѣдомъ тварей вамъ конецъ,—
Кто жъ знаетъ, коль великъ Творецъ?

---

[1]) По замѣчанію акад. Пекарскаго, ода эта — одно изъ немногихъ вполнѣ самобытныхъ стихотвореній Ломоносова и справедливо считается однимъ изъ лучшихъ въ этомъ родѣ произведеній нашего писателя, самымъ блестящимъ его стихотвореніемъ.

Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ.

1743.

1.

Уже прекрасное свѣтило
Простерло блескъ свой по земли,
И Божія дѣла открыло:
Мой духъ, съ веселіемъ внемли;
Чудяся яснымъ толь лучамъ,
Представь, каковъ Зиждитель самъ!

2.

Когда бы смертнымъ толь высоко
Возможно было возлетѣть,
Чтобъ къ солнцу бренно наше око
Могло, приблизившись, возрѣть;
Тогда бъ со всѣхъ открылся странъ
Горящій вѣчно Океанъ.

3.

Тамъ огненны валы стремятся
И не находятъ береговъ,
Тамъ вихри пламенны крутятся
Борющись множество вѣковъ;
Тамъ камни, какъ вода, кипятъ,
Горящи тамъ дожди шумятъ.

4.

Сія ужасная громада
Какъ искра предъ Тобой одна.
О коль пресвѣтлая лампада
Тобою, Боже, возжена
Для нашихъ повседневныхъ дѣлъ,
Что Ты творить намъ повелѣлъ!

5.

Отъ мрачной ночи свободились
Поля, бугры, моря и лѣсъ,
И взору нашему открылись,
Исполнены Твоихъ чудесъ.
Тамъ всякая взываетъ плоть:
Великъ Зиждитель нашъ Господь!

6.

Свѣтило дневное блистаетъ
Лишь только на поверхность тѣлъ:
Но взоръ Твой въ бездну проницаетъ,
Не зная никакихъ предѣлъ.
Отъ свѣтлости Твоихъ очей
Ліется радость твари всей.

7.

Творецъ, покрытому мнѣ тьмою,
Простри премудрости лучи,
И что угодно предъ Тобою
Всегда творити научи,
И, на Твою взирая тварь,
Хвалить Тебя, безсмертный Царь.

Ода

на день восшествія на всероссійскій престолъ Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, 1747 года [1]).

1.

Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина [2]),
Блаженство селъ, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ
И класы на поляхъ желтѣютъ;
Сокровищъ полны корабли
Дерзаютъ въ море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Твое богатство по земли.

2.

Великое свѣтило міру,
Блистая съ вѣчной высоты
На бисеръ, злато и порфиру,
На всѣ земныя красоты,
Во всѣ страны свой взоръ возводитъ;

---

[1]) Ода названа радостнымъ и благодарственнымъ приношеніемъ русскихъ музъ, подъ которымъ Ломоносовъ разумѣетъ Академію Наукъ, основанную по мысли Петра Великаго, открытую при Екатеринѣ I, оживленную и возстановленную при Елисаветѣ Петровнѣ. По мнѣнію Мерзлякова, высокое достоинство этой оды заключается въ томъ, что въ ней „дышетъ небесная страсть къ наукамъ“.

[2]) Миръ, водворенный Елисаветой Петровной послѣ продолжительныхъ войнъ.

Но краше въ свѣтѣ не находитъ
Елисаветы и тебя.
Ты, кромѣ Той, всего превыше;
Но духъ ея зефира тише,
И зракъ пріятнѣе Рая.

3.

Когда на тронъ Она вступила,
Какъ Вышній подалъ ей вѣнецъ,
Тебя въ Россію возвратила,
Войнѣ поставила конецъ;
Тебя, пріявъ, облобызала:
Мнѣ полно тѣхъ побѣдъ, сказала,
Для коихъ крови льется токъ.
Я Россовъ счастьемъ услаждаюсь,
Я ихъ спокойствомъ не мѣняюсь
На цѣлый западъ и востокъ.

4.

Божественнымъ устамъ приличенъ,
Монархиня, сей кроткій гласъ.
О коль достойно возвеличенъ
Сей день и тотъ блаженный часъ,
Когда отъ радостной премѣны
Петровы возвышали стѣны
До звѣздъ плесканіе и кликъ!
Когда Ты крестъ несла рукою
И на престолъ взвела съ Собою
Добротъ Твоихъ прекрасный ликъ!

5.

Чтобъ слову съ оными сравняться,
Достатокъ силы нашей малъ;
Но мы не можемъ удержаться
Отъ пѣнія Твоихъ похвалъ:
Твои щедроты ободряютъ
Нашъ духъ и къ бѣгу устремляютъ,
Какъ въ понтъ пловца способный вѣтръ
Чрезъ яры волны порываетъ:
Онъ брегъ съ весельемъ оставляетъ;
Летитъ корма межъ водныхъ нѣдръ.

6.

Молчите, пламенные звуки,
И колебать престаньте свѣтъ:
Здѣсь въ мирѣ расширять науки
Изволила Елисаветъ.
Вы, наглы вихри, не дерзайте
Ревѣть, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена.
Въ безмолвіи внимай, вселенна:
Се хощетъ лира восхищенна
Гласить велики имена.

7.

Ужасный чудными дѣлами
Зиждитель мира искони,
Своими положилъ судьбами
Себя прославить въ наши дни;
Послалъ въ Россію Человѣка,
Каковъ не слыханъ былъ отъ вѣка [1]).
Сквозь всѣ препятства онъ вознесъ
Главу, побѣдами вѣнчанну,
Россію варварствомъ попранну
Съ собой возвысилъ до небесъ.

8.

Въ поляхъ кровавыхъ Марсъ страшился,
Свой мечъ въ Петровыхъ зря рукахъ,
И съ трепетомъ Нептунъ чудился,
Взирая на Россійскій флагъ.
Въ стѣнахъ внезапно укрѣпленна
И зданіями окруженна,
Сомнѣнная [2]) Нева рекла:
Или я нынѣ позабылась
И съ онаго пути склонилась,
Которымъ прежде я текла?

9.

Тогда божественны науки
Чрезъ горы, рѣки и моря,
Въ Россію простирали руки
Къ сему Монарху, говоря:
Мы съ крайнимъ тщаніемъ готовы
Подать въ Россійскомъ родѣ новы
Чистѣйшаго ума плоды.
Монархъ къ себѣ ихъ призываетъ;
Уже Россіи ожидаетъ
Полезны видѣть ихъ труды.

---

[1]) Петръ Великій.
[2]) Недоумѣвающая.

10.

Но, ахъ! жестокая судьбина!
Безсмертія достойный Мужъ,
Блаженства нашего причина,
Къ несносной скорби нашихъ душъ,
Завистливымъ отторженъ рокомъ,
Насъ въ плачѣ погрузилъ глубокомъ!
Внушивъ [1]) рыданій нашихъ слухъ,
Верхи Парнасски возстенали,
И Музы воплемъ провожали
Въ небесну дверь пресвѣтлый Духъ.

11.

Въ толикой праведной печали
Сомнѣнный ихъ шатался путь,
И токмо, шествуя, желали
На гробъ и на дѣла взглянуть.
Но кроткая Екатерина,
Отрада по Петрѣ едина,
Пріемлетъ щедрой ихъ рукой.
Ахъ, если бъ жизнь Ея продлилась,
Давно бъ Секвана [2]) постыдилась
Съ своимъ искусствомъ предъ Невой.

12.

Какая свѣтлость окружаетъ
Въ толикой горести Парнассъ?
О коль согласно тамъ бряцаетъ
Пріятныхъ струнъ сладчайшій гласъ!
Всѣ холмы покрываютъ лики,
Въ долинахъ раздаются клики:
Великая Петрова Дщерь [3])
Щедроты Отчи превышаетъ,
Довольство Музъ усугубляетъ
И къ щастью отверзаетъ дверь.

13.

Великой похвалы достоинъ,
Когда число своихъ побѣдъ
Сравнить сраженьямъ можетъ воинъ,
И въ полѣ весь свой вѣкъ живетъ;
Но ратники ему подвластны
Всегда хвалы его причастны,
И шумъ въ полкахъ со всѣхъ сторонъ
Звучащу славу заглушаетъ,
И грому трубъ ея мѣшаетъ
Плачевный побѣжденныхъ стонъ.

14.

Сія Тебѣ единой слава,
Монархиня, принадлежитъ,
Пространная Твоя держава,
О, какъ Тебя благодаритъ!
Воззри на горы превысоки,
Воззри въ поля Твои широки,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, гдѣ Обь течетъ;
Богатство, въ оныхъ потаенно,
Наукой будетъ откровенно,
Что щедростью Твоей цвѣтетъ.

15.

Толикое земель пространство
Когда Всевышній поручилъ
Тебѣ въ счастливое подданство,
Тогда сокровища открылъ,
Какими хвалится Индія;
Но требуетъ къ тому Россія
Искусствомъ утвержденныхъ рукъ.
Сіе злату очиститъ жилу,
Почувствуютъ и камни силу
Тобой возставленныхъ наукъ [1]).

16.

Хотя всегдашними снѣгами
Покрыта сѣверна страна,
Гдѣ мерзлыми борей крилами
Твои взвѣваетъ знамена;
Но Богъ межъ льдистыми горами
Великъ своими чудесами:
Тамъ Лена чистою водой,
Какъ Нилъ, народы напояетъ
И бреги наконецъ теряетъ,
Сравнившись морю широтой.

---

[1]) Услышавъ.
[2]) Древнее римское названіе р. Сены, приведенное вм. Парижа, какъ Нева вм. Петербурга.
[3]) Елисавета Петровна.

[1]) Намекъ на необходимость развитія горныхъ наукъ и металлургіи.

17.

Коль многи смертнымъ неизвѣстны
Творитъ натура чудеса,
Гдѣ, густостью животнымъ тѣсны,
Стоятъ глубокіе лѣса,
Гдѣ въ роскоши прохладныхъ тѣней
На паствѣ скачущихъ еленей
Ловящихъ крикъ не устрашалъ,
Охотникъ гдѣ не мѣтилъ лукомъ,
Сѣкирнымъ земледѣлецъ стукомъ
Поющихъ птицъ не разгонялъ.

18.

Широкое открыто поле,
Гдѣ Музамъ путь свой простирать!
Твоей великодушной волѣ
Что можемъ за сіе воздать?
Мы даръ Твой до небесъ прославимъ,
И знакъ щедротъ Твоихъ поставимъ,
Гдѣ солнца всходъ и гдѣ Амуръ
Въ зеленыхъ берегахъ крутится,
Желая паки возвратиться
Въ Твою державу отъ Манжуръ.

19.

Се мрачной вѣчности запону [1])
Надежда отверзаетъ намъ!
Гдѣ нѣтъ ни правилъ, ни закону,
Премудрость тамо зиждетъ храмъ!
Невѣжество предъ ней блѣднѣетъ;
Тамъ влажная стезя бѣлѣетъ
На встокъ пловущихъ кораблей;
Колумбъ Россійскій черезъ воды
Спѣшитъ въ невѣдомы народы
Сказать о щедрости Твоей [2]).

20.

Тамъ тьмою островов посѣянъ,
Рѣкѣ подобенъ Океанъ;
Небесной синевой одѣянъ,
Павлина посрамляетъ вранъ.
Тамъ тучи разныхъ птицъ летаютъ,
Что пестротою превышаютъ
Одежду нѣжныя весны,
Питаясь въ рощахъ ароматныхъ
И плавая въ струяхъ пріятныхъ,
Не знаютъ строгія зимы.

21.

И се Минерва [1]) ударяетъ
Въ верхи Рифейски [2]) копіемъ,
Сребро и злато истекаетъ
Во всемъ наслѣдіи Твоемъ.
Плутонъ [3]) въ разсѣлинахъ мятется,
Что Россамъ въ руки предается
Драгой его металлъ изъ горъ,
Который тамъ натура скрыла;
Отъ блеску дневнаго свѣтила
Свирѣпый отвращаетъ взоръ.

22.

О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ,
О ваши дни благословенны!
Дерзайте нынѣ, ободрены,
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ [4])
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ [5])
Россійская земля рождать.

23.

Науки юношей питаютъ,
Отраду старымъ подаютъ,
Въ счастливой жизни украшаютъ,

[1]) Завѣсу.
[2]) Россійскій Колумбъ—русскій мореплаватель Берингъ, открывшій между Азіей и Америкой проливъ, названный его именемъ. Строфы эти, по словамъ Галахова, точно предрекаютъ будущую славу русскаго мореплаванія.

[1]) Богини мудрости у древнихъ римлянъ, подъ которой поэтъ разумѣетъ Елисавету Петровну.
[2]) Рифей—древнее названіе Уральскихъ горъ.
[3]) Богъ ада у древнихъ грековъ, мѣстопребываніе котораго въ глубинѣ ада.
[4]) Знаменитый греческій философъ (429—347 до Р. Хр.).
[5]) Знаменитый англійскій астрономъ (1643—1727).

Въ несчастный случай берегутъ;
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха;
Науки пользуютъ вездѣ:
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и наединѣ,
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ.

24.

Тебѣ, о милости Источникъ,
О Ангелъ мирныхъ нашихъ лѣтъ!
Всевышній на того помощникъ,
Кто гордостью своей дерзнетъ,
Завидя нашему покою,
Противъ Тебя возстать войною;
Тебя Зиждитель сохранитъ
Во всѣхъ путяхъ безпреткновенну
И жизнь твою благословенну
Съ числомъ щедротъ Твоихъ сравнитъ.

Къ музѣ.

Изъ Горація.

1747.

Я знакъ безсмертія себѣ воздвигнулъ
Превыше пирамидъ и крѣпче мѣди,
Что бурный Аквилонъ сотрѣть не можетъ,
Ни множество вѣковъ, ни ѣдка древность.
Не вовсе я умру; но смертъ оставитъ
Велику часть мою, какъ жизнь скончаю.
Я буду возрастать повсюду славой,
Пока великій Римъ владѣетъ свѣтомъ.
Гдѣ быстрыми шумитъ струями Авфидъ,
Гдѣ Давлусъ царствовалъ въ простомъ народѣ,
Отечество мое молчать не будетъ,
Что мнѣ беззнатный родъ препятствомъ не былъ,
Чтобъ внесть въ Италію стихи Еольски,
И первому звенѣть Алцейской Лирой.
Взгордися праведной заслугой, Муза,
И увѣнчай главу Дельфійскимъ лавромъ.

Ода

на день восшествія на престолъ Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, 1748 года.

1.

Заря багряною рукою
Отъ утреннихъ спокойныхъ водъ
Выводитъ съ солнцемъ за собою
Твоей державы новый годъ.
Благословенное начало
Тебѣ, Богиня, возсіяло,
И нашихъ искренность сердецъ
Предъ трономъ Вышняго пылаетъ,
Да счастіемъ Твоимъ вѣнчаетъ
Его средину и конецъ.

2.

Да движутся свѣтила стройно
Въ предписанныхъ себѣ кругахъ,
И рѣки да текутъ спокойно
Въ Тебѣ послушныхъ берегахъ;
Вражда и злость да истребится,
И огнь и мечъ да удалится
Отъ странъ Твоихъ и всякій вредъ;
Весна да разсмѣется нѣжно,
И ратай въ нивахъ безмятежно
Сторичный плодъ да соберетъ.

3.

Съ способными вѣтрами споря,
Терзать да не дерзнетъ Борей,
Покрытаго судами моря
Пловущими къ землѣ Твоей.
Да всѣхъ глубокій миръ питаетъ;
Желѣзо браней да не знаетъ,
Служа въ трудѣ безмолвныхъ селъ.
Да злобна зависть постыдится,
И славѣ свѣтъ да удивится
Твоихъ великодушныхъ дѣлъ и т. д.

***

Когда ночная тьма скрываетъ горизонтъ,
Скрываются поля, лѣса, брега и понтъ;
Чувствительны цвѣты во тьмѣ себя сжимаютъ.

От хладу кроются и солнца ожидают.
Но только лишь оно в луга свой луч пролетъ,
Открывшись в теплотѣ сіяетъ каждый цвѣтъ,
Богатства красоты предъ онымъ отверзаетъ
И свой пріятный духъ, какъ жертву изливаетъ.
Подобенъ солнцу Твой, Монархиня, восходъ,
Который освѣтилъ во тьмѣ россійскій родъ;
Усердны предъ Тобой сердца мы отверзаемъ,
И жертву вѣрности нелестной изливаемъ.

———

* * *

Побѣдѣ слѣдуетъ пресвѣтло торжество,
Герой пріемлетъ честь и жертву—божество,
Звучатъ въ полкахъ трубы, на плѣнникахъ оковы,
Въ противничей крови несутъ щиты бойцовъ.
Побѣда Твой восходъ, тріумфъ Твой праздникъ сей.
Монархиня, мы что явимъ къ хвалѣ Твоей?
Не городъ Ты одинъ, нижѐ едино войско
Въ свою пріяла власть чрезъ мужество геройско;
Но царство многихъ царствъ, порфиру и вѣнецъ,
И многи тьмы къ Тебѣ пылающихъ сердецъ;
Не кровію земля кипящей обагрилась,
Но въ радости струяхъ Россія насладилась;
Не ярый насъ страшилъ пожаръ горящихъ стѣнъ,
Но ревностью пылалъ народъ къ Тебѣ вожженъ;
Не тяжкія на насъ въ плѣну звучали узы,
Но съ плескомъ ставили мы вѣрности союзы;
Когда толь радостно Тобой плѣненнымъ быть,
Коль громка похвала побѣду получить!
Богиня! торжествуй тѣмъ долѣе надъ нами,
Чѣмъ выше смертныхъ Ты безсмертными дѣлами!
Торжественны врата, трофеи, колесница,
Въ насъ вѣрныя сердца и радостныя лица.

———

* * *

Кузнечикъ дорогой, сколь много ты блаженъ,
Сколь больше предъ людьми ты счастьемъ одаренъ!
Препровождаешь жизнь межъ мягкою травою
И наслаждаешься медвяною росою.
Хотя у многихъ ты въ глазахъ презрѣнна тварь,
Но въ самой истинѣ ты передъ нами—царь;
Ты—Ангелъ во плоти, иль лучше—ты безплотенъ!
Ты скачешь и поешь, свободенъ, беззаботенъ;
Что видишь,—все твое; вездѣ въ своемъ дому;
Не просишь ни о чемъ, не долженъ никому.

———

О движеніи земли.

Случились вмѣстѣ два астронома въ пиру
И спорили весьма между собой въ жару.
Одинъ твердилъ: земля вертясь вокругъ солнца ходитъ,
Другой, что солнце всѣ съ собой планеты водитъ.
Одинъ Коперникъ былъ, другой былъ Птоломей.
Тутъ поваръ споръ рѣшилъ усмѣшкою своей.
Хозяинъ спрашивалъ: ты звѣздъ теченье знаешь?
Скажи, какъ ты о семъ сомнѣньи разсуждаешь?
Онъ далъ такой отвѣтъ: „Что въ томъ Коперникъ правъ,

Я правду докажу, на солнцѣ не бывавъ:
Кто видѣлъ простака изъ поваровъ такого,
Который бы вертѣлъ очагъ кругомъ жаркого?“

Отрывки изъ „Гимна Бородѣ“.

Не роскошной я Венерѣ,
Не уродливой Химерѣ
Въ гимнахъ жертву воздаю:
Я похвальну пѣснь пою
Волосамъ отъ всѣхъ почтеннымъ,
По груди распространеннымъ,
Что подъ старость нашихъ лѣтъ
Уважаютъ нашъ совѣтъ.

О, сколько въ свѣтѣ ты блаженна,
Борода—глазамъ замѣна!
Люди обще говорятъ
И по правдѣ то твердятъ:
Дураки, врали, пролазы
Были бы безъ ней безглазы:
Имъ въ глаза плевалъ бы всякъ;
Ею цѣлъ и здравъ ихъ зракъ.

Борода въ казну доходы
Умножаетъ по вся годы:
Керженцамъ любезный братъ
Съ радостью двойной окладъ
Въ сборъ за оную приноситъ
И съ поклономъ низкимъ проситъ
Въ вѣчный пропустить покой
Безголовыхъ съ бородой.

Если кто невзраченъ тѣломъ,
Или въ разумѣ незрѣломъ,
Или въ скудости рожденъ,
Либо чиномъ не почтенъ,—
Будетъ взраченъ и разсуденъ,
Знатенъ чиномъ и не скуденъ
Для великой бороды.
Таковы ея плоды!

О, прикраса золотая,
О, прикраса дорогая,
Мать дородства и умовъ,
Мать достатка и чиновъ,
Корень дѣйствій невозможныхъ,
О, завѣса мнѣній ложныхъ!
Чѣмъ могу тебя почтить,
Чѣмъ заслуги заплатить?

Черезъ многіе расчесы
Заплету тебя я въ косы,
И всю хитрость покажу,
По всѣмъ модамъ наряжу;
Черезъ разныя затѣи
Завивать хочу тупеи
Дайте ленты, кошельки
И крупичатой муки!

Ахъ, куда съ добромъ дѣваться?
Всѣ уборы не вмѣстятся:
Для ихъ многаго числа
Борода не доросла.
Я крестьянамъ подражаю
И какъ пашню удобряю!
Борода, теперь прости,
Въ жирной влажности рости!

Изъ Анакреона.

Ночною темнотою
Покрылись небеса,
Всѣ люди для покою
Сомкнули ужъ глаза.
Внезапно постучался
У двери Купидонъ,
Пріятный перервался
Въ началѣ самомъ сонъ.
„Кто такъ стучится смѣло?“
Со гнѣвомъ я вскричалъ;
„Согрѣй обмерзло тѣло,
Сквозь дверь онъ отвѣчалъ.
„Чего ты устрашился?
Я мальчикъ, чуть дышу,
Я ночью заблудился,
Обмокъ и весь дрожу“.
Тогда мнѣ жалко стало,
Я свѣчку засвѣтилъ,
Не медливши нимало,
Къ себѣ его пустилъ.
Увидѣлъ, что крылами
Онъ машетъ за спиной,
Колчанъ набитъ стрѣлами,
Лукъ стянутъ тетивой.

Жалѣя о несчастьѣ,
Огонь я разложилъ,
И при такомъ ненастьѣ
Къ камину посадилъ.
Я теплыми руками
Холодны руки мялъ,
Я крылья и съ кудрями
До-суха выжималъ.
Онъ чуть лишь ободрился,
„Каковъ-то, молвилъ, лукъ?
Въ дождѣ чать повредился“;
И съ словомъ стрѣлилъ вдругъ.

Тутъ грудь мою пронзила
Преострая стрѣла
И сильно уязвила,
Какъ злобная пчела.
Онъ громко разсмѣялся
И тотчасъ заплясалъ:
„Чего ты испугался?“
Съ насмѣшкою сказалъ:
„Мой лукъ еще годится,
„Онъ цѣлъ и съ тетивой;
Ты жъ будешь вѣкъ крушиться
Отнынь, хозяинъ мой“.

О пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ.

Въ древнія времена, когда славянскій народъ не зналъ употребленія письменно изображать свои мысли, которыя тогда были тѣсно ограничены, для невѣдѣнія многихъ вещей и дѣйствій, ученымъ народамъ извѣстныхъ, тогда и языкъ его не могъ изобиловать такимъ множествомъ реченій и выраженій разума, какъ нынѣ читаемъ. Сіе богатство больше всего пріобрѣтено купно съ греческимъ христіанскимъ закономъ, когда церковныя книги переведены съ греческаго языка на славянскій для славословія Божія. Отмѣнная красота, изобиліе, важность и сила эллинскаго слова сколь высоко почитается, о томъ довольно свидѣтельствуютъ словесныхъ наукъ любители. На немъ, кромѣ древнихъ Гомеровъ, Пиндаровъ, Демосѳеновъ и другихъ въ эллинскомъ языкѣ героевъ, витійствовали великіе христіанскія церкви учители и творцы, возвышая древнее краснорѣчіе высокими богословскими догматами и пареніемъ усерднаго пѣнія къ Богу. Ясно сіе видѣть можно вникнувшимъ въ книги церковныя на славянскомъ языкѣ, сколь много мы отъ перевода Ветхаго и Новаго Завѣта, поученій отеческихъ, духовныхъ пѣсней Дамаскиновыхъ и другихъ творцовъ каноновъ видимъ въ славянскомъ языкѣ греческаго изобилія, и оттуда умножаемъ довольство россійскаго слова, которое и собственнымъ своимъ достаткомъ велико и къ пріятію греческихъ красотъ посредствомъ славянскаго сродно. Правда, что многія мѣста оныхъ переводовъ не довольно вразумительны, однако польза наша весьма велика. При семъ хотя нельзя прекословить, что сначала переводившіе съ греческаго языка книги на славянскій не могли миновать и довольно остеречься, чтобы не принять въ переводъ свойствъ греческихъ, славянскому языку странныхъ, однако оныя чрезъ долготу времени слуху славянскому перестали быть противны, но вошли въ обычай. И такъ, что предкамъ нашимъ казалось невразумительно, то намъ нынѣ стало пріятно и полезно.

Справедливость сего доказывается сравненіемъ россійскаго языка съ другими, ему сродными. Поляки, преклонясь издавана въ католицкую вѣру,

отправляютъ службу, по своему обряду, на латинскомъ языкѣ, на которомъ ихъ стихи и молитвы сочинены во времена варварскія, по большей части отъ худыхъ авторовъ, и потому ни изъ Греціи, ни отъ Рима не могли снискать подобныхъ преимуществъ, каковы въ нашемъ языкѣ отъ греческаго пріобрѣтены. Нѣмецкій языкъ по то время былъ убогъ, простъ и безсиленъ, пока въ служеніи употреблялся языкъ латинскій. Но какъ нѣмецкій народъ сталъ священныя книги читать и службу слушать на своемъ языкѣ, тогда богатство умножилось и произошли искусные писатели. Напротивъ того въ католицкихъ областяхъ, гдѣ только одну латынь, и то варварскую, въ служеніи употребляютъ, подобнаго успѣха въ чистотѣ нѣмецкаго языка не находимъ.

Какъ матеріи, которыя словомъ человѣческимъ изображаются, различествуютъ по мѣрѣ разной своей важности, такъ и россійскій языкъ чрезъ употребленіе книгъ церковныхъ по приличности имѣетъ разныя степени: высокій, посредственный и низкій. Сіе происходитъ отъ трехъ родовъ реченій россійскаго языка. Къ первому причитаются, которыя у древнихъ славянъ и нынѣ у россіянъ обще употребительны, напримѣръ: Богъ, слава, рука, нынѣ, почитаю. Ко второму принадлежатъ, кои хотя обще употребляются мало, а особенно въ разговорахъ, однако всѣмъ грамотнымъ людямъ вразумительны, напримѣръ: отверзаю, Господень, насажденный, взываю. Неупотребительныя и весьма обветшалыя отсюда выключаются, какъ: обаваю, рясны, овогда, свѣнѣ и симъ подобныя. Къ третьему роду относятся, которыхъ нѣтъ въ остаткахъ славянскаго языка, то есть въ церковныхъ книгахъ, напримѣръ: говорю, ручей, который, пока, лишь. Выключаются отсюда презрѣнныя слова, которыхъ ни въ какомъ штилѣ употребить непристойно, какъ только въ подлыхъ комедіяхъ.

Отъ разсудительнаго употребленія и разбору сихъ трехъ родовъ реченій рождаются три штиля: высокій, посредственный и низкій. Первый составляется изъ реченій славяно-россійскихъ, то есть употребительныхъ въ обоихъ нарѣчіяхъ, и изъ славянскихъ, россіянамъ вразумительныхъ и не весьма обветшалыхъ. Симъ штилемъ составляться должны греческія поэмы, оды, прозаичныя рѣчи о важныхъ матеріяхъ которымъ они отъ обыкновенной простоты къ важному великолѣпію возвышаются. Симъ штилемъ преимуществуетъ россійскій языкъ передъ многими нынѣшними европейскими, пользуясь языкомъ славянскимъ изъ книгъ церковныхъ.

Средній штиль состоять долженъ изъ реченій больше въ россійскомъ языкѣ употребительныхъ, куда можно принять нѣкоторыя реченія славянскія, въ высокомъ штилѣ употребительныя, однако съ великою осторожностью, чтобы слогъ не казался надутымъ. Равнымъ образомъ употребить въ немъ можно низкія слова, однако остерегаться, чтобы не опуститься въ подлость. И словомъ, въ семъ штилѣ должно наблюдать всевозможную равность, которая особливо тѣмъ теряется, когда реченіе славянское положено будетъ

подлѣ россійскаго простонароднаго. Симъ штилемъ писать всѣ театральныя сочиненія, въ которыхъ требуется обыкновенное человѣческое слово къ живому представленію дѣйствія. Однако можетъ и перваго рода штиль имѣть въ нихъ мѣсто, гдѣ потребно изобразить геройство и высокія мысли; въ нѣжностяхъ должно отъ того удаляться. Стихотворныя дружескія письма, сатиры, эклоги и элегіи сего штиля больше должны держаться. Въ прозѣ предлагать имъ пристойно описанія дѣлъ достопамятныхъ и ученій благородныхъ.

Низкій штиль принимаетъ реченія третьяго рода, то есть, которыхъ нѣтъ въ славянскомъ діалектѣ, смѣшивая со средними, а отъ славянскихъ обще неупотребительныхъ вовсе удаляться, по пристойности матерій, каковы суть комедіи, увеселительныя эпиграммы, пѣсни; въ прозѣ—дружескія письма, описанія обыкновенныхъ дѣлъ. Простонародныя низкія слова могутъ имѣть въ нихъ мѣсто по разсмотрѣнію. Но всего сего подробное показаніе надлежитъ до нарочнаго наставленія о чистотѣ россійскаго штиля.

Сумароковъ.

В. Сиповскій, Исторія русской словесности, ч. II, стр. 63—74.

Оды вздорныя.

Изъ I оды.

Превыше звѣздъ, луны и солнца,
Въ восторгѣ возлетаю нынь;
Изъ горнихъ областей взираю
На полуночный океанъ:
Съ волнами волны тамъ воюютъ,
Тамъ вихри съ вихрями дерутся,
И пѣну плещутъ въ облака.
Льды вѣчные стремятся въ тучи
И ихъ угрюмость раздираютъ
Въ безмѣрной ярости своей и т. д.

Изъ II оды.

Громъ, молніи и вѣчны льдины
Моря и озера шумятъ,
Везувій мещетъ изъ средины
Въ подсолнечну горящій адъ.
Съ востока вѣчно дымъ восходитъ,
Ужасны облака возводитъ
И тьмою кроетъ горизонтъ...
Ефесъ горитъ, Дамаскъ пылаетъ
Тремя Церберъ гортаньми лаетъ,
Средьземный возжигаетъ понтъ и т. д.

Изъ III оды.

Среди зимы, въ часы мороза,
Когда во мнѣ вся стынетъ кровь,
Хочу твою воспѣти, Роза,
Съ Зефиромъ сладкую любовь!
Въ верхахъ Парнасскихъ быстры рѣки,
Цвѣтовъ Царицу вы на вѣки
Взнесите шумно въ небеса;
Стремитесь мысленные взоры,
На многія Парнасски горы
Моря, внимайте, и лѣса! и т. д.

Пѣсни.

Не пастухъ въ свирѣль играетъ,
  Сидя при рѣчныхъ струяхъ,
Не пастухъ овецъ сгоняетъ
  На прекрасныхъ сихъ лугахъ.
Ихъ свирѣли не пронзаютъ
  Тихимъ гласомъ воздухъ такъ:
Трубятъ въ роги и взываютъ
  Здѣсь охотники собакъ.
Вдругъ не стало больше крика,
  Рѣзвой заяцъ поднялся.

Зачинается музыка
  Гончихъ псовъ, въ кустахъ глася̆.
Смѣльства робкой звѣрь прибавилъ,
  Иль отъ страха обомлѣлъ:
Заяцъ островъ свой оставилъ,
  Въ чисто поле полетѣлъ.
Чистымъ полемъ ноги смѣлы
  Унести его хотятъ.
Псы борзые такъ, какъ стрѣлы,
  За врагомъ своимъ летятъ.
Ото всѣхъ онъ удалился
  Непріятелей своихъ:
Лишь Мелампъ за нимъ катился
  И Сильванъ вблизи отъ нихъ и т. д.

———

* * *

Покоривъ мое ты сердце,
Перестань его язвити;
Грудь мою прелестнымъ видомъ
Ты изранила довольно;
Не пора ль мое мученье
Окончати, дорогая,
Не пора ли, дорогая,
Умножать мою надежду?
Обѣщай мнѣ сдѣлать радость,
Ту сладчайшу сдѣлать радость
Всею мыслію которой,
Всѣми чувствами желаю...

———

* * *

Въ рощѣ дѣвки гуляли,
  Калина ли моя, малина ли моя.
И весну прославляли,
  Калина ли и пр.
Дѣвку горесть морила,
  Калина ли и пр.
Дѣвка тутъ говорила:
  Калина ли и пр.
Я лишилася друга,
  Калина ли и пр. [Припѣвъ послѣ каждой строчки].
Вянь, трава чиста луга.
Не всходи, мѣсяцъ ясный.
Не свѣти ты, день красный.
Не плещите вы, воды.
Не пойду въ хороводы.
Не нарву я цвѣточковъ.
Я веселья не знаю.
Другъ, тебя вспоминаю
Я и денно и ночно.
Въ день и въ ночь сердцу тошно.
Я любила сердечно
И любить буду вѣчно.
Сышешь ты дорогую.
Отлучився другую.
Сыщешь милу-прекрасну
И забудешь несчастну.
Та прекрасная будетъ
Да тебя позабудетъ.
Ахъ! а я не забуду,
Сколько жить я ни буду!
Не пойдутъ быстры рѣки
Ко источнику въ вѣки,—
Такъ и мнѣ неудобно
Быть невѣрной подобно!

———

* * *

Не спрашивай меня, что сердце ощущаетъ!
Ты знаешь то уже, что духъ мой возмущаетъ.
Открыта мысль моя, открыть тебѣ мой жаръ
И чувствую внутри несносный я ударъ!
  Не вижу я покою
  Ни въ день себѣ, ни въ ночь;
  Всегдашнею тоскою
  Гоню забавы прочь и т. д.

———

* * *

Когда безстрашна ты, мой свѣтъ, въ очахъ другова,
Онъ смотритъ на себя съ почтеніемъ однимъ.
Пусть тотъ изъ устъ твоихъ не слышитъ жарка слова,
Не мучитъ то его—не властвуешь ты имъ!
  Но, ахъ! моей душою
  Не твой ли взоръ владѣлъ?
  Какъ звать тебя своею
  Я счастіе имѣлъ и пр.

———

* * *

  Савушка грѣшенъ,
  Сава повѣшенъ,
  Савушка, Сава,
  Гдѣ твоя слава?
  Больше не падки

Мысли на взятки,
Савушка, Сава,
Гдѣ твоя слава? и т. д.

———

* * *

Не терзай ты себя:
Не люблю я тебя;
Полно время губить:
Я не буду любить;
Не взята тобой я
И не буду твоя.
Не терзаю себя,
Не люблю я тебя;
Дни на что мнѣ губить:
Я не буду любить,
Не плѣнюсь тобой я:
Тщетна гордость твоя.
А когда премѣнюсь
И къ тебѣ я склонюсь,
Такъ полюбишь ли ты
И сорвешь ли цвѣты?
Я хранить ихъ могла,
Для тебя берегла и пр.

———

Пѣсня XXVIII.

Сокрылись тѣ часы, какъ ты меня искала
И вся моя тобой утѣха отнята:
Я вижу, что ты мнѣ невѣрна нынѣ стала,
Противъ меня совсѣмъ ты стала ужъ не та.
Мой стонъ и грусти люты
Вообрази себѣ,
И вспомни тѣ минуты,
Какъ былъ я милъ тебѣ.
Взгляни на тѣ мѣста, гдѣ ты со мной видалась,
Всѣ нѣжности они на память приведутъ.
Гдѣ радости мои! Гдѣ страсть твоя дѣвалась?
Прошли и въ вѣкъ ко мнѣ обратно не придутъ.
Настала жизнь другая;
Но ждалъ ли я такой!
Пропала жизнь драгая,
Надежда и покой.

Притчи.

Ворона и Лисица.

И птицы держатся людского ремесла:
Ворона сыру кусъ когда-то унесла,
И на дубъ сѣла:
Сѣла,
Да только лишь еще ни крошечки не ѣла.
Увидѣла Лиса во рту у ней кусокъ,
И думаетъ она: „Я дамъ Воронѣ сокъ.
Хотя туда не вспряну,
Кусочекъ этотъ я достану,
Дубъ сколько ни высокъ“.
— „Здорово“, говоритъ Лисица,
„Дружокъ, Воронушка, названая сестрица;
Прекрасная ты птица;
Какія ноженьки, какой носокъ,
И можно то сказать тебѣ, безъ лицемѣрья,
Что паче всѣхъ ты мѣръ, мой свѣтикъ, хороша;
И попугай ничто передъ тобой, душа;
Прекраснѣе сто-кратъ твои павлиньихъ перья:
Нелестны похвалы пріятно намъ терпѣть.
О, если бы еще умѣла ты и пѣть,
Такъ не было бъ тебѣ подобной птицы въ мірѣ!“
Ворона горлушко разинула поширѣ,
Чтобъ быти соловьемъ,
„А сыру“, думаетъ, „и послѣ я поѣмъ;
Въ сію минуту мнѣ здѣсь дѣло не о пирѣ“.
Разинула уста
И дождалась поста:
Чуть видитъ лишь конецъ лисицына хвоста.
Хотѣла пѣть, не пѣла;
Хотѣла ѣсть, не ѣла:
Причина та тому, что сыру больше нѣтъ:
Сыръ выпалъ изъ роту Лисицѣ на обѣдъ.

———

Двѣ дочери подьячихъ.

Подьячій былъ, и былъ онъ добрый человѣкъ,
Чего не слыхано во вѣкъ:
Умъ рѣзвый
Имѣлъ,
Мужикъ былъ трезвый,
И сверхъ того еще писать умѣлъ.
Читатель этому, конечно, не повѣритъ,
И скажетъ обо мнѣ: онъ нынѣ лицемѣритъ;
А мой читателю отвѣтъ:
Я правду доношу, хоть вѣрь, хоть нѣтъ:
Что Хамово то племя,
И что крапивно сѣмя,
И что не возлетятъ ихъ души къ небесамъ,
И что наперсники подьячія бѣсамъ,
Я все то знаю самъ.
Въ убожествѣ подьячева вѣкъ минулъ;
Хотя подьячій сей работалъ день и ночь:
По смерти онъ покинулъ
Дочь,
И могъ надежно тѣмъ при смерти онъ ласкаться,
Что будетъ дочь его въ вѣкъ по міру таскаться.
Другой подьячій былъ, и взятки бралъ:
Былъ пьяница, дуракъ и грамотѣ не зналъ.
Покинулъ дочь и тьму богатства онъ при смерти.
Взяла богатства дочь, а душу взяли черти.
Та дѣвка по міру таскается съ сумой,
А эта чванится въ каретѣ.
О Боже, Боже мой,
Какая честности худая мзда на свѣтѣ!

Хоревъ.

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Оснельда, дочь князя Завлоха, изгнаннаго кн. Кіемъ изъ Кіева, остается плѣнницей во дворцѣ Кія. Его братъ Хоревъ влюбляется въ нее, она въ него. Астрада, мамка княжны, сообщаетъ ей, что отецъ ея Завлохъ идетъ съ войскомъ подъ Кіевъ, чтобы взять ее къ себѣ.

Астрада. Княжна! сей день тебѣ свободу обѣщаетъ,
Въ послѣднія тебя здѣсь солнце освѣщаетъ.
Завлохъ, родитель твой, пришелъ ко граду днесь,
И вооружаются ко оборонѣ здѣсь.
Ужъ носится молва по здѣшнему народу,
Что Кій, страшася бѣдствъ, даетъ тебѣ свободу.
Оснельда. О день! когда то такъ, день радости и слезъ!
Щедрота поздняя разгнѣванныхъ небесъ,
Смѣшенна съ казнію и лютою напастью!
Чрезъ пущую бѣду отверзся путь ко счастью.
Астрада! мнѣ уже свободы не видать,
Я здѣсь осуждена подъ стражею страдать:
Хотя я нѣкую часть вольности имѣю,
И отъ привычки злой претерпѣвать умѣю.
А тамъ... увы!..

Оснельда не рада предстоящему отъѣзду, такъ какъ любитъ Хорева.

Оснельда. Молчи, не представляй мнѣ браковъ,
Несчастной мнѣ къ тому ни малыхъ нѣтъ признаковъ
Довольно: я хочу изъ сихъ противныхъ мѣстъ.
О, жалостна страна! о, горестный отъѣздъ!
Толкуй мои слова, толкуй мои напасти,
И сожалѣй о мнѣ въ такой суровой части.

Астрада. Поняти не могу сей тайны твоея.
Оснельда. Теперь откроется тебѣ душа моя,
Но, ахъ! объемлетъ стыдъ, всѣ мысли днесь мятутся
И рѣчи во устахъ безгласны остаются.
Астрада. Никакъ постигла я? любовь...

Оснельда признается въ своей любви къ Хореву. Астрада указываетъ ей, что она должна идти къ отцу.

Оснельда. Мнѣ памятенъ мой долгъ; пускай сей огнь пылаетъ;
Какія бъ надобно суровости имѣть,
Когда бъ отца могла и не хотѣла зрѣть?
Оснельда только симъ единымъ нынѣ льстится;
Но духъ, мой слабый духъ, и рвется и мутится.
Астрада. Давно ль, съ которыхъ дней ты знаешь эту страсть,
И непорочный духъ позналъ любови власть?
Оснельда. Шесть мѣсяцевъ уже, Астрада, унываю,
И слезъ въ одрѣ моемъ потоки проливаю,
Достоинства его и искрення любовь,
Противъ желанія, зажгли внезапно кровь.
Я стала на него охотнѣе смотрѣти,
Не смысля, что иду въ неисходимы сѣти:
Искала, чтобы мнѣ съ нимъ чаще купно быть,
И время горести скорѣе проводить.
И стало безъ него вездѣ въ-послѣдокъ скучно;
Желала, чтобъ была съ Хоревымъ неразлучно,
И въ то-то время я узнала страсть мою,
Которую еще понынѣ я таю.
Я злилась на себя за сей преступокъ грозно,
И каялась, но что! уже то было поздно.
Къ чему ведетъ меня моя судьбина зла!
Къ такимъ ли днямъ, любовь, во мнѣ ты кровь зажгла!
Несчастливымъ временъ жестоки всѣ премѣны.
О, домъ отцевъ моихъ! о, вы, противны стѣны,
Которыми пришлецъ сей городъ оградилъ!
Земля, въ которой Кій кровавы токи лилъ!
Мѣста, толь много разъ слезами орошенны,
Возлюбленнымъ моимъ Хоревымъ украшенны,
Печалей и утѣхъ собраніе и смѣсь,
Чѣмъ слабая душа обремененна днесь?
Отверзи мнѣ врата любезныя темницы,
И выпусти меня за Кіевы границы!
О честь! о долгъ! любовь! мой князь! родитель мой!
Дѣлите сердце днесь и рушьте мой покой!
А ты, о естество! терпи случаевъ ярость,
И бременемъ своимъ несчастливую старость
Потщися ободрить, какъ бѣдной небеса
Дадутъ на жительство дремучіе лѣса!

Является Хоревъ.

Хоревъ. Готовься къ радостямъ, княжна, въ сей день желанный,
Ужъ часъ приближился, тобой толь часто званный!
Уже открылся путь тебѣ изъ здѣшнихъ стѣнъ,
Ступай и покидай мѣста сіи и плѣнъ;
Родитель твой въ сей день тебя къ себѣ желаетъ,
А Кій, мой братъ, на то уже соизволяетъ.
Внимай изъ устъ моихъ желаемый отъѣздъ;
Но отлучаяся изъ сихъ противныхъ мѣстъ,
Которыя тебя въ неволѣ содержали,
Когда дни счастливы Завлоха пробѣжали.
Хотя единою утробой я рожденъ

Со княземъ, коимъ твой родитель побѣжденъ,
Не ставь меня врагомъ; мной, сколько можно было,
Несчастіе тебя подъ стражею щадило;
Я тщился оное вседневно облегчать...
Ты плачешь; но къ чему такъ сердце отягчать?
Или воспомнила ты Кіеву досаду?
Но я противнаго не подавалъ и взгляду.

Оснельда. Я плачу, что тебѣ безсильна отслужить;
Но вѣрь мнѣ, вѣрь, мой князь, гдѣ я ни буду жить,
Я милостей твоихъ во вѣки не забуду,
И съ ними вспоминать тебя по гробъ мой буду.
О солнце, кое здѣсь въ послѣдній разъ я зрю!
О солнце! ты то зришь, отъ сердца ль говорю!
Въ томъ ты свидѣтель будь, что имя милосердо,
Доколѣ я жива, пребудетъ очень твердо.

Хоревъ. Въ послѣднія уже любезный слыша гласъ,
И видя предъ собой тебя въ послѣдній разъ,
Прошу тебя, скажи, скажи, княжна драгая,
Мои усердія въ умѣ располагая,
Возмогъ ли сердце я твое когда тронуть?
И чувствовала ли твоя хоть мало грудь
Тобой въ моей крови произведенный пламень?
Но можно ль воспалить огнемъ любовнымъ камень?
Я многажды тебѣ горячность открывалъ,
Которою меня твой сильно взоръ терзалъ:
Открытіе сіе мя паче тяготило,
Что слово на него ни разу не польстило;
Но кая красота мнѣ язву подала,
И во отчаянномъ умѣ моемъ жила.
Я чаялъ, я рожденъ къ единой только брани,
Противниковъ карать и налагати дани;
Но богъ любви тобой ту ярость умягчилъ,
Твой взоръ меня вздыхать во славѣ научилъ,
Когда твои глаза надежду мнѣ давали,
А безпристрастныя слова мнѣ сердце рвали:
Я слабости своей стыдился и стеналъ,
И въ горести моей что дѣлати не зналъ!
Противъ тебя, противъ себя вооружался,
И пламень мой тобой вседневно умножался.
Я тщился много разъ, дабы тебя забыть,
И мнился иногда уже свободенъ быть;
Но, вспомнивъ, я опять то чувствовалъ, что страстенъ.
Сей гордый духъ тебѣ сталъ вѣчно быть подвластенъ.

Оснельда. Ахъ! князь, къ чему ужъ то, что я тебѣ мила?
Къ чему тебѣ желать, чтобъ я склонна была?
Не мучь меня, не мучь, не извлекай слезъ рѣки;
Ужъ больше не видать тебѣ меня во вѣки.
Когда тебѣ судьба претитъ меня любить,
Старайся ты меня изъ мысли истребить.

Хоревъ. Коль любишь, такъ скажи, исполнь мое желанье;
Пускай останется хотя воспоминанье.

Оснельда. Люблю... доволенъ ли? поди изъ глазъ моихъ,
Оставь меня въ тоскѣ, останься въ мысляхъ сихъ.
Я всѣ вздыханія твои напрасно трачу.
Мнѣ время отъѣзжать, а я лишь только плачу.
Ищи другой любви; довольно въ свѣтѣ дѣвъ,

Которымъ будетъ милъ любезный мой Хоревъ.
Люби, которая имѣть то счастье станетъ.
А та тебя по гробъ безъ слезъ не воспомянетъ,
Которой эту часть хотѣло небо дать,
Чтобъ ей тебя по смерть любить и не видать.
Хоревъ. Ты любишь, а меня смертельно поражаешь?
Ты плачешь, а сама отселѣ отъѣзжаешь?
О боги! о княжна! имѣйте жалость днесь!
Пребудь надъ градомъ свѣтъ! княжна, останься здѣсь!
Оснельда. Мой рокъ такой, чтобъ я Хорева покидала,
И чтобъ его во вѣкъ отнынѣ не видала.
Хоревъ. Вѣщаешь о любви ты, только мнѣ маня!
Оснельда. Какъ я тебя люблю, люби ты такъ меня:
Или не вѣрь, имѣй неправедныя мысли,
И мнѣ еще сію бѣду къ бѣдамъ причисли.
Какихъ ты требуешь свидѣтелей глазамъ,
Когда не вѣришь ты ни стону, ни слезамъ!
Хоревъ. Чего желается, и что намъ столь пріятно,
То кажется всегда намъ быть невѣроятно,
И зрится, какъ во снѣ; но, о престрашный сонъ!
Какое множество въ семъ счастіи препонъ!
Пріятные часы! вы щедры мнѣ и люты:
Какими я могу назвать сіи минуты?
Несчастными почесть? мнѣ много счастья въ нихъ.
За счастливы принять? что злѣй минутъ мнѣ сихъ!
Оснельда, если бракъ любви не разрушаетъ,
И должность пламени въ крови не угашаетъ,
Почто творити намъ другъ другу стонъ?
И что препятствуетъ взойти тебѣ на тронъ,
Который ждетъ меня?.. Ты мнѣ не отвѣчаешь;
Иль скипетръ и въ моихъ рукахъ противнымъ чаешь?
Оснельда. Престань себѣ, мой князь, надеждою сей льстить,
И ахъ! престань, престань мой разумъ симъ мутить.
Судьба меня съ тобой на вѣки раздѣлила,
И тщетно насъ любовь съ тобой соединила.
Какъ буду я имѣть въ одрѣ моемъ того,
Чей съ трона братъ отца низвергнулъ моего,
И трупы братіевъ моихъ влачилъ безстыдно,
Взирая на престолъ Завлоховъ звѣровидно:
Гражданъ безъ жалости казнилъ и разорилъ,
И кровью нашею весь городъ обагрилъ!
Оснельду въ пеленахъ невольницей оставилъ.
Перунъ! почто меня отъ смерти ты избавилъ:
А жизнь оставя, далъ ты чувствовати честь?
Или, чтобъ было мнѣ труднѣе иго несть!
Мнѣ бъ лучше умереть, какъ жити во неволѣ
И зрѣти хищника на отческомъ престолѣ.

Хореву приходитъ мысль, что, быть можетъ, бракъ его съ Оснельдой прекратитъ войну.

Хоревъ. Поди, дражайшая, и грамоту готовь,
Пиши къ родителю, что вложитъ въ умъ любовь.

Изобрази отцу, стоящу въ ратномъ полѣ,
Что кровь его опять здѣсь будетъ на престолѣ,
И плѣнники своихъ покинутъ тягость узъ,
Когда совокупитъ желанный насъ союзъ.
Посолъ тебѣ въ сей часъ, любезная, предстанетъ.
Увы! когда моя надежда мя обманетъ!

Сталверхъ уговариваетъ Кія не отпускать Оснельды къ Завлоху, такъ какъ тотъ собирается обмануть его и имѣетъ сообщника въ Хоревѣ.

Кій. Чѣмъ можешь ты меня, Сталверхъ, увѣрить въ томъ?
И предвѣщаешь ты, скажи какой мнѣ громъ?
Сталверхъ. Внемли, что я внималъ, и разсуждай безстрастно,
Правдиво ли мое сомнѣнье иль напрасно:
Когда я шелъ сюда, Хоревъ отселѣ шелъ,
И изъ чертоговъ сихъ съ собой Оснельду велъ,
Которая тебя убійцемъ называла,
И, плача, вотъ какой совѣтъ она давала:
„Коль надобна, мой князь, любовь моя,
Такъ будь Завлоху другъ, а я—по смерть твоя".
Услыша странное, я тотчасъ утаился,
Чтобъ ясно разговоръ начатый мнѣ открылся.
Онъ ей отвѣтствовалъ: „Что злѣй сего сказать!
Я кровь отцевъ твоихъ взнесу на тронъ опять!
И, воспріявъ съ тобой страны сея державу,
Твой родъ возобновлю, воздвигну падшу славу".
Кій. Сталверхъ! ты вѣренъ мнѣ; но дѣло таково
Восходитъ выше силъ понятья моего.
Кому на свѣтѣ семъ вдругъ вѣрити возможно?
Хочу равно и ложь и истину внимать,
И слѣпо никого не буду осуждать.
Мятусь и лютаго злодѣя видя въ горѣ.
Князь—кормщикъ корабля, власть княжеская—море,
Гдѣ вѣтры, камни мель препятствуютъ судамъ,
Желающимъ пристать къ покойнымъ берегамъ.
Но часто кажутся и облаки горами,
Летая вдалекѣ по небу надъ водами,
Которыхъ кормщику не должно обѣгать;
Но горы ль то иль нѣтъ—искусствомъ разбирать.
Хоть всѣ бъ вѣщали мнѣ: тамъ горы, мели тамо,
Когда не вижу самъ, плыву безъ страха прямо.

Кій отправляетъ Хорева въ походъ на Завлоха.

Кій. Примай оружіе, се долгъ тебя зоветъ,
И слава на поляхъ тебя съ побѣдой ждетъ,
Котора много разъ вѣнцы тебѣ сплетала,
Когда твоя рука въ народы смерть метала.
Вели въ трубы гласить, и на враговъ возстань,
Кинь въ вѣтры знамена и исходи на брань.
Ступай и побѣди и возвратися славно,
Какъ съ Скиѳскія войны подъ лаврами недавно.
Хоревъ. Наукѣ бранной ты Хорева самъ училъ,
Я имя славное тобою получилъ.
И ты пять лѣтъ мнѣ самъ свидѣтель былъ вседневно,
Страшился ль я когда враговъ во время гнѣвно?
Какъ сталъ ты немощенъ, я твой намѣстникъ сталъ,
И воинствомъ уже я самъ повелѣвалъ.
Въ трудахъ и подвигахъ возросъ и укрѣпился
И безпокойствовать безскучно научился.

Но сколько воиновъ смерть алчна пожрала?
Возбудитъ ли вдовамъ супруговъ ихъ хвала,
Что въ мужествѣ своемъ съ мечьми въ рукахъ заснули,
И трубы ихъ въ крови противничей тонули?
Колико въ снѣдь звѣрямъ отцевъ, супруговъ, чадъ,
Повержено мечемъ? колико душъ взялъ адъ?
Когда на жертву насъ злой смерти долгъ приноситъ,
Помремъ; но жертвы сей она теперь не проситъ.
Когда народъ спасти не можно безъ нея,
Мы въ пропасть снидемъ всѣ, и первый сниду я:
Но нынѣ страха нѣтъ народу и коронѣ;
А мечъ дается намъ лишь только къ оборонѣ.

Изъ бесѣды съ Хоревомъ Кій выноситъ убѣжденіе, что онъ никакихъ измѣнъ не затѣваетъ.

Кій (одинъ). Нельзя повѣрити, чтобъ онъ измѣнникъ былъ,
И чтобы милости родительски забылъ;
Противну честности всегда любовь безмочна:
Хоревова душа чиста и непорочна.

Происходитъ прощаніе Хорева съ Оснельдой; для него долгъ гражданина выше частныхъ интересовъ; онъ идетъ на войну, хотя это причиняетъ горе его возлюбленной. Оснельда въ отчаяніи.

Оснельда. Хотя душа чиста, но погибаетъ слава.
И, можетъ быть, ужъ я дѣйствительно грѣшу,
Что я въ дѣвичествѣ симъ пламенемъ дышу.
А свѣтъ, превратный свѣтъ, того не разсуждаетъ,
Не праведнымъ судомъ, но злобой осуждаетъ.
О нравы грубые! о дни! о времена!
Щедрота, истина суть праздны имена.
Злодѣйство въ жизни сей безпрестанно299 жаждетъ,
А бѣдная душа, живуща въ тѣлѣ, страждетъ.
О чемъ жалѣемъ мы, что наша жизнь кратка,
И чѣмъ намъ кажется она быть толь сладка?
Приди, желанна смерть! закрой слезящи очи!
И раствори врата Оснельдѣ вѣчной ночи!
Но что сіе есть смерть? порогъ изъ свѣта вонъ:
Животъ мечтаніе и преходящій сонъ.
А ты, о счастливыхъ дражайшая утѣха,
Любовь! прости; мнѣ нѣтъ, мнѣ нѣтъ въ тебѣ успѣха.
Возлюбленнѣйшій зракъ! престань мечтаться мнѣ;
Не пригвождай меня къ мучительной странѣ!
Не пригвождай моихъ смущенныхъ мыслей къ свѣту,
И тщетно не давай пріятнаго обѣту!
Подите отъ меня вы, нѣжны мысли, прочь,
Не представляйте мнѣ бѣдою тиху ночь!
Не рушьте моего желаннаго покою!
Да нетрепещущей скончаю жизнь рукою.
А ты родителю дай знать...

(Возноситъ руку съ приготовленнымъ кинжаломъ).

Астрада (отъемлетъ кинжалъ изъ рукъ ея). Дай смерть себѣ,
Коль хочешь, чтобъ Хоревъ послѣдовалъ тебѣ.
Оснельда. Какое имя ты, Астрада, вспоминаешь!
Почто мои стези ко смерти препинаешь?
Иль кажется тебѣ, что мало въ жизни мукъ?
Астрада. Но срамно умереть своихъ убійствомъ рукъ.
Оснельда. Когда нѣтъ области надъ жизнію своею,

Такъ что жъ осталося подъ властію моею?

Астрада. Хоревъ, которому сей градъ и вся страна
Отдастся въ власть, когда взойдетъ его луна,
И придутъ дни его.

Оснельда. Хоревъ моимъ не будетъ
И, упованія лишась, меня забудетъ,
А честь владычества съ иною раздѣлитъ.
Но, ахъ! не то, не то стонати мнѣ велитъ:
Не скипертъ, не вѣнецъ мнѣ льститъ въ отцовомъ градѣ,
Я съ нимъ готова бъ жить въ убогомъ стадѣ,
Питаться биліемъ, едину воду пить.
Хотѣла одного, чтобы только съ нимъ мнѣ быть.

Сталверхъ продолжаетъ обвинять Хорева и Оснельду и приводитъ даже свидѣтелей.

Кій. Что мы не въ строгости Оснельду содержали,
Вотъ съ милости плоды какіе мы пожали.
А ты, о лютый звѣрь, съ главы того вѣнецъ
Снимаешь дерзостно, кто былъ тебѣ отецъ.
Льзя ль чаять было мнѣ, чтобъ сдѣлалъ ты измѣны!
Падите на меня, о вы, чертожны стѣны,
Которы видѣли младенчество его,
Что я его ростилъ, какъ сына своего!
Не сына, но змѣю мнѣ время днесь являетъ,
Которая меня злымъ жаломъ уязвляетъ.
Ни самый лютый тигръ толь жестокъ можетъ быть.
Но, ахъ! къ чему слова въ сей крайности плодить.
Введи княжну сюда окованну съ собою,
Да мой умножитъ гнѣвъ жестокою судьбою,
И милосердіе во злобу претворитъ,
Которое о ней мнѣ въ сердце говоритъ.
Какую чувствую я въ сердце жалость болѣ!
Или ее хочу оставить на престолѣ,
Чтобъ, область восприявъ съ Хоревомъ въ сей странѣ,
За милосердіе она ругалась мнѣ!

Оснельда. Спѣши, желаемый, ко мнѣ, мракъ вѣчной ночи!
Закройтеся скорѣй мои слезящи очи!
Казни, я милости просити не хощу!
Казни, я горькій духъ безстрашно испущу!

Кій. Принудивъ власть мою на мщенье правосудно,
Ты въ то меня ввела, что щедролюбцамъ трудно
И гнусно естеству. Свирѣпая, твой взглядъ
Оставитъ по тебѣ потомкамъ вѣчный смрадъ.
Нѣтъ, ты не отъ людей на свѣтъ произведенна,
Ты лютой львицею въ глухихъ лѣсахъ рожденна,
Или воспитанна ты тигриннымъ млекомъ...

Оснельда. Престань, о государь, во гнѣвѣ, быть такомъ,
Или свершай свой гнѣвъ, оставя брани, дѣломъ,
И разлучай мою несчастну душу съ тѣломъ!
Когда противъ тебя содѣлала я что,
Я вся въ твоихъ рукахъ, карай меня за то!

Кій. Не умножай во мнѣ ты больше гнѣва люта!
И такъ, твоя пришла послѣдняя минута.
Хотя въ Хоревѣ ты измѣнника нашла,
Не думай, чтобы ты на Кіевъ тронъ взошла.

Оснельда. Хоревъ измѣнникъ сталъ! Хоревъ тебѣ невѣренъ!
Ахъ, князь! твой жаркій гнѣвъ напрасенъ иль чрезмѣренъ.

Кій. Ты хочешь оправдать измѣнника сего,
Врага отечества и друга своего?
Страшись!

Оснельда. Не мни, чтобъ я свирѣпствъ твоихъ боялась:

Или бы съ жизнію скорбяща разставалась.
Я въ бѣдности, въ плѣну, я въ узахъ въ сей странѣ;
Но смерть трепещуща приближится ко мнѣ
И робко разлучитъ мое съ душою тѣло,
Увидючи меня на гробъ мой зрящу смѣло.
Стремися жизнь отнять, стремися, погубляй,
И всѣ свирѣпости свои на мнѣ являй:
Ты можешь покарать, коль хочешь, мя безвинно;
Но, ахъ! противъ его вставать тебѣ безчинно.
Кій. Но сожалѣніе толикое о немъ
Родилось отъ чего въ плѣненіи твоемъ!
Оснельда. Одна ль его чту я? онъ милъ всему народу,
А мнѣ, содержанной въ плѣну, давалъ свободу.
Не симъ ли, государь, ты тако прогнѣвленъ,
Что сей герой легчилъ нечастной дѣвы плѣнъ?
Но ты все съ нами былъ, и все то прежде видѣлъ;
Что сдѣлалось, что насъ ты вдругъ возненавидѣлъ?
Я плѣнница, но въ чемъ виновенъ сей герой?
Ахъ! развѣ въ томъ, что шелъ противъ меня на бой?
Кій. Хоревъ съ тобой меня съ престола свергнуть тщится.
Но тщетно то ему къ твоей надеждѣ снится;
Не буду я рабомъ...
Оснельда. Далеко отъ того:
Обманываешься.
Кій. Такъ для ради чего
Невольникъ посланъ былъ, Велькаромъ свобожденный,
Къ бездѣльству твоего Хорева учрежденный?
Оснельда. Ты самъ себя бранишь, невиннаго браня:
Довольно и того, что ты винишь меня!
И я молчаніе невольно оставляю,
И таинство души предъ всѣми объявляю:
Твой братъ мнѣ милъ, и я мила ему равно,
Любовь сія въ сердцахъ несчастливыхъ давно.
И ежели она во гнѣвъ тебя приводитъ,
Пускай отмщеніе на мя одну исходитъ.
Я дщерь Завлохова, такъ ты врагомъ мя числь,
Не мни лишь ты, чтобъ онъ имѣлъ толь злую мысль.
Затѣмъ къ родителю Оснельда посылала,
Что брата твоего въ супружество желала;
Но, ахъ! родитель мя къ тому не допустилъ;
Завлохъ Хорева мнѣ любити воспретилъ.
Кій. Яви мнѣ грамоту, я прежде не повѣрю.
Оснельда. Клянуся всѣмъ, что есть, что я не лицемѣрю:
А грамота сія тогда же раздрана,
Когда печальная мной вѣсть получена,
Чтобъ я въ продерзости, котору сдѣлать смѣла,
Изобличенія передъ глазами не имѣла.
Казни меня, казни, и смертью затуши
Воспламененіе несчастныя души;
Лишь, ахъ! въ отмщеніи имѣй ты мѣру гнѣва,
И сей возженный огнь оставь въ крови Хорева.
Но, о дражайшій князь! возможешь ли ты снесть!
Услышавъ обо мнѣ сію печальну вѣсть,
Уже тебя я зрю слезами окропленна,
Въ тоскѣ, въ безпамятствѣ, въ напасти утопленна.
Снеси, возлюбленный, снеси печаль сію:
Останься живъ, прими изъ ада тѣнь мою,
Вмѣсти мой духъ въ себѣ во знакъ любви нелестной
И сопряги съ собой остатокъ сей безвѣстной.

Не дай мнѣ въ жалобахъ на Кія пребывать,
И тѣни, ахъ! моей и тамо унывать!
Кій. Но кое слово ты о Кіѣ износила,
Какъ ты любезнаго о чемъ-то тамъ просила?
Мнѣ все извѣстно то.
Оснельда. Ахъ, развѣ томный умъ,
Исполненъ множествомъ моихъ печальныхъ думъ,
Прешедшія бѣды, рабовъ моихъ желѣзы,
И настоящу брань, мои всегдашни слезы,
Къ смятенію души стенящей представлялъ:
И нѣчто мой языкъ въ забвеніи являлъ.

Кій говоритъ Сталверху нѣчто на ухо. Сталверхъ выходитъ, а Кій потомъ.

Не жди, лукавая, въ обманахъ сихъ успѣха;
Погибла вся твоя надежда и утѣха,
И смерть твоя близка.
Оснельда. Чего мнѣ больше ждать?
Но нечего уже мнѣ смерти злой отдать;
Родительскій престолъ, владычество, держава,
Величество мое и наша прежня слава, —
Давно въ твоихъ рукахъ; духъ встрѣтить смерть готовъ,
И взять ужъ нечего ей, кромѣ сихъ оковъ.
На что мнѣ больше жить? безстрашно умираю.
Но, ахъ! когда о томъ я мысли простираю,
Что въ подозрѣніи останется Хоревъ...
Смягчи, о государь, къ нему напрасный гнѣвъ!
Кій. Ты хочешь мнѣ еще предписывать уставы?
Оснельда. Дѣла предъ свѣтомъ всѣмъ его явятся правы,
И нѣтъ опасности мнѣ въ томъ, о чемъ прошу;
Лишь симъ прошеніемъ невинность поношу.
Когда придетъ во градъ подъ лавровой короной,
Въ великолѣпіи, на колесницѣ оной,
За коей плѣнниковъ несчастныхъ повлекутъ
И между коими Завлоха нарекутъ, —
Тогда ты варварство содѣлано вспомянешь;
Но тщетно обо мнѣ тогда жалѣти станешь.
Кій. Умри, обманщица: вступите, стражи, къ ней.
Возьмите.
Вы хотя теперь душѣ моей,
Въ глубокихъ пропастяхъ стенящіе тираны
И моющіе слезъ потокомъ оны раны,
Которы на земли пріяты суть отъ васъ,
Подайте варварства на сей жестокій часъ,
Чтобъ могъ свершити я намѣреніе строго!
О слава! тронъ! вѣнецъ! Вы стоите мнѣ много!
Подай сей кубокъ ей: скажи — се мзда ея,
Къ чему приведена теперь душа моя.
О боги, можете ль сію вы злобу видѣть!
И небо и земля мя должны ненавидѣть.
Но можно ли царю безчестіе снести!
Никакъ нельзя тебя, Оснельда, мнѣ спасти.
Между какими я уже въ числѣ князями!
Я вашими иду, мучители, стезями.
Но льзя ли требовать, чтобъ я ее жалѣлъ!
Поди и исполняй, что я тебѣ велѣлъ.
О время тяжкое порфиры и короны!
Законодавцу всѣхъ труднѣй его законы.
Во всей подсолнечной гремитъ монарша страсть,
И превращается въ тиранство строга власть;
А милость винному, преступнику прощенье
Нерѣдко и царю, и всѣмъ въ отягощенье.

Но мѣры правоты всегда ли льзя найти,
По коей къ общему блаженству мочь идти,
Потребно множество монарху проницанья:
Коль хочетъ онъ носить вѣнецъ безъ порицанья,
И если хочетъ онъ во славѣ быти твердъ,
Быть долженъ праведенъ, и строгъ, и милосердъ.
Уподоблятися правителямъ природы,
Какъ должны подражать ему его народы.
Но коей радости въ побѣдѣ нынѣ жду?
Почто въ желанный гробъ толь медленно иду?
Что вижу я!

Хоревъ побѣждаетъ Завлоха, Кій удостовѣрился въ невинности Хорева и хочетъ остановить казнь Оснельды. Велькаръ разсказываетъ о сраженіи:

О если бъ, государь, дѣла его ты зрѣлъ!
Еще полки на брань не двинулись изъ града,
Завлохъ ужъ былъ у стѣнъ, и началась осада.
Тронулось воинство; но ужъ у каждыхъ вратъ
Спиралися враги, бросая смерть во градъ.
Что сила мужества собраніемъ поздала,
Побѣда, ждуща насъ, насъ страхомъ обуздала.
И какъ уже Завлохъ во градъ войти хотѣлъ,
Хоревъ, зря бѣдство то, противъ него летѣлъ.
Встрѣчается; разитъ со мужествомъ премногимъ:
Такъ средь шумящихъ водъ, волнамъ противясь строгимъ,
Корабль, отвсюду ждущъ погибелей своихъ,
Дерзаетъ на валы и попираетъ ихъ.
Ихъ стрѣлы такъ, какъ градъ, противу насъ неслися,
Казалося, поля отъ ужаса тряслися.
Воспоминаніемъ прешедшія войны,
Гдѣ гибли чада ихъ, родители, жены.
Они на грозну смерть съ безстрашіемъ бѣжали:
Летѣли помереть и смерть уничтожали.
Князь малое число людей съ собой имѣлъ,
И противъ съ ними онъ великой бури шелъ.
Хорева дѣйствія безстрашны показали,
Увидѣли враги—то онъ, то онъ, сказали:
Метались на него; но смерть на мѣстѣ семъ
Ужасна имъ была съ Хоревовымъ мечемъ.
Хотя они его отвсюду окружали,
Но руки надъ главой его съ мечьми дрожали,
Когда ихъ дерзости сопротивлялся рокъ,
И лился отъ меча острѣйша кровный токъ.
Несется страшный гласъ по воинству во градѣ:
Хоревъ сражается и у враговъ въ осадѣ.
Сей гласъ, стенящій гласъ, какъ нѣкій новый богъ,
Воинскія сердца еще жарчае жегъ.
Приходитъ новая во всѣ ихъ сила члены,
И, вмѣсто вратъ, пути творятъ себѣ чрезъ стѣны.
Стремятся времена продлити дней драгихъ,
Текутъ во множествѣ, гдѣ гибнетъ счастье ихъ:
На копья, на мечи свергаются съ размаху,
Не чувствуя въ сердцахъ ни гибели, ни страху.
На избавленіе къ нему весь градъ предсталъ:
Смятенный имъ народъ мечами заблисталъ,
Геройско мужество въ отвагѣ войско мчало.

По семъ порядокъ тутъ пріялъ свое начало:
На звѣря яко звѣрь стремится на тельца,
Такъ князь пошелъ противъ Оснельдина отца:
Сугубо мужество ихъ воинству являетъ,
И всѣ свои полки далеко оставляетъ.
И какъ копье свое въ щиты Хоревъ вонзалъ,
Два раза конь подъ нимъ отъ стрѣлъ вонзенныхъ палъ,
Отъ третьей онъ стрѣлы упадъ, не могъ встать болѣ
И всадника на смерть оставилъ пѣша въ полѣ.
Во опасеніи Хоревъ вторичномъ былъ,
Но тьмой враговъ объятъ вокругъ себя рубилъ.
Шеломъ съ главы упалъ, а онъ на смерть остался;
Однако на враговъ своихъ, какъ левъ, метался.
Се воинство опять за нимъ на смерть спѣшитъ:
Воинска жара смерть ни мала не тушитъ.
Бѣгутъ разсѣянно враждебные народы:
Бѣгутъ безъ памяти, падутъ съ коньми съ горъ въ воды.
Имѣя при себѣ все войско и меня,
Хоревъ вооруженъ восходитъ на коня.
Враговъ, какъ вѣтеръ прахъ, онъ бурно возметаетъ
И яко молнія въ поляхъ съ мечемъ блистаетъ.
Симъ новую въ полкахъ онъ силу возбудилъ,
И храбраго врага преславно побѣдилъ.

Посланный въ тюрьму къ Оснельдѣ пришелъ съ извѣстіемъ, что Оснельда умерла, наложивъ на себя руки. Сталверхъ, узнавъ, что онъ виновникъ ея невинной смерти, бросился въ Днѣпръ. Кій сообщаетъ Хореву о случившемся.

Хоревъ. Не сонъ ли мя страшитъ, нечаямый судьбою!..
Оснельда!.. въ истинну разстался я съ тобою!..
Гдѣ я!.. и что я сталъ!.. день злобный! лютый часъ!
О боги праведны! Хоревъ прогнѣвалъ васъ!
Но кая темна ночь вдругъ небо покрываетъ!
Какая фурія мнѣ сердце разрываетъ!
Въ какія пропасти, дражайшая, падешь!
Въ какія мрачныя пещеры ты идешь!
Оснельда!.. небеса! иль вы на мя падите!
Или въ сей крайности любезну соблюдите!
Велькаръ! лишаюся красотъ ея драгихъ;
Уже скрывается она отъ глазъ моихъ.
Влеките изъ меня мою вы душу страстну!..
Бѣгите, бросьтеся спасти княжну несчастну!..
Прости, любезная!.. но, ахъ! ея ужъ нѣтъ.
Прости!.. увы... совсѣмъ померкъ уже мой свѣтъ.
О нестерпима казнь! о рокъ ожесточенный!
Велькаръ. Сбери, о государь! свой разумъ расточенный,
Ты чувствъ лишаешься.
Хоревъ. Оснельда! гдѣ ты? гдѣ?..
Ея пресѣкся вѣкъ: а я въ сей живъ бѣдѣ!
На что мнѣ лавры? санъ? наслѣдственна держава?
Погибни все теперь величество и слава.
На что мнѣ ужъ и жить на свѣтѣ семъ, стеня?
Ужъ нѣтъ того, ужъ нѣтъ, что льстило въ немъ меня.
Великодушствовать потребно неотложно;
Но мысли горькія преодолѣть не можно:
Оснельда во слезахъ предъ очи предстаетъ,
Которыя она о мнѣ при смерти льетъ.
Воображаются мнѣ всѣ ея заразы:
Воспоминаются послѣдніе приказы,
И представляются мнѣ всѣ утѣхи тѣ,

Искалъ которыхъ я въ любви и красотѣ!
Къ какой я радости съ побѣдой возвратился!
Гдѣ дѣлися вы, дни, которыми я льстился!
Завлохъ. Ты сдѣлала, о дщерь! хотя упалъ нашъ тронъ,
И побѣдителямъ и побѣжденнымъ стонъ.
И если въ адѣ гласъ Хоревовъ духъ твой тронетъ,
Внемли, какъ сей тобой герой великій стонетъ;
Плѣненный не почтетъ тебя низшедшу адъ;
Заплачетъ по тебѣ съ Хоревомъ весь сей градъ.
Хоревъ. Какая польза въ томъ несчастному Хореву?
Уже не возвратитъ сей плачъ несчастну дѣву,
Не временно лишенъ ея, но навсегда,
И ужъ не буду зрѣть Оснельду никогда.
Кій. Карай мя, я твое сокровище похитилъ.
Хоревъ. Пускай сей кровію тебя твой гнѣвъ насытилъ,
Который толь тебя на мя ожесточилъ.
Но если ты о мнѣ когда-нибудь рачилъ,
Такъ сдѣлай только то, о чемъ напоминаю,
Сіе прошеніе исполнишь ты, я знаю:
Отдай Завлоху мечъ, свободу возврати,
И воинство все съ нимъ изъ града испусти.

Кій отдаетъ Завлоху мечъ, а Хоревъ говоритъ Завлоху.

Хоревъ. А ты, несчастный князь! возьми съ собой то тѣло,
Съ которымъ сердце быть мое на вѣкъ хотѣло,
И плачемъ омочивъ лишенное души,
Предай его землѣ; надъ гробомъ напиши:
Дѣвица, коей прахъ въ семъ мѣстѣ почиваетъ,
И въ адѣ со своимъ Хоревомъ пребываетъ,
Котораго она любила въ жизни сей;
Хоревъ, ея лишась, (закололся) послѣдовалъ за ней.

Изъ комедіи „Лихоимецъ“.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Явленіе 3-е.

Пасквинъ и Клара.

Пасквинъ. Спѣсивъ господинъ вашъ: дожидайся его въ передней, будто вельможи; а онъ потому только вельможа, что у него много денегъ и торгуетъ лихоимствомъ, за которое по малой мѣрѣ достоинъ онъ каторги. Несчастлива ты, дѣвушка, что этакому служишь господину.

Клара. Я его племянницы, а не его, и служу ей. А ежели бы его была, такъ бы я давно удавилась. Я думаю, что другого этакаго гнуснаго человѣка на свѣтѣ нѣтъ, и удивляюся, какъ его по это время громъ не убьетъ. Я

получаю все отъ госпожи своей, а его люди въ мясоѣдъ питаются протухлою ветчиной, а въ посты толокномъ.

Пасквинъ. Это что за причина, скажи мнѣ, дѣвушка, что на вашихъ нѣкоторыхъ людяхъ бѣлые кафтаны съ черными заплатами?

Клара. Кащей охотникъ до пѣгихъ лошадей: такъ онъ и любимыхъ у себя служителей такъ одѣваетъ.

Пасквинъ. Ты въ шутку говоришь, а я не въ шутку спрашиваю.

Клара. Какая шутка! у нихъ кафтаны изорвалися: такъ на починку бѣлыхъ кафтановъ, сошитыхъ ради того, чтобы ихъ мыть было можно, далъ онъ имъ, за неимѣніемъ бѣлаго сукна, старый свой черный камзолъ, а когда они докладывали ему, что черныя заплаты на бѣлыхъ кафтанахъ некрасивы, такъ онъ имъ точно такъ отвѣчалъ: „Когда мои воронопѣгія лошади въ каретѣ красивы, такъ и воронопѣгіе слуги красивы будутъ; а на пересмѣшниковъ нечего смотрѣть: у насъ де и свѣтъ на томъ стоитъ только, что другъ друга пересмѣхаютъ".

Пасквинъ. Какая чудная у него карета и какая скаредная ливрея!

Клара. Въ этой каретѣ ѣздилъ его дѣдъ: такъ онъ говоритъ, будто онъ ее держитъ за диковинку; а нынѣ этотъ рыдванъ выкрасили его стряпчій, дворецкій и камердинеръ своими руками. А потому, что они съ роду ничего не крашивали, такъ, стараяся сдѣлать его зеленымъ, выкрасили его такою краскою, которая еще и названія не имѣетъ. А ливрея эта дѣлана еще ко свадьбѣ его, сорокъ лѣтъ уже тому, а нынѣ выворочена: нынѣ де, говоритъ онъ, такой доброты суконъ не вывозится. И надѣваютъ лакеи тѣ кафтаны только тогда, когда онъ выѣзжаетъ; а дома ходятъ они въ такомъ платьѣ, какъ бобыли въ деревняхъ, исключая пѣгихъ его офиціантовъ, которые красили его карету.

Пасквинъ. Почтенный человѣкъ!

Клара. А къ друзьямъ своимъ возитъ онъ на именины: зимою мерзлой плотвы, рыбы по три, а лѣтомъ даритъ онъ именинниковъ и именинницъ рѣпою, хрѣномъ и кочнами капусты.

Пасквинъ. Какая это подлость!

Клара. Онъ себя такъ не называетъ, а говоритъ то, что у него всѣ лучшія фамиліи въ сундукѣ, потому что они у него деньги занимаютъ и подписываютъ на крѣпостяхъ имена свои.

Пасквинъ. Вотъ еще какая гордость!

Клара. Даетъ себѣ титло великороднаго.

Пасквинъ. Этакой!

Клара. Ужъ нынѣ по постамъ и мясо началъ ѣсть.

Пасквинъ. Этакой!

Клара. Намнясь подарилъ онъ пріятеля не мерзлой уже плотицей: привезъ ему въ карманѣ убитаго сырого цыпленка, да и самъ половину убралъ, а это было въ пятницу.

Пасквинъ. Модный человѣкъ!

Клара. Въ другой домъ привезъ онъ артишокъ, а не хрѣнъ уже, и хотѣлъ такъ же половину подарка убрать, а не ѣвъ никогда артишоковъ чуть было не подавился.

Пасквинъ. Туда бы и дорога.

Клара. Поставилъ у себя передъ дворомъ столбъ—и ежели продаетъ когда сѣно, или овесъ, или какіе другіе припасы, такъ прибиваетъ на этомъ столбѣ цыдулки, что то-то или то-то продается.

Пасквинъ. Конечно, быть ему самому у столба и имѣть на себѣ цыдулку: преступникъ законовъ и лихоимецъ.

Клара. А когда его товары станутъ торговать, такъ ради того, чтобы не обманули его, выходитъ онъ самъ за ворота и слушаетъ, какъ торгуютъ; а сверхъ того самъ переторговываетъ товары свои, какъ посторонній, чтобы цѣну возвысить.

Пасквинъ. Этакая свинья достойна ли господскаго имени!

Клара. Крестовому [1]) изъ деревни своей священнику даетъ онъ за всенощну по три копейки и подноситъ ему, ежели всенощна съ акафистомъ, еще по чаркѣ водки, а если безъ акафиста, такъ тогда и водки нѣтъ. А молебны заставляетъ онъ такъ пѣти, чтобы многимъ угодникамъ вдругъ, хотя бы и Спасу притомъ; и ради того ежегодно торжествуетъ онъ праздникъ Всѣхъ Святыхъ болѣе всѣхъ праздниковъ: всѣмъ де Святымъ я сдѣлаю угожденіе одною свѣчою. Днемъ лампады у него предъ образами не зажигаются, а горятъ онѣ ночью вмѣсто ночниковъ.

Пасквинъ. О мерзавецъ! неслыханный мерзавецъ! думаю, что твоей душѣ и во адѣ мѣста не будетъ.

Клара. Что это я съ тобою такъ заговорилась!

Явленіе 4-е.

Пасквинъ (одинъ). Непостижимы судьбы! сверчки и тараканы никакой пользы естеству не приносятъ: на что они созданы? но то еще не столько удивительно: отъ нихъ только мерзость; черти-то, ябедники и лихоимцы на что созданы? А этакаго скареднаго лихоимца, каковъ Кащей, на свѣтѣ не бывало. Чудно это, что о его лихоимствѣ по сіе время при дворѣ не знаютъ. Со всѣхъ лупитъ по двѣнадцати, по пятнадцати процентовъ [2]), и всѣ молчатъ, будто какъ бы заимодавцы въ непристойной вѣрности ему присягали. Не опасаются ли они, чтобы ихъ не назвали доводчиками? Ежели опасаются, такъ надо молчать и видя вора, разбойника и предателя своего

---

[1]) *Крестовыми* назывались тѣ священники, которые принадлежали къ господскимъ домамъ.

[2]) Уставомъ о банкахъ 1754 г. мая 13 положено взимать за ссуду не свыше 6%.

отечества. Поэтому и мошенниковъ не надобно любить; а Кащей всѣхъ мошенниковъ гаже.

Явленіе 5-е.

Кащей, Дорантъ и Пасквинъ.

Дорантъ. Сверхъ излишнихъ процентовъ, вы требовали отъ меня, чтобы я заплатилъ уже по пятнадцати со ста; занявъ у васъ мѣдными грошевиками, заплатилъ вамъ рублевиками; а ежели я платить буду мѣдными, такъ бы я придалъ по гривнѣ на рубль; а наконецъ положили, что хотя бы я вамъ заплатилъ и серебряными, однако за пожданье на каждый бы рубль отдалъ вамъ безъ отговорки по гривнѣ.

Кащей. Не въ твою пору плачивали мнѣ по двадцати по пяти процентовъ со ста: а ты что за выскочка? Ты человѣкъ молодой, такъ тебѣ надобно заслуживать себѣ честное имя. Мнѣ дѣдъ твой другъ былъ; я съ нимъ грамотѣ вмѣстѣ учился, такъ, видя такое твое упрямство, сердце мое разрывается. Какой ты скупентяй! жаль тебѣ бездѣлицы—одной гривны.

Дорантъ. На четыре тысячи рублевъ такихъ гривенъ много будетъ.

Кащей. Фу, какая причина! да вить тебѣ жити съ добрыми людьми, а не съ деньгами: а деньги прахъ; вить какъ умремъ, такъ ничего съ собою не возьмемъ.

Дорантъ. Такъ на что же вы лишняго съ меня требуете?

Кащей. Да это порядокъ только.

Дорантъ. Этотъ порядокъ вамъ неправедно прибыленъ, а мнѣ неправедно убыточенъ.

Кащей. Отруби ту руку по локоть, которая себѣ добра не желаетъ.

Дорантъ. Да вѣдь и у меня такія же руки.

Кащей. Ты человѣкъ молодой, такъ разбогатѣть можешь; а я уже на страшный судъ готовлюся и смотрю во гробъ: такъ некогда мнѣ разживаться, и только о томъ пекуся, чтобы тѣмъ мою грѣшную душу помянуть.

Дорантъ. Много на ваши поминки останется, а дѣтей у васъ только три дочери, и никто изъ нихъ по міру не пойдетъ.

Кащей. Да вѣдь деньги-то метать и грѣшно, и должно ихъ почитать и беречь, потому что на нихъ царскій ликъ.

Дорантъ. На голландскихъ червонныхъ и царскаго лика нѣтъ, а ты ихъ съ меня требуешь, говоря мнѣ, де все равно—хоть голландскія, хоть русскія.

Кащей. Да вить изъ золота и церковные сосуды дѣлаются: такъ какъ его не почитать?

Дорантъ. Я вамъ лишняго больше платить не хочу, какъ изволите; а по договору лишку я заплатилъ довольно: въ закладной написано

шесть процентовъ, а вы вычли сверхъ того по девяти рублевъ со ста при дачѣ мнѣ.

Кащей. Этакой упрямецъ! мнѣ казалося, что ты самый добрый человѣкъ и о такой мелочи и слова не скажешь. Вотъ говорятъ, будто науки людей просвѣщаютъ! намнясь у меня былъ хотя и безграмотный, однако весьма ученый человѣкъ, и сказывалъ-то мнѣ, что за моремъ какая-то напечатана книга, въ которой ясно изображено, что науки человѣка портятъ [1]). И подлинно такъ: ежели бы жилъ по-дѣдовски, такъ бы ты не былъ таковъ упрямъ; подлинно то, что науки всему злу корень.

Дорантъ. На чемъ же мы разстанемся?

Кащей. На томъ, что я своего честнаго слова ни для какого прибытка не перемѣню, и меньше того, какъ и положилъ, не приму, и честью моею тебѣ клянуся, что я твоихъ закладовъ инако тебѣ не отдамъ: вить я не вертопрахъ, и говорилъ бы и то и другое; что молвлено, то и сдѣлано.

Дорантъ. Такъ я деньги свои при доношенiи внесу, куда надлежитъ.

Кащей. Поди-жъ вонъ, ябедникъ.

Дорантъ. Ты меня не высылай, государь мой: или будетъ худо.

Кащей. Какъ! худо мнѣ въ моемъ домѣ будетъ?

Дорантъ. Тебѣ когда-нибудь, ежели твоя жизнь попродлится, худо будетъ и на площади.

Кащей. Люди, люди! дубья! я тебя, другъ мой, управлю; я тебя доѣду; я тебя проучу.

Дорантъ. Право, я тебя не боюся.

Изъ комедiи „Трессотинiусъ“.

Явленiе 3-е.

Клариса и Трессотинiусъ.

Трессотинiусъ. Прекрасная красота, прiятная прiятность, по премногу кланяюсь вамъ.

Клариса. И я вамъ по премногу откланиваюсь, преученое ученiе.

Трессотинiусъ (вынявъ пѣсню изъ кармана). Эта бумажка ясняе вамъ скажетъ, какую язву въ сердцѣ моемъ прiятство ваше, то есть красота ваша, мнѣ учинило, то есть сдѣлало.

Клариса. Я вѣрю вамъ, сударь

---

[1]) Разсужденiе Руссо о томъ, что будто съ развитiемъ наукъ и искусствъ портятся нравы.

Трессотиніусъ. Однакожъ, не поскучите-ль послушать, а пѣсенка сочинена очюнь, очюнь, подлинно говорю, что очюнь хорошо; да еще и хореическими, сударыня, стопами.

Клариса. Очень, сударь, хорошо; я вамъ вѣрю, что эта пѣсня хороша.

Трессотиніусъ. Она сочинена на голосъ: *о мѣста, мѣста драгія;* изволите послушать: да послушайте-жъ, сударыня.

Клариса (особливо). Боже милосердый!

Трессотиніусъ (читаетъ).

Красоту на вашу смотря, распалился я, ей-ей!
Изволь меня избавить ты отъ страсти тѣмъ моей!
Бровь твоя меня пронзила, голосъ кровь зажегъ.
Мучишь ты меня, Климена, и стрѣлою сшибла съ ногъ.

Видѣть мнѣ тебя есть драго,
О богиня всей любви!
Только то мнѣ есть не благо,
Что живешь въ моей крови.

Иль ты меня спесиха слатенька, любезный свѣтъ,
Завсегда такъ презираешь, о! увы! моихъ злыхъ бѣдъ!
Хоть, Климена, изъ-подъ тиха покажи мнѣ склонный видъ
И не дѣлай больше сердцу преобидныхъ ты обидъ.

Не теряй свою тѣмъ младость,
Преклони ко мнѣ себя,
Мысль моя увидитъ сладость,
Буду жить ся не губя.

Клариса. Очень пѣсня хороша...

Трессотиніусъ. Изволь-ка подалѣ послушать.

Клариса. Нѣтъ, я уже довольна.

Трессотиніусъ. Какъ вамъ это слово кажется: *и не дѣлай больше сердцу преобидныхъ ты обидъ!* Не сильно ли это сказано? Изволь-ка далѣе-то ты послушать...

Клариса. Пожалуй не трудись для меня больше, я уже довольна.

Трессотиніусъ. Хоть одинъ куплетъ еще прочесть мнѣ позволь.

Клариса. Пожалуй мнѣ, я сама послѣ прочту.

Трессотиніусъ. Изволь, красота моя, да только изволь прочесть съ разсужденіемъ: это вить не *о мѣста, мѣста драгія;* эту пѣснь и содержаніе ея не всякъ разумѣть будетъ; тутъ такія есть тонкости, что онѣ отъ многихъ и ученыхъ закрыты. Правда, многимъ покажется, что это бездѣлка; однако позвольте, моя сударыня, сказать, что въ этой бездѣлкѣ много дѣла, что я аргументально доказать могу.

Клариса. Я доказательствъ вашихъ не требую, и до споровъ я не охотница.

Явленіе 4-е.

Тѣ же и Бобембіусъ [1]).

Бобембіусъ. Всякое дерзновеніе, которое происходитъ не отъ зломышленія, должно быть отпущено: ибо не дѣйствіе, но основаніе дѣйствія презрительно; не то худо, что худымъ кажется, но то худо, что дѣйствительно худо: ерго то, что я дерзнулъ сюды прійти, не худо; и для ради того, не имѣю я причины просить у васъ прощенія, что я, хотя я вамъ и незнакомъ, пришелъ въ домъ вашъ; однако, по обыкновенію, прошу въ томъ на меня не прогнѣваться.

Клариса. Милости просимъ.

Бобембіусъ. Я роскошь, забавы и красоту презираю,—и для этого пріятность ваша меня не прельщаетъ; я сюды пришелъ для важной нужды, а не для бездѣлки, чтобъ на вашу посмотрѣть красоту. У меня дѣло до высокоученаго и высокомудраго Трессотиніуса, а не до васъ.

Клариса. Извольте говорить, а я пойду въ свою комнату, чтобъ вамъ не помѣшать.

Бобембіусъ. Нѣтъ, высоко-милостиво-прекрасно-пріятная госпожа, я требую себѣ вашего посредства. Мы о дѣлахъ ученыхъ говорить хотимъ.

Клариса. Мнѣ, право, недосужно. Вотъ онъ съ вами останется.

Явленіе 5-е.

Тѣ же и Кимаръ.

Трессотиніусъ. Что за дѣло имѣете вы до меня, государь мой?

Бобембіусъ. Нѣкакой невѣжа спорилъ со мною, а споръ нашъ состоялъ о литерѣ *твердо*, которое *твердо* правильняе — о трехъ ли ногахъ, или объ одной.

Трессотиніусъ. Вы, государь мой, задали мнѣ многотрудную задачу, на что прошу дать мнѣ время, для того, что это дѣло не малое, подлинно говорю, что не малое. Ежели я смѣю спросить, вы, государь мой, котораго мнѣнія?

Бобембіусъ. Какъ ваша высоко-ученость и велико-мудрость думаете?

Трессотиніусъ. Я содержу, что *твердо* объ одной ногѣ правильняе; ибо у грековъ, отъ которыхъ мы литеры получили, оно объ одной ногѣ, а треножное *твердо* есть нѣкакой уродъ, не имущій съ греческимъ *твердомъ* ни малаго свойства.

Бобембіусъ (Кимару). Ты, высоко-благородный и высоко-почтенный господинъ, котораго мнѣнія?

---

[1]) Бобембіусъ—тоже ученый педантъ.

Кимаръ. Я противнаго мнѣнія, и *твердо* треножное *твердо* одноножному предпочитаю. У этого ежели нога подломится, такъ его и брось; а у того хотя и двѣ ноги переломятся, такъ еще третья останется.

Бобембіусъ (Кимару). Хотя ты и не тѣмъ доводишь, однако правильно разсуждаешь.

Трессотиніусъ. А я противъ васъ обоихъ спорю, да хотя бъ васъ и еще было больше, что прямое *твердо* есть *твердо* одноножное, а треножное *твердо* есть уродъ.

Бобембіусъ. Ты спорь да не бранись, *тверда* моего не поноси, я за него вступиться долженъ.

Трессотиніусъ. А я до послѣдней капли чернилъ свое *твердо* защищать буду.

Бобембіусъ. Этакой защитникъ малъ.

Трессотиніусъ. У меня этакіе ученики, каковъ ты ученъ.

Бобембіусъ. Я, какъ философъ, за себя не разсержусь; но за *твердо* свое, такъ какъ риторъ, кровь свою пролить готовъ.

Трессотиніусъ. Твое *твердо* есть подлое и по премногу подлое, а мое благородное, и не только славено-россійское, но и греческое.

Бобембіусъ. Мое *твердо* о трехъ ногахъ и для того стоитъ *твердо*, ерго оно *твердо*; а твое *твердо* не твердое, ерго оно не *твердо*. Твое *твердо* слабое, ненадежное, и потому презрительное, гнусное, позорное, скаредное...

Трессотиніусъ. А твое *твердо* не русское, не арапское, не сирское, не халдейское...

Предисловіе къ трагедіи Димитрій Самозванецъ.

Примѣчаніе. Слово Публика, какъ нѣгдѣ и г. Вольтеръ изъясняется, не знаменуетъ цѣлаго общества, но часть малую онаго, т. е. людей знающихъ и вкусъ имущихъ. Если бы я писалъ о вкусѣ Дисертацію, я бы сказалъ то, что такое вкусъ, и изъяснилъ бы оное; но здѣсь дѣло не о томъ. Въ Парижѣ, какъ извѣстно, невѣждъ не мало, какъ и вездѣ, ибо вселенная по большей части ими наполненна. Слово Чернь принадлежитъ низкому народу, а не слово Подлой народъ; ибо подлой народъ суть каторжники и протчія презрѣнныя твари, а не ремесленники и земледѣльцы. У насъ сіе имя всѣмъ тѣмъ дается, которыя не дворяня. Дворянинъ! великая важность. Разумный священникъ и проповѣдникъ Величества Божіяго, или кратко Богословъ, Астрономъ, Риторъ, Живописецъ, Скульпторъ, Архитекторъ и проч. по сему глупому положенію члены черни. О несносная дворянская гордость, достойная презрѣнія и поруганія! Истинная чернь суть невѣжды, хотя бы они и великіе чины имѣли, богатство Крезовъ и влекли бы свой родъ отъ Зевса и Юноны, которыхъ никогда не бывало, отъ сына Филиппова, побѣдителя или

паче разорителя вселенныя, отъ Іюлія Цесаря, утвердившаго славу римскую, или паче разрушившаго оную. Слово Публика и тамо, гдѣ гораздо много ученыхъ людей, не значитъ ничево. Людовикъ XIV далъ Парнассу златой вѣкъ во своемъ отечествѣ, но по смерти его вкусъ мало-по-малу сталъ исчезать. Не исчезъ еще, ибо видимъ мы онаго остатки въ г. Вольтерѣ и во другихъ французскихъ писателяхъ. Трагедіи и Комедіи во Франціи пишутъ, но не видно еще ни Вольтера, ни Моліера. Ввелся новый и пакостный родъ слезныхъ комедій: ввелся тамъ, но тамъ не исторгнутся сѣмена вкуса Расинова и Моліерова: а у насъ по Театру почти еще и начала нѣтъ; такъ такой скаредный вкусъ, а особливо вѣку Великія Екатерины не принадлежитъ. А дабы не впустить онаго, писалъ я о таковыхъ Драмахъ къ г. Вольтеру: но они въ сіе краткое время вползли уже въ Москву, не смѣя появиться въ Петербургѣ: нашли всенародную похвалу и рукоплесканіе, какъ скаредно ни переведена Евгенія, и какъ нагло Актриса подъ именемъ Евгеніи Бакханту ни изображала; а сіе рукоплесканіе Переводчикъ оныя Драмы, какой-то подьячій, до небесъ возноситъ, соплетая зрителямъ похвалу и утверждая вкусъ ихъ. Подьячій сталъ судіею Парнасса и утвердителемъ вкуса московской публики!.. Конечно, скоро преставленіе свѣта будетъ. Но неужели Москва болѣе повѣритъ подьячему, нежели г. Вольтеру и мнѣ: и неужели вкусъ жителей московскихъ сходняе со вкусомъ сего подьячева! Подьячему соплетать похвалы вкуса Княжичей и Господичей московскихъ толь маловмѣстно, коль непристойно лакею, хотя и придворному, мои пѣсни безъ моей воли портить, печатать и продавать, или противъ воли еще пребывающаго въ жизни автора портить его Драмы, и за порчу собирать себѣ деньги, или съѣзжавшимся видѣть Семиру сидѣть возлѣ самаго оркестра и грызть орѣхи и думати, что когда за входъ заплачены деньги въ позорище, можно въ Партерѣ въ кулачки биться, а въ Ложахъ разсказывати исторіи своей недѣли громогласно и грызть орѣхи; можно и дома грызть орѣхи: а публиковать газеты весьма малонужныя можно и внѣ Театра; ибо таковые газетчики къ тому довольно времени имѣютъ. Многія въ Москвѣ зрители и зрительницы не для того на позорищи ѣздятъ, дабы имъ слышать ненужныя имъ газеты: а грызеніе орѣховъ не приноситъ удовольствія ни зрителямъ разумнымъ, ни актерамъ, ни трудившемуся во удовольствіе Публики автору: его служба награжденія, а не наказанія достойна. Вы, путешествователи, бывшіе въ Парижѣ и въ Лондонѣ, скажите! грызутъ ли тамъ во время представленія Драмы орѣхи; и когда представленіе въ пущемъ жарѣ своемъ, сѣкутъ ли поссорившихся между собою пьяныхъ кучеровъ, ко тревогѣ всего партера, ложъ и театра. Но какъ то ни есть, я жалѣю, что я не имѣю копіи съ посланнаго г. Вольтеру письма, бывъ тогда въ крайней разстройкѣ и крайне боленъ' когда князь Козловскій, отъѣзжавшій къ г. Вольтеру, по письмо ко мнѣ заѣхалъ: я отдалъ мой подлинникъ, ниже его набѣло переписавъ; однако отвѣтное письмо сего отличнаго автора и слѣдственно отличнаго и знатока

нѣсколько моихъ вопросовъ заключаетъ, а особливо что до скаредной слезной комедіи касается. А ежели ни г. Вольтеру, ни мнѣ кто въ этомъ повѣрить не хочетъ, такъ я похвалю и такой вкусъ, когда щи съ сахаромъ кушать будутъ, чай пить съ солью, кофе съ чеснокомъ, и съ молебномъ совокупятъ панафиду. Между Таліи и Мельпомены различіе таково, каково между дня и ночи, между жара и стужи, и какое между разумными зрителями Драмы и между безумными. Не по количеству голосовъ, но по качеству утверждается достоинство вещи: а качество имѣетъ основаніе на истинѣ.

Достойной похвалы невѣжи не умалятъ:
А то не похвала, когда невѣжи хвалятъ.

Хоръ ко превратному свѣту.

Прилетѣла на берегъ синица
Изъ-за полночнаго моря,
Изъ-за холодна Океяна.
Спрашивали гостейку пріѣзжу,
За моремъ какіе обряды.
Гостья пріѣзжа отвѣчала:
„Все тамъ превратно на свѣтѣ.
За моремъ Сократы добронравны,
Каковыхъ и здѣсь мы видаемъ:
Никогда не суевѣрятъ,
Не ханжатъ, не лицемѣрятъ.
Воеводы за моремъ правдивы;
Дьякъ тамъ цугами не ѣздитъ,
Дьячихи алмазовъ не носятъ,
Дьячата гостинцевъ не просятъ;
За носъ тамъ судей писцы не водятъ;
Сахаръ подьячій покупаетъ;
За моремъ подьячіе честны;
За моремъ писать они умѣютъ.
За моремъ въ подрядахъ не крадутъ;
Откупы за моремъ не въ модѣ,
Чтобы не стонало государство.
Завтремъ тамъ истца не питаютъ.
За моремъ почетные люди
Шеи назадъ не загибаютъ,
Люди отъ нихъ не погибаютъ.
Въ землю денегъ за моремъ не прячутъ,
Со крестьянъ тамъ кожи не сдираютъ;
Деревень на карты тамъ не ставятъ;
За моремъ людьми не торгуютъ.
За моремъ старухи не брюзгливы;
Четокъ онѣ хотя не носятъ,—
Добрыхъ людей не злословятъ.
За моремъ, противно указу,
Росту заказного не емлютъ.
За моремъ пошлины не крадутъ.
Въ церкви за моремъ кокетки
Бредить, колобродить не ѣздятъ.
За моремъ бездѣльникъ не входитъ
Въ домы, гдѣ добрые люди.
За моремъ людей не смучаютъ,
Сору изъ избы не выносятъ.
За моремъ ума не пропиваютъ;
Сильные безсильныхъ тамъ не давятъ;
Предъ большихъ бояръ лампадъ не ставятъ.
Всѣ дворянски дѣти тамъ во школахъ:
Ихъ отцы и сами учились.
Учатся за моремъ и дѣвки;
За моремъ того не болтаютъ:
Дѣвушкѣ де разума не надо,
Надобны ей личико да юбка,
Надобны румяны да бѣлилы.
Тамъ языкъ отцовскій не въ презрѣньи;
Только въ презрѣньи тѣ невѣжи,
Кои свой языкъ уничтожаютъ,
Кои, долго странствуя по свѣту,
Чужестраннымъ воздухомъ некстати
Головы пустыя набивая,
Пузыры надутые вывозятъ.
Вздору тамъ ораторы не мелютъ;

Стихотворцы вирши не кропаютъ;
Мысли у писателей тамъ ясны,
Рѣчи у слагателей согласны.
За моремъ невѣжа не пишетъ,
Критика злобой не дышитъ.
Ябеды за моремъ не знаютъ.
. . . .
Тамъ купецъ—купецъ, а не обманщикъ.
Гордости за моремъ не терпятъ,
Лести за моремъ не слышно,
Подлости за моремъ не видно,
Ложь тамъ—велико беззаконье.
За моремъ нѣтъ тунеядцевъ:
Всѣ люди за моремъ трудятся,
Всѣ тамъ отечеству служатъ;
Лучше работящій тамъ крестьянинъ,
Нежели господинъ-тунеядецъ;
Лучше нерасчесаны кудри,
Нежель парикъ на болванѣ.
За моремъ почтенные свиньи,
Нежели безстыдны сребролюбцы".

Тредіаковскій.

В. Сиповскій, Исторія русской словесности, ч. II, стр. 61—63.

1. Пѣсенка, которую я сочинилъ еще будучи въ Московскихъ школахъ на мой выѣздъ въ чужія краи.

Весна катитъ,
Зиму валитъ,
И ужъ листикъ съ древомъ шумитъ.
Поютъ птички
Со синички,
Хвостомъ машутъ и лисички.

* * *

Взрыты брозды,
Цвѣтутъ грозды,
Кличетъ щегликъ, свищутъ дрозды;
Льются воды,
И погоды;
Да веть знатны намъ походы.

* * *

Канатъ рвется,
Якорь бьется,
Знать, корабликъ понесется.
Нужъ, плынь спѣшно,
Не помѣшно,
Плыви смѣло, то успѣшно.

* * *

Ахъ! широки
И глубоки
Воды морски, разбьютъ боки!
Вось заставятъ,
Не оставятъ
Добры вѣтры и приставятъ.

Описаніе грозы, бывшія въ Гагѣ.

Съ одной страны громъ,
Съ другой страны громъ,
Смутно въ воздухѣ!
Ужасно въ ухѣ!
Набѣгли тучи,
Воду несучи,
Небо закрыли,
Въ страхъ помутили:

* * *

Молніи сверкаютъ,
Страхомъ поражаютъ,
Трескъ въ лѣсу съ Перуна,
И темнѣетъ луна,
Вихри бѣгутъ съ прахомъ,
Полоса рветъ махомъ,
Страшно ревутъ воды
Отъ той непогоды.

* * *

Ночь наступила,
День измѣнила,
Сердце упало:
Все зло настало!
Пролилъ дождь въ крышки,
Трясутся вышки,
Сыплются грады,
Бьютъ вертограды.

* * *

Всѣ животны рыщутъ,
Покоя не сыщутъ,
Бьютъ себя въ груди
Виноваты люди,
Боясь напасти,
И чтобъ не пропасти.
Руки воздѣваютъ,
На небо глашаютъ.

* * *

О, солнце красно!
Стань опять ясно,
Разжени тучи,
Слезы горючи,
Столкай перемѣну
Отсель за Вѣну,
Дхнуть бы зефиромъ
Съ тишайшимъ миромъ!

* * *

А вы, Аквилоны,
Будьте какъ и оны;
Лютость отложите,
Только прохладите.
Побѣги, вся злоба,
До вѣчнаго гроба:
Дни намъ надо красны,
Пріятны и ясны.

Ода на сдачу города Гданска (1734).

Кое трезвое мнѣ піанство
Слово даетъ въ славной причинѣ?
Чистое Парнасса убранство.
Музы! не васъ ли я вижу нынѣ?
И звонъ вашихъ струнъ сладкогласныхъ,
И силу ликовъ слышу красныхъ;
Все чинитъ во мнѣ рѣчь избранну.
Народы! радостно внемлите;
Бурливые вѣтры! молчите:
Храбру прославить хощу Анну.
Въ своихъ пѣсняхъ въ вѣчность пре-
славныхъ,
Пиндаръ, Горацій несравненны
Взнеслися до звѣздъ въ небѣ явныхъ,
Какъ орлы, быстры, дерзновенны.
Но судебъ ревности сердечной,
Что имѣетъ къ Аннѣ жаръ вѣчной,
Моея гласъ лиры сравнился;
То бы и самъ Орфей ѳракійскій,
Амфіонъ купно бъ и ѳивійскій
Сладости ея удивился.
Воспѣвай же, лира, пѣснь сладку,
Анну, то есть, благополучну,
Къ вящему всѣхъ враговъ упадку,
Къ несчастію въ вѣки тѣмъ скучну.
О ея и храбрость и сила!
О всѣхъ подданныхъ радость мила!
Страшитъ храбрость все побѣждая,
Въ дивный восторгъ радость приводитъ,
Печальну и мысль намъ отводитъ,
Всѣ наши сердца расширяя.
Не самъ ли Нептунъ строилъ стѣны,
Что при близкомъ толь горды морѣ [1])?
Нѣтъ ли троянскимъ къ нимъ при-
мѣны [2]),
Что хотѣли быть долго въ спорѣ,
Съ оружіемъ въ дѣйствѣ пресильнымъ,
И съ воиномъ въ бои не умильнымъ?
Всѣ Вистлою нынѣ рѣкою
Не Скамандръ ли называютъ [3])?
Не Идѣ ль имя налагаютъ
Стольценбергомъ тамо горою [4])?
То не Троя басней причина:
Не одинъ Ахиллесъ воюетъ;
Всякъ Ѳетидина воинъ сына
Мужественнѣе тутъ штурмуетъ.
Чтожъ чуднымъ за власть шлемомъ
блещетъ?
Не Минерва ль копіе мещетъ?
Ясно, что отъ небесъ посланна,
И богиня со всего вида,
Страшна и безъ щита эгида [5])?
Императрица есть то Анна.
И воинъ то россkій на мало
Окружилъ Гданскъ городъ противный,
Марсомъ кажда назвать пристало,
Въ силѣ жъ всякъ паче Марса див-
ный;

---

[1]) Апполонъ и Нептунъ построили троянскія стѣны при царѣ Лаомедонѣ.

[2]) Какъ греки не вошли въ Трою, такъ и Данцигъ не хотѣлъ впустить русскихъ.

[3]) Висла, при устьѣ которой Данцигъ уподобляется Скамандру (Ксанѳу), близъ Трои.

[4]) Стольценбергъ уподобляется горѣ Идѣ, близъ Трои.

[5]) Щитъ Минервы.

Готовъ и кровь пролити смѣло,
Иль о Аннѣ побѣдить цѣло:
Счастіемъ Анны всѣ крѣпятся.
Анна токмо надежда тверда;
И что Анна къ нимъ милосерда,
На ея враговъ больше злятся.
Европска неба и азійска
Солнце красно, благопріятно!
О Самодержица россійска!
Благополучна многократно!
Что тако подданнымъ любезна,
Что владѣешь толь имъ полезна!
Имя ужъ страшно твое свѣту,
А славы не вмѣститъ вселенна,
Желая ти быть покоренна,
Красоты вся дивится цвѣту.
Но что вижу? не льститъ ли око?
Отрокъ Геркулеса противу,
Подъемля бровь гордо высоко,
Хочетъ стать всего свѣта въ диву!
Гданскъ, то есть, съ помысломъ не умнымъ,
Будто-бъ упившись питьемъ шумнымъ,
Противится, и уже явно,
Императрицѣ многомочной;
Не видитъ бездны, какъ въ тьмѣ ночной,
Разсуждаючи неисправно.
Въ нутръ самый своего округа,
Ищущаго дважды корону [1]),
Станислава [2]) беретъ за друга;
Уповаетъ на оборону
Чрезъ поля лющаяся Нептуна;
Но бояся жъ росска перуна,
Ищетъ и помощи въ народѣ,
Что живетъ при берегахъ Секваны [3]).
Тотъ въ свой проигрышъ барабаны,
Се Вексельминды [4]) бьетъ къ пригодѣ [5]).

Новый и краткій способъ къ сложенію россійскихъ стиховъ.

1. Два предмета въ поэзіи.

Въ поэзіи вообще двѣ вещи надлежитъ примѣчать. Первое: матерію или дѣло, каковое піита предпріемлетъ писать. Второе: версификацію, то есть способъ сложенія стиховъ. Матерія всѣмъ языкамъ въ свѣтѣ общая есть вещь, такъ что нѣкоторый оную за собственную токмо одному себѣ почитать не можетъ: ибо правила поэмы эпическія не больше служатъ греческому языку въ Гомеровой Иліадѣ и латинскому въ Вергиліевой Энеидѣ, какъ французскому въ Вольтеровой Генріадѣ, итальянскому въ Избавленномъ Іерусалимѣ у Тасса, и англинскому въ Мильтоновой поэмѣ о потеряніи рая. Но способъ сложенія стиховъ весьма есть различенъ по различію языковъ. И такъ авторъ славенскія Грамматики, которая обще называется большая и Максимовская, желая наше сложеніе стиховъ подобнымъ учинить греческому и латинскому, такъ свою просодію количественную смѣшно написалъ, что сколько разъ за оную ни примешься, никогда не можешь удер-

---

[1]) При Петрѣ I, какъ соперникъ Августа II, и при Аннѣ, какъ соперникъ Августа III.

[2]) Лещинскій, тесть французскаго короля Людовика XV.

[3]) Сена. На помощь Станиславу, находившемуся въ Данцигѣ, была отправлена французская эскадра.

[4]) Иначе Мюнда, крѣпость.

[5]) Потреба, польза, какъ безгода—несчастіе, бѣдствіе.

жаться, чтобъ не быть, смотря на оную, смѣющимся Демокритомъ непрестанно. Ежелибъ онъ тогда разсудилъ, что свойство нашего языка того не терпитъ, никогдабъ таковыя просодіи не положилъ въ своей грамматикѣ.

Другіе въ сложеніи нашихъ стиховъ донынѣ правильнѣе поступали, нѣкоторое извѣстное число слоговъ въ стихѣ полагая, пресѣкая оный на двѣ части и приводя согласіе конечныхъ между собою слоговъ [1]). Но и таковые стихи толь недостаточны быть видятся, что приличнѣе ихъ называть прозою, опредѣленнымъ числомъ идущею, а мѣры и паденія, чѣмъ стихъ поется и разнится отъ прозы, то есть отъ того, что не стихъ, весьма не имѣющею. Того ради за благо разсудилось, много прежде положивъ труда къ изобрѣтенію прямыхъ нашихъ стиховъ, сей новый и краткій способъ къ сложенію россійскихъ стиховъ издать, которые и число слоговъ свойственное языку нашему имѣть будутъ, и мѣру стопъ съ паденіемъ пріятнымъ слуху, отъ чего стихъ стихомъ называется, содержать въ себѣ имѣютъ. Будежъ каковой недостатокъ и въ семъ найдется, то покорно просятся благоразумные и искусные люди, чтобъ объявить то Россійскому Собранію [2]), которое всячески потщится или сомнѣнія ихъ въ разсужденіи стиховъ разрѣшить, или недостатки, находящіеся въ сихъ новыхъ, исправить, съ возможнымъ за таковое ихъ пріятство благодареніемъ.

А понеже въ сложеніи россійскихъ стиховъ также двѣ вещи должно знать, то есть свойственное званіе, при стихѣ употребляемое, и способъ какъ слагать, или сочинять стихъ; того ради свойственныя при стихѣ званія опредѣленіями объявятся, а на способъ къ сложенію стиха кратчайшія и ясныя правила положатся.

2. Свойства новаго стихосложенія.

Нѣкоторые, по нѣсколько, или лучше, весьма неосновательно, толькожъ съ хитрою насмѣшкою, предлагали мнѣ, что, буде, поднявъ брови и улыбаясь говорили, сочетаніе стиховъ не будетъ введено въ новое твое стихосложеніе, то новое твое стихосложеніе не совсѣмъ будетъ походить на французское. Сіи господа знать, конечно, думали, что я сіе новое стихосложеніе взялъ съ французскаго; но въ томъ они только далеко отстоятъ отъ истины, коль французское стихотвореніе отстоитъ отъ сего моего новаго. Я, что сіе праведно говорю, въ томъ ссылаюсь на всѣхъ тѣхъ, которые французское стихотвореніе знаютъ: оные могутъ всѣмъ засвидѣтельствовать, что французское стихосложеніе ничѣмъ, кромѣ пресѣченія и риѳмы, на сіе мое новое не походитъ.

---

[1]) Говорится о стихосложеніи силлабическомъ.

[2]) Учреждено 1735 г., при Академіи Наукъ президентомъ Корфомъ. Тредьяковскій произнесъ рѣчь въ первомъ его засѣданіи (14 марта 1735).

Пусть отнынѣ перестанутъ противно думающіе думать противно: ибо, по истинѣ, всю я силу взялъ сего новаго стихотворенія изъ самыхъ внутренностей свойства, нашему стиху приличнаго: и буде желается знать, но мнѣ надлежитъ объявить, то поэзія нашего простого народа къ сему меня довела. Даромъ, что слогъ ея весьма не красный, отъ неискусства слагающихъ; но сладчайшее, пріятнѣйшее и правильнѣйшее разнообразныхъ ея стопъ нежели иногда греческихъ и латинскихъ, паденіе подало мнѣ непогрѣшительное руководство къ введенію въ новый мой эксаметръ и пентаметръ оныхъ выше объявленныхъ двосложныхъ тоническихъ стопъ.

Подлинно, почти всѣ званія, при стихѣ употребляемыя, занялъ я у французской версификаціи; но самое дѣло у самой нашей природной наидревнѣйшей оной простыхъ людей поэзіи. И такъ всякъ разсудитъ, что не можетъ, въ семъ случаѣ, подобнѣе сказаться, какъ только, что я французской версификаціи долженъ мѣшкомъ, а старинной россійской поэзіи всѣми тысячью рублями. Однако Франціи я долженъ и за слова, но искреннѣйше благодарю россіанинъ Россію за самую вещь.

Отъ вышереченнаго не можно заключить, что понеже въ стихосложеніи нашемъ нельзя быть сочетанію стиховъ, то слѣдовательно, и смѣшенно риѳмѣ: ибо риѳма въ стихѣ, какова бъ рода и каковъ бы стихъ ни былъ, состоитъ токмо въ ладѣ звона, который можетъ положиться подобенъ первому чрезъ стихъ или чрезъ два. Поляки, у которыхъ стихотвореніе во всемъ сродное нашему, кромѣ паденія и стопъ, часто и красно употребляютъ смѣшенную риѳму въ своихъ стихахъ, которую уже и я употребилъ въ одѣ моей о сдачѣ города Гданска и въ другихъ многихъ стихахъ.

Мнѣніе о началѣ поэзіи и стиховъ вообще.

Различіе между поэзіею и стихотворствомъ.

Какъ живописна картина, такъ поэзія: она есть словесное изображеніе. Преизрядно, послѣ Горація [1]), уподобляется поэзія живописи; но стихъ я уподобляю краскѣ, употребленной на живопись. Что изображено краской, весьма есть различно отъ нея; равно и поэзія всеконечно есть не стихъ: сей есть какъ краска, а поэзія какъ изображенное ею. Чего ради, нѣкто Эризій Путеанскій написалъ основательно: иное быть піитомъ, а иное стихи слагать. Но много есть мнѣній о первоначаліи поэзіи, а о началѣ стиха почитай нѣтъ ни единаго: ибо многіе, пишучи о первоначаліи поэзіи, иногда сливали ее съ стихами. Нашъ языкъ весьма сему подверженъ, когда поэзію называетъ стихотвореніемъ, хотя впрочемъ прямое понятіе о поэзіи есть не то, чтобъ стихи составлять, но чтобъ творить, вымышлять и подражать.

[1]) Въ его Ars poëtica.

Твореніе есть расположеніе вещей послѣ оныхъ избранія; вымышленіе есть изобрѣтеніе возможностей, то есть не такое представленіе дѣяній, каковы они сами въ себѣ, но какъ они быть могутъ или долженствуютъ; а подражаніе есть слѣдованіе во всемъ естеству описаніемъ вещей и дѣлъ по вѣроятности и подобію правдѣ. Всякъ видитъ, что стихъ есть все не то: твореніе, вымышленіе и подражаніе есть душа и жизнь поэмы [1]); но стихъ есть языкъ оныя. Поэзія есть внутреннее въ тѣхъ трехъ; а стихъ токмо наружное. Можно творить, вымышлять и подражать прозою; и можно представлять истинныя дѣйствія стихами. Первое сдѣлалъ Іоаннъ Барклай въ своей Аргенидѣ и Фенелонъ въ Телемакѣ; а другое Луканъ въ описаніи Фарсалическія брани: посему первые оба піиты, хотя и прозою писали, но послѣдній есть токмо стихотворецъ, даромъ что онъ пѣлъ стихами. Сіе разумѣніе есть Аристотелево; онъ въ своей Поэзіи, переведенной Александромъ Павійскимъ, въ главѣ 7 опредѣляетъ: „Стихъ и проза не различаютъ историка съ піитомъ: ибо хотя Геродотова исторія и стихами будетъ сочинена, однако она всегда будетъ, какъ и прежде, исторіею. Но симъ они между собою разнятся, что историкъ дѣянія, какъ были, а піитъ, какъ оныя быть могли—предлагаетъ“.

Отъ сего, что піитъ есть творитель, вымыслитель и подражатель, не заключается, чтобъ онъ былъ лживецъ. Ложь есть слово противъ разума и совѣсти, то есть когда или разумъ прямо не знаетъ, такъ ли есть то, что языкъ говоритъ, или когда совѣсть точно извѣстна, что то не такъ, какъ уста говорятъ. Но піитическое вымышленіе бываетъ по разуму, то есть какъ вещь могла быть или долженствовала. Піитъ также есть и не мастеровой человѣкъ: всякій художникъ дѣлаетъ разнымъ способомъ отъ піита. Творить по піитически есть подражать подобіемъ вещей возможныхъ, истинныхъ образу. Но другія художества рукомесленныя такъ дѣла свои представляютъ, какъ они прямо и дѣйствительно въ естествѣ находятся, или въ какомъ состояніи находились. „Возможность піитическая есть возможность философская, разумомъ доказываемая; но возможность художническая есть возможность равно какъ историческая, коя повѣствуется, а отъ художниковъ, будто какъ истиннымъ повѣствованіемъ, механически производится и истинно представляется“. Впрочемъ, піиты называются еще и прорицателями. Древніе предали, что они о будущемъ предвозвѣщали, бывши наполнены иногда божественнымъ духомъ.

И такъ нѣтъ сомнѣнія, что иное есть поэзія, а иное совсѣмъ стихосложеніе. Но той и другому было между человѣками начало. Видно по всему, что поэзія родилась съ человѣками, или въ нѣкоторыхъ влита свыше по мѣрѣ ихъ силъ. Чего ради Цицеронъ въ словѣ за Архія піита утверждаетъ, говоря, „что піитъ отъ самаго естества силу себѣ получаетъ, дѣйствіемъ

---

[1]) Поэтическаго произведенія.

ума возбуждается и какъ нѣкоторымъ божественнымъ одушевляется духомъ“. Ибо каждый, какъ животное разумное, можетъ творить, вымышлять и подражать, все жъ то иной способнѣе, а иной не столько. Но видно и сіе, что стихъ есть человѣческое изобрѣтеніе въ различіе обыкновенному ихъ слову. Къ сему могли найтись многія побужденія, а между прочими и отмѣна отъ всѣхъ прочихъ вѣщанія.

Предъизъясненіе объ ироической піимѣ.

Сему [1]) вообще надлежитъ имѣть смѣлые узоры реченій и цѣлыхъ рѣчей; быть благолѣпну и различну образами, ясну, пламенну, стремительну, сильну, сразмѣрну чувственностямъ изображаемымъ, то есть съ скорымъ дѣйствомъ вещей спѣшну, а съ медленнымъ косну; иногда грозну, иногда любезну, всегда сладостну, и нѣчто такое содержащу въ знакахъ мыслей и въ мысляхъ самихъ, которое однимъ токмо естествомъ преподается. Никогда оно да не будетъ преизбыточно надменное, напыщенное преизлишно, идущее какъ на ходуляхъ, или какъ гигантовское и колоссальное, подобящееся стуку тимпанному или сонмищному крику, но да восклицаетъ рѣзкою трубы проразностію [2]), или какъ лебединымъ, ярко напряженнымъ гласомъ. Должно ему имѣть обиліе не обременяющееся чрезмѣрностію, ни непрерывнымъ нанизываніемъ сложныхъ и пресложныхъ, какъ полтора и полтретья, аршинныхъ существительныхъ именъ и прилагательныхъ, да и не упадать никогда въ повторенія: а предлагающу тѣ жъ самыя вещи, не представлять отнюдь тѣхъ же самыхъ видовъ, и еще меньше тѣми жъ самыми ознаменованіями. Всѣмъ его періодамъ или округамъ надобно слухъ наполнять, при опредѣленномъ ономъ числѣ стопъ, плавнымъ, гладкимъ и сцѣпляющимся паденіемъ, преносящимъ же иногда смыслъ изъ стиха въ стихъ, да и прелагающимъ, свойственно языку, чинъ сочиненія изъ мѣста въ мѣсто, изъ начала въ средину и въ конецъ, изъ средины въ конецъ и начало, и изъ самаго конца въ начало и средину цѣльныя рѣчи. Притомъ, ничего бъ въ немъ досаждающаго, жестокаго и притворственнаго не было; но да течетъ описуемое сіе слово не единственныя словесности [3]) ради, ниже просто для угодности токмо: каждой бы рѣчи заставлять мыслить, а мыслямъ всѣмъ клониться бы только къ содѣланію насъ добрыми.

Вкратцѣ, съ начала самаго до конца, достоитъ теченіе слова ироическаго литься всеконечно пересѣкаемымъ нигдѣ и ни отъ чего потокомъ. Оно есть рѣка, но рѣка подобная Волгѣ: сперва несется струею, потомъ ручіемъ, потомъ рѣчкою, вскорѣ послѣ рѣкою; возрастая жъ впадающими

---

[1]) Гекзаметру.

[2]) Рѣзкій звукъ отъ слова „пророжать, проразить“.

[3]) Выраженія.

съ сторонъ водами, влечетъ уже токъ свой быстрый, глубокій, обширный, полный превеликимъ и предолгимъ Ниломъ, даже до самаго своего устія въ море, то есть до окончанія. Сей многотечный Евфратъ иногда есть видомъ кристальный и прозрачный, чистый и свѣтлый, а иногда шумящій, пѣнящійся и возносящійся выспрь; въ обоемъ же случаѣ, многажды, отъ осіянія зареносныхъ лучей, распещряющійся въ капляхъ своихъ радужными всепріятными различно цвѣтами, но всегда непрерывно къ предѣлу катящійся: ничто его удержать не можетъ, ни самые катаракты, или пороги, сквозь и на днѣ, и на срединѣ, и на верху проницаемые отъ струй онаго; нигдѣ не застаивается, не плѣснѣетъ, не горкнетъ, всегда и всюду протекаетъ, и отъ всего чистится, и всякаго медвяною своею и мелочною сладостію напояетъ. И да на-отрѣзъ скажу, теченіе слова въ ироической піимѣ долженствуетъ быть всеконечно и всемѣрно бахарское.

Кому жъ изъ читателей, свѣдущихъ въ семъ дѣлѣ силу, не чувствительно, что стихи, оканчивающіеся риѳмами, отнюдь не способны къ произведенію такого, какое теперь описано, теченія въ словѣ? Риѳмическіе стихи, состоящіе впрочемъ и стопами двусложными, отнюдь не могутъ продолжать непрерывнаго такого шествія, каковаго требуетъ ироическая піима, кольми жъ паче стихи не имѣющіе стопъ, кромѣ риѳмы, какъ-то: италіанскіе, аглинскіе, ишпанскіе, французскіе и польскіе. Ибо каждый стихъ сего состава, не терпя переносовъ изъ предыдущаго стиха въ слѣдующій, на концѣ своемъ вдругъ переламывается и чрезъ то останавливается вдругъ же. Такіе стихи суть не рѣка, текущая съ верху въ низъ, непрестанно и безпреломно, къ удаленному своему предѣлу: они студенецъ нѣкій, бьющій съ низу въ верхъ и дошедшій до своея близкія высоты, пресѣкается и обращается стремглавъ въ низъ паки, такъ что всякій стихъ свой порогъ собственный имѣетъ, и шумитъ на ономъ. Коль бы стихи съ риѳмами ни гремѣли, въ началѣ своемъ и срединѣ, мужественною трубою; но на концѣ пищатъ токмо и врещатъ дѣтинскою сопѣлкою. Согласіе риѳмическое отроческая есть игрушка, недостойная мужескихъ слуховъ. Вымыселъ сей оледенѣлый есть готическій а не еллинское и латинское, благорастворенныимъ жаромъ блистающее и согрѣвающее окончательство.

Екатерининскій періодъ.

Отрывки изъ Наказа Императрицы Екатерины II.

В. Сиповскій, Исторія русской словесности, ч. II, стр. 92.

Изъ главы II. Россійскаго государства владѣнія простираются на тридцать двѣ степени широты, и на сто шестьдесятъ пять степеней долготы по земному шару.

Государь есть самодержавный; ибо никакая другая, какъ только соединенная въ его особѣ, власть не можетъ дѣйствовати сходно со пространствомъ толь великаго государства.

Пространное государство предполагаетъ самодержавную власть въ той особѣ, которая онымъ правитъ. Надлежитъ, чтобы скорость въ рѣшеніи дѣлъ, изъ дальнихъ странъ присылаемыхъ, награждала медленіе, отдаленностію мѣстъ причиняемое.

Всякое другое правленіе не только было бы Россіи вредно, но и въ конецъ разорительно.

Другая причина та, что лучше повиноваться законамъ подъ однимъ господиномъ, нежели угождать многимъ.

Какій предлогъ самодержавнаго правленія? Не тотъ, чтобъ у людей отнять естественную ихъ вольность: но чтобы дѣйствія ихъ направити къ полученію самого большаго ото всѣхъ добра.

Изъ главы V. Великое благополучіе для человѣка быти въ такихъ обстоятельствахъ, что когда страсти его вперяютъ въ него мысли быти злымъ, онъ однако щитаетъ себѣ за полезнѣе не быти злымъ.

Надлежитъ, чтобъ законы, поелику возможно, предохраняли безопасность каждаго особо гражданина.

Равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ.

Сіе равенство требуетъ хорошаго установленія, которое воспрещало бы богатымъ удручать меньше ихъ стяжаніе имѣющихъ; и обращать себѣ въ собственную пользу чины и званія, порученныя имъ только, какъ правительствующимъ особамъ государства.

Общественная или государственная вольность не въ томъ состоитъ, чтобъ дѣлать все, что кому угодно.

Въ государствѣ, то есть въ собраніи людей, обществомъ живущихъ, гдѣ есть законы, вольность не можетъ состоять ни въ чемъ иномъ, какъ въ возможности дѣлать то, что каждому надлежитъ хотѣть, и чтобъ не быть принуждену дѣлать то, чего хотѣть не должно.

Надобно въ умѣ себѣ точно и ясно представити: что есть вольность? Вольность есть право все то дѣлать, что законы дозволяютъ; и ежели бы гдѣ какой гражданинъ могъ дѣлать законами запрещаемое, тамъ бы уже больше вольности не было: ибо и другіе имѣли бы равнымъ образомъ сію власть.

Государственная вольность во гражданинѣ есть свойство духа, происходящее отъ мнѣнія, что всякъ изъ нихъ собственною наслаждается безопасностію: и чтобы люди имѣли сію вольность, надлежитъ быть закону такову, чтобъ одинъ гражданинъ не могъ бояться другого, а боялися бы всѣ однихъ законовъ.

Для введенія лучшихъ законовъ необходимо потребно умы людскіе къ тому пріуготовить. Но чтобъ сіе не служило отговоркою, что нельзя

установить и самаго полезнѣйшаго дѣла. Ибо если умы къ тому еще не пріуготованы; такъ примите на себя трудъ пріуготовить оные, и тѣмъ самымъ вы уже много сдѣлаете.

Изъ главы IX. Употребленіе пытки противно здравому естественному разсужденію; само человѣчество вопіетъ противъ оныя и требуетъ, чтобъ она была вовсе уничтожена. Мы видимъ теперь народъ, гражданскими учрежденіями весьма прославившійся, который оную отметаетъ, не чувствуя оттуда никакого худаго слѣдствія: чего ради она не нужна по своему естеству. Мы ниже сего пространнѣе о семъ изъяснимся.

Изъ главы X. Кто не объемлется ужасомъ, видя въ исторіи столько варварскихъ и безполезныхъ мученій, выисканныхъ и въ дѣйство произведенныхъ безъ малѣйшаго совѣсти зазора людьми, давшими себѣ имя премудрыхъ? Кто не чувствуетъ внутри содроганія чувствительнаго сердца при зрѣлищѣ тѣхъ тысячъ безсчастныхъ людей, которые оныя претерпѣли и претерпѣваютъ, многажды обвиненные во преступленіяхъ сбыться трудныхъ или немогущихъ, часто сплетенныхъ отъ незнанія, а иногда отъ суевѣрія? Кто можетъ, говорю Я, смотрѣть на растерзаніе сихъ людей, съ великими пріуготовленіями отправляемое людьми же, ихъ собратіею? Страны и времена, въ которыхъ казни были самыя лютѣйшія въ употребленіи, суть тѣ, въ которыхъ содѣвалися беззаконія самыя безчеловѣчныя.

Опыты свидѣтельствуютъ, что частое употребленіе казней никогда людей не сдѣлало лучшими: чего для если Я докажу, что въ обыкновенномъ состояніи общества смерть гражданина ни полезна, ни нужна, то Я преодолѣю востающихъ противу человѣчества. Я здѣсь говорю: *въ обыкновенномъ общества состояніи:* ибо смерть гражданина можетъ въ одномъ только случаѣ быть потребна, сирѣчь: когда онъ, лишенъ будучи вольности, имѣетъ еще способъ и силу, могущую возмутить народное спокойство. Случай сей не можетъ нигдѣ имѣть мѣста, кромѣ когда народъ теряетъ, или возвращаетъ свою вольность, или во время безначалія, когда самые безпорядки заступаютъ мѣсто законовъ. А при спокойномъ царствованіи законовъ, и подъ образомъ правленія, соединенными всего народа желаніями утвержденнымъ, въ государствѣ противу внѣшнихъ непріятелей защищенномъ, и внутри поддерживаемомъ крѣпкими подпорами, то есть силою своею и вкоренившимся мнѣніемъ во гражданахъ, гдѣ вся власть въ рукахъ Самодержца, въ такомъ государствѣ не можетъ въ томъ быть никакой нужды, чтобъ отнимать жизнь у гражданина. Двадцать лѣтъ государствованія Императрицы Елисаветы Петровны подаютъ отцамъ народовъ примѣръ къ подражанію изящнѣйшій, нежели самыя блистательныя завоеванія.

Гораздо лучше предупреждать преступленія, нежели наказывать.

Предупреждать преступленія есть намѣреніе и конецъ хорошаго законоположничества, которое не что иное есть, какъ искусство приводить

людей къ самому совершенному благу, или оставлять между ними, если всего искоренить нельзя, самое малѣйшее зло.

Хотите ли предупредить преступленія? Сдѣлайте, чтобъ законы меньше благодѣтельствовали разнымъ между гражданами чинамъ, нежели всякому особо гражданину.

Сдѣлайте, чтобъ люди боялися законовъ, и никого бы кромѣ ихъ не боялися.

Хотите ли предупредить преступленія? Сдѣлайте, чтобы просвѣщеніе распространилося между людьми.

Книга добрыхъ законовъ не что иное есть, какъ недопущеніе до вреднаго своевольства причиняти зло себѣ подобнымъ.

Еще можно предупредить преступленіе награжденіемъ добродѣтели.

Наконецъ самое надежное, но и самое труднѣйшее средство сдѣлать людей лучшими есть приведеніе въ совершенство воспитанія.

Изъ главы XI. Гражданское общество, такъ какъ и всякая вещь, требуетъ извѣстнаго порядка; надлежитъ тутъ быть однимъ, которые правятъ и повелѣваютъ, а другимъ, которые повинуются.

И сіе есть начало всякаго рода покорности; сія бываетъ больше или меньше облегчительна, смотря на состояніе служащихъ.

Итакъ, когда законъ естественный повелѣваетъ намъ по силѣ нашей, о благополучіи всѣхъ людей пещися, то обязаны мы состояніе и сихъ подвластныхъ облегчати, сколько здравое разсужденіе дозволяетъ.

Слѣдовательно и избѣгати случаевъ, чтобъ не приводить людей въ неволю, развѣ крайняя необходимость къ учиненію того привлечетъ, и то не для собственной корысти, но для пользы государственной; однако и та едва не весьма ли рѣдко бываетъ.

Какого бы рода покорство ни было, надлежитъ, чтобъ законы гражданскіе съ одной стороны злоупотребленіе рабства отвращали, а съ другой стороны предостерегали бы опасности, могущія оттуду произойти.

Несчасливо то правленіе, въ которомъ принуждены установляти жестокіе законы.

Петръ Первый узаконилъ въ 1722 году, чтобы безумные и подданныхъ своихъ мучащіе были подъ смотрѣніемъ опекуновъ.

По первой статьи сего указа чинится исполненіе; а послѣдняя для чего безъ дѣйства осталася, неизвѣстно.

У аѳинянъ строго наказывали того, кто съ рабомъ поступалъ свирѣпо.

Не должно вдругъ и чрезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ.

Законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества.

При чемъ, однако, весьма же нужно, чтобы предупреждены были тѣ причины, кои столь часто привели въ непослушаніе рабовъ противъ господъ

своихъ; не узнавъ же сихъ причинъ, законами упредить подобныхъ случаевъ нельзя, хотя спокойство однихъ и другихъ отъ того зависитъ.

Изъ главы XX. Слова, совокупленныя съ дѣйствіемъ, принимаютъ на себя естество того дѣйствія; такимъ образомъ человѣкъ, пришедшій напримѣръ на мѣсто народнаго собранія увѣщевать подданныхъ къ возмущенію, будетъ виновенъ въ оскорбленіи Величества потому, что слова совокуплены съ дѣйствіемъ, и заимствуютъ нѣчто отъ онаго. Въ семъ случаѣ не за слова наказуютъ, но за произведенное дѣйствіе, при которомъ слова были употреблены. Слова не вмѣняются никогда во преступленіе, развѣ оныя пріуготовляютъ, или соединяются, или послѣдуютъ дѣйствію беззаконному. Все превращаетъ и опровергаетъ, кто дѣлаетъ изъ словъ преступленіе смертной казни достойное; слова должно почитать за знакъ только преступленія, смертной достойнаго казни.

Итакъ слова не составляютъ вещи подлежащей преступленію; часто они не значатъ ничего сами по себѣ, но по голосу, какимъ оныя выговариваютъ; часто, пересказывая тѣ же самыя слова, не даютъ имъ того же смысла; сей смыслъ зависитъ отъ связи, соединяющей оныя съ другими вещьми. Иногда молчаніе выражаетъ больше, нежели всѣ разговоры. Нѣтъ ничего, что бы въ себѣ столько двойного смысла замыкало, какъ все сіе. Такъ какъ же изъ сего дѣлать преступленіе толь великое, каково оскорбленіе Величества, и наказывать за слова такъ, какъ за самое дѣйствіе? Я чрезъ сіе не хочу уменьшить негодованія, которое должно имѣть на желающихъ опорочить славу своего Государя, но могу сказать, что простое исправительное наказаніе приличествуетъ лучше въ сихъ случаяхъ, нежели обвиненіе въ оскорбленіи Величества, всегда страшное и самой невинности.

Запрещаютъ въ самодержавныхъ государствахъ сочиненія очень язвительныя; но оныя дѣлаются предлогомъ, подлежащимъ градскому чиноправленію, а не преступленіемъ; и весьма беречься надобно изъисканія о семъ далече распространять, представляя себѣ ту опасность, что умы почувствуютъ притѣсненіе и угнетеніе: а сіе ничего инаго не произведетъ, какъ невѣжество, опровергнетъ дарованія разума человѣческаго, и охоту писать отниметъ.

Все сіе не можетъ понравиться ласкателямъ, которые по вся дни всѣмъ земнымъ обладателямъ говорятъ, что народы ихъ для нихъ сотворены. Однакожъ МЫ думаемъ и за славу СЕБѢ вмѣняемъ сказать, что МЫ сотворены для НАШЕГО народа, и по сей причинѣ МЫ обязаны говорить о вещахъ такъ, какъ они быть должны. Ибо, Боже сохрани! чтобы послѣ окончанія сего законодательства былъ какой народъ больше справедливъ, и слѣдовательно больше процвѣтающъ на землѣ; намѣреніе законовъ НАШИХЪ было бы не исполнено: несчастіе, до котораго Я дожить не желаю!

Сатирическія статьи императрицы Екатерины II.

В. Сиповскій, Исторія русской словесности, ч. II, стр. 140.

Изъ „Былей и небылицъ".

1.

Дѣла тяжебныя, кои за грѣхи мои родственникъ со мною завелъ, принудили меня, перенеся оныя на апелляцію, ѣхать въ Петербургъ. Тамъ, по обыкновенію, старался я найти покровителя и, успѣвъ въ ономъ, къ благосклонному мнѣ вельможѣ нерѣдко ѣздилъ. Я встрѣчался часто съ чужестранными и съ большими нашими боярами; и какъ въ домѣ моего благодѣтеля между иностранными я примѣтилъ одну особу отмѣннаго нрава и заботливости, я тогда же у себя не карандашомъ, но перомъ его портретъ написавъ, нынѣ здѣсь сообщаю. Онъ всегда чувствовалъ и скрывать не могъ нетерпѣнія своего, когда кто тихо говорилъ съ кѣмъ-нибудь, для того, что онъ все знать и слышать желалъ. Изъ дома въ домъ переѣзжалъ для того только, чтобъ слышать новости, а услышавъ оныя, давалъ имъ смыслъ собственной своей выдумки, прибавляя къ нимъ важность, которой онѣ никакъ въ себѣ не содержали, и выводилъ изъ оныхъ заключенія, кои одна его заботливая голова или старая сплетница дѣлать можетъ. Безпокоился также очень, когда куда-нибудь товарищей его позовутъ обѣдать или ужинать, а его не пригласятъ. Себя и санъ свой ставилъ онъ очень высоко, отчего часто былъ недоволенъ, думая, что не все ему должное почтеніе воздается, выдумывалъ басни, и потомъ съ важнымъ видомъ и будто по отличной довѣренности, ихъ разсказывалъ за слышанную имъ быль. Самыя бездѣлицы вывѣдывать желалъ такъ охотно, что наконецъ не только остерегъ всѣхъ противъ себя, но пронырливость и мелкости, кои въ его нравѣ такъ видимы были, содѣлывали его не только непріятнымъ, но и возбуждали противъ него отвращеніе.

2.

Отъ самаго дня изданія „Собесѣдника" примѣчена повсюду великая перемѣна и поправленіе во нравахъ: да какъ тому и быть иначе? Прибавилось въ рукахъ покупающихъ рубли на полтора шутки, проповѣди, нравоученія. Будучи занятъ сею мыслію, вставъ на сихъ дняхъ рано, пошелъ я прохаживаться по улицамъ; вѣтрено было, несло по городу пыль, щепки, известь, перья, мочалки, и между прочимъ упала къ ногамъ, обернясь нѣсколько разъ около башмаковъ моихъ, печатная бумажка. Я великій охотникъ читать и обыкновенно не пропускаю ни единой вывѣски, ни прибитаго листа къ дому о наймѣ или продажѣ, ни мастерового щита, чтобы не про-

честь оныхъ; давно бы я всѣ наизусть сказать могъ, буде бы не перемѣняли ежедневно своего пребыванія. Наклонясь, поднялъ я для прочтенія печатную бумажку, которую вѣтеръ повергнулъ къ стопамъ моимъ. При первомъ взглядѣ не вѣрилъ я глазамъ своимъ, когда увидѣлъ, что та бумажка не что иное было, какъ папиліотъ, сдѣланный изъ листа „Собесѣдника"; съ ужасомъ читалъ я точныя слова „Были и небылицы"; прочее передрано и припекательными щипцами сожжено было! Я остолбенѣлъ на улицѣ и, стоя, впалъ въ размышленіе, какъ бы то случиться могло? Въ самое то время мимо меня прошелъ разносчикъ съ лоткомъ апельсиновъ и сушеныхъ французскихъ лакомствъ; взглянувъ на оныя, усмотрѣлъ я паки обвертки печатныя. Любопытство принудило меня, подошедъ къ разносчику, притвориться, будто бы покупать хочу; разглядя поближе, получилъ я полное свѣдѣніе обширнаго употребленія той драгоцѣнной книги, которая издается для исправленія нравовъ, очищенія языка и пользы общества: не только апельсины и сушеные фрукты были листами обвернуты, но оные служили имъ еще, сверхъ моха, листа въ три толщины, постилкою! Не утерпя, спросилъ я: „Откуда взялись сіи листы?" и разносчикъ, улыбаясь, сказалъ, что нашелъ онъ ихъ на крыльцѣ, между сору, въ одномъ знатномъ домѣ, куда ходилъ онъ, дня два тому назадъ, для требованія долгу съ барыни, которая ему три года четыре рубли пятьдесятъ копеекъ не платитъ за апельсины; но онъ не могъ ее видѣть инако, какъ сквозь двери передней, которыя часто растворялъ слуга ея, бѣгая взадъ и впередъ съ горячими щипцами, кои, спѣша пробовать, припекалъ къ печатнымъ тѣмъ листамъ, понеже барыня тогда завивала волосы. Соображая сіе съ летавшимъ по вѣтру папиліотомъ, несомнѣнно почитаю, что оные одному принадлежали хозяину. Я, свѣдавъ сіе, тотчасъ пошелъ домой и, описавъ такое достойное примѣчанія происшествіе, спѣшу отдать оное въ печать, дабы доброе употребленіе книгъ извѣстно быть могло. Я же тѣмъ удовольствіемъ заплаченъ, что изданіе мое прочту въ печатной книгѣ, а тамъ желаю ему счастливаго пути, и да употребитъ его красавица, какъ ей самой угодно.

3.

Дѣдушка зналъ одну дѣвицу, хорошую и разумную, которая была нѣсколько смугла; къ ней приняли мадамъ. Мадамъ умѣла рисовать, пѣть, играть на клавикордахъ; нравомъ была тиха и скромна, паче иныхъ прежде бывшихъ, но сильно притомъ бѣлилась. Мадамъ показывала все, что умѣла, той хорошей дѣвушкѣ; также выучила ее и бѣлиться. Мадамъ отъ бѣлилъ получила чахотку и скончалась; вскорѣ потомъ хорошая дѣвица зачала жаловаться грудью, и какъ она пѣвала много, то думала родня, что она отъ того больна грудью, не велѣла ей пѣть, бѣлиться же не запретила. Мѣсяца съ два спустя, она вышла замужъ и часъ-отъ-часу стала чахнуть больше и

умерла прежде года. По всѣмъ признакамъ дѣдушка изволилъ говорить, что ей чахотка приключилась отъ бѣлилъ, ибо зубы почернѣли, глаза стали болѣть, и кожа сморщилась.

Изъ „Всякой всячины“.

На сихъ дняхъ, любезный читатель, съѣздилъ я къ теткѣ своей, барынѣ, лѣтъ семидесяти. Не успѣлъ я войти въ двери и ей поклониться, какъ она закричала на меня: „Басурманъ, какъ ты въ комнаты входишь, да не крестишься?“ Я старался подойти поближе къ кровати, на которой она сидѣла, чтобъ поцѣловать у нея руку, но почти непреоборимыя препятствія между нами находились и лишали меня долго сего удовольствія. У самой двери, направо, стоялъ превеликій сундукъ, желѣзомъ окованный; налѣво множество ящиковъ, ларчиковъ, коробочекъ и скамеечекъ барскихъ барынь. При концѣ сего узкаго прохода сидѣли на землѣ рядомъ слѣпая, между двумя карлицами, и двѣ богадѣльницы. Передъ ними, ближе къ кровати, лежалъ мужикъ, который сказки сказывалъ; одна излишняя за штатомъ монахиня, двѣ внуки ея родныя, дѣвушки невѣсты, да дура. Монахиня да внуки отъ прочихъ были тѣмъ отмѣнены, что онѣ лежали на перинахъ. У кровати занавѣски были открыты,—знатно отъ духоты, ибо тетушка была одѣта очень тепло; сверхъ сорочки она имѣла лисью шубу. Нѣсколько старухъ и дѣвокъ еще стояло у стѣнъ для услугъ, подпирая рукою руку, а сею щеку ихъ недосуги живо изображало растрепанное убранство ихъ головъ и выпачканное платье. Я заключилъ, что тетка такъ живетъ, дабы сказать можно было, что у нея въ комнатѣ нѣтъ мѣста, гдѣ бы не находился православный. [Разсказчикъ, пробираясь къ постели, задѣлъ концомъ шпаги голову карлицы]. Я еще не успѣлъ отцѣпить шпаги, какъ услышалъ, что слѣпая возопила веліемъ голосомъ: „Ахъ, проклятый! раздавилъ мои пироги, весь карманъ мой замаслилъ“. Тетушка очень осердилася на меня и сказала: „Что ты, шалунъ, ко мнѣ пріѣхалъ моихъ домашнихъ передавить? Во Франціи у васъ, что ли, такой манеръ? Безбожный! на слѣпую напалъ. Бѣдная такъ радовалась давича пирогамъ и сколько имъ укладыванья было! а дуракъ ихъ раздавилъ своимъ бѣшенствомъ. Вѣкъ бы ты лучше, мой свѣтъ, ко мнѣ не пріѣзжалъ, если только для того ѣздить будешь, чтобы дѣлать развратъ въ моемъ домѣ; да и дѣтей перепугалъ; Лиса поблѣднѣла совсѣмъ, а Груша и такъ со вчерашняго послѣобѣда не спала!“ Тутъ Лиса, ея большая внучка, впала ей въ рѣчь, и съ ужимкою молвила: „Ужесть, бабушка сударыня, какъ я испугалась! А сестрица чуть жива“. Груша на то сказала: „Ахъ, радость, мочи нѣтъ, умаришь; не магу вздумать, какъ онъ па всѣмъ, па всѣмъ; нѣтъ ушъ, сестрица, какъ онъ не важенъ; права, ужесть, какъ не важенъ! просимъ оставить въ пакоѣ!“ Я все еще не

терялъ надежды приближиться къ кровати теткиной, но, стоя въ углу, извинялся, какъ могъ... Тетушка приказала поднести мнѣ водки. Я думалъ, что сія минута способна подойти къ ней; но какъ темно было со стороны кровати, гдѣ я подошелъ,—наклонясь весьма низко, зацѣпилъ локтемъ столикъ съ изломанною ножкою, на которомъ закуски стояли, и уронилъ оный теткѣ на кровать; здѣсь дѣвки прибѣжали; одна зацѣпила лампаду... Тутъ монахиня прогласила: „аминь, аминь, аминь, разсыпься!", тетушка вышла изъ терпѣнія и закричала: „подай плетей!"

По отставкѣ изъ арміи опредѣлили меня на воеводство; я не поладилъ съ подьячими; они подослали ко мнѣ одного челобитчика съ подарками: съ табакомъ, французской водкой и сахаромъ, а сами за тѣмъ подсматривали. Смотрю, на другой день уже одинъ подьячій подалъ на меня доносъ во взяткахъ,—и вотъ я по слѣдствію отрѣшенъ отъ мѣста и другой годъ скитаюсь по дворамъ съ женою и ребятишками! [Одинъ изъ слушателей сказалъ:] „То то, братъ: говорится пословица: не учась въ попы не ставятся, кабы ты бралъ съ умкомъ, такъ бы и по сю пору тамъ жилъ и дѣтямъ бы кой-что оставилъ". „Какъ же брать-то?"—„А вотъ какъ: ты посадилъ-бы просителя играть въ карты: онъ нарочно бъ тебѣ проигралъ, или продалъ ему свою дешевую вещь за дорогую цѣну, или далъ ему порученіе купить что-нибудь на твой счетъ, это бъ дѣло было какъ будто заемное, а тебѣ бы даромъ пришло! или промѣнялъ бы ему свою плохую вещь за его добрую, или, наконецъ, научилъ бы своего мальчика собирать съ просителей оброкъ, а если бы началось дѣло—могъ бы его куда-нибудь сослать; да полно, слугамъ и безъ того не повѣрятъ въ случаѣ доноса на господъ! Это тѣ же взятки, да въ руки другимъ путемъ попадаетъ!"

...Было у меня въ нѣкоторомъ приказѣ дѣло, по причинѣ котораго принужденъ я былъ почти ежедневно ходить и кланяться г. подьячему, у коего дѣло мое было. Онъ носилъ шпагу и парикъ, и для того былъ спѣсивъ... Всякое почти утро, нашедъ его въ приказѣ, подойду и, низехонько поклонясь: „Милостивый государь! скажу ему—сдѣлайте милость, о чемъ я вчерась ваше благородіе просилъ". Онъ, сидя на стулѣ, имѣя въ рукахъ перо и предъ собою лежащую на столѣ бумагу, взглянетъ на меня изъподлобья и кивнетъ головою, давая тѣмъ знать, чтобы я ему не мѣшалъ, будто бы онъ что ни есть сочиняетъ важное и о томъ думаетъ; а я мню, что онъ думалъ о томъ, какъ бы лучше съ кого что счистить. Погодя нѣсколько, опять къ нему подойду и еще того учтивѣе попрошу. Я хотѣлъ учтивостью моею его умилостивить; но послѣ узналъ, что подьячіе ни учтивостей, ни просьбъ не разумѣютъ, а его хоть брани, хоть высѣки, дай только деньги. Какъ раза три или четыре такимъ образомъ ему поклонюся, оборотясь, съ сердцемъ, скажетъ: „Ты думаешь, что твое дѣло у меня одно; скоро тебѣ захотѣлось, и *завтра* вить такой же будетъ день. Или, когда понравится его благоутробію, лаконическій отвѣтъ мнѣ дастъ, но обыкновенно съ грознымъ

видомъ: „завтра“. Прошло нѣсколько недѣль, что онъ говорилъ мнѣ почти ежедневно; „завтра“. Узналъ я, что подьяческое завтра не похоже на то „завтра“, какое прочими употребляется. Пришелъ я еще его попросить, въ чаяніи—не назначитъ ли онъ дѣлу моему иного срока: но онъ съ превеликимъ сердцемъ закричалъ на меня: „Вить сказано тебѣ, что *завтра*!“ Оробѣвъ, я не смѣлъ его милости доложить, коликое число мѣсяцевъ состоитъ въ его *завтра*; но съ огорченіемъ отошелъ прочь, сѣлъ на стоящую въ томъ приказѣ порожнюю скамейку и, повѣся голову, размышлялъ, что это за *завтра*. Одинъ незнакомый мнѣ отставной офицеръ, коего я часто тутъ видѣлъ, сжалясь надо мною, спросилъ меня, о чемъ я такъ грустенъ? Я разсказалъ ему про все... [Офицеръ посовѣтовалъ принести барашка въ бумажкѣ]. „Что это такое за барашекъ, спросилъ я и какъ обвернуть его въ бумажку?“ И подьячіе, отвѣчалъ офицеръ, со всѣхъ берутъ деньги, и съ правыхъ и съ виноватыхъ; деньги эти челобитчики обвертываютъ бумагою *благопристойности ради*... А чтобъ выговоръ не столь тягостенъ показался ушамъ челобитчиковымъ, ежели подьячій потребуетъ у него денегъ, то выдумали они сіе слово: „принеси мнѣ *барашка въ бумажкѣ*!“

... На другой день всталъ я въ такое время, въ какое добрые люди не встаютъ, не имѣя кровной нужды, и, завернувъ двадцать рублей въ бумажку, поѣхалъ къ подьячему... Вышла баба въ сарафанѣ и босикомъ и велѣла мнѣ войти къ барину. Онъ сидѣлъ противъ топящейся печки и, обуваясь, охалъ; знать, что наканунѣ носъ у него былъ *понасандаленъ*. Я вошелъ и, не сказавъ ни слова, поднесъ ему деньги съ низкимъ поклономъ. Подьячій, увидя деньги, вскочилъ со стула и, подбѣжавъ ко мнѣ, принялъ ихъ отъ меня съ учтивостью. „На что вы столько трудитесь?“ сказалъ онъ, „право, это напрасно!“ Я началъ просить, о моемъ дѣлѣ. „Знаю знаю“, говорилъ подьячій, оно по всѣмъ законамъ право; я буду стараться, чтобъ оно кончилось въ вашу пользу!“... Подьячій, видно, примѣтилъ, что я недогадливъ на ихъ подьяческіе обиняки, и для лучшей ясности спросилъ меня: „были ль вы у судьи?“—„нѣтъ, не былъ!“—„надобно и у него *также* побывать и его *также* попросить! Чрезъ повторенное въ послѣдней рѣчи слово *также* далъ онъ разумѣть, чтобъ я у судьи побывалъ не съ голыми руками, а также съ *барашкомъ*!.

... Мѣсто, въ которомъ я взросъ и провождалъ первыя лѣта мои, недалеко лежитъ отъ Епифани, и, хотя не болѣе тридцати верстъ, однако я никогда въ семъ городѣ не бывалъ... Провождалъ дни свои въ деревнѣ, былъ воспитанъ бабушкою, которая любила меня чрезвычайно. Первыя мои лѣта упражнялся я, проигрывая съ крестьянскими робятами цѣлые дни на гумнѣ, часто случалося, что бивалъ ихъ до крови и, когда приходили они къ учителю моему (который былъ старый дьячокъ нашего прихода) жаловаться, то онъ отгонялъ ихъ. Бабушка моя подъ жесточайшимъ гнѣвомъ запретила ему ниже словомъ не огорчать меня. Итакъ неудивительно, что

учитель, не хотя потерять ея милости и навлечь на себя гнѣвъ ея, точно ея приказу послѣдовалъ. Имѣя столь хорошаго покровителя, не глядѣлъ я ни на кого. Когда отецъ мой отваживался меня бранить, то, я расплакавшись, бѣжалъ къ бабушкѣ и матушкѣ на него жаловаться, и онѣ говорили мнѣ, гладя по головѣ и утирая слезы: „Плюнь на него, другъ мой, не слушай его, эдакой отецъ! не стоишь ты такого сына!“ Такимъ образомъ достигъ я тринадцатаго года, однако съ нуждою могъ я разбирать букварь и марать дурныя буквы. Со всѣмъ тѣмъ бабушка дивилась разуму моему и не могла довольно приписать похвалъ моему понятію. Въ то время отецъ мой предложилъ ей, чтобъ взять для меня учителя *француза*: предложеніе сіе ей не полюбилось, и она никогда не хотѣла согласиться отдать меня въ руки, какъ она сказывала, басурману... Итакъ прошелъ еще годъ, которое время проводилъ я, рѣзвяся съ дѣвками и играя со слугами въ карты... [Наконецъ былъ выписанъ французъ]. Азбука стала мнѣ становиться скучна, онъ (учитель), видя то, прежде мнѣ выговаривалъ, а потомъ началъ и принуждать. Поступокъ сей мнѣ не полюбился, и въ одинъ день, какъ онъ, не могши стерпѣть больше моего упрямства, ударилъ линейкой по рукѣ, закричалъ я такъ, какъ будто бы меня рѣзали. На крикъ мой сбѣжались бабушка, матушка и всѣ нянюшки, и спрашивали меня, что за причина моему крику? Я сказалъ имъ, что учитель хотѣлъ меня убить до смерти и переломилъ мнѣ линейкою руку. Желалъ бы я, чтобъ могъ изобразить ярость, овладѣвшую сими женщинами; онѣ бранили бѣднаго учителя всѣми ругательствами, какія только злоба ихъ могла выдумать; наконецъ, бросились на него, и, еслибъ онъ не ускорилъ спрятаться у моего отца, то бъ, конечно, выцарапали бъ ему глаза. „Ахъ! проклятой! кричала бабушка изувѣчилъ бѣдное дитя. Вонъ изъ моего дома!“

Поѣхалъ я однажды ко другу моему и, не нашедъ его дома, вошелъ къ женѣ. Она на тотъ часъ сошла въ дѣтскую. Какъ я въ домѣ очень знакомъ, и я туда же пошелъ и увидѣлъ ее посреди четырехъ дѣтей. Самый маленькій заплакалъ, и, чтобъ его растѣшить, мама заставила его платкомъ бить няню. Сія притворилася, будто плачетъ; а мама приговаривала: хорошенько, батюшка, хорошенько дуру бей; она, видишь, дитяти досадила. Дитя же старалося крѣпко ударить няню; и чѣмъ крѣпче било, тѣмъ няня болѣе притворно ревѣла, а дитя тому смѣялося. Погодя, другое дитя упало: мать ему велѣла плюнуть на полъ и топтать ногою то мѣсто, гдѣ онъ споткнулся. Я подошелъ къ матери и сказалъ ей на ухо: Степанида Богдановна, боишься ли Бога, что съ одной стороны, дозволяешь мамѣ поваживать сына бить людей и смѣяться воплю да лгать притомъ, будто няня досадила ему; въ самомъ же дѣлѣ его обманываютъ. Какое онъ можетъ получить воображеніе о справедливости? и не искореняетъ ли все сіе въ самой нѣжной мо-

лодости въ сынѣ твоемъ милосердія и основаній справедливости, когда, съ другой стороны, ты сама другого сына учишь мщенію и велишь бить и топтать мѣсто, гдѣ онъ зацѣпился? Она мнѣ на то отвѣтствовала: „Ихъ, батька! ты всегда умничаешь; будто то же и съ тобою и со мною не было. Какъ же инако съ ребятами быть?“ Я старался ей доказать, что и она и я лучше бы были, если бы съ нами инако обходились, и что намъ весьма трудно было отстать отъ дурныхъ и суровыхъ привычекъ, а еще труднѣе основать свои ежедневные поступки на самой истинѣ. Окончa я сіи слова, услышалъ визгъ собаки. Я оглянулся и увидѣлъ, что третье дитя щиплетъ щенка, а возлѣ него большенькій пугаетъ канарейку, бивъ рукою по клѣткѣ; птичка же бѣдненькая билась изъ угла въ уголъ. Я вышелъ изъ терпѣнія и сказалъ матери: „ты сдѣлаешь изъ дѣтей тирановъ, если ихъ не повадишь миловать ни людей ни звѣрей; я, право, мужу скажу“; и вышелъ вонъ, захлопнувъ дверью. Пришедши домой, я написалъ слѣдующее, дабы барыню отпугать отъ подобнаго воспитанія, показавъ ей слѣдствія, коимъ она по степенямъ дѣтей своихъ подвергаетъ. Суровость есть страсть безчеловѣчная, коя заключаетъ въ себѣ строгость, жестокость для другихъ, немилосердіе, мщеніе, скверное удовольствіе дѣлати зло съ безчувственнымъ сердцемъ или находить веселіе бѣса въ страданіи другого. Сей омерзѣнія достойный порокъ происходитъ отъ привычки, коя производитъ подлость души и трусость; сія—тиранство съ истребленіемъ естественной чувствительности. Привычка видѣти ужасъ мученій и другихъ безчеловѣчныхъ позорищъ, повадка проливати кровь звѣрей, дурные примѣры другихъ производятъ наконецъ жестокосердіе, къ коему поваживаются съ ребячества уже, когда матери и хожатые таковы умны, какъ вышеписанная.

Изъ „Трутня“ Новикова.

В. Сиповскій, Исторія русской словесности, ч. II, стр. 141.

(1769—1770).

Изъ Кронштата.

На сихъ дняхъ въ здѣшній портъ прибылъ изъ Бурдо корабль: на немъ, кромѣ самыхъ модныхъ товаровъ, привезены 24 француза, сказывающія о себѣ, что они всѣ бароны, шевалье, маркизы и графы, и что они, будучи нещастливы во своемъ отечествѣ, по разнымъ дѣламъ, касавшимся до чести ихъ, приведены были до такой крайности, что для пріобрѣтенія золота, вмѣсто Америки, принуждены были ѣхать въ Россію. Они во всѣхъ разсказахъ солгали очень мало: ибо по достовѣрнымъ доказатель-

ствамъ они всѣ природные французы, упражнявшіеся въ разныхъ ремеслахъ и должностяхъ третьяго рода. Многія изъ нихъ въ превеликой жили ссорѣ съ парижскою полиціею, и для того она по ненависти своей къ нимъ сдѣлала имъ привѣтствіе, которое имъ не полюбилось. Оное въ томъ состояло, чтобы они немедленно выбрались изъ Парижа, буде не хотятъ обѣдать, ужинать и ночевать въ Бастиліи. Такое привѣтствіе хотя было и очень искренно, однакожъ симъ господамъ Французамъ не полюбилось; и ради того пріѣхали они сюда, и намѣрены вступить въ должности учителей и гофмейстеровъ молодыхъ благородныхъ людей. Они скоро отсюда пойдутъ въ Петербургъ. Любезныя сограждане, спѣшите нанимать сихъ чужестранцевъ, для воспитанія вашихъ дѣтей...

Для Г. Безразсуда.

Безразсудъ боленъ мнѣніемъ, что крестьяне не суть человѣки, но крестьяне; а что такое крестьяне, о томъ знаетъ онъ только по тому, что они крѣпостные его рабы. Онъ съ ними точно такъ и поступаетъ, собирая съ нихъ тяжкую дань, называемую оброкъ. Никогда съ ними не только что не говоритъ ни слова, но и не удостоиваетъ ихъ наклоненіемъ своей головы, когда они по восточному обыкновенію предъ нимъ по землѣ распростираются. Онъ тогда думаетъ: „Я господинъ, они мои рабы, они для того и сотворены, чтобы, претерпѣвая всякія нужды, и день и ночь работать и исполнять мою волю исправнымъ платежомъ оброка: они, памятуя мое и свое состояніе, должны трепетать моего взора“. Въ дополненіе къ сему прибавляетъ онъ, что точно о крестьянахъ сказано: въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой. Бѣдные крестьяне любить его какъ отца не смѣютъ, но, почитая въ немъ своего тирана, его трепещутъ. Они работаютъ день и ночь, но со всѣмъ тѣмъ едва, едва имѣютъ дневное пропитаніе, за тѣмъ, что насилу могутъ платить господскіе поборы. Они и думать не смѣютъ, что у нихъ есть что нибудь собственное, но говорятъ: это не мое, но Божіе и господское. Всевышній благословляетъ ихъ труды и награждаетъ, а Безразсудъ ихъ обираетъ. Безразсудной! развѣ забылъ то, что ты сотворенъ человѣкомъ, неужели гнушаешься самимъ собою, во образѣ крестьянъ, рабовъ твоихъ? развѣ не знаешъ ты, что между твоими рабами и человѣками больше сходства, нежели между тобой и человѣкомъ. Вообрази рабовъ твоихъ состояніе, оно и безъ отягощенія тягостно: когда жъ ты гнушаешься тѣми, которые для удовольствованія страстей твоихъ трудятся почти безъ отдохновенія: они не смѣютъ и мыслить, что они человѣки: но почитаютъ себя осужденниками за грѣхи отецъ своихъ, видя, что прочіе ихъ братія у помѣщиковъ отцовъ наслаждаются вождѣленнымъ спокойствіемъ, не завидуя никакому на свѣтѣ счастію, ради тово, что они въ своемъ званіи благопо-

лучны: то подумай, какъ должны гнушаться тобой истинные человѣки, человѣки господа, господа, отцы своихъ дѣтей, а не тираны своихъ, какъ ты, рабовъ. Они гнушаются тобой, яко извергомъ человѣчества, преобращающаго нужное подчиненіе въ несносное иго рабства. Но Безразсудъ всегда твердитъ: я господинъ, они мои рабы; „я человѣкъ, они крестьяне". Отъ сей вредной болѣзни

Рецептъ:

Безразсудъ долженъ всякой день по два раза разсматривать кости господскія и крестьянскія до тѣхъ поръ, покуда найдетъ онъ различіе между господиномъ и крестьяниномъ.

Рецептъ для Его Превосходительства г. Недоума.

Сей вельможа ежедневную имѣетъ горячку величаться своею породою. Онъ производитъ свое поколѣніе отъ начала вселенной, презираетъ всѣхъ тѣхъ, кои дворянства своего по крайней мѣрѣ за пятьсотъ лѣтъ доказать не могутъ, а которые сдѣлалися дворянами лѣтъ за сто или меньше, съ тѣми и говорить онъ гнушается. Тотчасъ начинаетъ его трясти лихорадка, если кто предъ нимъ упомянетъ о мѣщанахъ или крестьянахъ. Онъ ихъ въ противность моднаго нарѣчія не удостоиваетъ ниже имени подлости, а какъ ихъ называть, того еще въ пятьдесятъ лѣтъ безплодной своей жизни не выдумывалъ; не ѣздитъ онъ ни въ церковь ни по улицамъ, опасаяся смертельнаго обморока, который непремѣнно, думаетъ онъ, съ нимъ случится, встрѣтившись съ неблагороднымъ человѣкомъ. Вотъ для чего сей вельможа, подобясь дикому медвѣдю, сосущему свои лапы, сдѣлалъ домъ свой навсегда лѣтнею и зимнею для себя берлогою; или, лучше сказать, онъ сдѣлалъ домъ свой домомъ бѣшеныхъ, въ которомъ, отдавая себѣ справедливость, добровольно заключился. Затворникъ нашъ ежечасно негодуетъ на судьбу, что опредѣлила она его тѣмъ же пользоваться воздухомъ, солнцемъ и мѣсяцемъ, которымъ пользуется простой народъ. Онъ желаетъ, чтобы на всемъ земномъ шарѣ не было другихъ тварей, кромѣ благородныхъ, и чтобъ простой народъ совсѣмъ былъ истребленъ, о чемъ неоднократно подавалъ онъ проекты, которые многими ради хорошихъ и отмѣнныхъ мыслей были похваляемы, а многими были опорочены для того, чтобы изобрѣтатель, для произведенія въ дѣйство своей выдумки, требовалъ напередъ трехсотъ милліоновъ рублей. Вельможа нашъ ненавидитъ и презираетъ всѣ науки и художества, почитаетъ оныя безчестіемъ для всякой благородной головы. По его мнѣнію, всякій шляхтичъ можетъ все знать, ничему не учася; философія, математика, физика и прочія науки суть бездѣлицы, не стоящія вниманія дворянскаго. Гербовники и патенты, едва-едва отъ пыли и моли спасшіеся, суть

однѣ книги, кои онъ безпрестанно по складамъ разбираетъ. Александрійскіе листы, на которыхъ имена его предковъ расписаны въ кружкахъ, суть однѣ картины, коими весь домъ его украшенъ; короче сказать, деревья, чрезъ которыя онъ происхожденіе своего рода означаетъ, хотя многія сухія имѣютъ отрасли, но нѣтъ на нихъ такого гнилого сучка, каковъ онъ самъ, и нѣтъ такой во всѣхъ фамильныхъ его гербахъ скотины, каковъ Его Превосходительство. Однако г. Недоумъ о себѣ думаетъ противное, и по крайней мѣрѣ въ разумѣ великимъ человѣкомъ, а въ породѣ божкомъ себя почитаетъ; а чтобы и весь свѣтъ тому вѣрилъ, ради того онъ старается не черезъ полезныя и славныя дѣла отъ другихъ быть отличнымъ, но чрезъ великолѣпные домы, экипажи и ливрею, не смотря, что онъ для поддержанія своей глупости проживаетъ уже тѣ доходы, кои бы еще чрезъ десять лѣтъ проживать надлежало. Для излѣченія г. Недоума отъ горячки.

Рецептъ.

Надлежитъ больному довольную мѣру здраваго привить разсудка и человѣколюбія, что истребитъ изъ него пустую кичливость и высокомѣрное презрѣніе къ другимъ людямъ: ибо знатная порода есть весьма хорошее преимущество, но она всегда будетъ обезчещена, когда не подкрѣпится достоинствомъ и знатными къ отечеству заслугами. Мнится, что похвальнѣе бѣднымъ быть дворяниномъ или мѣщаниномъ и полезнымъ государству членомъ, нежели знатной породы тунеядцемъ, извѣстнымъ только по глупости, дому, экипажамъ и ливреѣ.

Въ трактиръ вошли два человѣка; одинъ былъ одѣтъ, какъ обыкновенно одѣваются городскіе купцы, а другого можно было по платью признать, что онъ изъ приказнаго племени. Купецъ подошелъ къ трактирщику и спросилъ: „Что возьмешь за обѣдъ, чтобы хорошенько накормить восемь человѣкъ?“— „А кто будетъ обѣдать?“ — „У его милости, отвѣчалъ приказный, завтра здѣсь обѣдать будетъ *правосудіе*; онъ вознамѣрился его потрактовать, понеже дѣло его имѣется быть въ скорости предложено къ слушанію; того ради и надлежитъ помянутое *правосудіе* трактовать весьма богато“. Сторговались. На другой день купецъ цѣлые два часа стоялъ на крыльцѣ трактира, ожидая своихъ гостей. *Правосудіе* явилось въ образѣ нѣсколькихъ секретарей и приказныхъ служителей. Сѣли за столъ и началось угощеніе. Одинъ изъ подьячихъ налилъ себѣ рюмку вина, и только хотѣлъ выпить, какъ почувствовалъ что *правосудіе* оскорбляется, ибо, вмѣсто бургонскаго вина оказалось ординарное. Купецъ долженъ былъ перемѣнить ординарное вино на бургонское, и тѣмъ удовлетворилъ *правосудіе*“. [Потомъ стали играть на бильярдѣ], а,

между тѣмъ, почасту пили... Было замѣтно, что *правосудіе* начинало уже шататься“.

Изъ гостинаго двора.

На гостиной дворъ пріѣхала въ каретѣ съ двумя назади лакеями богато одѣтая женщина; изъ множества золотыхъ и серебряныхъ сѣтокъ купила два мотка и заплатила деньги; а другіе два, укравши, тихонько подъ асолопъ спрятала. Купецъ это видитъ, и какъ кавалеръ учтивый, при случившемся въ лавкѣ народѣ боярыню обезчестить не хочетъ. Боярыня поскакала домой, а купецъ за нею. Отъ просителя челобитная подана, а отъ судьи опредѣленіе не такъ, какъ въ приказахъ, тотчасъ послѣдовало. Боярыня купцу не только волосы выщипала и глаза подбила, да еще и кожу со спины плетьми спустила. Ништо тебѣ, бѣдный купецъ! Какъ ты, честный злорадный человѣкъ осмѣлился назадъ требовать своей сѣтки у благородной воровки? Благодари еще боярыню, что безчестья съ тебя не взяла. Въ самомъ дѣлѣ, не великая ли милость купцу сдѣлана?

Господинъ издатель!

Ты охотникъ до вѣдомостей, для того сообщаю тебѣ истинную быль; вотъ она.

У нѣкотораго судьи пропали золотые часы. Легко можно догадаться, что они были некупленныя. Судьи рѣдко покупаютъ; исторія гласитъ, что часы по формѣ приказной съ надлежащимъ судейскимъ насиліемъ вымучены были у одной вдовы, требовавшей въ приказѣ, гдѣ судья засѣдалъ, правосудія, коего бы она, конечно, не получила если бы не вознамѣрилась разстаться противъ воли своей съ часами.

Въ комнату, гдѣ лежали часы, входили только двое, подрядчикъ и племянникъ судейскій, человѣкъ приказный и чиновный. Подрядчикъ ставилъ полные два года въ судейскій домъ съѣстные припасы, за которые три года заплаты денегъ дожидался. Правда, имѣлъ онъ на судью вексель; но помогаетъ ли крестьянину вексель на судью приказнаго, судью, можетъ быть, еще знатнаго? Рѣдко вексель дѣйствіе имѣетъ, гдѣ судьи судью покрываютъ, гдѣ рука руку моетъ, для того, что обѣ были замараны. Подрядчикъ хотя не великій грамотей, однако про это знаетъ, и для того пришелъ просить судью о заплатѣ долгу со всякою покорностію: и въ то-то самое

время часы пропали. Племянникъ судейскій, хотя мальчишка молодой, но имѣетъ всѣ достоинства пожилого безпорядочнаго человѣка, играетъ въ карты, посѣщаетъ домы, гдѣ и кошелекъ опустошается и здоровье увядаетъ. Не было собранія мотовъ внѣ и внутри города, гдѣ бы онъ первый между прочими безъ дѣльствами пьянъ не напивался. Правосудію онъ учился у дяди, котораго пришедши поздравить съ добрымъ утромъ, укралъ и часы, о коихъ дѣло идетъ. Худой тотъ судья, которой чрезъ побои правду изыскиваетъ; а еще хуже тотъ, которой всякія преступленія низкой только породѣ по предубѣжденію приписуетъ, какъ будто бы, между благорожденными не было ни воровъ, ни разбойниковъ, ни душегубовъ. Случающіеся примѣры противное доказываютъ, и одинъ прощалыга, обращающійся довольно въ свѣтѣ, утверждаетъ, что больше бездѣльства и беззаконія между дворянами водится, нежели между простымъ народомъ, называемымъ по несправедливости подлымъ. Подлый человѣкъ, по мнѣнію его, есть тотъ, которой подлыя дѣла дѣлаетъ, хотя бъ онъ былъ баронъ, князь или графъ; а не тотъ, которой, рожденъ будучи отъ низкостепенныхъ людей добродѣтелью, можетъ быть, многихъ титлоносныхъ людей превосходитъ.

Кто добродѣтелью превыситъ тьму людей,
Не знаетъ славнѣе породы тотъ своей.

Судья, хватившись часовъ и не находя ихъ, по пристрастію разсуждаетъ про себя такъ: „Я хотя и грабитель въ противность совѣсти и государскихъ указовъ, однако самъ у себя красть не стану; племянникъ мой также не украдетъ: онъ человѣкъ благородный, чиновный, а пуще всего мой племянникъ. Другихъ людей здѣсь не было; конечно, часы укралъ подрядчикъ, онъ подлый человѣкъ, мнѣ противенъ; я ему долженъ“.

Заключилъ, утвердился и опредѣлилъ истязывать подрядчика, хотя сего дѣлать никакого права не имѣлъ, кромѣ насильственнаго права сильнѣйшаго.

Г. издатель! Видно, что сей судья никогда не читывалъ книги о преступленіяхъ и наказаніяхъ (des délits et des peines), которую бы всѣмъ судьямъ наизусть знать надлежало. Видно, что онъ никогда не заглядывалъ въ тѣ указы, кои безпристрастнымъ быть повелѣваютъ. Разсуждая по сему и по многимъ другимъ подобнымъ судьямъ, кажется, что они такіе люди, кои уреченные только часы въ приказахъ просиживаютъ, а о прямыхъ своихъ должностяхъ, какъ о сирскомъ и халдейскомъ языкахъ, не знаютъ! расторгни скорѣе завѣсу незнанія и жестокости для защищенія человѣчества.

Уже страдаетъ подрядчикъ подъ побоями судейскими, и плети, отрывая кожу кусками, адское причиняютъ ему мученіе. Чѣмъ больше невинный старается оправдать себя клятвами и призываніемъ Бога во свидѣтели, тѣмъ сильнѣе виноватый повелѣваетъ его тиранить; чѣмъ больше подрядчикъ про-

ситъ, плачетъ и стонетъ, тѣмъ безжалостнѣе судья усугубляетъ его мученіе. Бѣдный подрядчикъ, чувствуя свою душу приближающуюся къ гортани, и скоро изъ устъ выйти хотящую, не имѣя силы больше переносить мученія, принужденъ былъ наконецъ признаться въ похищеніи часовъ судейскихъ и чрезъ то прекратилъ чинимую надъ собою пытку.

Не столько любуется щеголиха новомоднымъ и въ долгъ сдѣланнымъ платьемъ, въ коемъ она въ первый разъ на гульбище подъ Дѣвичій монастырь для плѣненія сердецъ поѣхала; не столько радуется господчикъ Стозмѣй, когда ему удастся сдѣлать вредъ кому нибудь изъ тѣхъ, коихъ онъ для глупой своей любовницы по пристрастію ненавидитъ: не столько восхищался Злорадъ при представленіи гадко переведенной своей комедіи: не столько веселится монахъ, когда случится ему свѣтское что нибудь сдѣлать, какъ порадовался нашъ судья, подрядчикову мнимому воровству: ибо онъ уповалъ не только не заплатить того, чѣмъ онъ подрядчику былъ долженъ; но еще подрядчика сдѣлать себѣ должнымъ. Въ самомъ дѣлѣ въ ту же минуту со всѣмъ судейскимъ безстыдствомъ наблюдатель правосудія сдѣлалъ слѣдующее предложеніе подрядчику: „Если ты не согласишься тотчасъ изодрать моего векселя и не дашь мнѣ на себя другого въ двухъ тысячахъ рубляхъ, то ты будешь за воровство свое въ трехъ застѣнкахъ и сосланъ на вѣчную работу въ Балтійской портъ. Все сіе съ тобою исполнится непремѣнно—я тебя въ томъ честнымъ, благороднымъ и судейскимъ словомъ увѣряю. Но если сдѣлаешь то, чего отъ тебя между четырехъ глазъ требую, то будешь сей же часъ свободенъ, и твое воровство не пойдетъ въ огласку, а для заплаты двухъ тысячъ рублей даю тебѣ сроку цѣлый годъ: видишь, какъ съ тобою человѣколюбиво и христіански поступаю; иной бы принудилъ тебя заплатить и пять тысячъ рублевъ за твое бездѣльство, да еще и въ самое короткое время“.

Истерзанный подрядчикъ, обливаяся слезами и произнося всѣ на свѣтѣ клятвы, старается сколько можно доказать свою невинность; и признаніе въ кражѣ, говоритъ онъ, учинилъ для того, чтобъ избавиться хотя на минуту несноснаго мученія; увѣряетъ, что не только не можетъ онъ заплатить въ годъ двухъ тысячъ рублей, требуемыхъ неправедно, но что все его имѣніе почти въ томъ и состоитъ, чѣмъ его превосходительство ему долженъ, что, получивши сей долгъ, располагалъ онъ заплатить положенный на него государевъ и боярскій оброкъ; а потомъ себѣ, женѣ и малолѣтнымъ своимъ дѣтямъ нужное доставить. Отъ сихъ словъ пылаетъ нашъ судья гнѣвомъ и яростью и невиннаго подрядчика въ свой приказъ, яко пойманнаго вора и признаніе учинившаго, при сообщеніи отсылаетъ. Весьма скоро отправляются дѣла въ тѣхъ приказахъ, въ коихъ судьи сами истцами бываютъ, и рѣдко случается отъ прочихъ судей противорѣчіе въ томъ, что одному изъ нихъ надобно, хотя бы то было совсѣмъ несправедливо. Собака собаку лижетъ, и воронъ ворону глазъ не выклевываетъ. Въ тотъ же самый день опредѣ-

леніе подписано было всѣми присутствующими, чтобъ допрашивать подрядчика подъ плетьми вторично: и въ тотъ же самый день сіе бы исполнено было, еслибъ, къ счастію подрядчика, не захотѣлось судьямъ обѣдать; ибо былъ второй пополудни часъ, и еслибъ на другой день не было Вербнаго воскресенія, и по немъ Страстной и Святой недѣль, въ коихъ не бываетъ присутствія.

Подрядчикъ, заклепанный въ кандалы и цѣпь, брошенный со злодѣями въ темный погребъ, плачетъ неутѣшно; а съ нимъ купно рыдаютъ жена его и дѣти: слезы его тѣмъ обильнѣе текутъ, чѣмъ больше увѣренъ онъ въ своей невинности; а воръ, племянникъ судейскій, въ то самое время рыская по городу, присовокупляетъ безъ наказанія къ прежнимъ злодѣйствамъ еще новыя бездѣльства. Украденные часы проигралъ онъ нѣкоторому карточному мудрецу, который со всѣми своими въ картахъ хитростями бѣднѣе еще русскихъ комедіантовъ. Карточный мудрецъ заложилъ ихъ на два дня одному титулярному совѣтнику, которой по титулярной своей чести и совѣсти только по гривнѣ за рубль на каждый мѣсяцъ процентовъ беретъ. Совѣтникъ продалъ ихъ въ долгъ за двойную цѣну одному придворному господчику, который имѣетъ въ годъ доходу три тысячи рублей, а проживаетъ по шести, надѣясь, что дворъ заплатитъ всѣ его долги за вѣрную и ревностную службу, которая состоитъ въ томъ, что, будучи дневальнымъ, раздаетъ иногда кушанье, да и то непроворно и неопрятно. Придворный господчикъ подарилъ ихъ своей любовницѣ, всѣми чувствами его ненавидѣвшей, которая въ недѣлю Святой Пасхи отдала оные вмѣсто краснаго яйца прокурору того приказа, гдѣ содержался подрядчикъ, чтобъ г. прокуроръ постарался утѣснить ея отца, отъ котораго она убѣжала.

По прошествіи праздниковъ, засѣданія въ приказахъ начались, и день для подрядчикова истязанія и освобожденія наконецъ насталъ. Судьи съѣхались, подрядчикъ къ мученію былъ уже приведенъ, какъ прокуроръ, пріѣхавши послѣ судей и удивившись раннему ихъ съѣзду, вынулъ часы для провѣданія времени. Судья истецъ и другіе присутствующіе, тотчасъ узнали украденные часы, и безъ всѣхъ справокъ положили, что подрядчикъ оные продалъ той особѣ, отъ которой ихъ прокуроръ получилъ; а чтобъ подрядчика доказательнѣе въ воровствѣ обличить, то отправили секретаря у оной госпожи взять росписку въ покупкѣ часовъ у подрядчика, коего между тѣмъ начали подъ побоями допрашивать о слѣдующемъ: „не былъ ли кто изъ богатыхъ купцовъ съ нимъ въ умыслѣ? Не крадывалъ ли онъ и прежде сего? Кому продавалъ краденныя имъ вещи?“ и пр. Разспросы сіи дѣлались, какъ сказываютъ, для того, чтобъ изъ бездѣлицы сдѣлать великое дѣло, которое бы, можетъ быть, никогда не вершилось, и чтобъ ко оному припутать зажиточныхъ людей, отъ коихъ можно бы было наживаться.

Покамѣстъ секретарь о путешествіи часовъ освѣдомлялся, подрядчикъ, мучимый, насказалъ то, чего никогда не дѣлалъ, и допросы, въ трехъ тетра-

дяхъ едва умѣщенные, показали ясно, сколь много лишняго въ приказахъ пишутъ, что не всегда нужны побои ко изысканію злодѣянія, и что одинъ золотникъ здраваго судейскаго разсудка, больше истины открываетъ, нежели плети, кошки и застѣнки.

Удивились судьи, когда секретарь донесъ и доказалъ, что часы у дяди своего укралъ племянникъ; а читатель безпристрастный удивится еще больше тому, что приказный секретарь не покривилъ душою, и поступилъ совѣстно; но паче всего должно дивиться рѣшенію судейскому съ тѣмъ мотомъ, которой укралъ часы и съ невиннымъ подрядчикомъ, дважды мучимымъ. Приказали: вора племянника, яко благороднаго человѣка, наказать дядѣ келейно; а подрядчику при выпускѣ объявить, что побои ему впредь зачтены будутъ. Повѣсть сія доказываетъ, г. издатель, что ничего нѣтъ для общества вреднѣе глупыхъ, корыстолюбивыхъ и пристрастныхъ судей, на которыхъ прошу тебя написать такую колкую сатиру, чтобы они всѣ, устыдившись своего невѣжества, старались быть таковыми, какими имъ быть повелѣваютъ честь, совѣсть и государскіе законы.

Покорный твой слуга N. N.

Москва 1769 году.

59.

Копія съ отписи.

Государю Григорью Сидоровичу!

Бьютчеломъ XXX отчины твоей староста Андрюшка со всѣмъ миромъ.

Указъ твой господской мы получили, и денегъ оброчныхъ со крестьянъ на нынѣшнюю треть собрали: съ сельскихъ ста душъ сто дватцать три рубля, дватцать алтынъ; съ деревенскихъ съ пятидесяти душъ шестьдесятъ одинъ рубль, семнатцать алтынъ; а въ недоимкѣ за нынѣшнюю треть осталось на сельскихъ дватцать шесть рублевъ, четыре гривны, на деревенскихъ тринатцать рублевъ, сорокъ девять копѣекъ: да послано къ тебѣ, государь, прошлой трети недоборныхъ денегъ съ сельскихъ и деревенскихъ сорокъ три рубли дватцать копѣекъ, а больше собрать не могли: крестьяне скудны, взять негдѣ, нынѣшнимъ годомъ хлѣбъ не родился, на силу могли сѣмена въ гумны собрать. Да Богъ посѣтилъ насъ скотскимъ падежемъ, скотина почти вся повалилась; а которая и осталась, такъ и ту кормить нечѣмъ, сѣна были худыя, да и соломы мало, и крестьяне твои, государь, многія пошли по миру. Неплательщиковъ по указу твоему господскому на сходѣ сѣкъ нещадно; только они оброку не заплатили, говорятъ, что негдѣ взять. Съ Ѳилаткою, государь, какъ поволишь? денегъ не плотитъ, говоритъ, что

взять негдѣ; онъ самъ все лѣто прохворалъ, а сынъ большой померъ, остались маленькія робятишки; и онъ нынѣшнимъ лѣтомъ хлѣба не сѣялъ, нѣкому было землю пахать, во всемъ дворѣ одна была сноха, а старуха его и съ печи не сходитъ. Подушныя деньги за него заплатилъ миръ, видя ево скудость; а за твою, государь, недоимку по указу твоему продано ево двѣ клети за три рубли, за десять алтынъ; корова за полтора рубли, а лошади у нево всѣ пали, другая коровенка оставлена для робятишекъ, кормить ихъ нечемъ: миромъ сказали, буде ты ево въ томъ не простишь, то они за ту корову деньги отдадутъ, а робятишекъ поморить, и ево въ конецъ раззорить не хотятъ. При семъ послана къ милости твоей Ѳилаткина челобитная, какъ съ нимъ самъ поволишь, то и дѣлай; а онъ уже не плательщикъ, покуда не подростутъ робятишки; безъ скотины, да безъ дѣтей нашъ братъ твоему здоровью не слуга. Миромъ, государь, тебѣ бьютчеломъ о завладѣнной у насъ Нахралцопымъ землѣ, прикажи ходить за дѣломъ: онъ насъ здѣсь раззоряетъ, и землю отрѣзалъ по самыя наши гумна, некуда и курицы выпустить; а на дѣло по указу твоему господскому собрано тритцать рублевъ, и къ тебѣ посланы безъ доимки; за неплательщиковъ положили тяглыя, только прикажи, государь, добиваться по дѣлу. Нахралцопъ на насъ въ городѣ подалъ явочную челобитную, будто мы у него гусями хлѣбъ потравили, и по тому ево челобитью была за мною изъ города посылка. Меня въ отчинѣ тогда не было, посыльныя забрали въ городъ шесть человѣкъ крестьянъ, въ самую работную пору; и я, государь, въ городъ ѣздилъ, просилъ Секретаря и Воеводу, и крестьянъ вашихъ выпустили, только по тому дѣлу стало миру, денегъ шесть рублевъ, возъ хлѣба, да пять возовъ сѣна. Нахралцопъ попался намъ на дорогѣ, и грозился насъ опять засадить въ тюрму, Секретарь ему родня, и онъ насъ очень обижаетъ. Отпиши, государь, къ Прокурору: онъ бояринъ доброй, ничего не беретъ, когда къ нему на поклонъ придешь, и онъ твою милость знаетъ, авось либо онъ за насъ вступится и Секретаря уйметъ, а Воевода никакихъ дѣлъ не дѣлаетъ, ѣздитъ съ собаками, а дѣла всѣ знаетъ Секретарь. Вступись, государь, за насъ своихъ сиротъ: коли ты за насъ не вступишься, такъ насъ совсѣмъ раззорятъ, и Нахралцопъ всѣхъ насъ пуститъ въ миръ. Да еще твоему здоровью всѣмъ миромъ бьютчеломъ о сбавкѣ оброчныхъ денегъ, намъ уже стало не въ моготу; послѣ переписи у насъ въ селѣ и въ деревнѣ померло больше тридцати душъ, а мы оброкъ платимъ всьо тотъ же; покуда смогли, такъ мы таки твоей милости тянулись, а нынче стало ужъ не въ мочь. Буде не помилуешь, государь, то мы всѣ въ конецъ раззоримся; неплательщики все прибавляются, и я по указу твоему сборъ дѣлалъ всякое воскресеніе, и неплательщиковъ сѣку на сходѣ, только имъ взять негдѣ, какъ ты съ ними ни поволишь.

Еще твоей милости доношу, ягоды и грибы нынѣшнимъ лѣтомъ не родились, бабы просятъ, чтобы изволилъ ты взять деньгами, по чему укажешь

за фунтъ; да еще просятъ, чтобы за пряжу и за холстину изволилъ ты взять деньгами. Лѣсу твоего господскова продано крестьянамъ на дрова на семь рублевъ съ полтиною; да на двѣ губы, по пяти рублевъ за губу. И деньги, государь, всѣ съ Антошкою посланы. При семъ еще послано штрафныхъ денегъ съ Ипатки за то, что онъ въ челобитьѣ своемъ тебя, государь, оболгалъ и на племянника сказалъ, будто онъ ево не слушался, и за тѣмъ съ нимъ разошолся, взято по указу твоему тридцать рублевъ. Съ Антошки за то, что онъ тебя въ челобитной назвалъ отцомъ, а не господиномъ, взято пять рублевъ. И онъ на сходѣ высѣченъ. Онъ сказалъ: я де ето сказалъ съ глупости, и напредки онъ тебя, государя, отцомъ называть не будетъ. Дьячку при всемъ мирѣ приказъ твой объявленъ, чтобы онъ впредь такъ не писалъ. Остаемся раби твои староста Андрюшка со всѣмъ миромъ, земно кланяемся.

Смѣющійся Демокритъ.

Ба! это тотъ въ изорванномъ идетъ лохмотьѣ скупяга, который во весь свой вѣкъ собираетъ деньги и расточаетъ совѣсть; умираетъ съ голоду и холоду; который подчиненныхъ ему слугъ пріучаетъ ѣсть для жизни: т.-е., сколько потребно для удержанія души въ тѣлѣ; который беззаконнымъ лихоимствомъ вездѣ прославился; который наложилъ на себя и на прочую дворовую его скотину постъ во весь годъ; который зимою по однажды въ недѣлю топитъ печь въ своей лачугѣ; который радъ продать самого себя за гривну и который накопилъ сорокъ тысячъ рублей на то только, чтобы по смерти своей оставить ихъ глупому племяннику, тому семнадцатилѣтнему скверннавцу, который глупостію и безсовѣстнымъ лихоимствомъ превзошелъ шестидесятилѣтняго своего дядю, который самъ у себя крадетъ деньги и беретъ съ самого себя за ту кражу штрафъ и который во весь свой вѣкъ не хочетъ жениться для того только, чтобы на содержаніе жены и дѣтей не тратить излишняго дохода. О! они достойны, чтобы надъ ними посмѣяться. Ха! ха! ха!

Кажется, что я вижу ему противоположника. Конечно, это *Мотъ*? Такъ, онъ и есть. О! этотъ молодецъ не имѣетъ пороковъ своего батюшки, но вмѣсто того зараженъ другими, не лучше тѣхъ. Батюшка его беззаконно собиралъ деньги, а сей безумно ихъ расточаетъ. Скупой его родитель съѣдалъ то въ мѣсяцъ, что бы надлежало въ одинъ день скушать: напротивъ того, *Мотъ* то въ день съѣдаетъ, что бы въ годъ ему съѣсть надлежало; тотъ хаживалъ пѣшкомъ для того только, чтобъ не тратить денегъ на кормъ лошади; а сей держитъ шесть каретъ и шесть цуговъ лошадей, опричь верховыхъ и санныхъ, для того, чтобы не наскучило въ одномъ ѣздить экипажѣ. Тотъ двадцать лѣтъ таскалъ одинъ кафтанишко, а *Моту* и въ одинъ годъ двадцати паръ кажется мало. Короче сказать, отецъ всякими непозволенными сред-

ствами, лихоимствомъ, обидою ближнихъ и разоренiемъ безпомощныхъ, собралъ себѣ великiя сокровища, а *Мотъ*, разоряя самого себя, другихъ надѣляетъ. Оба они дураки, и обоимъ имъ посмѣюся. Ха! ха! ха! ха!

Вотъ еще кавалеръ, достойный смѣха. Это *Надменъ*. Онъ имѣетъ знатный чинъ, великiй достатокъ и малый умъ; ему велѣно дѣлать людей блаженными, поелику можно, но онъ и послѣднее спокойство у нихъ отнимаетъ. *Надменъ* не говоритъ ни съ кѣмъ ласково, затѣмъ, что не хочетъ себя до того унизить. Милостей никому не дѣлаетъ, но иногда обѣщаетъ. Онъ хочетъ, чтобы всѣ его искали покровительства: но подъ оное никого почти не принимаетъ; а ежели бы и вздумалось ему сiю милость кому сдѣлать, такъ тотъ ничего бы не выигралъ: ибо *Надменъ* кого больше любитъ, того больше и наказываетъ. Въ заключенiе, *Надменъ* всѣхъ глупѣе, а думаетъ, что всѣ его глупѣе. Какъ надъ нимъ не посмѣяться! Ха! ха! ха!

Это кто такъ прытко скачетъ? ба! *Плохъ*. Онъ спѣшитъ показать свою глупость въ какомъ ни на есть знатномъ домѣ. *Плохъ* тщеславится тѣмъ, что имѣетъ входъ къ знатнымъ господамъ, таскается къ нимъ сколько возможно чаще и дѣлаетъ въ угодность ихъ разныя дурачества, думая оказать другимъ свое у нихъ могущество. Вмѣшивается въ ихъ разговоры и, ничего не зная, думаетъ оказать себя разумнымъ; онъ читаетъ книги, но ничего не понимаетъ; ходитъ въ театръ, критикуетъ актеровъ и, по наслышкѣ затвердя, споритъ: этотъ актеръ хорошъ, а этотъ худъ. Знатнымъ господамъ разсказываетъ разныя небылицы и старается говорить острыя слова, но всегда некстати: словомъ, *Плохъ* старается себя увѣрить, что поступки его разумны; однакожъ всѣ думаютъ, что они глупы. Ха! ха! ха!

Ханжа выступаетъ смиренно изъ церкви, раздаетъ по полушечкѣ бѣднымъ, его окружающимъ, и считаетъ оныя по четкамъ. Идучи, читаетъ молитвы; отъ женщинъ свой взоръ отвращаетъ, оберегая свои очи: ибо онъ говоритъ, что бы, конечно, оба ихъ исткнулъ, ежели бы они его соблазнили. *Ханжа* грѣшитъ поминутно, но показываетъ себя праведникомъ, идущимъ по пути, устланному тернiемъ. Притворныя молитвы, набожность и посты не мѣшаютъ ему разорять и утѣснять сколько возможно подобныхъ себѣ. *Ханжа* грабилъ тысячами, а раздаетъ полушками. Такою наружностiю онъ многихъ обманываетъ. Молодымъ людямъ ежечасно толкуетъ девять блаженствъ, но самъ въ шестьдесятъ лѣтъ своей жизни ни однажды ни котораго не успѣлъ сдѣлать. *Ханжа* ходитъ всегда смиренно и не возводитъ никогда своихъ глазъ на небо, затѣмъ, что не надѣется обмануть тамъ живущихъ: но, смотря въ землю, обманываетъ ея обитателей. Ха! ха! ха!

Я вижу двухъ человѣкъ: одинъ другого увѣряетъ въ своей дружбѣ и обманываетъ; а другой притворяется, будто тому вѣритъ и будто онъ не знаетъ, какъ тотъ его поноситъ. Оба обманываютъ и оба обманываются. Ха! ха! ха!

Вотъ *г. Кривотолкъ*: онъ торопится сдѣлать досаду одному бумагома-

рателю, перетолковавъ написанное имъ въ худо безъ малѣйшаго основанія. По несчастію, онъ въ силахъ сіе исполнить, но я сему дурачеству посмѣюся. Ха! ха! ха! ха! ха! ха!

Изъ „Живописца“ Новикова.

(1772).

Неизвѣстному г. сочинителю комедіи „О Время“, приписаніе.

Государь мой!

Я не знаю, кто вы, но вѣдаю только то, что за сочиненіе ваше достойны почтенія и великія благодарности. Ваша комедія „О время“ троекратно представлена была на Императорскомъ придворномъ театрѣ и троекратно постепенно умножала справедливую похвалу своему сочинителю. И какъ не быть ей хвалимой? Вы первый сочинили комедію точно въ нашихъ нравахъ; вы первый съ такимъ искусствомъ и остротою заставили слушать ѣдкость сатиры, съ пріятностію и удовольствіемъ; вы первый съ такой благородной смѣлостію напали на пороки, въ Россіи господствовавшіе; и вы первый достойны по справедливости великой похвалы во представленіи вашей комедіи оказанной. Продолжайте, сударь мой, къ славѣ Россіи, къ чести своего имени и великому удовольствію разумныхъ единоземцевъ вашихъ; продолжайте, говорю, прославлять себя вашими сочиненіями: перо ваше достойно равенства съ Моліеровымъ. Слѣдуйте его примѣру: взгляните безпристрастнымъ взоромъ на пороки наши, закоренѣлые худые обычаи, злоупотребленія и на всѣ развратные наши поступки; вы найдете толпы людей достойныхъ вашего осмѣянія; и вы увидите, какое еще пространное поле ко прославленію вашему осталось. Истребите изъ сердца своего всякое пристрастіе; не взирайте на лица: порочный человѣкъ во всякомъ званіи равнаго достоинъ презрѣнія. Низкостепенный порочный человѣкъ, видя осмѣваема себя купно съ превосходительнымъ, не будетъ имѣть причины роптать, что пороки въ бѣдности только одной перомъ вашимъ угнетаются. А превосходительство, удрученное пороками, въ первый разъ въ жизни своей возчувствуетъ равенство съ низкостепенными. Вы первый достойны показать, что дарованная вольность умамъ россійскимъ употребляется въ пользу отечества. Но, государь мой, почто укрываете свое имя,—имя всеобщія достойное благодарности: я никакой не нахожу къ тому причины. Неужели, оскорбя толь жестоко пороки и вооружа противъ себя порочныхъ, опасаетесь ихъ злословія—нѣтъ, такая слабость никогда не можетъ имѣть мѣста въ вашемъ сердцѣ. И можетъ ли такая благородная смѣлость опасаться угнетенія въ то время, когда ко счастію Россіи и ко благоденствію человѣческаго рода, вла-

дычествуетъ нами премудрая Екатерина: ея удовольствіе, оказанное во представленіи вашей комедіи, удостовѣряетъ о покровительствѣ Ея такимъ какъ вы писателямъ. Чего жъ осталось вамъ страшиться? Но, можетъ быть, особенныя причины принуждаютъ васъ укрывать свое имя; ежели такъ, то не тщусь проникать оныхъ. И хотя имя ваше навсегда останется неизвѣстнымъ, однакожъ почтеніе къ вамъ мое никогда не умалится. Оно единственнымъ было побужденіемъ приписанію вамъ журнала подъ названіемъ „Живописца“. Примите, государь мой, сей знакъ благодарности за ваше преполезное сочиненіе отъ единоземца вашего. Вы открыли мнѣ дорогу, которой я всегда страшился; вы возбудили во мнѣ желаніе подражать вамъ въ похвальномъ подвигѣ, исправлять нравы своихъ единоземцевъ; вы поострили меня испытать въ томъ свои силы: и дай Боже, чтобы читатели въ листахъ моихъ находили хотя нѣкоторое подобіе той соли и остроты, которыя оживляютъ ваше сочиненіе. Если жъ буду имѣть успѣхъ въ моемъ предпріятіи и если листы мои принесутъ пользу и увеселеніе читателямъ, то за сіе они не мнѣ, но вамъ будутъ одолжены: ибо безъ вашего примѣра не отважился бы я напасть на пороки; а я остаюсь навсегда вашимъ почитателемъ

С. „Живописца“.

П. П. Хотѣлъ бы я просить васъ, чтобы вы сдѣлали честь моему журналу сообщеніемъ какого-либо изъ вашихъ мелкихъ сочиненій, но опасаюсь отвлечь отъ упражненій вашихъ. Впрочемъ для меня весьма лестно получить вашъ отвѣтъ.

Въ Санктпетербургѣ. Апрѣля 12 дня 1772 года.

Отрывокъ путешествія въ *** И*** Т***

Глава XIV.

. . . .

. . . . . . По выѣздѣ моемъ изъ сего города, я останавливался во всякомъ почти селѣ и деревнѣ: ибо всѣ они равно любопытство мое къ себѣ привлекали; но въ три дня сего путешесствія, ничего не нашелъ я похвалы достойнаго. *Бѣдность и рабство* повсюду встрѣчалися со мною во образѣ крестьянъ. Непаханныя поля, худой урожай хлѣба возвѣщали мнѣ, какое помѣщики тѣхъ мѣстъ земледѣліи прилагали раченіе. Маленькія, покрытыя соломой хижины изъ тонкаго забарника, дворы, огороженные плетнями, не большія адоньи хлѣба, весьма малое число лошадей и рогатаго скота, подтверждали

сколь велики недостатки тѣхъ бѣдныхъ тварей, которыя богатство и величество цѣлаго государства составлять должны.

Не пропускалъ я ни одного селенія, чтобы не разспрашивать о причинахъ бѣдности крестьянской. И, слушая ихъ отвѣты, къ великому огорченію, всегда находилъ, что помѣщики ихъ сами тому были виною. О человѣчество! тебя не знаютъ въ сихъ поселеніяхъ. О господство! ты тиранствуешь надъ подобными себѣ человѣками. О блаженная добродѣтель, любовь ко ближнему, ты употребляешься во зло: глупые помѣщики сихъ бѣдныхъ рабовъ изъявляютъ тебя болѣе къ лошадямъ и собакамъ, а не къ человѣкамъ! Съ великимъ содроганіемъ чувствительнаго сердца начинаю я описывать нѣкоторыя села, деревни и помѣщиковъ ихъ. Удалитесь отъ меня, ласкательство и пристрастіе, низкія свойства подлыхъ душъ: истина перомъ моимъ руководствуетъ!

Деревня *Разоренная* поселена на самомъ низкомъ и болотномъ мѣстѣ. Дворовъ около двадцати, стѣсненныхъ одинъ подлѣ другого, огорожены изсохшими плетнями и покрыты отъ одного конца до другого сплошь соломою. Какая несчастная жертва, жестокости пламени посвященная нерадивостію ихъ господина! Избы, или, лучше сказать, бѣдныя развалившіяся хижины представляютъ взору путешественника оставленное человѣками селеніе. Улица покрыта грязью, тиною и всякою нечистотою, просыхающею только зимнимъ временемъ.

При въѣздѣ моемъ въ сіе обиталище плача я не видалъ ни одного человѣка. День былъ жаркій; я ѣхалъ въ открытой коляскѣ; пыль и жаръ столько обезпокоивали меня дорогой, что я спѣшилъ войти въ одну изъ сихъ развалившихся хижинъ, дабы нѣсколько успокоиться. Извощикъ мой остановился у воротъ одного бѣднаго дворишка, сказывая, что это былъ лучшій во всей деревнѣ, и что хозяинъ онаго зажиточнѣе былъ всѣхъ прочихъ, потому что имѣлъ онъ корову. Мы стучалися у воротъ очень долго, но намъ ихъ не отпирали. Собака, на дворѣ привязанная, тихимъ и осиплымъ лаяніемъ, казалось, давала знать, что ей оберегать было нечего. Извощикъ вышелъ изъ терпѣнія, перелѣзъ черезъ ворота и отперъ ихъ. Коляска моя вывезена была на грязный дворъ, намощенный соломой: ежели оною намостить можно грязное и болотное мѣсто; а я вошелъ въ избу растворенными настежъ дверями. Заразительный духъ отъ всякой нечистоты, чрезвычайный жаръ и жужжаніе безчисленнаго множества мухъ оттуда меня выгоняли; а вопль трехъ оставленныхъ младенцевъ удерживалъ въ оной. Я спѣшилъ подать помощь симъ несчастнымъ тварямъ. Пришедъ къ лукошкамъ, прицѣпленнымъ веревками къ шестамъ, въ которыхъ лежали безъ всякаго призрѣнія оставленные младенцы, увидѣлъ я, что у одного упалъ сосокъ съ молокомъ: я его поправилъ, и онъ успокоился. Другого нашелъ обернувшагося лицомъ къ подушонкѣ изъ самой толстой холстины, набитой соломою; я тотчасъ его оборотилъ и увидѣлъ, что безъ скорой по-

мощи лишился бы онъ жизни: ибо онъ не только что посинѣлъ, но и, почернѣвъ, былъ уже въ рукахъ смерти: скоро и этотъ успокоился. Подошелъ къ третьему, увидѣлъ, что онъ былъ распеленанъ, множество мухъ покрывали лице его и тѣло и немилосердно мучили сего ребенка: солома, на которой онъ лежалъ, также его колола, и онъ произносилъ пронзающій крикъ. Я оказалъ и этому услугу, согналъ всѣхъ мухъ, спеленалъ его другими, хотя нечистыми, но однакожъ сухими пеленками, которыя въ избѣ тогда развѣшены были; поправилъ солому, которую онъ, барахтаясь, ногами взбилъ: замолчалъ и этотъ. Смотря на сихъ младенцевъ и входя въ бѣдность состоянія сихъ людей, вскричалъ я: жестокосердый тиранъ, отъемлющій у крестьянъ насущный хлѣбъ и послѣднее спокойство! Посмотри, чего требуютъ сіи младенцы! У одного связаны руки и ноги: приноситъ ли онъ о томъ жалобы?—Нѣтъ, онъ спокойно взираетъ на свои оковы. Чего же требуетъ онъ?—Необходимо нужнаго только пропитанія. Другой произносилъ вопль о томъ, чтобы только не отнимали у него жизнь. Третій вопіялъ къ человѣчеству, чтобы его не мучили. Кричите, бѣдныя твари, сказалъ я, проливая слезы: произносите жалобы свои! Наслаждайтесь послѣднимъ симъ удовольствіемъ во младенчествѣ: когда возмужаете, тогда и сего утѣшенія лишитесь. О солнце, лучами щедротъ своихъ *** озаряющее: призри на сихъ несчастныхъ!

Оказавъ услугу человѣчеству, я спѣшилъ подать помощь себѣ: тяжкій запахъ въ избѣ столь для меня былъ вреденъ, что я насилу могъ выйти изъ оной.

Пришедъ къ своей коляскѣ, упалъ я безъ чувства во оную. Приключившійся мнѣ обморокъ былъ непродолжителенъ: я опомнился, спрашивалъ холодной воды: извощикъ мой ее принесъ изъ колодезя; но я не могъ пить ея по причинѣ худого запаха. Я требовалъ чистой; но въ отвѣтъ услышалъ, что во всей деревнѣ лучше этой воды нѣтъ, и что всѣ крестьяне довольствуются сею пакостною водою. Помѣщики, сказалъ я, вы никакого не имѣете попеченія о сохраненіи здоровья своихъ кормильцевъ!

Я спрашивалъ, гдѣ хозяева того дома: извощикъ отвѣтствовалъ, что всѣ крестьяне и крестьянки въ полѣ; прибавя къ тому, что, когда былъ я въ избѣ, то выходилъ онъ въ то время за заднія ворота посмотрѣть, не найдетъ ли тамъ кого-нибудь изъ крестьянъ; что нашелъ онъ тамъ одного спрятавшагося мальчика, который ему сказалъ, что, увидѣвъ издалека пыль отъ моей коляски, подумали они, что это ѣдетъ ихъ баринъ, и для того отъ страха разбѣжались. Они скоро придутъ, сказалъ извощикъ, я ихъ увѣрилъ, что мы проѣзжіе, что ты бояринъ добрый, что ты не дерешься, и что ты пожалуешь имъ на лапти. Вскорѣ послѣ того пришли два мальчика и двѣ дѣвочки отъ пяти до семи лѣтъ. Они всѣ были босиками, съ раскрытыми грудями и въ однѣхъ рубашкахъ; и столь были дики и застращены именемъ барина, что боялись подойти къ моей коляскѣ. Извощикъ ихъ

подвелъ, приговаривая: „не бойтесь, онъ васъ не убьетъ: онъ бояринъ добрый; онъ пожалуетъ вамъ на лапти“. Робятишки, подведены будучи близко къ моей коляскѣ, вдругъ всѣ побѣжали назадъ крича: „ай! ай! ай! берите все, что есть, только не бейте насъ!“ Извощикъ, схватя одного изъ нихъ, спрашивалъ, чего они испужались. Мальчишка, тресучись отъ страха, говорилъ: „да! чего испужались... ты насъ обманулъ... на этомъ баринѣ красный кафтанъ... это никакъ нашъ баринъ... онъ насъ засѣчетъ“. Вотъ плоды жестокости и страха: о, вы, худые и жестокосердые господа! вы дожили до того несчастія, что подобные вамъ человѣки боятся васъ, какъ дикихъ звѣрей! „Не бойся, другъ мой, сказалъ я испуганному краснымъ кафтаномъ мальчику; я не вашъ баринъ: подойди ко мнѣ, я тебѣ дамъ денегъ“. Мальчикъ оставилъ страхъ, подошелъ ко мнѣ, взялъ деньги, поклонился въ ноги и, оборотясь, кричалъ другимъ: „ступайте сюда, робята; это не нашъ баринъ; этотъ баринъ добрый: онъ даетъ деньги и не дерется!“ Ребятишки тотчасъ всѣ ко мнѣ прибѣжали: я далъ каждому по нѣскольку денегъ и по пирожку, которые со мной были. Они всѣ кричали: „у меня деньги! у меня пирогъ!“ (*Продолженіе будетъ впредь.*)

Сіе сатирическое сочиненіе, подъ названіемъ путешествія въ *** получилъ я отъ г. И. Т. съ прошеніемъ, чтобы оно помѣщено было въ моихъ листахъ. Если бы это было въ то время, когда умы наши и сердца заражены были Французскою націею, то не осмѣлился бы я читателя моего потподчивать съ этого блюда; потому что оно приготовлено очень солоно, и для нѣжныхъ вкусовъ благородныхъ невѣждъ горьковато. Но нынѣ премудрость, сѣдящая на престолѣ, истину покровительствуетъ во всѣхъ дѣяніяхъ. И такъ я надѣюсь, что сіе сочиненьице заслужитъ вниманіе людей, истину любящихъ. Впрочемъ я увѣряю моего читателя, что продолженіе сего путешествія удовольствуетъ его любопытство.

Письма къ Ѳалалею.

Сыну моему Ѳалалею!

Такъ-то ты почитаешь отца твоего, заслуженнаго и почтеннаго драгунскаго ротмистра? Тому ли я тебя, проклятаго, училъ и того ли отъ тебя надѣялся, чтобы ты на старости отдалъ меня на посмѣшище цѣлому городу? Я писалъ къ тебѣ, окаянному, въ наставленіе, а ты это письмо отдай напечатать. Погубилъ ты, супостатъ, мою головушку: пришло съ ума сойти! Слыханное ли это дѣло, чтобы дѣти надъ отцами своими такъ ругались! Да знаешь ли ты это, что я тебя за непочтеніе къ родителямъ, въ силу указовъ, велю высѣчь кнутомъ? Меня Богъ и государь тѣмъ пожаловали; я воленъ и надъ животомъ твоимъ; видно, что ты это позабылъ! Кажется, я тебѣ много разъ толковалъ, что ежели отецъ или мать сына своего и до смерти

убьютъ, такъ и за это положено только церковное покаяніе. Эй, сынокъ, спохватись! Не сыграй надъ собою шутки: вѣдь недалеко великій постъ, попоститься не мудрено; Петербургъ не за горами, я и самъ могу къ тебѣ пріѣхать.—Ну, сынъ, я теперь тебя въ послѣдній разъ прощаю, по просьбѣ твоей матери; а ежели бы не она, такъ ужъ я бы далъ тебѣ знать себя. Я бы и ее не послушалъ, ежели бы она не была больна при смерти. Только смотри, впередъ берегись: вѣдь ежели ты окажешь еще какое ко мнѣ непочтеніе, такъ ужъ и не жди никакой пощады; я не Сидоровнѣ чета: у меня не одинъ мѣсяцъ проохаешь, лишь бы только мнѣ до тебя дорваться. Слушай же, сынокъ, коли ты хочешь опять прійти ко мнѣ въ милость, такъ просись въ отставку, да пріѣзжай ко мнѣ въ деревню. Есть кому и безъ тебя служить, пускай кабы не было войны, такъ бы хоть и послужить можно было, это бы свое дѣло, а то вѣдь ты знаешь, что нынѣче время военное; неравно какъ пошлютъ въ армію, такъ пропадешь ни за копѣйку. Есть пословица: Богу молись, а самъ не плошись; уберись-ка въ сторонку, такъ это здоровѣе будетъ. Поди въ отставку, да пріѣзжай домой: ѣшь досыта, спи сколько хочешь, а дѣла за тобой никакого не будетъ. Чего тебѣ лучше этого? За честью, свѣтъ, не угоняешься: честь! честь! худая честь, коли нечего ѣсть. Пусть у тебя не будетъ Егорья, да будешь ты зато поздоровѣе всѣхъ Егорьевскихъ кавалеровъ. Съ Егорьемъ-то и молодые люди частенько поохиваютъ, а которые постарѣе, такъ тѣ чуть дышатъ: у кого руки перестрѣлены, у кого ноги, а у иного голова: такъ радостно ли отцамъ смотрѣть на дѣтей изуродованныхъ? и невѣста ни одна не пойдетъ. А я тебѣ уже и пріискалъ было невѣсту. Дѣвушка не убогая, грамотѣ и писать умѣетъ, а пуще всего великая экономка: у нея ни синій порохъ даромъ не пропадетъ; такую-то, сынокъ, я тебѣ невѣсту сыскалъ. Дай только Богъ вамъ совѣтъ да любовь, да чтобы тебя отпустили въ отставку. Пріѣзжай, другъ мой: тебѣ будетъ чѣмъ жить и опричь невѣстина приданаго; я накопилъ довольно. Я и позабылъ было тебѣ сказать, что нареченная твоя невѣста двоюродная племянница нашему воеводѣ; вѣдь это, другъ мой, не шутка: всѣ наши спорныя дѣла будутъ рѣшены въ нашу пользу, и мы съ тобою у иныхъ сосѣдей землю обрѣжемъ по самыя гумна: то-то любо! и курицы некуда будетъ выпустить. Со всѣмъ будемъ ѣздить въ городъ: то-то, Ѳалалеюшка, будетъ намъ житье! никто не куркай! Да полно! что тебя учить: ты вѣдь уже не малый ребенокъ, пора своимъ умкомъ жить. Ты видишь, что я тебѣ не лиходѣй, учу всегда доброму, какъ бы тебѣ жить было попригоднѣе. Да и дядя твой Ермолай чуть не то же ли тебѣ совѣтуетъ; онъ хотѣлъ писать къ тебѣ съ тѣмъ же ѣздокомъ. Мы съ нимъ объ этомъ поговорили довольно, сидя подъ любимымъ твоимъ дубомъ, гдѣ бывало ты въ молодыхъ лѣтахъ забавлялся: вѣшивалъ собакъ на сучьяхъ, которыя худо гоняли за зайцами, и сѣкалъ охотниковъ за то, когда собаки ихъ перегоняли твоихъ.

Куда какой ты былъ проказникъ смолоду! Бывало, животики надорвемъ со смѣха. Молись, другъ мой, Богу! Ума у тебя довольно: можно вѣкъ прожить. Не испугайся, Ѳалалеюшка: у насъ нездорово: мать твоя Акулина Сидоровна лежитъ при смерти. Батько Иванъ исповѣдалъ ее и масломъ соборовалъ. А занемогла она, другъ мой, отъ твоей охоты: Налетку твою кто-то съѣздилъ полѣномъ и перешибъ крестецъ; такъ она, голубушка моя, какъ услышала, такъ и свѣту Божьяго не взвидѣла: такъ и повалилась! А послѣ, какъ опомнилась, то пошла это дѣло разыскивать; и такъ надсадила себя, что чуть жива пришла и повалилась на постелю; да къ тому же выпила студеной воды цѣлый жбанъ, такъ и присунулась къ ней огневица. Худа, другъ мой, мать твоя, очень худа! Я того и жду, какъ сошлетъ Богъ по душу. Знать что, Ѳалалеюшка, разставаться мнѣ съ женою, а тебѣ и съ матерью и съ Налеткою. Тебѣ, другъ мой, все-таки легче моего: Налеткины щенята, слава Богу, живы; авось-таки который-нибудь удастся по матери, а мнѣ ужъ этакой жены не нажить. Охти мнѣ, пропала моя головушка! Гдѣ мнѣ за всѣмъ одному усмотрѣть! Не сокруши ты меня, пріѣзжай да женись, такъ хоть бы тѣмъ я порадовался, что у меня была бы невѣстка. Тошно, Ѳалалеюшка, съ женою разставаться: я было ужъ къ ней привыкъ; тридцать лѣтъ жили вмѣстѣ: какъ у печки погрѣлся! Виноватъ я передъ нею: много побита она отъ меня на своемъ вѣку; ну, да какъ безъ этого? Живучи столько вмѣстѣ, и горшокъ съ горшкомъ столкнется; какъ безъ того! Я крутъ больно, а она неуступчива; такъ бывало хоть маленько, такъ тотчасъ и дойдетъ до драки. Спасибо хоть за то, что она отходчива была. Учись, сынокъ, какъ жить съ женою; мы хоть и дрались съ нею, да все-таки живемъ вмѣстѣ; а мнѣ ее теперь, право, жаль. Худо, другъ мой; и ворожеи не помогаютъ твоей матери: много ихъ приводили, да пути нѣтъ, лишь только деньги пропали. За симъ писавый кланяюсь, отецъ твой Трифонъ, благословеніе тебѣ посылаю.

Свѣтъ мой Ѳалалей Трифоновичъ!

Что ты это, другъ мой сердечный, накудесилъ? Пропала бы твоя головушка; вѣдь ты уже не теперь знаешь Панкратьевича: какъ ты себя не бережешь? Ну, кабы ты, бѣдненькій, попался ему въ руки: такъ вѣдь бы онъ тебя изуродовалъ пуще Божьяго милосердія. Нечего, Ѳалалеюшка: норовокъ-атъ у него, прости Господи, чертовскій; ужъ я ли ему не угождаю, да и тутъ никогда не попаду въ ладъ. Какъ закуралеситъ, такъ и святыхъ вонъ понеси. А ты, батька мой, что это сдѣлалъ! Отдай письмо его напечатать! Вѣдь ему всѣ сосѣди смѣются: экой-де у тебя сынокъ, что и надъ отцомъ ругается. Да полно вѣдь, Ѳалалеюшка, всѣхъ рѣчей не переслушаешь; мало ли что лихіе люди говорятъ: Богъ съ ними, у нихъ свои

дѣтки есть, Богъ имъ заплатитъ. Чужое-то робя всегда худо: наши лучше всѣхъ; а кабы оглянулись на своихъ дѣтокъ, такъ бы и не то еще увидѣли. Побереги ты, мой батька, самъ себя, не разсерди отца-то еще: съ нимъ и чортъ тогда уже не совладѣетъ. Отпиши къ нему поласковѣе, да хоть солги что-нибудь: вѣдь это не какой грѣхъ, не чужого будешь обманывать, своего родного; и всѣ дѣти не праведники: какъ передъ отцомъ не солгать. Отцамъ да матерямъ на дѣтей не насердиться: свой своему поневолѣ другъ. Дай Богъ тебѣ, другъ мой сердечный, здоровье, а я лежу на смертной постелѣ; не умори ты меня безвременно: пріѣзжай къ намъ поскорѣе, хоть бы мнѣ на тебя насмотрѣться въ послѣдній разъ. Худо, другъ мой, мнѣ приходитъ; нечего, очень худо; обрадуй, свѣтъ мой, меня: ты вѣдь у меня одинъ-одинехонекъ, какъ синій порохъ въ глазѣ; какъ мнѣ тебя не любить? Кабы у меня было дѣтей много, то бы свое дѣло. Заставай, батька мой, меня живою: я тебя благословлю твоимъ ангеломъ, да отдамъ тебѣ всѣ мои деньжонки, которыя украдкою отъ Панкратьевича накопила: вѣдь для тебя же, мой свѣтъ; отецъ-атъ тебѣ не сколько даетъ денегъ, а твое еще дѣло дѣтское: какъ не полакомиться, какъ не повеселиться? Твои, другъ мой, такія еще лѣта, чтобъ забавляться: мы и сами смолоду таковы же были. Веселись, мой батюшка, веселись: придетъ такая пора, что и веселье на умъ не пойдетъ. Послала я къ тебѣ, Ѳалалеюшка, сто рублей денегъ, только ты объ нихъ къ отцу ничего не пиши; я это сдѣлала украдкою: кабы онъ свѣдалъ про это, такъ бы меня, свѣтъ мой, забранилъ. Отцы-то всегда таковы: только-что брюзжатъ на дѣтей, а никогда не потѣшатъ. Мое, другъ мой, не отцовское сердце, материнское: послѣднюю копейку изъ-за души отдамъ, лишь бы ты былъ веселъ и здоровъ. Батька ты мой, Ѳалалей Трифоновичъ, дитя мое умное, дитя разумное, дитя любезное, свѣтъ мой, умникъ, худо мнѣ приходитъ: какъ мнѣ съ тобою разставаться будетъ? На кого я тебя покину? Погубитъ онъ, супостатъ, мою головушку! Этотъ старый хрычъ когда-нибудь тебя изуродуетъ. Береги, мой свѣтъ, себя, какъ можно береги: плетью обуха не перебьешь; что ты съ этакимъ чортомъ, прости Господи, сдѣлаешь! Пріѣзжай, мой батька, къ намъ въ деревню, какъ-таки можно, пріѣзжай: дай мнѣ на тебя насмотрѣться; сердце мое послышало, что приходитъ мой конецъ. Прости, мой батюшка, прости, свѣтъ мой: благословеніе тебѣ посылаю, мать твоя Акулина Сидоровна, и нижайшій, мой свѣтъ, поклонъ приношу. Прости, голубчикъ мой: не позабудь меня.

Любезному племяннику моему Ѳалалею Трифоновичу отъ дяди твоего Ермолая Терентьевича низкій поклонъ и великое челобитье; и желаю тебѣ многолѣтняго здравія и всякаго благополучія.

Было бы тебѣ вѣстно, что мы по отпускѣ сего письма всѣ, слава

Богу, живы и здоровы; тако жъ и отецъ твой Трифонъ Панкратьевичъ здравствуетъ же; только Сидоровна, хозяйка его, а твоя мать, больно трудна: что подымешь, то и есть, а сама ни на волосъ не поворохнется. Вчерась отнялись у нея и руки и ноги, а теперь чай уже и не говоритъ; и при мнѣ-то такъ ужъ черезъ мочь только намекала. Она заочно благословила тебя твоимъ ангеломъ, да Фарсульской [1]) Богородицей, а меня Неопалимой. Ну, братъ племянникъ, мать-то твоя и передъ смертью не торователѣе стала! Оставила на поминъ душѣ такой образъ, что и на полтора рубля окладу не наберется. Невидальщина какая! у меня образовъ-то и своихъ есть сотня мѣста, да не этакихъ: какъ жаръ вызолочены; а эта, братъ, Неопалима подлинно, что не опалитъ, и окладишко весь почернѣлъ: Богъ съ нею! Спасибо хоть за то, что она въ полномъ умѣ исповѣдалась и масломъ особоровалась; хоть и умретъ, такъ ужъ по-христiански. Дай Богъ всякому такую кончину! Да и тутъ, Ѳалалеюшка, кабы не я, такъ бы развѣ глухою исповѣдью исповѣдывать. Ужъ я ей говорилъ: эй, Сидоровна, исповѣдайся; вѣдь уже ты въ гробъ глядишь; такъ нѣтъ-ста, насилу прибили. А какъ приспичило, такъ давай, давай попа, да ужъ зато въ одинъ день трижды исповѣдалась. Знать, что у нея многонько грѣшковъ-то скопилось. Приводили, правда, и ворожей: нечего, спасибо твоему отцу, не поскупился, да ничего не помогли. А послѣ исповѣди привели было еще одного, да ужъ и Сидоровна сама не захотѣла напрасно тратить деньги. Кому жить, Ѳалалеюшка, такъ будетъ притоманно [2]) живъ, а кому умереть, тому и ворожеи не пособятъ. Животомъ и смертью Богъ владѣетъ. Аще ежели Ему угодно будетъ прекратить дни ея, то прiѣзжай погребсти ее. Да и кромѣ того намъ до тебя есть дѣло. Ну, Ѳалалеюшка! вѣдь матушка твоя скончалась: поминай какъ звали. Я только теперь получилъ объ этомъ извѣстiе: отецъ твой, сказываютъ, воетъ, какъ корова. У насъ такое повѣрье: которая корова умерла, такъ та и къ удою была добра. Какъ Сидоровна была жива, такъ отецъ твой бивалъ ее, какъ свинью, а какъ умерла, такъ плачетъ, будто по любимой лошади. Прiѣзжай, другъ мой, Ѳалалеюшка, прiѣзжай Бога ради поскорѣе, хоть ненадолго, а буде можно, такъ и вовсе. Ты самъ увидишь, что тебѣ дома жить будетъ веселѣе петербургскаго. А буде не угодно, то хоша туда просись, куда я тебѣ присовѣтую, сирѣчь къ приказнымъ дѣламъ, да только гдѣ похлѣбнѣе, на прикладъ въ экономическiе казначеи или въ управители дворцовыхъ волостей, или куда-нибудь къ подряднымъ, либо таможеннымъ дѣламъ. Въ такихъ мѣстахъ кому ни удавалось побыть, такъ всѣ, Богъ съ ними, сытехоньки стали. Иной уже теперь въ каменныхъ палатахъ живетъ, а которые ни одной

---

[1]) Корсунской.

[2]) Притоманно—областное слово (употребл. въ губерн.); оно значитъ: *вѣрно, подлинно, воистину, право, ей-ей.*

души за собою не имѣли, тѣ уже нажили сотни и по двѣ-три. Не въ пронось сказать о нашемъ Авдулѣ Еремѣевичѣ: хотя онъ не долго пожилъ при монастырскихъ крестьянахъ, да уже всѣхъ дочекъ выдалъ замужъ. За одной, я слышалъ, чистыми денежками три тысячи далъ, да деревню тысячъ въ пять. А не совсѣмъ-таки разорился: Богъ съ нимъ, про себя еще осталось. А кабы да его не смѣнили, такъ бы онъ и гораздо понагрѣлъ руки около нынѣшнихъ рекрутскихъ наборовъ. Знать, что тѣхъ молитва дошла до Бога, которые въ эту пору... Не житье имъ, масленица. Я бы-ста и самъ не побрезговалъ пойти въ этакіе управители. Перепало бы кое-что и мнѣ въ карманъ: кресты да перстни — все тѣ же деньги, только умѣй концы хоронить. Я и понынѣ еще все старенькимъ живу. Кто передъ Богомъ не грѣшенъ? Кто передъ царемъ не виноватъ? не нами свѣтъ начался, не нами и окончается. Что въ людяхъ ведется, то и насъ не минется. Лишь только подѣлись, Ѳалалеюшка, такъ и концы въ воду. Неужто всѣхъ станутъ вѣшать? въ чемъ кто попадется, тотъ тѣмъ и спасется. Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ. Я и самъ попался было одиножды подъ судъ; однако дѣло-то пошло иною дорогою, и я очистился, какъ будто ни въ чемъ не бывалъ. Но кабы ты самъ сюда пріѣхалъ, такъ бы мы обо всемъ поговорили лучше на словахъ; а писать-то страховато: неравно кому попадется въ руки, такъ напляшешься досыта. При семъ во ожиданіи тебя остаюсь дядя твой

Ермолай ***

Изъ письма щеголихи.

Mon coeur, Живописецъ! Ты, радость, *безпримѣрный* авторъ. По *чести* говорю, *ужесть какъ ты славенъ*; читая твои листы, я *безподобно утѣшаюсь*, какъ все у тебя *славно*: слогъ *разстеганъ*, мысли *прыгающи*. По *чести* скажу, что твои листы *вѣчно меня прельщаютъ*; *клянусь*, что я всегда *фельетирую* ихъ безъ всякой *дистракціи*. Да и нельзя не такъ: ты *не грустенъ*, *шутишь славно*, и твое перо *по бумагѣ бѣгаетъ безподобно. Ужесть, ужесть* какъ прекрасны твои листы! Но, сказать *вокругъ насъ*, ты много долженъ мнѣ: *уморить ли, радость*? Вѣдь мнѣніе-то *Щеголихино* ты у меня подтяпалъ: ха! ха! ха! *Клянусь*: спроси у всѣхъ моихъ знакомыхъ—они тебѣ скажутъ, что я всегда это говаривала; но это ничего не значитъ. Признаюсь, что я и сама много заняла изъ твоихъ листовъ. Пуще всегда ты *ластишь* меня тѣмъ, что *никакъ со мною не споришь*, а особливо, когда говорилъ о наукахъ: ты это такъ *славно прокричалъ*!.. Ты всегда стараешься оказывать намъ учтивости, не такъ какъ нѣкоторый грубіянъ, сочиня комедію, одну изъ подругъ моихъ *вытащилъ* на театръ... и эта комедія такую сдѣлала *дистракцію* и такую *грусть*, что я поклялась *никакъ на Именины* не

ѣздить. Правда, ты и самъ *зацѣпился*, но это шуткою; а за штуки мы *никакъ* не сердимся: напротивъ того, ты бранишь однихъ только деревенскихъ дураковъ, да и *безпримѣрно*: *ужесть какъ славно* ты ихъ *развернулъ* въ 5-мъ листѣ твоего Живописца. Ты *уморилъ* меня: точь-въ-точь *высказалъ* ты дражайшаго моего *папахина*. Какой это несносный человѣкъ! *Ужесть, радость, какъ онъ неловокъ выдѣланъ*: какой грубіянъ. Онъ и со мною хотѣлъ поступать такъ же, какъ съ мужиками, но я ему показала, что я не такое животное, какъ его крестьяне. То-то были люди! съ матушкою моею онъ обходился по старинѣ. Ласкательства его къ ней были—брань, пощечины и палка; но она и подлинно была того достойна: съ этакимъ звѣремъ жила сорокъ лѣтъ и не умѣла *ретироваться въ свѣтъ*. Бывало, онъ *сдѣлаетъ ей грубость палкою*, а она опять въ глаза ему лѣзетъ: *безпримѣрные люди*! такихъ горячихъ супруговъ и въ *романахъ* не скоро *набѣжишь*. *Ужасть какъ славны*. Суди, *душа моя*, по этому, въ какой была я школѣ; было чему научиться! По счастью, скоро выдали меня замужъ: я пріѣхала въ Петербургъ, *подвинулась въ свѣтъ, разняла глаза* и *выкинула весь* тотъ *изъ головы вздоръ*, который *посадили* мнѣ мои родители; поправила *опрокинутое мое понятіе*, научилась говорить, познакомилась съ *щеголями и щеголихами*, и сдѣлалась человѣкомъ.

P. S. Услужи, *радость*, мнѣ: собери всѣ наши модныя слова и напечатай ихъ особливою книжкою, подъ именемъ *Моднаго Женскаго Словаря*. Ты многихъ одолжишь, и мы твой журналъ за это будемъ превозносить. Только *не умори, радость*, напечатай его маленькой книжкою и *дай ему видъ*; а еще бы лучше, если бы ты напечаталъ его вмѣсто чернилъ какою краскою. Мы бы тебя *до смерти захвалили*.

Изъ журнала „И то и сіо“.

Издатель журнала Чулковъ помѣстилъ въ своемъ журналѣ описанія разныхъ простонародныхъ развлеченій; между прочимъ, „круглыя качели“ на Святой недѣлѣ.

Земля отъ топоту шатающихся стонетъ,
И всякій мѣщанинъ въ винѣ и пивѣ тонетъ,
Тюльпаны красные на лицахъ ихъ цвѣтутъ
И розы на устахъ поблеклыя растутъ.
Тутъ царствуютъ игры, пріятности и смѣхи;
Началомъ ихъ любви каленые орѣхи
Бросаетъ Адонисъ съ качели ими внизъ,
Съ улыбкой говоритъ: „сударушка, склонись!“
А та отвѣтствуетъ ему пріятнымъ взоромъ.

Любовь подтверждена, и онъ уже качаетъ свою красавицу на качеляхъ и подчуетъ и изюмомъ и клюквою. Въ толпѣ продирается пьяный *гражданинъ*, толкаетъ *дамъ* ладонью и кулаками, такъ что имъ приходится приводить снова въ порядокъ свои платки кофты и шугаи. Появляется защитникъ и даетъ обидчику щедрые тузы. Тутъ же въ толпѣ катаютъ яйца.

Великая лежитъ яицъ въ народѣ куча,
Съ пригорка покатитъ веселый молодецъ—

Разбито яицо—добьетъ его въ конецъ;
По грязи безъ скорлупъ таскаютъ и
мараютъ.
Куда же яица сіи употребляютъ?
О вкусѣ молодцы не разсуждаютъ
строго,
Въ Санктпетербургѣ же воды гораздо
много.

А вотъ кулачный бой:

„Мальчишки начинаютъ,
Другъ друга по щекамъ ладонями
щелкаютъ;
Не въ зубы юноша, но мѣтитъ парня
въ глазъ.
А отрокъ отроку даетъ получше разъ.
Въ минуту славное сраженіе явится,
Не рвется воздухъ тутъ и солнышко
не тмится:
Щелканіе, тузы валятся такъ, какъ
градъ,
Ланиты, носы, рты и зубы зазвенятъ.
Не огнестрѣльное оружіе пылаетъ,
Тутъ витязь кулакомъ противныхъ по-
ражаетъ.

„Семикъ“ описывается въ такихъ сти-хахъ:

Да что жъ за крикъ такой народы за-
тѣваютъ?
Неужто пѣсенки къ березкѣ припѣ-
ваютъ?
Вить только-что теперь во градѣ раз-
свѣло
И солнце изъ-за горъ недавно такъ
взошло,
Я чаю: многія отъ сна не пробуди-
лись,
Которые вчерась по рощамъ весели-
лись.
Березка шествуетъ въ различныхъ
лоскуткахъ,
Въ тафтѣ, и въ бархатѣ, и въ шелко-
выхъ платкахъ
Вина не пьетъ она, однако пляшетъ,
И вѣтвями тряся, такъ, какъ руками,
машетъ.
Предъ нею скоморохъ неправильно
кричитъ,
Ногами въ землю онъ, какъ добрый
конь, стучитъ,
Танцуетъ и пылитъ, иль грязь ногами
мѣситъ,
Доколѣ хмель его совсѣмъ не пере-
вѣситъ.
Тамъ дама голоситъ, сивухой нагрузясь;
Въ присядку пляшучи, валится скоро
въ грязь,
Потомъ другая вмигъ то мѣсто засту-
паетъ,
Которая плясать вельми искусно знаетъ,
Танцуетъ *голубца*, танцуетъ и *бычка.*
Тамъ сдѣланъ огородъ, березки всѣ въ
кругу,
Верхушки же у нихъ согнуты всѣ въ
дугу;
Въ срединѣ столъ стоитъ, безъ ска-
терти поставленъ,
Но только кушаньемъ казался мнѣ за-
давленъ.
Что хлѣбъ-соль хороша, тому сви-
дѣтель я:
Ватрушки были тутъ, подовыя съ огня,
Оладьи, калачи, блины, пирогъ и пышки
И, можно такъ сказать, всѣ праздничны
излишки.
Баханки [1]) таковы: попляшутъ, покри-
чатъ,
Приступятъ ко столу и множество
съѣдятъ;
Но только кушаютъ, казалось мнѣ,
безъ вилки.

[1]) Вакханки.

Фонвизинъ.

Письмо Взяткина.

Москва, 1777.

Милостивый Государь и второй отецъ!

Съ крайнимъ сердца нашего обрадованіемъ, чему свидѣтель Господь сердцевидецъ, услышалъ я съ женою моею Улитою и съ дѣтьми нашими обоего пола, что Ваше Превосходительство, такъ сказать, изъ ничего, по единой Божеской благости, слѣпымъ случаемъ произведены въ большой чинъ и посажены знатнымъ судьею, въ весьма непродолжительное время и безъ всякихъ трудовъ, по единой милости Создателя, изъ ничего вселенную создавшаго. Къ стопамъ Вашего Превосходительства упадая, просимъ рабски не оставить насъ по дѣламъ нашимъ, которымъ и реестрецъ маленькій вкратцѣ приложить возъимѣлъ я дерзость, а при немъ прилагаю Вамъ, Государю и отцу, сторублевую ассигнацію, на первый случай, зная издревле благочестивую душу Вашего Превосходительства, предъ которою *всяко даяніе благо и всякъ даръ совершенъ*. Да и поистинѣ, Милостивый Государь и отецъ, жизнь наша краткая: не довлѣетъ пренебрегать такіе благознаменитые случаи, въ которые Ваше Превосходительство можете пріобрѣсть стяжанія въ роды родовъ. Теперь-то пришло время благополучія нашего: истцы и отвѣтчики, правые и виноватые, богатые и *убозіи*, всѣ въ руцѣ Вашего Превосходительства. Что же касается до казны, то, по моему глупому разуму, нѣсть грѣха и до нея отъ времени до времени прикасаться; ибо не Ваше Превосходительство, такъ другой, а казна никогда отъ рожденія въ цѣлости не бывала, да и быть едва ли можетъ, да и, видно, таковъ положенъ ей предѣлъ, *его же не прейдеши*. При толикихъ удобныхъ благополучіяхъ да не буду и я отриновенъ отъ благодати Вашего Превосходительства и не возможно ли, Милостивый Государь и второй отецъ, перетащить меня изъ Москвы въ С.-Петербургъ, хотя тѣмъ же чиномъ, для прислугъ Вашему Превосходительству; а когда соизволите усмотрѣть приращеніе интересовъ вашихъ моими усердными и безпорочными трудами въ пріисканіи извѣстныхъ случаевъ ради помянутаго приращенія, то и о произведеніи меня чиномъ отеческое попеченіе возъимѣете. Да еще жъ прошу васъ, Государя и отца, о сынѣ моемъ Митюшкѣ, ежели возможно, взять его къ себѣ хотя въ копіисты, а его Господь наградить благоволилъ, что онъ къ приказнымъ дѣламъ весьма сроденъ, и уже подъ моимъ смотрѣніемъ сочинилъ совсѣмъ новаго рода свободное уложеніе, пріискавъ на каждое дѣло по два указа, изъ коихъ по одному отдать, а по другому отнять ту

же самую вещь неоспоримо повелѣвается; такъ я и думаю, что изъ него прокъ будетъ, и онъ удостоится отеческой вашей милости, на что и ожидаю вашего указа. Истинно, Милостивый Государь и отецъ! теперь ваше, а по васъ и наше время настало; а на первый случай хотя народу и тяжко будетъ, да когда въ производствахъ своихъ соблаговолите ссылаться на законы, къ чему и убогіе Митюшкины труды могутъ пригодиться, то поневолѣ замолчатъ наши недоброхоты. Государь и отецъ! разсудите сами по чистой совѣсти: буде челобитчикъ и отвѣтчикъ ищутъ своей пользы въ законахъ, то для чего же судьѣ своей пользы не искать въ законахъ? Отъ таковой выключки обороны насъ Вышній; а я по конецъ жизни вѣчно и по гробъ мой до послѣдняго издыханія пребываю *Вашего Превосходительства, Милостиваго Государя и отца, всепокорнѣйшій слуга и рабъ, Артемонъ Взяткинъ, къ стопамъ повергаюсь.*

Къ письму приложенъ реестръ слѣдующаго содержанія:

1) Имѣется межевое дѣло бывшаго воеводскаго товарища, Антропа Шильникова, съ разными беззаступными помѣщиками. Вмѣсто потребныхъ документовъ, коихъ реченный Шильниковъ нигдѣ отыскать не можетъ, да заступитъ едино предстательство Вашего Превосходительства за 500 рублей.

2) Асессоръ Воровъ ищетъ мѣста въ дальнихъ намѣстничествахъ, дабы слухъ о производствахъ его не достигалъ никогда до столицы. Человѣкъ онъ кроткій и славы не любитъ. Чрезъ полгода по прибытіи въ его мѣсто не преминетъ онъ Вашему Превосходительству повергнуть чрезъ меня 500 рублей.

Потомъ ежегодно, пока продлитъ Богъ вѣка Вашему Превосходительству, по 1000 рублей и т. д.

Вопросы Ф.-Визина и отвѣты Императрицы Екатерины.

Вопросы.	Отвѣты.
1. Отъ чего у насъ спорятъ сильно въ такихъ истинахъ, кои нигдѣ уже не встрѣчаютъ ни малѣйшаго сумнѣнія?	На 1. У насъ, какъ и вездѣ, всякій споритъ о томъ, что ему не нравится или непонятно.
2. Отъ чего многихъ добрыхъ людей видимъ въ отставкѣ?	На 2. Многіе добрые люди вышли изъ службы вѣроятно для того, что нашли выгоду быть въ отставкѣ.
3. Отъ чего всѣ въ долгахъ?	На 3. Отъ того въ долгахъ, что проживаютъ болѣе, нежели дохода имѣютъ.
4. Если дворянствомъ награждаются заслуги, а къ заслугамъ отверзто поле	На 4. Одни, бывъ богатѣе другихъ, имѣютъ случай оказать какую нина-

для всякаго гражданина, отъ чего же никогда не достигаютъ дворянства купцы, а всегда или заводчики или откупщики?

есть такую заслугу, по которой получаютъ отличіе.

5. Отъ чего у насъ тяжущіеся не печатаютъ тяжебъ своихъ и рѣшеній правительства?

На 5. Для того, что вольныхъ типографій до 1782 г. не было.

6. Отъ чего не только въ Петербургѣ, но и въ самой Москвѣ перевелися общества между благородными?

На 6. Отъ размножившихся клобовъ.

7. Отъ чего главное стараніе большой части дворянъ состоитъ не въ томъ, чтобъ поскорѣй сдѣлать дѣтей своихъ людьми, а въ томъ, чтобъ поскорѣе сдѣлать ихъ не служа гвардіи унтеръ-офицерами?

На 7. Одно легче другаго.

8. Отъ чего въ нашихъ бесѣдахъ слушать нечего?

На 8. Отъ того что говорятъ небылицу.

9. Отъ чего извѣстные и явные бездѣльники принимаются вездѣ равно съ честными людьми?

На 9. Отъ того, что на судѣ не изобличены.

10. Отъ чего въ вѣкъ законодательный никто въ сей части не помышляетъ отличиться?

На 10. Отъ того, что сіе не есть дѣло всякаго.

11. Отъ чего знаки почестей, долженствующіе свидѣтельствовать истинныя отечеству заслуги, не производятъ по большой части къ носящимъ ихъ ни малѣйшаго душевнаго почтенія?

На 11. Отъ того, что всякій любитъ и почитаетъ лишь себѣ подобнаго, а не общественныя и особенныя добродѣтели.

12. Отъ чего у насъ не стыдно не дѣлать ничего?

На 12. Сіе не ясно: стыдно дѣлать дурно, а въ обществѣ жить не есть не дѣлать ничего.

13. Чѣмъ можно возвысить упадшія души дворянства? Какимъ образомъ выгнать изъ сердецъ нечувственность къ достоинству благороднаго званія? Какъ сдѣлать, чтобъ почтенное титло дворянина было несомнѣннымъ доказательствомъ душевнаго благородства?

На 13. Сравненіе прежнихъ временъ съ нынѣшними покажетъ несомнѣнно, колико души ободрены либо упали; самая наружность, походка и проч. то уже оказываетъ.

14. Имѣя Монархиню честнаго человѣка, что бы мѣшало взять всеобщимъ правиломъ удостоиваться Ея милостей одними честными дѣлами, а не отваживаться проискивать ихъ обманомъ и коварствомъ?

На 14. Для того, что вездѣ во всякой землѣ и во всякое время родъ человѣческій совершеннымъ не родится.

15. Отъ чего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли; а нынче имѣютъ, и весьма большіе?

На 15. Предки наши не всѣ грамотѣ умѣли. NB. Сей вопросъ родился отъ *свободоязычія*, котораго предки наши не имѣли, буде же бы имѣли, то начли

бы на нынѣшняго одного десять прежде бывшихъ.

16. Отъ чего многіе пріѣзжіе изъ чужихъ краевъ, почитавшіеся тамо умными людьми, у насъ почитаются дураками, и на оборотъ, отъ чего здѣшніе умницы въ чужихъ краяхъ часто дураки?

На 16. Отъ того, что вкусы разные, и что всякой народъ имѣетъ свой смыслъ.

17. Гордость большой части бояръ гдѣ обитаетъ: въ душѣ или въ головѣ?

На 17. Тамо же, гдѣ нерѣшимость.

18. Отъ чего въ Европѣ весьма ограниченный человѣкъ въ состояніи написать письмо вразумительное, и отъ чего у насъ часто преострые люди пишутъ такъ безтолково?

На 18. Отъ того, что тамо учась слогу одинако пишутъ; у насъ же всякъ мысли свои не учась на бумагу кладетъ.

19. Отъ чего у насъ начинаются дѣла съ великимъ жаромъ и пылкостью, потомъ же оставляются, а нерѣдко и совсѣмъ забываются?

19. По той же причинѣ, по которой человѣкъ старѣется.

20. Какъ истребить два сопротивные и два вреднѣйшіе предразсудки: первый, будто у насъ все дурно, а въ чужихъ краяхъ все хорошо; вторый, будто въ чужихъ краяхъ все дурно, а у насъ все хорошо?

20. Временемъ и знаніемъ.

21. Въ чемъ состоитъ нашъ національный характеръ?

На 21. Въ остромъ и скоромъ понятіи всего, въ образцовомъ послушаніи и въ корени всѣхъ добродѣтелей, отъ Творца человѣку данныхъ.

Къ г. сочинителю Былей и Небылицъ отъ сочинителя вопросовъ.

По отвѣтамъ вашимъ вижу, что я нѣкоторые вопросы не умѣлъ написать внятно, и для того покорно васъ прошу принять здѣсь мое объясненіе. Въ разсужденіи вопроса о нечувственности къ достоинству благороднаго званія, позвольте мнѣ сказать вамъ, государь мой, что разумъ онаго совсѣмъ другой, нежели, въ какомъ, повидимому, вы его принимаете. Если вы мой согражданинъ, то кто бы вы ни были, можете быть увѣрены, что я ни вамъ и никому изъ моихъ согражданъ не уступлю въ душевномъ чувствованіи всѣхъ неизсчетныхъ благъ, которыя въ теченіе съ лишкомъ двадцати лѣтъ изливаются на благородное общество. Надобно быть извергу, чтобъ не признавать, какое ободреніе душамъ подается. Мой вопросъ точно отъ того и произошелъ, что я пораженъ былъ тою нечувственностію, ко-

торую къ сему самому ободренію изъявляютъ многіе злонравные и невоспитанные члены сего почтеннаго общества.

Мнѣ случилось по своей землѣ поѣздить. Я видѣлъ, въ чемъ большая часть носящихъ имя дворянина полагаетъ свое любочестіе. Я видѣлъ множество такихъ, которые служатъ, или паче занимаютъ мѣста въ службѣ для того только, что ѣздятъ на парѣ. Я видѣлъ множество другихъ, которые пошли тотчасъ въ отставку, какъ скоро добились права впрягать четверню. Я видѣлъ отъ почтеннѣйшихъ предковъ презрительныхъ потомковъ. Словомъ: я видѣлъ дворянъ раболѣпствующихъ. Я дворянинъ, и вотъ что растерзало мое сердце. Вотъ что подвигло меня сдѣлать сей вопросъ. Легко станется, что я не умѣлъ положить его на бумагу, какъ думалъ: но я думалъ честно, и имѣю сердце, пронзенное благодарностію и благоговѣніемъ къ великимъ дѣяніямъ всеобщія нашея благотворительницы. Ласкаюсь, что всѣ тѣ честные люди, отъ коихъ имѣю счастіе быть знаемъ, отдадутъ мнѣ справедливость, что перо мое никогда не было и не будетъ омочено ни ядомъ лести, ни желчью злобы.

Вседушевно благодарю васъ за отвѣтъ на мой вопросъ: „отъ чего тяжущіяся не печатаютъ тяжебъ своихъ и рѣшеній правительства?“ Отвѣтъ вашъ подаетъ надежду, что размноженіе типографій послужитъ не только къ распространенію знаній человѣческихъ, но и къ подкрѣпленію правосудія. Да облобызаемъ мысленно съ душевною благодарностію десницу правосуднѣйшія и премудрыя Монархини. Она, отверзая новыя врата просвѣщенію, въ то же время и тѣмъ же самымъ полагаетъ новую преграду ябедѣ и коварству. Она и въ семъ случаѣ слѣдуетъ своему всегдашнему обычаю; ибо разсѣчь однимъ разомъ камень претыканія, и вдругъ источить изъ него два цѣлебные потока есть образъ чудодѣйствія, Екатеринѣ II весьма обычайный. Способомъ печатанія тяжбъ и рѣшеній гласъ обиженнаго достигнетъ во всѣ концы отечества. Многіе постыдятся дѣлать то, чево дѣлать не страшатся. Всякое дѣло, содержащее въ себѣ судьбу имѣнія, чести и жизни гражданина, купно съ рѣшеніемъ судившихъ, можетъ быть извѣстно всей безпристрастной публикѣ; воздастся достойная хвала праведнымъ судьямъ; возгнушаются честныя сердца неправдою судьей безсовѣстныхъ и алчныхъ. О еслибъ я имѣлъ талантъ вашъ, г. сочинитель Былей и Небылицъ! съ радостію начерталъ бы я портретъ судьи, который, считая всѣ свои бездѣльства погребенными въ архивѣ своего мѣста, беретъ въ руки печатную тетрадь и вдругъ видитъ въ ней свои скрытыя плутни, объявленныя во всенародное извѣстіе. Еслибъ я имѣлъ перо ваше, съ какою бы живостію изобразилъ я, какъ, пораженный симъ нечаяннымъ ударомъ, безсовѣстный судья блѣднѣетъ, какъ трясутся его руки, какъ при чтеніи каждой строки языкъ его нѣмѣетъ, и по всѣмъ чертамъ его лица разливается стыдъ, проникнувшій въ мрачную его душу, можетъ быть, въ первый разъ отъ рожденія. Вотъ, г. сочинитель

Былей и Небылицъ, вотъ портретъ, достойный забавной, но сильной вашей кисти.

Чрезъ вопросъ: „отъ чего у насъ не стыдно не дѣлать ничего?“ разумѣлъ я, отъ чего празднымъ людямъ нестыдно быть праздными?

Статьею о шпыняхъ и балагурахъ хотѣлъ я показать только несообразность балагурства съ большимъ чиномъ. Вы, можетъ быть, спросите меня, для чего же вопроса моего не умѣлъ я такъ написать, какъ теперь говорю? На сіе буду вамъ отвѣчать вашимъ же отвѣтомъ на мой вопросъ, хотя совсѣмъ другого рода. „Для того, что вездѣ, во всякой землѣ и во всякое время родъ человѣческій совершеннымъ не родится“.

Признаюсь, что благоразумные ваши отвѣты убѣдили меня внутренне, что я самаго добраго намѣренія исполнить не умѣлъ, и что не могъ я дать моимъ вопросамъ приличнаго оборота. Сіе внутреннее мое убѣжденіе рѣшило меня заготовленные еще вопросы отмѣнить, не столько для того, чтобъ невиннымъ образомъ не быть обвиняему въ *свободоязычіи*, ибо у меня совѣсть спокойна, сколько для того, чтобъ не подать повода другимъ къ дерзкому *свободоязычію*, котораго всей душею ненавижу.

Видя, что вы, государь мой, въ числѣ издателей Собесѣдника, покорно прошу помѣстить въ него сіе письмо. Напечатаніе онаго будетъ для меня весьма лестнымъ знакомъ, что вы моимъ объясненіемъ довольны. Доброе мнѣніе творца, вмѣщающаго, какъ вы, въ творенія свои пользу и забаву въ степени возможнаго совершенства, должно быть для меня неоцѣненно: напротивъ же того, всякое ваше неудовольствіе, мною въ совѣсти моей ничѣмъ незаслуженное, если какимъ нибудь образомъ буду имѣть несчастіе примѣтить, приму я съ огорченіемъ за твердое основаніе непреложнаго себѣ правила: во всю жизнь мою за перо не приниматься.

* * *

Послѣ сей добровольной исповѣди, напечатанной по собственному прошенію кающагося, сочинителю Былей и Небылицъ не остается что либо сказать, тѣмъ паче, что онъ въ душѣ своей увѣренъ, что сей поступокъ господина сочинителя вопросовъ сходствуетъ съ обычаемъ, достойнымъ похвалы, православнаго христіанина, по которому за грѣхомъ вскорѣ слѣдуетъ раскаяніе и покаяніе; но въ семъ случаѣ разрѣшеніе зависитъ ни отъ кого иного, какъ отъ многоголовной публики; мое же дѣло тутъ постороннее [1]).

---

[1]) Этотъ отвѣтъ былъ исправленъ и нѣсколько измѣненъ, можетъ быть, Дашковой; въ рукописи Екатерины конецъ его имѣлъ такой видъ (приводимъ, сохраняя подлинную орѳографію): „Но въ семъ случаѣ разрешеніе зависитъ ни отъ кого инаго какъ отъ многоголовной публики, ей одной принадлежитъ сказать Богъ проститъ я же вамъ всепокорный слуга по слову евангельскому всегда радуюсь о возвращеніе на пути истинны всякой заблюдшей овцы“.

Примѣчаніе.

Чтожъ касается до даннаго мнѣ совѣта, чтобъ я описаніе ябедника и мздоимца на себя взялъ, на то въ отвѣтъ скажу, возблагодаривъ напередъ за похвалы, въ коихъ себя ни мало не узнаю, что въ Былѣ и Небылицѣ гнусности и отвращеніе за собою влекущее не вмѣщаемо; изъ оныхъ строго исключается все то, что не въ улыбательномъ духѣ и не по вкусу прародителя моего, либо скуку возбудить могущее и наипаче горесть и плачъ разогрѣвающія драмы. Ябедниками и мздоимцами заниматься не есть наше дѣло; мы и грамматику худо знаемъ, гдѣ намъ проповѣди писать.

Державинъ.

На смерть князя Мещерскаго [1]).

1779.

Глаголъ временъ! металла звонъ!
Твой страшный гласъ меня смущаетъ;
Зоветъ меня, зоветъ твой стонъ,
Зоветъ—и къ гробу приближаетъ.
Едва увидѣлъ я сей свѣтъ,
Уже зубами Смерть скрежещетъ,
Какъ молніей, косою блещетъ
И дни мои, какъ злакъ, сѣчетъ.
Ничто отъ роковыхъ когтей,
Никая тварь не убѣгаетъ:
Монархъ и узникъ—снѣдь червей;
Гробницы злость стихій снѣдаетъ;
Зіяетъ Время славу смерть:
Какъ въ море льются быстры воды,
Такъ въ вѣчность льются дни и годы;
Глотаетъ царства алчна Смерть.
Скользимъ мы бездны на краю,
Въ которую стремглавъ свалимся;
Пріемлемъ съ жизнью смерть свою;
На то, чтобъ умереть, родимся;
Безъ жалости все Смерть разитъ:
И звѣзды ею сокрушатся,
И солнцы ею потушатся,
И всѣмъ мірамъ она грозитъ.
Не мнитъ лишь смертный умирать
И быть себя онъ вѣчнымъ чаетъ;
Приходитъ Смерть къ нему, какъ тать,
И жизнь внезапу похищаетъ.
Увы! гдѣ меньше страха намъ,
Тамъ можетъ смерть постичь скорѣе;
Ея и громы не быстрѣе
Слетаютъ къ гордымъ вышинамъ.
Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ,
Куда, Мещерскій, ты сокрылся?
Оставилъ ты сей жизни брегъ,
Къ брегамъ ты мертвыхъ удалился:
Здѣсь персть твоя, а духа нѣтъ.
Гдѣ жъ онъ?—Онъ тамъ.—Гдѣ тамъ?—Не знаемъ.

---

[1]) Кн. Александръ Ивановичъ Мещерскій служилъ президентомъ главнаго магистрата въ Петербургѣ и извѣстенъ былъ роскошной жизнью и хлѣбосольствомъ.

Мы только плачемъ и взываемъ;
„О горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!“
Утѣхи, радость и любовь
Гдѣ купно съ здравіемъ блистали,
У всѣхъ тамъ цѣпенѣетъ кровь
И духъ мятется отъ печали.
Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ;
Гдѣ пиршествъ раздавались клики,
Надгробные тамъ воютъ лики [1]),
И блѣдна Смерть на всѣхъ глядитъ...
Глядитъ на всѣхъ—и на царей,
Кому въ державу тѣсны міры;
Глядитъ на пышныхъ богачей,
Что въ златѣ и сребрѣ кумиры;
Глядитъ на прелесть и красы,
Глядитъ на разумъ возвышенный,
Глядитъ на силы дерзновенны—
И точитъ лезвее косы.
Смерть—трепетъ естества и страхъ!
Мы — гордость, съ бѣдностью совмѣстна;
Сегодня богъ, а завтра прахъ;
Сегодня льститъ надежда лестна,
А завтра—гдѣ ты, человѣкъ?
Едва часы протечь успѣли,
Хаоса въ бездну улетѣли,
И весь, какъ сонъ, прошелъ твой вѣкъ.
Какъ сонъ, какъ сладкая мечта,
Исчезла и моя ужъ младость;
Не сильно нѣжитъ красота,
Не столько восхищаетъ радость,
Не столько легкомысленъ умъ,
Не столько я благополученъ:
Желаніемъ честей размученъ;
Зоветъ, я слышу, славы шумъ.
Но такъ и мужество пройдетъ,
И вмѣстѣ къ славѣ съ нимъ стремленье;
Богатствъ стяжаніе минетъ,
И въ сердцѣ всѣхъ страстей волненье
Прейдетъ, прейдетъ въ чреду свою.
Подите, счастья, прочь возможны!
Вы всѣ премѣнны здѣсь и ложны:
Я въ дверяхъ вѣчности стою.
Сей день иль завтра умереть,
Перфильевъ [2])! должно намъ конечно:
Почто жъ терзаться и скорбѣть,
Что смертный другъ твой жилъ не вѣчно?
Жизнь есть Небесъ мгновенный даръ;
Устрой ее себѣ къ покою,
И съ чистою твоей душою
Благословляй судебъ ударъ.

[1]) Лики—пѣвчіе.
[2]) Пріятель Мещерскаго и Державина.

На рожденіе на Сѣверѣ порфиророднаго Отрока [1]).

1780.

Съ бѣлыми Борей [2]) власами
И съ сѣдою бородой,
Потрясая небесами,
Облака сжималъ рукой;
Сыпалъ инеи пушисты
И метели воздымалъ;
Налагая цѣпи льдисты,
Быстры воды оковалъ.
Вся природа содрогала
Отъ лихого старика;
Землю въ камень претворяла
Хладная его рука;
Убѣгали звѣри въ норы,
Рыбы крылись въ глубинахъ,
Пѣть не смѣли птичекъ хоры,
Пчелы прятались въ дуплахъ;
Засыпали Нимфы съ скуки
Средь пещеръ и камышей;
Согрѣвать Сатиры руки
Собирались вкругъ огней.
Въ это время столь холодно,
Какъ Борей былъ разъяренъ,
Отроча порфирородно
Въ царствѣ сѣверномъ рожденъ.
Родился—и въ ту минуту
Пересталъ ревѣть Борей;
Онъ дохнулъ—и зиму люту
Удалилъ Зефиръ съ полей;
Онъ воззрѣлъ—и солнце красно
Обратилося къ веснѣ;
Онъ вскричалъ—и лиръ согласно
Звукъ разнесся въ сей странѣ;

[1]) Подъ „порфиророднымъ Отрокомъ“ разумѣется великій князь Александръ Павловичъ, род. 12 дек. 1777 г.
[2]) Сѣв.-восточный холодный вѣтеръ.

Онъ простеръ лишь дѣтски руки—
Ужъ порфиру въ руки бралъ;
Раздались громовы звуки—
И весь Сѣверъ возсіялъ.
Я увидѣлъ въ восхищеньи:
Растворенъ Судебъ чертогъ,
И подумалъ въ изумленьи:
Знать, родился нѣкій богъ.
Геніи къ нему слетѣли
Въ свѣтломъ облакѣ съ небесъ;
Каждый Геній къ колыбели
Даръ рожденному принесъ:
Тотъ принесъ ему громъ въ руки
Для предбудущихъ побѣдъ;
Тотъ художества, науки,
Украшающія свѣтъ;
Тотъ обиліе, богатство,
Тотъ сіяніе порфиръ;
Тотъ утѣхи и пріятство,
Тотъ спокойствіе и миръ;
Тотъ принесъ ему тѣлесну,
Тотъ душевну красоту;
Прозорливость тотъ небесну,
Разумъ, духа высоту.
Словомъ: всѣ ему блаженства
И таланты подаря,
Всѣ вліяли совершенства,
Составляющи царя;
Но послѣдній, добродѣтель
Зараждаючи въ немъ, рекъ:
„Будь страстей твоихъ владѣтель,
Будь на тронѣ человѣкъ!“
Всѣ крылами восплескали,
Каждый Геній восклицалъ:
„Се божественный“, вѣщали,
„Даръ младенцу онъ избралъ!
Даръ, всему полезный міру!
Даръ, добротамъ всѣмъ вѣнецъ!
Кто пріемлетъ съ нимъ порфиру,
Будетъ подданнымъ отецъ!“—
„Будетъ!“—и Судьбы гласили:
„Онъ монархамъ образецъ!“
Лѣсъ и горы повторили:
„Утѣшеніемъ сердецъ!“—
Симъ Россія восхищенна
Токи слезны пролила,
На колѣни преклоненна,
Въ руки Отрока взяла;
Воспріявъ его, лобзаетъ
Въ перси, очи и уста.
Въ немъ геройство возрастаетъ,
Возрастаетъ красота.
Всѣ его ужъ любятъ страстно,
Всѣхъ сердца ужъ онъ возжегъ:
Возрастай, дитя прекрасно!
Возрастай, нашъ полубогъ!
Возрастай, уподобляясь
Ты родителямъ во всемъ;
Съ ихъ ты матерью равняясь,
Соравняйся съ Божествомъ!..

Фелица.

1782.

Богоподобная царевна
Киргизъ-кайсацкія орды,
Которой мудрость несравненна
Открыла вѣрные слѣды
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высоку гору,
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ,
Гдѣ добродѣтель обитаетъ!
Она мой духъ и умъ плѣняетъ;
Подай найти ея совѣтъ.
Подай, Фелица, наставленье,
Какъ пышно и правдиво жить,
Какъ укрощать страстей волненье
И счастливымъ на свѣтѣ быть.
Меня твой голосъ возбуждаетъ,
Меня твой сынъ препровождаетъ;
Но имъ послѣдовать я слабъ:
Мятясь житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотямъ я рабъ,
Мурзамъ твоимъ не подражая,
Почасту ходишь ты пѣшкомъ,
И пища самая простая
Бываетъ за твоимъ столомъ;
Не дорожа твоимъ покоемъ,
Читаешь, пишешь предъ налоемъ
И всѣмъ изъ твоего пера
Блаженство смертнымъ проливаешь;
Подобно въ карты не играешь,
Какъ я, отъ утра до утра.
Не слишкомъ любишь маскарады,
А въ клубъ не ступишь и ногой;
Храня обычаи, обряды,
Не донкишотствуешь собой;

Коня парнасска не сѣдлаешь,
Къ духамъ въ собранье не въѣзжаешь [1]),
Не ходишь съ трона на Востокъ [2]);
Но, кротости ходя стезею,
Благотворящею душою
Полезныхъ дней проводишь токъ.

А я, проспавши до полудни,
Курю табакъ и кофе пью;
Преобращая въ праздникъ будни,
Кружу въ химерахъ мысль мою:
То тронъ отъ Персовъ похищаю [3]),
То стрѣлы къ Туркамъ обращаю;
То, возмечтавъ, что я султанъ,
Вселенну устрашаю взглядомъ;
То вдругъ, прельщаяся нарядомъ,
Скачу къ портному по кафтанъ [4]).

Или въ пиру я пребогатомъ,
Гдѣ праздникъ для меня даютъ,
Гдѣ блещетъ столъ сребромъ и златомъ,
Гдѣ тысячи различныхъ блюдъ,—
Тамъ славный окорокъ вестфальской,
Тамъ звенья рыбы астраханской,
Тамъ пловъ и пироги стоятъ [5]),—
Шампанскимъ вафли запиваю
И все на свѣтѣ забываю
Средь винъ, сластей и ароматъ.

. . . .

Или великолѣпнымъ цугомъ [6])
Въ каретѣ англійской, златой,
Съ собакой, шутомъ, или другомъ [7]),
Или, съ красавицей какой
Я подъ качелями гуляю,
Въ шинки пить меду заѣзжаю;
Или, какъ то наскучитъ мнѣ,
По склонности моей къ премѣнѣ,

[1]) Императрица не любила масоновъ.

[2]) Востокомъ сокращенно названы масонскія ложи.

[3]) Намекъ на мечты о завоеваніи Персіи.

[4]) Намекъ на Потемкина, любившаго наряжаться.

[5]) Пловъ—пилавъ, восточное кушанье изъ риса и говядины.

[6]) По старинному обычаю, число лошадей, запряженныхъ цугомъ, соотвѣтствовало знатности или званію лица.

[7]) Шутъ, любимецъ Потемкина, по имени Моссъ.

Имѣя шапку на бекренѣ,
Лечу на рѣзвомъ бѣгунѣ [1]).

Или музыкой и пѣвцами,
Органомъ и волынкой вдругъ,
Или кулачными бойцами
И пляской веселю мой духъ [2]);
Или, о всѣхъ дѣлахъ заботу
Оставя, ѣзжу на охоту
И забавляюсь лаемъ псовъ [3]);
Или надъ невскими брегами
Я тѣшусь по ночамъ рогами
И греблей удалыхъ гребцовъ [4]).

Иль, сидя дома, я прокажу,
Играя въ дураки съ женой;
То съ ней на голубятню лажу,
То въ жмурки рѣзвимся порой,
То въ свайку съ нею веселюся,
То ею въ головѣ ищуся;
То въ книгахъ рыться я люблю,
Мой умъ и сердце просвѣщаю:
Полкана и Бову читаю [5]),
За Библіей, зѣвая, сплю.

Таковъ, Фелица, я развратенъ,
Но на меня весь свѣтъ похожъ.
Кто сколько мудростью ни знатенъ,
Но всякій человѣкъ есть ложь.
Не ходимъ свѣта мы путями,
Бѣжимъ разврата за мечтами.
Между Лѣнтяемъ и Брюзгой,
Между тщеславья и порокомъ
Нашелъ кто развѣ ненарокомъ
Путь добродѣтели прямой.

Нашелъ... но льзя-ль не заблуждаться
Намъ, слабымъ смертнымъ, въ семъ пути,
Гдѣ самъ разсудокъ спотыкаться
И долженъ вслѣдъ страстямъ идти;
Гдѣ намъ ученые невѣжды,
Какъ мгла у путниковъ, тмятъ вѣжды?

[1]) Намекъ на графа Алексѣя Григорьевича Орлова, охотника до конскихъ скачекъ.

[2]) Все это тоже было любимымъ занятіемъ гр. Орлова.

[3]) Намекъ на графа Петра Ивановича Панина, любителя псовой охоты.

[4]) Старинные обычаи и забавы русскихъ.

[5]) Державинъ, поступивъ на службу къ князю Вяземскому, часто читалъ ему подобныя книги.

Вездѣ соблазнъ и лесть живетъ;
Пашей всѣхъ роскошь угнетаетъ.
Гдѣ жъ добродѣтель обитаетъ?
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ?
Тебѣ единой лишь пристойно,
Царевна, свѣтъ изъ тьмы творить;
Дѣля хаосъ на сферы стройно,
Союзомъ цѣлость ихъ крѣпить;
Изъ разногласія согласье
И изъ страстей свирѣпыхъ счастье
Ты можешь только созидать.
Такъ кормщикъ, черезъ понтъ плывущій,
Ловя подъ парусъ вѣтръ ревущій,
Умѣетъ судномъ управлять.
Едина ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого,
Дурачества сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхожденьемъ правишь;
Какъ волкъ овецъ, людей не давишь, —
Ты знаешь прямо цѣну ихъ:
Царей они подвластны волѣ,
Но Богу правосудну болѣ,
Живущему въ законахъ ихъ.
Ты здраво о заслугахъ мыслишь,
Достойнымъ воздаешь ты честь;
Пророкомъ ты того не числишь,
Кто только риѳмы можетъ плесть.
А что сія ума забава—
Калифовъ добрыхъ честь и слава,
Снисходишь ты на лирный ладъ:
Поэзія тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.
Слухъ идетъ о твоихъ поступкахъ,
Что ты нимало не горда,
Любезна и въ дѣлахъ и въ шуткахъ,
Пріятна въ дружбѣ и тверда;
Что ты въ напастяхъ равнодушна,
А въ славѣ такъ великодушна,
Что отреклась и мудрой слыть [1]).
Еще же говорятъ неложно,
Что будто завсегда возможно
Тебѣ и правду говорить.
Неслыханное также дѣло,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смѣло
О всемъ, и въявь и подъ рукой,
И знать и мыслить позволяешь
И о себѣ не запрещаешь
И быль и небыль говорить;
Что будто самымъ крокодиламъ,
Твоихъ всѣхъ милостей зоиламъ [1]),
Всегда склоняешься простить.
Стремятся слезъ пріятныхъ рѣки
Изъ глубины души моей.
О, коль счастливы человѣки
Тамъ должны быть судьбой своей,
Гдѣ ангелъ кроткій, ангелъ милый,
Сокрытый въ свѣтлости порфирной,
Съ небесъ ниспосланъ скиптръ носить!
Тамъ можно пошептать въ бесѣдахъ,
И казни не боясь, въ обѣдахъ
За здравіе царей не пить.
Тамъ съ именемъ Фелицы можно
Въ строкѣ описку поскоблить [2]),
Или портретъ неосторожно
Ея на землю уронить [3]).
Тамъ свадебъ шутовскихъ не парятъ,
Въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жарятъ [4]),
Не щелкаютъ въ усы вельможъ;
Князья насѣдками не клохчутъ,
Любимцы въявь имъ не хохочутъ
И сажей не мараютъ рожъ [5]).
Ты вѣдаешь, Фелица, правы
И человѣковъ и царей:
Когда ты просвѣщаешь нравы,
Ты не дурачишь такъ людей;
Въ твои отъ дѣлъ отдохновенья
Ты пишешь въ сказкахъ поученья

---

[1]) Намекъ на то, что Екатерина отказалась отъ наименованій: Великой, Премудрой, Матери Отечества.

[1]) Императрица сначала снисходительно относилась къ людямъ, злорѣчиво отзывавшимся о ея слабостяхъ.

[2]) При императрицѣ Аннѣ считалось преступленіемъ, если въ императорскомъ титулѣ что-нибудь было поправлено.

[3]) Тяжелой отвѣтственности подвергался также тотъ, кто нечаянно ронялъ изъ рукъ монету съ портретомъ государыни.

[4]) Шутовская свадьба кн. Голицына въ ледяномъ домѣ на Невѣ.

[5]) Импер. Анна любила окружать себя шутами, и кн. Голицынъ однажды въ наказаніе посаженъ былъ въ лукошко, гдѣ и кудахталъ, какъ курица.

И Хлору въ азбукѣ [1]) твердишь:
„Не дѣлай ничего худого—
И самаго сатира злого
Лжецомъ презрѣннымъ сотворишь“.
Стыдишься слыть ты тѣмъ великой,
Чтобъ страшной, нелюбимой быть;
Медвѣдицѣ прилично дикой,
Животныхъ рвать и кровь ихъ пить.
Безъ крайняго въ горячкѣ бѣдства
Тому ланцетовъ нужны ль средства,
Безъ нихъ кто обойтися могъ?
И славно ль быть тому тираномъ,
Великимъ въ звѣрствѣ Тамерланомъ,
Кто благостью великъ, какъ Богъ?
Фелицы слава—слава Бога,
Который брани усмирилъ,
Который сира и убога
Покрылъ, одѣлъ и накормилъ;
Который окомъ лучезарнымъ
Шутамъ, трусамъ, неблагодарнымъ
И праведнымъ свой свѣтъ даритъ,
Равно всѣхъ смертныхъ просвѣщаетъ,
Больныхъ покоитъ, исцѣляетъ,
Добро лишь для добра творитъ;
Который даровалъ свободу
Въ чужія области скакать,
Позволилъ своему народу
Сребра и золота искать;
Который воду разрѣшаетъ
И лѣсъ рубить не запрещаетъ;
Велитъ и ткать, и прясть, и шить;
Развязывая умъ и руки,
Велитъ любить торги, науки,
И счастье дома находить;
Котораго законъ, десница
Даютъ и милости, и судъ.
Вѣщай, премудрая Фелица:
Гдѣ отличенъ отъ честныхъ плутъ?
Гдѣ старость по міру не бродитъ?
Заслуга хлѣбъ себѣ находитъ?
Гдѣ совѣсть съ правдой обитаютъ?
Гдѣ добродѣтели сіяютъ?
У трона развѣ твоего!
Но гдѣ твой тронъ сіяетъ въ мірѣ?
Гдѣ, вѣтвь небесная, цвѣтешь?
Въ Багдадѣ—Смирнѣ—Кашемирѣ?

[1]) **Екатерина составила азбуку для своихъ внуковъ.**

Послушай: гдѣ ты ни живешь,—
Хвалы мои тебѣ примѣтя,
Не мни, чтобъ шапки илъ бешметя [1])
За нихъ я отъ тебя желалъ.
Почувствовать добра пріятство
Такое есть души богатство,
Какого Крезъ не собиралъ.
Прошу великаго пророка,
Да праха ногъ твоихъ коснусь,
Да словъ твоихъ сладчайша тока
И лицезрѣнья наслаждусь.
Небесныя прошу я силы,
Да, ихъ простря сафирны крылы,
Невидимо тебя хранятъ
Отъ всѣхъ болѣзней, золъ и скуки;
Да дѣлъ твоихъ въ потомствѣ звуки,
Какъ въ Небѣ звѣзды, возблестятъ!

Видѣніе Мурзы.

1783.

На темноголубомъ эѳирѣ
Златая плавала луна:
Въ серебряной своей профирѣ
Блистаючи съ высотъ, она
Сквозь окна домъ мой освѣщала
И палевымъ своимъ лучемъ
Златыя стекла рисовала
На лаковомъ полу моемъ.
Сонъ томною своей рукою
Мечты различны разсыпалъ;
Кропя забвенія росою,
Моихъ домашнихъ усыплялъ.
Вокругъ вся область почивала,
Петрополь съ башнями дремалъ,
Нева изъ урны чуть мелькала,
Чуть Бельтъ [2]) въ берегахъ своихъ сверкалъ.
Природа въ тишину глубоку
И въ крѣпкомъ погруженна снѣ,
Мертва казалась слуху, оку
На высотѣ и въ глубинѣ;
Лишь вѣяли одни зефиры,

[1]) Татарское полукафтанье.

[2]) Слово *Бельтъ* на языкѣ стихотворцевъ того времени употреблялось въ значеніи Балтійскаго моря.

Прохладу чувствамъ принося.
Я не спалъ и, со звономъ лиры
Мой тихій голосъ соглася,
„Блаженъ“, воспѣлъ я, „кто доволенъ
Въ семъ свѣтѣ жребіемъ своимъ,
Обиленъ, здравъ, покоенъ, воленъ
И счастливъ лишь собой самимъ;
Кто сердце чисто, совѣсть праву
И твердый нравъ хранитъ въ свой вѣкъ
И всю свою въ томъ ставитъ славу,
Что онъ лишь добрый человѣкъ;
Что карлой онъ и великаномъ
И дивомъ свѣта не рожденъ,
И что не созданъ истуканомъ
И оныхъ чтить не принужденъ;
Что всѣ сего блаженства міра
Находитъ онъ въ семьѣ своей;
Что нѣжная его Плѣнира [1])
И вѣрныхъ нѣсколько друзей
Съ нимъ могутъ въ часъ уединенный
Дѣлить и скуку и труды!
Блаженъ и тотъ, кому царевны
Какой бы ни было орды
Изъ теремовъ своихъ янтарныхъ [2])
И сереброзовыхъ свѣтлицъ,
Какъ будто изъ улусовъ дальныхъ,
Украдкой отъ придворныхъ лицъ
За росказни, за растабары,
За вирши иль за что-нибудь
Исподтишка драгіе дары
И въ досканцахъ червонцы шлютъ! [3])
„Блаженъ“!.. Но съ рѣчью сей незапно
Мое все зданье потряслось:
Раздвиглись стѣны, и стократно
Ярчѣе молній пролилось
Сіянье вкругъ меня небесно;
Сокрылась, поблѣднѣвъ, луна.
Видѣнье я узрѣлъ чудесно:

---

[1]) Подъ этимъ именемъ Державинъ воспѣвалъ первую жену свою.

[2]) Въ царскосельскомъ дворцѣ до нашихъ дней находится одна комната, вся отдѣланная янтаремъ, другая—розовой фольгою съ серебряною рѣзьбой.

[3]) Намекъ на золотую табакерку съ червонцами, пожалованную Державину послѣ появленіи его „*Фелицы*“. — „Досканцы“—ящики, въ которыхъ сохранялись принадлежности женскаго туалета.

Сошла со облаковъ жена,
Сошла—и жрицей очутилась
Или богиней предо мной.
Одежда бѣлая струилась
На ней серебряной волной,
Градская [1]) на главѣ корона,
Сіялъ при персяхъ поясъ златъ;
Изъ черноогненна виссона [2]),
Подобный радугѣ, нарядъ
Съ плеча десного полосою
Висѣлъ на лѣвую бедру [3]).
Простертой за алтарь рукою
На жертвенномъ она жару,
Сжигая маки благовонны,
Служила вышню Божеству.
Орелъ полунощный, огромный,
Сопутникъ молній торжеству,
Геройской провозвѣстникъ славы,
Сидя предъ ней на грудѣ книгъ,
Священны блюлъ ея уставы;
Потухшій громъ въ костяхъ своихъ
И лавръ съ оливными вѣтвями
Держалъ, какъ будто бы уснувъ.
Сафиросвѣтлыми очами,
Какъ въ гнѣвѣ иль въ жару, блеснувъ,
Богиня на меня воззрѣла.
Пребудетъ образъ ввѣкъ во мнѣ,
Она который впечатлѣла!
„Мурза!“ она вѣщала мнѣ:
„Ты быть себя счастливымъ чаешь,
Когда по днямъ и по ночамъ
На лирѣ ты своей играешь
И пѣсни лишь поешь царямъ.
Вострепещи, мурза несчастный,
И страшны истины внемли,
Которымъ стихотворцы страстны
Едва ли вѣрятъ на земли;
Одно къ тебѣ лишь доброхотство
Мнѣ ихъ открыть велитъ. Когда
Поэзія не сумасбродство,
Но вышній даръ боговъ, тогда
Сей даръ боговъ лишь къ чести

---

[1]) Описаніе портрета, сдѣланнаго извѣстнымъ живописцемъ Левицкимъ и нынѣ находящагося въ Импер. Публ. Библіотекѣ. Градская—гражданская.

[2]) Драгоцѣнная ткань у древнихъ.

[3]) Лента Владимірскаго ордена, которымъ императрица наградила себя по составленіи ею учрежденія о губерніяхъ.

И къ поученью ихъ путей
Быть долженъ обращенъ, не къ лести
И тлѣнной похвалѣ людей.
Владыки свѣта—люди тѣ же;
Въ нихъ страсти, хоть на нихъ вѣнцы:
Ядъ лести ихъ вредитъ не рѣже,
А гдѣ поэты не льстецы?
И ты Сиренъ [1]) поющихъ грому
Въ вредъ добродѣтели не строй;
Благотворителю прямому
Въ хвалѣ нѣтъ нужды никакой.
Хранящій мужъ честные нравы,
Творяй свой долгъ, свои дѣла,
Царю приноситъ больше славы,
Чѣмъ всѣхъ піитовъ похвала.
Оставь нектаромъ наполненну
Опасну чашу, гдѣ скрытъ ядъ".—
„Кого я зрю, столь дерзновенну,
И чьи уста меня разятъ?
Кто ты? богиня или жрица?"
Мечту стоящу я спросилъ.
Она рекла мнѣ: „Я—Фелица!"
Рекла—и свѣтлый облакъ скрылъ
Отъ глазъ моихъ ненасыщенныхъ
Божественны ея черты;
Куреніе мастикъ безцѣнныхъ
Мой домъ, и мѣсто то цвѣты
Покрыли, гдѣ она явилась,
Мой богъ, мой ангелъ во плоти!..
Душа моя за ней стремилась,
Но я за ней не могъ идти.
Подобно громомъ оглушенный,
Безчувственъ я, безгласенъ былъ;
Но, токомъ слезнымъ орошенный,
Пришелъ въ себя и возгласилъ:
„Возможно ль, кроткая царевна,
И ты къ мурзѣ чтобъ своему
Была сурова столь и гнѣвна,
И стрѣлы къ сердцу моему
И ты, и ты чтобы бросала,
И пламени души моей
Къ себѣ и ты не одобряла?
Довольно безъ тебя людей,
Довольно безъ тебя поэту
За кажду мысль, за каждый стихъ
Отвѣтствовать любому смѣху
И отъ сатиръ щититься злыхъ!

[1]) Не пой, какъ сирены, во вредъ добродѣтели.

Довольно золотыхъ кумировъ,
Безъ чувствъ мои что пѣсни чли;
Довольно кадіевъ, факировъ,
Которы въ зависти сочли
Тебѣ ихъ неприлично лестью,—
Довольно нажилъ я враговъ!
Иной отнесъ себѣ къ безчестью,
Что не дерутъ его усовъ;
Иному показалось больно,
Что онъ насѣдкой не сидитъ;
Иному—очень своевольно
Съ тобой мурза твой говоритъ;
Иной вмѣнялъ мнѣ въ преступленье,
Что я посланницей съ небесъ
Тебя быть мыслилъ въ восхищеньѣ
И лилъ въ восторгѣ токи слезъ.
И, словомъ, тотъ хотѣлъ арбуза,
А тотъ соленыхъ огурцовъ [1]).
Но пусть имъ здѣсь докажетъ Муза,
Что я не изъ числа льстецовъ;
Что сердца моего товаровъ
За деньги я не продаю
И что не изъ чужихъ амбаровъ
Тебѣ наряды я крою.
Но, вѣнценосна добродѣтель!
Не лесть я пѣлъ и не мечты,
А то, чему весь міръ свидѣтель:
Твои дѣла суть красоты.
Я пѣлъ, пою и пѣть ихъ буду,
И въ шуткахъ правду возвѣщу;
Татарски пѣсни изъ-подъ спуду,
Какъ лучъ, потомству сообщу!
Какъ солнце, какъ луну, поставлю
Твой образъ будущимъ вѣкамъ;
Превознесу тебя, прославлю,
Тобой безсмертенъ буду самъ".

Богъ.

1784.

О Ты, пространствомъ безконечный,
Живый въ движеньи вещества,
Теченьемъ времени превѣчный,

[1]) Намекъ на капризы Потемкина, который разсылалъ нарочныхъ за огурцами, арбузами и пр.

Безъ лицъ, въ трехъ лицахъ Божества [1])!
Духъ, всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ,
Кто все Собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
Кого мы называемъ—Богъ!
Измѣрить океанъ глубокій,
Сочесть пески, лучи планетъ
Хотя и могъ бы умъ высокій,—
Тебѣ числа и мѣры нѣтъ!
Не могутъ духи просвѣщенны,
Отъ свѣта твоего рожденны,
Изслѣдовать судебъ Твоихъ;
Лишь мысль къ Тебѣ взнестись дерзаетъ,—
Въ Твоемъ величьи исчезаетъ,
Какъ въ вѣчности прошедшій мигъ.
Хаоса бытность довременну
Изъ безднъ Ты вѣчности воззвалъ,
А вѣчность, прежде вѣкъ рожденну,
Въ себѣ самомъ Ты основалъ.
Себя собою составляя,
Собою изъ себя сіяя,
Ты свѣтъ, откуда свѣтъ истекъ.
Создавый все единымъ словомъ,
Въ твореньи простираясь новомъ,
Ты былъ, Ты есь, Ты будешь ввѣкъ!
Ты цѣпь существъ въ себѣ вмѣщаешь,
Ее содержишь и живишь,
Конецъ съ началомъ сопрягаешь
И смертію животъ даришь.
Какъ искры сыплются, стремятся,
Такъ солнцы отъ тебя родятся;
Какъ въ мразный ясный день зимой
Пылинки инея сверкаютъ,
Вратятся, зыблются, сіяютъ,
Такъ звѣзды въ безднахъ подъ Тобой.
Свѣтилъ возженныхъ милліоны
Въ неизмѣримости текутъ;
Твои они творятъ законы,
Лучи животворящи льютъ.
Но огненны сіи лампады,
Иль рдяныхъ кристалей громады,
Иль волнъ златыхъ кипящій сонмъ,
Или горящіе эѳиры,
Иль въ купѣ всѣ свѣтящи міры—
Передъ Тобой, какъ нощь предъ днемъ.
Какъ капля въ море опущенна,
Вся твердь передъ Тобой сія;
Но что мной зримая вселенна?
И что передъ Тобою я?
Въ воздушномъ океанѣ ономъ,
Міры умножа милліономъ
Стократъ другихъ міровъ, и то,
Когда дерзну сравнить съ Тобою,
Лишь будетъ точкою одною,
А я передъ Тобой—ничто.
Ничто!—Но Ты во мнѣ сіяешь
Величествомъ Твоихъ добротъ,
Во мнѣ Себя изображаешь,
Какъ солнце въ малой каплѣ водъ.
Ничто! Но жизнь я ощущаю,
Несытымъ нѣкакимъ летаю
Всегда пареньемъ въ высоты;
Тебя душа моя быть чаетъ,
Вникаетъ, мыслитъ, разсуждаетъ:
Я есмь—конечно, есь и Ты!
Ты есь!—Природы чинъ вѣщаетъ,
Гласитъ мое мнѣ сердце то,
Меня мой разумъ увѣряетъ:
Ты есь—и я ужъ не ничто!
Частица цѣлой я вселенной,
Поставленъ, мнится мнѣ, въ почтенной
Срединѣ естества я той,
Гдѣ кончилъ тварей Ты тѣлесныхъ,
Гдѣ началъ Ты духовъ небесныхъ
И цѣпь существъ связалъ всѣхъ мной.
Я связь міровъ повсюду сущихъ,
Я крайня степень вещества,
Я средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества.
Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю,
Я царь,—я рабъ, я червь—я богъ!
Но, будучи я столь чудесенъ,
Отколѣ происшелъ?—безвѣстенъ,
А самъ собой я быть не могъ.
Твое созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь!

[1]) Кромѣ лицъ Св. Троицы, авторъ подразумѣвалъ здѣсь „три лица метафизическія“, т.-е. безконечное пространство, безпрерывную жизнь въ движеніи вещества и нескончаемое теченіе времени, которыя Онъ въ Себѣ совмѣщаетъ.

Источникъ жизни, благъ податель,
Душа души моей и царь!
Твоей то правдѣ нужно было,
Чтобъ смертну бездну преходило,
Мое безсмертно бытіе,
Чтобъ духъ мой въ смертность облачился,
И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
Отецъ! въ безсмертіе Твое.
Неизъяснимый, Непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображенія безсильны
И тѣни начертать Твоей;
Но если славословить должно,
То слабымъ смертнымъ невозможно
Тебя ничѣмъ инымъ почтить,
Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаться,
Въ безмѣрной разности теряться
И благодарны слезы лить.

Водопадъ.

1791.

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четыремя скалами;
Жемчугу бездна и сребра
Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми;
Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,
Далече ревъ въ лѣсу гремитъ.
Шумитъ—и средь густого бора
Теряется въ глуши потомъ;
Лучъ чрезъ потокъ сверкаетъ скоро;
Подъ зыбкимъ сводомъ древъ, какъ сномъ
Покрыты, волны тихо льются,
Рѣкою млечною влекутся.
Сѣдая пѣна по брегамъ
Лежитъ клубами въ дебряхъ темныхъ:
Стукъ слышенъ млатовъ по вѣтрамъ,
Визгъ пилъ и стонъ мѣховъ подъемныхъ:
О водопадъ! въ твоемъ жерлѣ
Все утопаетъ въ безднѣ, въ мглѣ!
Вѣтрами ль сосны пораженны,
Ломаются въ тебѣ въ куски;
Громами ль камни оторженны,
Стираются тобой въ пески;
Сковать ли воду льды дерзаютъ,
Какъ пыль стеклянна ниспадаютъ.

Волкъ рыщетъ вкругъ тебя и, страхъ
Въ ничто вмѣняя, становится:
Огонь горитъ въ его глазахъ
И шерсть на немъ щетиной зрится;
Рожденный на кровавый бой,
Онъ воетъ, согласясь съ тобой.
Лань идетъ робко, чуть ступаетъ,
Внявъ водъ твоихъ падущихъ ревъ;
Рога на спину преклоняетъ
И быстро мчится межъ деревъ;
Ее страшитъ вкругъ шумъ, бурь свистъ
И хрупкій подъ ногами листъ.
Ретивый конь, осанку горду
Храня, къ тебѣ порой идетъ;
Крутую гриву, жарку морду
Поднявъ, храпитъ, ушми прядетъ
И, подстрекаемъ бывъ, бодрится,
Отважно въ хлябь твою стремится.
Подъ наклоненнымъ кедромъ внизъ,
При страшной сей красѣ природы,
На утломъ пнѣ, который свисъ
Съ утеса горъ на яры воды,
Я вижу—нѣкій мужъ сѣдой
Склонился на руку главой.
Копье и мечъ и щитъ великой,
Стѣна отечества всего,
И шлемъ, обвитый повиликой,
Лежатъ во мху у ногъ его:
Въ бронѣ блистая златордяной,
Какъ вечеръ по зарѣ румяной,—
Сидитъ и, взоръ вперя къ водамъ,
Въ глубокой думѣ разсуждаетъ:
„Не жизнь ли человѣковъ намъ
Сей водопадъ изображаетъ?
Онъ также благомъ струй своихъ
Поитъ надменныхъ, кроткихъ, злыхъ.
Не такъ ли съ неба время льется,
Кипитъ стремленіе страстей,
Честь блещетъ, слава раздается,
Мелькаетъ счастье нашихъ дней,
Которыхъ красоту и радость
Мрачатъ печали, скорби, старость?
Не зримъ ли всякій день гробовъ,
Сѣдинъ дряхлѣющей вселенной?
Не слышимъ ли въ бою часовъ
Гласъ смерти, двери скрыпъ подземной?
Не упадаетъ ли въ сей зѣвъ
Съ престола царь и другъ царевъ?

Падутъ—и вождь непобѣдимый,
Въ сенатѣ Цезарь средь похвалъ,
Въ тотъ мигъ, желалъ какъ діадимы,
Закрывъ лице плащемъ, упалъ;
Исчезли замыслы, надежды,
Сомкнулись алчны къ трону вѣжды!
Падутъ,—и несравненный мужъ
Торжествъ несмѣтныхъ съ колесницы,
Примѣръ великихъ въ свѣтѣ душъ,
Презрѣвшій прелесть багряницы,
Плѣнившій Велизаръ царей
Въ темницѣ палъ, лишенъ очей.
Падутъ,—и не мечты прельщали
Когда меня въ цвѣтущій вѣкъ,
Давно ли города встрѣчали,
Какъ въ лаврахъ я, въ оливахъ текъ?
Давно ль?—Но, ахъ! теперь во брани
Мои не мещутъ молній длани!
Ослабли силы, буря вдругъ
Копье изъ рукъ моихъ схватила;
Хотя и бодръ еще мой духъ,
Судьба побѣдъ меня лишила".
Онъ рекъ—и тихимъ позабылся сномъ,
Морфей покрылъ его крыломъ
и т. д.

———

Вельможа.

1794.

Не украшеніе одеждъ
Моя днесь муза прославляетъ,
Которое въ очахъ невѣждъ
Шутовъ въ вельможи наряжаетъ;
Не пышности я пѣснь пою;
Не истуканы за кристалломъ,
Въ кивотахъ блещущи металломъ,
Услышатъ похвалу мою.
Хочу достоинства я чтить,
Которыя собою сами
Умѣли титла заслужить
Похвальными себѣ дѣлами;
Кого ни знатный родъ, ни санъ,
Ни счастіе не украшали;
Но кои доблестью снискали
Себѣ почтенье отъ гражданъ.
Кумиръ, поставленный въ позоръ [1]),
Несмысленную чернь прельщаетъ;

[1]) На показъ.

Но коль художниковъ въ немъ взоръ
Прямыхъ красотъ не ощущаетъ:
Се образъ ложныя молвы,
Се глыба грязи позлащенной!
И вы, безъ благости душевной,
Не всѣ-ль, вельможи, таковы?
Не перлы персскія на васъ
И не бразильски звѣзды ясны;
Для возлюбившихъ правду глазъ
Лишь добродѣтели прекрасны:
Онѣ суть смертныхъ похвала.
Калигула! твой конь въ сенатѣ
Не могъ сіять, сіяя въ златѣ:
Сіяютъ добрыя дѣла.
Оселъ останется осломъ,
Хотя осыпь его звѣздами;
Гдѣ должно дѣйствовать умомъ,
Онъ только хлопаетъ ушами.
О! тщетно счастія рука,
Противъ естественнаго чина,
Безумца рядитъ въ господина
Или въ шумиху дурака.
Какихъ ни вымышляй пружинъ,
Чтобъ мужу бую [1]) умудриться,—
Не можно вѣкъ носитъ личинъ,
И истина должна открыться.
Когда не свергъ въ бояхъ, въ судахъ,
Въ совѣтахъ царскихъ супостатовъ:
Всякъ думаетъ, что я Чупятовъ
Въ мароккскихъ лентахъ и звѣздахъ [2]).
Оставя скипетръ, тронъ, чертогъ,
Бывъ странникомъ, въ пыли и въ потѣ,
Великій Петръ, какъ нѣкій Богъ,
Блисталъ величествомъ въ работѣ:
Почтенъ и въ рубищѣ герой!
Екатерина въ низкой долѣ
И не на царскомъ бы престолѣ
Была великою женой.
И впрямь, коль самолюбья лесть
Не обуяла бъ умъ надменный:
Что наше благородство, честь,

[1]) Человѣку злонравному и непросвѣщенному.

[2]) Чупятовъ былъ купецъ. Подъ конецъ жизни онъ помѣшался и ходилъ по улицамъ, увѣшанный лентами и медалями, присланными, какъ онъ увѣрялъ, влюбленною въ него мароккской принцессой.

Какъ не изящности душевны?
Я князь—коль мой сіяетъ духъ,
Владѣлецъ—коль страстьми владѣю,
Боляринъ—коль за всѣхъ болѣю,
Царю, закону, церкви другъ.

Вельможу должны составлять
Умъ здравый, сердце просвѣщенно;
Собой примѣръ онъ долженъ дать,
Что званіе его священно,
Что онъ орудье власти есть,
Подпора царственнаго зданья.
Вся мысль его, слова, дѣянья
Должны быть—польза, слава, честь.

А ты, второй Сарданапалъ! [1])
Къ чему стремишь всѣхъ мыслей бѣги?
На то-ль, чтобъ вѣкъ твой протекалъ
Средь игръ, средь праздности и нѣги?
Чтобъ пурпуръ, злато всюду взоръ
Въ твоихъ чертогахъ восхищали,
Картины въ зеркалахъ дышали,
Мусія [2]), мраморъ и фарфоръ?

На то ль тебѣ пространный свѣтъ,
Простерши раболѣпны длани,
На прихотливый твой обѣдъ
Вкуснѣйшихъ яствъ приноситъ дани,
Токай густое льетъ вино,
Левантъ—съ звѣздами кофе жирный,
Чтобъ не хотѣлъ за трудъ всемірный
Мгновенье бросить ты одно?

Тамъ воды въ просѣкахъ текутъ
И, съ шумомъ вверхъ стремясь, сверкаютъ;
Тамъ розы средь зимы цвѣтутъ,
И въ рощахъ нимфы воспѣваютъ,
На то ль, чтобы на все взиралъ
Ты окомъ мрачнымъ, равнодушнымъ,
Средь радостей казался скучнымъ
И въ пресыщеніи зѣвалъ?

Орелъ по высотѣ паря,
Ужъ солнце зритъ въ лучахъ полдневныхъ;
Но твой чертогъ едва заря
Румянитъ сквозь завѣсъ червленныхъ;
. . . .
И ты спокойно спишь... а тамъ?—

[1]) Можно думать, что онъ въ этой характеристикѣ разумѣлъ Потемкина.

[2]) Мусія—то же, что мозаика.

А тамъ израненный герой,
Какъ лунь во браняхъ посѣдѣвшій,
Начальникъ прежде бывшій твой,
Въ переднюю къ тебѣ пришедшій
Принять по службѣ твой приказъ,
Межъ челядью твоей златою,
Поникнувъ лавровой главою,
Сидитъ и ждетъ тебя ужъ часъ!

А тамъ—вдова стоитъ въ сѣняхъ
И горьки слезы проливаетъ,
Съ груднымъ младенцемъ на рукахъ
Покрова твоего желаетъ:
За выгоды твои, за честь
Она лишилася супруга;
Въ тебѣ его знавъ прежде друга,
Пришла мольбу свою принесть.

А тамъ—на лѣстничный восходъ
Прибрелъ на костыляхъ согбенный,
Безстрашный, старый воинъ тотъ,
Тремя медальми украшенный,
Котораго въ бою рука
Избавила тебя отъ смерти:
Онъ хочетъ руку простерти
Для хлѣба отъ тебя куска.

А тамъ—гдѣ жирный песъ лежитъ,
Гордится вратникъ галунами,—
Заимодавцевъ полкъ стоитъ,
Къ тебѣ пришедшихъ за долгами.
Проснися, сибаритъ!—ты спишь;
Иль только въ сладкой нѣгѣ дремлешь;
Несчастныхъ голосу не внемлешь
И въ развращенномъ сердцѣ мнишь:

„Мнѣ мигъ покоя моего
Пріятнѣй, чѣмъ въ исторьи вѣки;
Жить для себя лишь одного,
Лишь радостей умѣть пить рѣки,
Лишь вѣтромъ плыть, гнесть чернь ярмомъ;
Стыдъ, совѣсть—слабыхъ душъ тревога!
Нѣтъ добродѣтели! нѣтъ Бога!“—
Злодѣй... увы!.. и грянулъ громъ!

Блаженъ народъ, который полнъ
Благочестивой вѣры къ Богу,
Хранитъ царевъ всегда законъ,
Чтитъ нравы, добродѣтель строгу
Наслѣднымъ перломъ женъ, дѣтей,
Въ единодушіи—блаженство,
Во правосудіи—равенство,
Свободу—во уздѣ страстей!

Блаженъ народъ, гдѣ царь главой,
Вельможи—здравы члены тѣла,
Прилежно долгъ всѣ правятъ свой,
Чужого не касаясь дѣла;
Глава не ждетъ отъ ногъ ума
И силъ у рукъ не отнимаетъ;
Ей взоръ и ухо предлагаетъ,
Повелѣваетъ же сама,

Симъ твердымъ узломъ естества
Коль царство лишь живетъ счастливымъ,—
Вельможи! славы, торжества
Иныхъ вамъ нѣтъ, какъ быть правдивымъ,
Какъ блюсть народъ, царя любить,
О благѣ общемъ ихъ стараться,
Змѣей предъ трономъ не сгибаться,
Стоять—и правду говорить.

О, россiй бодрственный народъ,
Отечески хранящiй нравы!
Когда разслабъ весь смертныхъ родъ,
Какой ты не причастенъ славы?
Какихъ въ тебѣ вельможей нѣтъ?
Тотъ храбрымъ былъ средь бранныхъ звуковъ,
Здѣсь далъ безстрашный Долгоруковъ
Монарху грозному отвѣтъ [1]).

И въ наши вижу времена
Того я славнаго Камилла [2]),
Котораго труды, война
И старость духъ не утомила.
Отъ грома звучныхъ онъ побѣдъ
Сошелъ въ шалашъ свой равнодушно
И отъ сохи опять послушно
Онъ въ полѣ Марсовомъ живетъ.

Тебѣ, герой, желанiй мужъ,
Не роскошью вельможа славный,
Кумиръ сердецъ, плѣнитель душъ,
Вождь, лавромъ, маслиной вѣнчанный,
Я праведну здѣсь пѣснь воспѣлъ!
Ты ею славься, утѣшайся,
Борись вновь съ бурями, мужайся,
Какъ юный возносись орелъ.

Пари—и съ высоты твоей
По мракамъ смутнаго эѳира
Громовой пролети струей
И, опочивъ на лонѣ мира,
Возвесели еще царя;
Простри твой позднiй блескъ въ народѣ,
Какъ отдаетъ свой долгъ природѣ
Румяна [1]) вечера заря!

---

[1]) Кн. Яковъ Ѳедоровичъ, извѣстный современникъ Петра Великаго.

[2]) Подразумѣвается Румянцевъ, который, по проискамъ Потемкина, принужденъ былъ оставить армiю и удалиться въ Молдавiю; послѣ смерти кн. Таврическаго, назначенъ былъ главнокомандующимъ въ Польшѣ.

Памятникъ.

1796.

Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный;
Металловъ тверже онъ и выше пирамидъ:
Ни вихрь его, ни громъ ни сломитъ быстротечный
И времени полетъ его не сокрушитъ.

Такъ!—Весь я не умру; но часть меня большая,
Отъ тлѣна убѣжавъ, по смерти станетъ жить,
И слава возрастетъ моя, не увядая,
Доколь Славяновъ родъ вселенна будетъ чтить.

Слухъ пройдетъ обо мнѣ отъ Бѣлыхъ водъ до Черныхъ,
Гдѣ Волга, Донъ, Нева, съ Рифея льетъ Уралъ;
Всякъ будетъ помнить то въ народахъ неисчетныхъ,
Какъ изъ безвѣстности и тѣмъ извѣстенъ сталъ,

Что первый я дерзнулъ въ забавномъ русскомъ слогѣ
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить,
Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ
И истину царямъ съ улыбкой говорить.

О, Муза! возгордись заслугой справедливой,
И презритъ кто тебя, сама тѣхъ презирай;

---

[1]) Въ словѣ „румяна“ — намекъ на Румянцева

Непринужденною рукой, нетороплпвой
Чело твое зарей безсмертія вѣнчай!

Безсмертіе Души.

1796.

Умолкни, чернь непросвѣщенна,
Слѣпые свѣта мудрецы!
Небесна истина, священна!
Твою мнѣ тайну ты прорцы.
Вѣщай: я буду ли жить вѣчно?
Безсмертна ли душа моя?
Се слово мнѣ гремитъ предвѣчно:
Живъ Богъ—жива душа твоя!
Жива душа моя!—и вѣчно
Она жить будетъ, безъ конца;
Сіянье длится безпресѣчно,
Текуще свѣта отъ Отца.
Отъ лучезарной Единицы,
Въ Комъ всѣхъ существъ вратится кругъ,
Какія ни текутъ частицы,—
Всѣ живы, вѣчны:—вѣченъ духъ.
Духъ тонкій, мудрый, сильный, сущій
Въ единый мигъ и тамъ и здѣсь,
Быстрѣе молніи текущій,
Что жретъ и мразъ, и зной жестокій,
Поля, лѣса, а тамъ въ глубоки
Моря отломки горъ валятъ
И рыбъ въ жилищахъ ихъ тѣснятъ.
Здѣсь тонутъ зиждущихъ плотину
Работниковъ и зодчихъ тьма,
Затѣмъ, что стали властелину
На сушѣ скучны терема;
Но и средь волнъ въ чертоги входитъ
Страхъ; грусть и тамъ вельможъ находитъ;
Рой скукъ за кораблемъ жужжитъ
И вслѣдъ за всадникомъ летитъ.
Когда ни мраморы прекрасны
Не утоляютъ скорби мнѣ,
Ни пурпуръ, что̀, какъ облакъ ясный,
На свѣтлой блещетъ вышинѣ,
Ни грозды, сокомъ наполненны,
Ни вина, вкусомъ драгоцѣнны,
Ни благовонья ароматъ
Минуты жизни не продлятъ:
Почто жъ великолѣпьемъ пышнымъ,
Удобнымъ зависть возрождать,
По новымъ чертежамъ отличнымъ
Огромны зданья созидать?
Почто спокойну жизнь, свободну,
Мнѣ всѣмъ пріятну, всѣмъ довольну
И сельскій домикъ мой желать
На свѣтлый блескъ двора мѣнять?

Похвала сельскоі жизни.

1798.

Блаженъ, кто, удалясь отъ дѣлъ,
Подобно смертнымъ первороднымъ,
Оретъ отеческій удѣлъ
Не откупнымъ трудомъ—свободнымъ,
На собственныхъ своихъ волахъ;
Кого ужасный гласъ отъ сна
На брань трубы не возбуждаетъ,
Морская не страшитъ волна,
Въ судъ ябеда не призываетъ;
И господамъ не бьетъ челомъ,
Но садитъ онъ въ саду своемъ
Кусты и овощи цвѣтущи,
Иль, дикихъ древъ кривымъ ножемъ
Обрѣзавъ пни, и плодъ дающи
Черенья прививаетъ къ нимъ;
Иль зритъ вдали ходящій скотъ,
Рычащій въ вьющихся долинахъ;
Иль перечищенную льетъ
И прячетъ патоку въ кувшинахъ,
Или стрижетъ своихъ овецъ;
Но осень какъ главу въ поляхъ,
Гордясь, съ плодами возвышаетъ,
Какъ радъ, что рветъ ихъ на вѣтвяхъ,
Привитыхъ имъ,—и посвящаетъ
Даръ Богу, пурпура краснѣй.
На брегѣ ли въ травѣ густой,
Подъ дубъ ли древній онъ ложится:
Въ лѣсу гамъ птицъ, съ скалы крутой
Журча къ нему ручей стремится,
И все наводитъ сладкій сонъ.
Когда-жъ гремящій въ тучахъ Богъ
Покроетъ землю всю снѣгами,
Звѣрей онъ ищетъ слѣдъ и логъ;
Тамъ зайца гонитъ, травитъ псами,
Здѣсь ловитъ волка въ тенета;
Иль тонкіе въ гумнахъ силки
На куропатокъ разставляетъ,

На рябчиковъ въ кустахъ пружки:
О, коль пріятну получаетъ
Награду за свои труды!
  Но будетъ ли любовь притомъ
Со прелестьми ея забыта,
Когда прекрасная лицомъ
Хозяйка мила, домовита
Печется о его дѣтяхъ?
  Какъ ею, русскихъ честныхъ женъ
По древнему обыкновенью,
Весь бытъ хозяйскій снаряженъ,
Домъ теплъ, чистъ, свѣтлъ и къ возвращенью
Съ охоты мужа столъ накрытъ:
  Бутылка добраго вина,
Впрокъ пива русскаго варена,
Съ гренками коновка [1]) полна,
Изъ коей клубомъ лѣзетъ пѣна,
И столъ обѣденный готовъ.
  Горшокъ горячихъ, добрыхъ щей,
Копченый окорокъ подъ дымомъ:
Обсаженный семьей моей,
Средь коей самъ я господиномъ,
И тутъ-то вкусенъ мнѣ обѣдъ!
  А какъ жаркой еще баранъ,
Младой, къ Петрову дню блюденый,
Капусты сочныя кочанъ,
Пирогъ, груздями начиненный,
И нѣсколько молочныхъ блюдъ:
  Тогда-то устрицы го-гу [2]),
Всѣхъ мушелей заморскихъ грузы,
Лягушки, фрикасе, рагу,
Чѣмъ окормляютъ насъ Французы,
И ужъ ничто не вкусно мнѣ.
  Межъ тѣмъ пріятно изъ окна
Зрѣть карду [3]) съ тучными волами:
Кобылъ, коровъ, овецъ полна;
Дворъ рѣзвыми кишитъ рабами:
Какъ веселъ таковой обѣдъ!—
  Такъ откупщикъ вчерась судилъ,
Сбираясь быть поселяниномъ;
Но правежемъ долги лишь сбрилъ,
Остался паки мѣщаниномъ,
А нынѣ деньги отдалъ въ ростъ.

---

[1]) Коновъ—котелъ, горшокъ.
[2]) Haut-goût—высокаго вкуса.
[3]) Карда—зимняя загородь для скота.

Евгенію. Жизнь Званская.

1807.

Блаженъ, кто менѣе зависитъ отъ людей,
Свободенъ отъ долговъ и отъ хлопотъ приказныхъ,
Не ищетъ при дворѣ ни злата, ни честей,
  И чуждъ суетъ разнообразныхъ!
Зачѣмъ же въ Петрополь на вольну ѣхать страсть,
Съ пространства въ тѣсноту, съ свободы за затворы,
Подъ бремя роскоши, богатствъ, сиренъ подъ власть
  И предъ вельможей пышны взоры?
Возможно ли сравнять что̀ съ вольностью златой,
Съ уединеніемъ и тишиной на Званкѣ?
Довольство, здравіе, согласіе съ женой,
  Покой мнѣ нуженъ—дней въ останкѣ.
Возставъ отъ сна, взвожу на небо скромный взоръ:
Мой утренюетъ духъ Правителю вселенной;
Благодарю, что вновь чудесъ, красотъ позоръ [1])
  Открылъ мнѣ въ жизни толь блаженной.
Пройдя минувшую и не нашедши въ ней,
Чтобъ черная змѣя мнѣ сердце угрызала,
О! коль доволенъ я, оставилъ что людей
  И честолюбія избѣгъ отъ жала [2])!
Дыша невинностью, пью воздухъ, влагу росъ,
Зрю на багрянецъ зорь, на солнце восходяще;
Ищу красивыхъ мѣстъ между лилей и розъ,
  Средь сада храмъ жезломъ чертяще.

---

[1]) Зрѣлище.
[2]) Державинъ въ то время былъ въ отставкѣ.

Иль, накормя моихъ пшеницей голубей,
Смотрю надъ чашей водъ, какъ вьютъ
подъ небомъ круги;
На разноперыхъ птицъ, поющихъ средь
сѣтей,
На кроющихъ, какъ снѣгомъ, луги;
Пастушьяго вблизи внимаю рога зовъ,
Вдали тетеревей глухое токованье,
Барашковъ въ воздухѣ, въ кустахъ
свистъ соловьевъ,
Ревъ кравъ, громъ желнъ [1]), и коней
ржанье.
На кровлѣ жъ зазвенитъ какъ ласточ-
ка,—и паръ
Повѣетъ съ дома мнѣ манжурской иль
левантской [2]),
Иду за круглый столъ — и тутъ-то
растобаръ
О снахъ, молвѣ градской, крестьян-
ской,
О славныхъ подвигахъ великихъ тѣхъ
мужей,
Чьи въ рамахъ по стѣнамъ златыхъ
блистаютъ лицы,
Для вспоминанья ихъ дѣяній, слав-
ныхъ дней,
И для прекрасъ моей свѣтлицы,—
Въ которой поутру, иль въ-вечеру, порой
Дивлюся въ „Вѣстникѣ", въ газетахъ
иль журналахъ,
Россіянъ храбрости, какъ всякъ изъ
нихъ герой,
Гдѣ есть Суворовъ въ генералахъ;
Въ которой къ госпожѣ, для похвалы
гостей.
Приносятъ разныя полотна, сукна,
ткани.
Узорны образцы салфетокъ, скатертей,
Ковровъ и кружевъ, и вязани;
Гдѣ съ скотенъ, пчельниковъ и съ
птичниковъ, прудовъ,
То въ маслѣ, то въ сотахъ, зрю злато
подъ вѣтвями,
То пурпуръ въ ягодахъ, то бархатъ-
пухъ грибовъ,
Сребро, трепещуще лещами;
Въ которой, обозрѣвъ больныхъ въ
больницѣ, врачъ
Приходитъ доносить о ихъ вредѣ, здо-
ровьѣ,
Прося на пищу имъ: тѣмъ съ полив-
кой калачъ,
А тѣмъ лѣкарствица въ подспорье;
Гдѣ также иногда по палкамъ, по
костямъ,
Усатый староста, иль скопидомъ
брюхатый
Даютъ отчетъ казнѣ и хлѣбу, и ве-
щамъ,
Съ улыбкой часто плутоватой;—
И гдѣ, случается, художники млады
Работы кажутъ ихъ на древѣ, на хол-
стинѣ,
И получаютъ въ даръ подачи за труды,
А въ часъ и денегъ по полтинѣ;
И гдѣ до ужина, чтобы прогнать какъ
сонъ,
Въ задорѣ иногда въ игры зѣло горячи
Играемъ въ карты мы, въ ерошки, въ
фараонъ,
По грошу въ долгъ и безъ отдачи.
Оттуда прихожу въ святлище я Музъ,
И съ Флаккомъ, Пиндаромъ, боговъ
возсѣдши въ пирѣ,
Къ царямъ, къ друзьямъ моимъ иль
къ небу возношусь,
Иль славлю сельску жизнь на лирѣ;
Иль въ зеркало временъ, качая го-
ловой,
На страсти, на дѣла зрю древнихъ,
новыхъ вѣковъ,
Не видя ничего, кромѣ любви одной
Къ себѣ,—и драки человѣковъ.
„Все суета суетъ!" я, воздыхая, мню;
Но, бросивъ взоръ на блескъ свѣтила
полудневна:
„О, коль прекрасенъ міръ! Что жъ духъ
мой бременю?
Творцомъ содержится вселенна.
Да будетъ на земли и въ небесахъ Его
Единаго во всемъ Всѣдѣйствующа
воля!
Онъ видитъ глубину всю сердца моего,
И строится моя Имъ доля".
Дворовыхъ, между тѣмъ, крестьян-
скихъ рой дѣтей
Сбираются ко мнѣ, не для какой
науки,

---

[1]) Желна—видъ дятла.
[2]) Чай и кофе.

А взять по нѣскольку баранокъ, крен-
делей,
Чтобы во мнѣ не зрѣли буки.
Письмоводитель мой тутъ долженъ на
моихъ
Бумагахъ мараныхъ, пастухъ какъ на
овечкахъ,
Репейникъ вычищать. Хоть мыслей
нѣтъ большихъ,
Блестятъ и тучки въ епанечкахъ.
Бьетъ полдня часъ, рабы служить къ
столу бѣгутъ;
Идетъ за трапезу гостей хозяйка съ
хоромъ.
Я озрѣваю столъ,—и вижу разныхъ
блюдъ
Цвѣтникъ, поставленный узоромъ:
Багряна ветчина, зелены щи съ желт-
комъ,
Румяно-желтъ пирогъ, сыръ бѣлый,
раки красны,
Что смоль, янтарь-икра, и съ голубымъ
перомъ
Тамъ щука пестрая—прекрасны!
Прекрасны потому, что взоръ манятъ
мой, вкусъ,
Но не обиліемъ иль чуждыхъ странъ
приправой,
А что опрятно все и представляетъ
Русь:
Припасъ домашній, свѣжій, здравый.
Когда же мы донскихъ и крымскихъ
кубки винъ,
И липца, воронка [1]) и чернопѣнна
пива
Запустимъ нѣсколько въ румяный лобъ
хмелинъ,—
Бесѣда за сластьми шутлива.
Но молча вдругъ встаемъ; бьетъ,
искрами горя,
Древъ русскихъ сладкій сокъ до под-
вѣнечныхъ бревенъ:
За здравье съ громомъ пьемъ любез-
наго Царя,
Царицъ, царевичей, царевенъ.
Тутъ кофе два глотка; схрапну минутъ
пятокъ;

[1]) Бѣлый липовый медъ и черный, съ воскомъ вареный.

Тамъ въ шахматы, въ шары иль изъ
лука стрѣлами,
Пернатый къ потолку лаптой мечу
летокъ
И тѣшусь разными играми.
Иль изъ кристальныхъ водъ, купа-
ленъ, между древъ,
Отъ солнца, отъ людей подъ скром-
нымъ осѣненьемъ,
Тамъ внемлю юношей, а здѣсь пле-
сканье дѣвъ,
Съ душевнымъ нѣкимъ восхи-
щеньемъ,
Иль въ стекла оптики картинныя
мѣста
Смотрю моихъ усадьбъ; на свиткахъ
грады, царства,
Моря, лѣса,—лежитъ вся міра красота
Въ глазахъ, искусствъ черезъ ко-
варства;
Иль въ мрачномъ фонарѣ любуюсь,
звѣзды зря
Бѣгущи въ тишинѣ по синю волнъ
стремленью:
Такъ солнцы въ воздухѣ, я мню, те-
кутъ, горя,
Премудрости ко прославленью.
Иль смотришь, какъ вода съ плотины
съ ревомъ льетъ
И, движа ма̀шину, древа на доски
дѣлитъ;
Какъ сквозь чугунныхъ паръ столповъ
на воздухъ бьетъ;
Клокоча, огнь толчетъ и мелетъ.
Иль любопытны, какъ бумажны руны
волнъ
Въ лотки сквозь иглъ, колесъ, подобно
снѣгу, льются
Въ пушистыхъ локонахъ, и тьмы
вдругъ веретенъ
Маріиной рукой прядутся [1]).
Иль какъ на ленъ, на шелкъ цвѣтъ,
пестрота и лоскъ,
Всѣ прелести красы, берутся съ поль
царицы [2]);

[1]) Прядильная машина, выписанная изъ-за границы императрицей Маріей Θеодоровной.

[2]) Т.-е. „съ полей царицы цвѣтовъ Флоры“.

Сталь жесткая, глядимъ, какъ мягкій, алый воскъ,
Куется въ бердыши милицы [1]),
И сельски ратники какъ, царства ставъ щитомъ,
Бѣгутъ съ стремленьемъ въ строй во рыцарскомъ убранствѣ,
„За Вѣру, за Царя, мы, говорятъ, помремъ,
Чѣмъ у французовъ быть въ подданствѣ!“
Иль въ лодкѣ, вдоль рѣки, по брегу пѣшъ, верхомъ,
Качусь на дрожкахъ я сосѣдей съ вереницей;
То рыбу удами, то дичь громимъ свинцомъ,
То зайцевъ ловимъ псовъ станицей.
Иль, стоя, внемлемъ шумъ зеленыхъ, черныхъ волнъ,
Какъ дернъ бугритъ соха, злакъ травъ падетъ косами,
Серпами злато нивъ,—и, ароматовъ полнъ,
Порхаетъ вѣтръ межъ нимфъ рядами.
Иль смотримъ, какъ бѣжитъ подъ черной тучей тѣнь
По копнамъ, по снопамъ, коврамъ желто-зеленымъ,
И сходитъ солнышко на нижнюю ступень
Къ холмамъ и рощамъ синетемнымъ.
Иль, утомясь, идемъ скирдовъ, дубовъ подъ сѣнь;
На брегѣ Волхова разводимъ огнь дымистый;
Глядимъ, какъ на воду ложится красный день
И пьемъ подъ небомъ чай душистый;
Забавно, въ тьмѣ челновъ съ сѣтьми какъ рыбаки,
Лѣнивымъ строемъ плывъ, страшатъ тварь влаги стукомъ;
Какъ парусы суда, и лямкой бурлаки
Влекутъ однимъ подъ пѣснью духомъ.

[1]) Милиціи.

Прекрасно, тихіе, отлогіе брега
И рѣдки холмики, селеній мелкихъ полны
Какъ, полосаты ихъ клоня поля, луга,
Стоятъ надъ токомъ струй безмолвны.
Пріятно, какъ вдали сверкаетъ лучъ съ косы,
И эхо за лѣсомъ подъ мглой гамитъ народа,
Жнецовъ поющихъ, жницъ полкъ йдетъ съ полосы,
Когда мы ѣдемъ изъ похода.
Стеклъ заревомъ горитъ мой храмовидный домъ,
На гору желтый всходъ межъ розъ осіявая,
Гдѣ встрѣчу водометъ шумитъ лучей дождемъ,
Звучитъ музыка духовая.
Изъ жерлъ чугунныхъ громъ по праздникамъ реветъ;
Подъ звѣздной молніей, подъ свѣтлыми древами
Толпа крестьянъ, ихъ женъ вино и пиво пьетъ,
Поетъ и пляшетъ подъ гудками.
Но скучитъ какъ сія забава сельска намъ,
Внутрь дома тѣшимся столицъ увеселеньемъ,
Велимъ талантами родныхъ своихъ дѣтямъ
Блистать, музыкой, пляской, пѣньемъ.
Амурчиковъ, харитъ плетень, иль хороводъ,
Занявъ у Таліи игру и Терпсихоры,
Цвѣточные вѣнки пастухъ пастушкѣ вьетъ;
А мы на нихъ и пялимъ взоры.
Тамъ съ арфы звучныя порывный въ души громъ,
Здѣсь тихогрома [1]) съ струнъ смягченны, плавны тоны
Бѣгутъ,—и въ естествѣ согласія во всемъ
Даютъ намъ чувствовать законы.

[1]) Буквальный переводъ слова: фортепіано.

Но нѣтъ какъ праздника, и въ будни я одинъ,—
На возвышеніи сидя столбовъ перильныхъ,
При гусляхъ подъ вечеръ, челомъ моихъ сѣдинъ
Склонясь, ношусь въ мечтахъ умильныхъ и т. д.

Послѣдніе стихи Державина.

Рѣка временъ въ своемъ стремленьи
Уноситъ всѣ дѣла людей
И топитъ въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что̀ и остается
Чрезъ звуки лиры и трубы,
То вѣчности жерломъ пожрется
И общей не уйдетъ судьбы!

Херасковъ.

Россіяда.

Пою отъ варваровъ Россію свобожденну,
Попранну власть татаръ и гордость низложенну,
Движенье древнихъ силъ, труды, кроваву брань,
Россіи торжество, разрушенну Казань.
Изъ круга сихъ времянъ спокойныхъ лѣтъ начало,
Какъ свѣтлая заря, въ Россіи возсіяло.
О ты, витающій превыше свѣтлыхъ звѣздъ
Стихотворенья духъ! приди отъ горнихъ мѣстъ
На слабое мое и темное творенье!
Пролей твои лучи, искусство, озаренье!
Отверзи, вѣчность! мнѣ селеній тѣхъ врата,
Гдѣ вся отвержена земная суета;
Гдѣ души праведныхъ награду обрѣтаютъ;
Гдѣ славу, гдѣ вѣнцы тщетою почитаютъ,
Передъ усыпаннымъ звѣздами алтаремъ,
Гдѣ рядомъ предстоитъ послѣдній рабъ съ царемъ;
Гдѣ бѣдный нищету, несчастный скорбь забудетъ;
Гдѣ каждый человѣкъ другому равенъ будетъ.
Откройся, вѣчность, мнѣ, да лирою моей
Вниманье привлеку народовъ и царей.

[Затѣмъ авторъ говоритъ о Казани и татарахъ]:

Сей страшный исполинъ въ россійски грады входитъ;
Убійства, грабежи, насильства производитъ;
Рукою мечъ несетъ, другой звучащу цѣпь...
Унылъ престольный градъ, Москва главу склонила,
Печаль ея лицо какъ нощь, пріосѣнила;
Вселилась въ сердце грусть и жалоба въ уста;
Тоскуютъ вкругъ нея прекрасныя мѣста;
Унынье, растрепавъ власы, по граду ходитъ;
Потупивъ очи внизъ, въ отчаянье приводитъ,
Біетъ себя во грудь, рѣками слезы льетъ;
На стогнахъ торжества, въ домахъ отрады нѣтъ;
Въ дубровахъ стонъ и плачъ, печаль въ долинахъ злачныхъ;
Во градѣ скопища, не слышно пѣсней брачныхъ,
Все въ ризу облеклось тоски и сиротства;

Единый слышенъ вопль во храмахъ Божества.

[Іоанну по снѣ является Александръ Тверской и приказываетъ ему разорить Казань. Іоаннъ собирается въ походъ и заявляетъ, что онъ самъ поведетъ свое войско].

Вы узрите меня въ войнѣ примѣръ дающа,
Вкушающаго хлѣбъ и въ нуждѣ воду пьюща;
Я твердость понесу одну противъ враговъ;
Мнѣ будетъ одръ—земля, а небо—мой покровъ.

[Пріѣзжаетъ гонецъ изъ Свіяжска съ извѣстіемъ, что Алей ему измѣнилъ].

„Измѣна, государь, измѣна въ царствѣ есть!
Безбожный царь Алей, забывъ законъ и честь,
Стезями тайными отъ насъ въ ночи сокрылся,
Съ Сумбекою Алей въ Казани затворился;
Боящихся Небесъ я присланъ отъ бояръ
Сей новый возвѣстить отечеству ударъ“.
Имѣя Іоаннъ своимъ Алея другомъ,
Казался быть раженъ унынія недугомъ.
И рекъ въ смущеніи, не умѣряя словъ:
„Се нынѣшнихъ друзья испорченныхъ вѣковъ!
Несытая корысть и узы разрушаетъ,
И прелесть женская горячность потушаетъ!
Но адску злобу мы у нашихъ узримъ ногъ;
Намъ храбрость будетъ вождь, подпора наша Богъ!
Велите возвѣстить слова мои народу,
И двигнемъ силы всѣ къ поспѣшному походу...“

[Царь выступаетъ въ походъ. Затѣмъ авторъ оставляетъ Іоанна].

Но пусть къ ордамъ несетъ россійскій Марсъ перуны,
Хощу перемѣнить на звучной лирѣ струны;
Доколь кровавыхъ мы не зримъ еще полей,
Возримъ, что̀ дѣлаютъ Сумбека и Алей.
О музы! лиру мнѣ гремящу перестройте,
И нѣжности любви при звукахъ бранныхъ пойте...

[Въ Казани царствуетъ Сумбека, вдова Сафгирея. За нее сватаются нѣсколько жениховъ. Она отправляется на могилу Сафгирея и проситъ у него совѣта. Любопытно описаніе лѣса, подражаніе „Очарованному лѣсу“ въ 13-й пѣснѣ „Освобожденнаго Іерусалима“ Торкв. Тассо.]

Подъ тѣнью горъ крутыхъ Казанскихъ виденъ лѣсъ,
Въ который входа нѣтъ сіянію небесъ;
На вѣтвяхъ вѣчные лежатъ густые мраки,
Прохожимъ дивные являющи призраки;
Тамъ, кажется, простеръ покровы томный сонъ;
Трепещущи листы даютъ печальный стонъ;
Зефиры нѣжные среди весны не вѣютъ;
Тамъ вянутъ вкругъ цвѣты, кустарники желтѣютъ;
Когда осыплетъ нощь звѣздами небеса,
Тамъ кажутся въ огнѣ ходящи древеса;
Изъ мрачныхъ нѣдръ земныхъ исходитъ бурный пламень;
Кустарники дрожатъ, о камень бьется камень;
Не молкнетъ шумъ и стукъ, тамъ вѣчно страхъ не спитъ,
И молнія древа колеблетъ, жжетъ, разитъ;
Пылаетъ гордый дубъ и тополи мастисты;
Повсюду слышатся взыванія и свисты;
Источникъ со холма кремнистаго течетъ,
Онъ шумомъ ужасу дубравѣ придаетъ;

Непостижимый страхъ входящаго встрѣчаетъ:
Лѣсъ воетъ—адъ ему стенаньемъ отвѣчаетъ.
Вѣщаютъ, что духовъ въ печально царство то
Безъ казни отъ небесъ не смѣлъ вступать никто;
Издревле для прохладъ природою основанъ,
Но послѣ оный лѣсъ волхвами очарованъ.

[Среди этого лѣса находятся могилы татарскихъ хановъ; авторъ упоминаетъ о злѣ, причиненномъ ими Россіи].

О вы, которымъ весь пространный тѣсенъ свѣтъ,
Которыхъ слава въ брань кровавую зоветъ!
На прахъ, на тлѣнный прахъ Батыевъ вы взгляните
И гордости тщету съ своею соравните.
Не кровью купленный прославитъ васъ вѣнецъ,
Но славитъ васъ любовь подвластныхъ вамъ сердецъ.

[Вызванная ею тѣнь мужа совѣтуетъ ей выйти замужъ за Алея. Сафгирей предсказываетъ близкую гибель Казани и проситъ сжечь гробницы хановъ. Лишь только гробницы запылали, души царей стали спускаться въ адъ. Слѣдуетъ описаніе ада и мукъ каждаго хана. VI-ая пѣсня начинается обращеніемъ къ музамъ; авторъ проситъ ихъ помочь ему изобразить битву].

О музы! если вы о пѣсняхъ сихъ рачите,
Возьмите прочь свирѣль, и мнѣ трубу вручите,
Да важныя дѣла вселенной возглашу.
О коихъ, восхищенъ восторгами, пишу,

[Іоаннъ идетъ на Казань. Онъ подошелъ къ Коломнѣ].

Коломна наконецъ отверзла дверь широку
Россійской полночи, полудню и востоку.
Отъ запада гремятъ въ стѣнахъ мечи у ней;
И сердцемъ зрѣлася она Россіи всей,
Къ которому, какъ кровь, вся сила обратилась:
Кровавая война, воззрѣвъ на нихъ, гордилась.
Внутри себя и внѣ мечи и пламень зря,
Встрѣчаетъ городъ сей Россійскаго Царя,
Который окруженъ отечества сынами.
Какъ новый былъ Атридъ у Трои подъ стѣнами,
Онъ видитъ полночь всю подъ скипетромъ своимъ,
И многіе цари на брань дерзали съ нимъ;
Всему отечеству сулили большу цѣлость
Россійскихъ войскъ соборъ, любовь къ войнѣ и смѣлость.

[Въ это время крымскій ханъ вторгнулся въ южные предѣлы Россіи. Курбскій съ войскомъ посланъ на хана].

Строптивая орда, какъ сжатый вѣтръ, завыла;
Предъ ними смерть стоитъ, ихъ ужасъ гонитъ съ тыла.
Превыше звѣздъ сѣдящъ, отверзилъ свой чертогъ,
Подобный столпъ огню, простеръ на землю Богъ;
Со многозвѣзднаго раствореннаго неба
Безсмертныхъ воиновъ послалъ, съ Борисомъ Глѣба,
Сихъ юныхъ братіевъ, которыхъ Святополкъ
Угрызъ во младости, какъ агнцевъ лютый волкъ.
Держа надъ россами вѣнцы побѣдоносны,
Два брата молніи кидаютъ смертоносны.
Духъ мщенія въ сердцахъ россійскихъ возгорѣлъ.
Летятъ за крымцами скорѣй пернатыхъ стрѣлъ...
Вопль слышенъ далеко, звукъ бьющихся желѣзъ,
И сила крымская валится, будто лѣсъ.

Погибли варвары, коль быстро ни бѣжали,
И многи поприща тѣла ихъ вкругъ лежали.

[Войска русскія идутъ дальше. „Безбожіе" вступается за татаръ].

Есть бездна темная, куда не входитъ свѣтъ;
Тамъ всѣхъ источникъ золъ—Безбожіе живетъ.
Оно геенскими окружено струями;
Піетъ кипящій ядъ, питается зміями;
Простерли по его нахмуренну челу
Развратны помыслы, печали, горесть, мглу;
Отъ вѣчной зависти лицо его желтѣетъ;
Съ отравою сосудъ въ рукѣ оно имѣетъ;
Устами алчными коснетея кто сему,
Противно въ мірѣ все покажется тому;
Безбожіе войны въ семъ мірѣ производитъ;
Рукой писателей неблагодушныхъ водитъ
И, ядомъ напоивъ ихъ каменны сердца,
Велитъ имъ отрыгать хулы противъ Творца;
Имѣя пламенникъ, съ привѣтствіемъ строптивымъ,
За счастьемъ вслѣдъ летитъ, предыдетъ нечестивымъ;
Со знаменемъ предъ нимъ кровавый ходитъ бой:
Его исчадія—Гоненье, Страхъ, Разбой;
Свирѣпство мечъ остритъ кругомъ его престола
Ни рода не щадитъ, ни разума, ни пола;
Колеблетъ день и нощь ограду общихъ благъ;
Оно безчинства другъ, народной пользы врагъ;
Среди нечестія, зміями вкругъ увито;
Хоть сѣетъ зло вездѣ, злодѣйствами не сыто!
Увидя, что среди блестящихъ въ небѣ звѣздъ
Сіяніе простеръ побѣдоносный Крестъ,
И что россіяне вослѣдъ за громкой славой
Несутъ въ сердцахъ войну и мечъ въ рукахъ кровавой;
Зря въ трепетѣ ему подверженну страну,
И тьмы владычицу, блѣднѣющу луну,—
Безбожіе, смутясь, въ отчаяньѣ трепещетъ,
Молніеносные на небо взоры мещетъ:
Увы! преходитъ власть моя,—гласитъ оно,—
Низверженна съ небесъ вселенныя на дно;
Послѣднее мое убѣжище теряю,
Завидно Небесамъ, что вредъ я сотворяю.
Но, Богомъ будучи добра отчуждено,
Я имъ, конечно, имъ на вредъ и рождено,
И бытіе мое во связи міра нужно;
Со благочестіемъ нельзя мнѣ жити дружно;
Кто смѣетъ мой престолъ, кто смѣетъ разрушать!
Иль хощетъ Богъ меня послѣднихъ жертвъ лишать?
О тартаръ! на тебя оковы возлагаютъ!
Изъ тьмы къ нему его клевреты прибѣгаютъ.
Огнями дышаща предстала черна Месть;
Имя видъ зміи, ползетъ презрѣнна Лесть;
Гордыня предъ него со скипетромъ приходитъ,
Съ презрѣньемъ мрачный взоръ на небеса возводитъ;
Лукавство, яростный потупя въ землю видъ,
Передъ Безбожіемъ, задумавшись, стоитъ;
Вражда, исполнена всегда кипящимъ ядомъ,
Во трепетъ тартаръ весь приводитъ смутнымъ взглядомъ;
Изъ глазъ Отчаянья слезъ токи полились;
Злодѣйствы многія къ Безбожію сошлись.
Тогда оно, главу потупленну имѣя

Но горести своей вины сказать не смѣя,
О чада! воздохнувъ, о други! говоритъ:
Или изъ васъ никто погибели не зритъ?
Познайте съ воинствомъ грядуща Іоанна;
Россія хощетъ быть и вѣра ихъ вѣнчанна.
Взглянули... и, вдали увидя Крестъ въ лучахъ,
Возчувствовали гнѣвъ, отчаянье и страхъ!

[Помощники „Безбожія" подымаютъ „мятежъ стихій": на Волгѣ—бурю, въ степяхъ—ужасный зной].

Монархъ несчастнѣй всѣхъ, но тверже всѣхъ казался;
Лишился онъ всего; примѣръ ему остался!
И душу онъ сынамъ отеческу являлъ.
Послѣдню яствы часть съ рабами раздѣлялъ.
Адашевъ, другъ его, трапезы не вкушаетъ,
Отъ имени его болящихъ посѣщаетъ,
Остатки царскихъ имъ напитковъ отдаетъ,
Но воду мутную съ монархомъ втайнѣ пьетъ.
Не крылся Іоаннъ подъ черну тѣнь древесну,
Пренебрегая зной и люту казнь небесну,
Томленный жаждою, и въ потѣ и въ пыли,
Въ срединѣ ратниковъ ложился на земли;
Послѣдній пищу бралъ, но первый передъ войскомъ
Являлся духомъ твердъ во подвигѣ геройскомъ.
Но воздухъ день отъ дня надъ ними вкругъ густѣлъ;
Соединиться царь съ Морозовымъ хотѣлъ,
И вѣсть ему подать велѣлъ о бѣдствахъ скору,
Да пишу воинству пришлетъ съ рѣки въ подпору.
Но тамо настоялъ пловцамъ не меньшій трудъ;
Тѣ помощи съ земли, тѣ съ водъ подмоги ждутъ,
Тѣхъ бѣдства во степи, тѣхъ волны погребаютъ;
Другъ друга ждутъ къ себѣ, и купно погибаютъ.
Вонзаетъ въ грудь царю такое бѣдство мечъ;
Скрѣпился, и простеръ сію ко войскамъ рѣчь:
—О, други!—онъ вѣщалъ:—когда мы шли къ Казани,
Иной мы не могли сулить Россіи, дани,
Какъ только за нее животъ нашъ положить;
Возможно ли теперь намъ жизнью дорожить?
Умремъ! но храбростью позорну смерть прославимъ,
Противу жалъ ея не робку грудь поставимъ;
Пусть наши и враги, на нашъ взирая прахъ,
Рекутъ, что гибли мы, нося мечи въ рукахъ;
И, разъярившейся не рабствуя природѣ,
Скончали нашу жизнь не въ праздности, въ походѣ;
Толико славна смерть хоть насъ и поразитъ,
Но прочихъ россіянъ къ побѣдамъ ободритъ...

[Ночью къ тоскующему Іоанну подходитъ спасшійся бѣгствомъ Алей, который оказывается вѣрнымъ другомъ царя. Алей зоветъ Іоанна къ одному пустыннику. Пустынникъ показываетъ таинственную книгу, въ которой изображена вся будущая исторія Россіи до Екатерины II-й. О Екатеринѣ сказано въ книгѣ]:

Божественны она народамъ дастъ уставы,
Гласящи подданныхъ и государей правы...
Она стенанію вдовицъ и сирыхъ внемлетъ,

Отверженныхъ дѣтей подъ свой покровъ пріемлетъ,
Питаетъ, грѣетъ ихъ, имъ нову жизнь даетъ;
Судя преступниковъ, какъ матерь слезы льетъ...
Учися царствовать, учися ты у ней;
Будъ подданныхъ отецъ и жизни ихъ жалѣй!

[Русское войско приближается къ Казани, въ которой начались раздоры. Сумбеку рѣшено было выдать Іоанну и установить миръ съ Іоанномъ. Іоаннъ встрѣчаетъ царицу Казани ласково; она влюбляется въ Алея, который принялъ христіанство. Сумбека тоже согласилась принять христіанство. Между тѣмъ Казанцы сдѣлали царемъ Едигера и оказали сопротивленіе. Послѣ ряда сраженій русскіе Казань взяли. Казанцамъ помогалъ волшебникъ Нигронъ, который между прочимъ на русскія войска нагналъ зиму. Поэтъ изображаетъ зиму и ея царство].

Въ пещерахъ внутреннихъ Кавказскихъ льдистыхъ горъ,
Куда не досягалъ отважный смертныхъ взоръ,
Гдѣ мразы вѣчный сводъ прозрачный составляютъ
И солнечныхъ лучей паденье притупляютъ;
Гдѣ молнія мертва, гдѣ цѣпенѣетъ громъ,—
Изсѣченъ изо льда стоитъ обширный домъ:
Тамъ бури, тамо хладъ, тамъ вьюги, непогоды,
Тамъ царствуетъ Зима, снѣдающая годы.
Сія жестокая другихъ временъ сестра
Покрыта сѣдиной, проворна и бодра,
Соперница весны, и осени, и лѣта,
Изъ снѣга сотканной профирою одѣта;
Виссономъ служатъ ей замерзлые пары;
Престолъ имѣетъ видъ алмазныя горы;
Великіе столпы, изъ льда сооруженны,
Сребристый мечутъ блескъ, лучами озаренны;
По сводамъ солнечно сіяніе скользитъ,
И кажется тогда, громада льдовъ горитъ;
Стихія каждая движенья не имѣетъ:
Ни воздухъ тронуться, ни огнь пылать не смѣетъ;
Тамъ пестрыхъ нѣтъ полей, сіяютъ между льдовъ
Одни замерзлыя испарины цвѣтовъ;
Вода, растопленна надъ сводами лучами,
Окаменѣвъ, виситъ волнистыми слоями.
Тамъ зримы въ воздухѣ вѣщаемы слова,
Но все застужено, натура вся мертва;
Единый трепетъ, дрожь и знобы жизнь имѣютъ;
Гуляютъ инеи, зефиры тамъ нѣмѣютъ,
Мятели вьются вкругъ и производятъ бѣгъ,
Морозы царствуютъ на мѣсто лѣтнихъ нѣгъ;
Развалины градовъ тамъ льды изображаютъ,
Единымъ видомъ кровь которы застужаютъ;
Стѣсненны мразами, составили снѣга
Сребристые бугры, алмазные луга;
Оттолѣ къ намъ Зима державу простираетъ,
Въ поляхъ траву, цвѣты въ долинахъ пожираетъ,
И соки жизненны древесные сосетъ;
На хладныхъ крыліяхъ морозы къ намъ несетъ;
День гонитъ прочь отъ насъ, печальныя длитъ ночи,
И солнцу отвращать велитъ свѣтящи очи;
Ее со трепетомъ лѣса и рѣки ждутъ,
И стужи ей ковры изъ бѣлыхъ волнъ прядутъ.

[Священная хоругвь, поднятая Іоанномъ, уничтожаетъ чары. Взрывъ стѣнъ помогаетъ Іоанну проникнуть въ городъ].

Полки, какъ Богъ міры, въ порядокъ царь уставилъ.
И, давъ движенье имъ, къ осадѣ ихъ направилъ.
Вдохнувъ совѣты имъ, склонился Іоаннъ
Къ моленью теплому въ неотдаленный станъ;

Но войску повелѣлъ, идущему ко граду,
Услышавъ грома звукъ, начать тотчасъ осаду.
Сей знакъ съ надеждой былъ побѣдой сопряженъ;
Ужъ розмыслъ [1]) вшелъ въ подкопъ, огнемъ вооруженъ,
И молнія была въ рукахъ его готова;
Ужасный громъ родить — онъ ждалъ царева слова.
Тогда, воздѣвъ глаза и руки къ небесамъ,
Молитвы теплыя излилъ Владѣтель самъ.
Господь съ умильностью молитвамъ царскимъ внемлетъ;
Любовь возноситъ ихъ, щедрота ихъ пріемлетъ:
Надежда съ горнихъ мѣстъ, какъ молнія изъ тучъ,
Царю влилася въ грудь и проліяла лучъ.
Воззвалъ, внимающій святую литургію:
— О, Боже! подкрѣпи, спаси, прославь Россію!..
И Богъ къ нему простеръ десницу отъ небесъ.
Едва сей важный стихъ пресвитеръ произнесъ:
Единый пастырь днесь едина будетъ стада...
Разрушилися вдругъ подъ градомъ связи ада;
Поколебалися и горы и поля:
Ударилъ страшный громъ, разсѣлася земля;
Трепещетъ, мечется и воздухъ весь сгущаетъ,
Казалось, міръ въ хаосъ Создатель превращаетъ:
Разверзлась мрачна хлябь, исходитъ дымъ съ огнемъ;
При ясномъ небеси не видно солнца днемъ.
Мы видимъ ветхаго въ преданіяхъ закона,
Какъ стѣны гордаго упали Ерихона,
Едва гремящихъ трубъ стѣнамъ коснулся звукъ;
Казански рушились твердыни тако вдругъ.

---

[1]) Инженеръ.

Ода къ своей лирѣ.

Готовься нынѣ, лира,
Въ простомъ своемъ уборѣ
Предстать передъ очами
Разумной Россіянки.
Что въ новомъ ты уборѣ,—
Того не устыдися;
Ты пой и веселися!
Своею простотою
Ее утѣшишь болѣ,
Чѣмъ громкими струнами
И пышными словами;
Твои простыя чувства,
Безхитростное пѣнье
Ея подобно сердцу,
Ея подобно духу.
Она мірскую пышность
Великолѣпной жизни,
Конечно, ненавидитъ!
Когда тебя увидитъ,
Тобой довольна будетъ.
А ты, которой нынѣ
Стихи я посвящаю,
Нестройность ихъ услыша,
За то не разсердися!
И сами въ пѣсняхъ Музы
Нерѣдко погрѣшаютъ.
Безъ риѳмъ стихи слагаю,
Но то ихъ не лишаетъ
Пріятности и силы,
Коль есть въ нихъ справедливость.
Другихъ нѣтъ правилъ въ свѣтѣ
Стихи и лиры строить,
Какъ только, чтобъ, съ забавой
Мѣшая общу пользу,
Пѣть внятно и согласно.
Творцомъ быть славнымъ въ свѣтѣ,
Трудовъ великихъ стоитъ,
А пользы въ томъ немного.
Не силюся къ вершинамъ
Парнасскимъ я подняться
И тамъ съ Гомеромъ строить
Божественную лиру;
Иль пить сладчайшій нектаръ

Съ Овидіемъ Назономъ,—
Анакреона пѣсни,
И простота, и сладость
Въ восторгъ меня приводятъ.
Однако я не льщуся
Съ нимъ пѣніемъ сравняться;
Доволенъ тѣмъ единымъ,
Когда простымъ я слогомъ
Могу воспѣть на лирѣ;
Когда могу назваться
Его свирѣлокъ эхомъ;
Доволенъ паче буду,
Когда тебѣ пріятно
Мое игранье будетъ.

———

Ода. О силѣ добродѣтели.

О добродѣтель!
Ты утѣсненна;
Только не всѣми
Въ свѣтѣ забвенна.
Знаю героевъ,
Кои стремятся
Кровь проливати,
Вѣкъ свой проводятъ
Въ Марсовомъ полѣ;
Только тобою
Души ихъ полны.
Ты межъ мечами,
Кровь гдѣ ліется,
Смерть гдѣ летаетъ,
И изъ героевъ
Души хватаетъ!
Ты обитаешь
Съ смертными тамъ,
Рѣчь гдѣ прелестна,
Сердце не прямо,
Тамо извѣстна.
Ты философамъ
Вѣчно любезна;
Съ поломъ прекраснымъ
Ты обитаешь;
Тѣхъ украшаешь,
Кои природу
Всю украшаютъ.
Что жъ добродѣтель,
Тако смущенна,
Если герои
Плѣнны тобою,
Если имѣешь
Тамо любимцовъ,
Все, гдѣ притворно;
Если судьями
Ты уваженна
И съ красотами
Ты съединенна?
Царствуешь славно,
Столько имѣя
Разныхъ народовъ,
Душъ и убѣжищъ!
Такъ ты велика,
Такъ ты прекрасна,
Что ни мечтами,
Ни предъ судами,
Ни красотами
Ты истребиться
Вѣчно не можешь!

———

Ода. Искреннія желанія въ дружбѣ.

Оставя стѣны града,
Который орошаетъ
Москва своимъ теченьемъ;
Брега, брега зелены,
Луга, прекрасны рощи
Усыпанны красами;
Гдѣ, кажется, и воздухъ
Прельщенный ими дышетъ;
Гдѣ, къ чести женска пола,
Пріятности натуры
Краса, пріятность, прелесть
Сіяютъ въ пущей силѣ,
А нынѣ, какъ зефиры
Весну предвозвѣстили,
По рощамъ нѣжны птички
И соловьи запѣли;
Когда сама природа
Съ красою ихъ сравняться
Всѣ прелести сбираетъ,
Когда въ часы прохладны
Красавицъ многихъ лики
Подобны милымъ Нимфамъ
Діаны и Авроры,
Въ поляхъ, въ лѣсахъ гуляютъ
И въ воздухѣ Амуры,
Взвиваяся надъ ними,
Ихъ вдвое украшаютъ

Заразы изощряютъ
Сердцамъ для утѣшенья,
Которыя родились
Плѣнять и быть плѣненны—
Ты,—ты сей градъ оставилъ
Въ уединенье скрылся...

. . . .

Живи, живи въ утѣхахъ!
Ты счастливъ несомнѣнно.
Далеко обитаешь
Огромной свѣта скуки,
Но ты и не взираешь
На порченые нравы.
Не видно безполезной
Тамъ роскоши любви:
И такъ, мой другъ любезной,
Въ свободѣ тамъ живи,
Пока плоды Цереры
Твое покроютъ поле,
И сладкая Помона
Сады твои наполнитъ;
Между суетъ и скуки
Я стану только слушать,
Что мнѣ вѣщаютъ Музы,
Что мнѣ вѣщаетъ сердце.
И музы мнѣ и сердце
Согласно то вѣщаютъ:
Люби, люби науки,
А пуще добродѣтель!
Люби ты общу пользу,
Безумнымъ людямъ смѣйся,
Порочныхъ удаляйся,
А злыхъ не опасайся!

Ода. Фортуна.

Когда свою Фортуну любишь
И ею сердце веселишь;
Ея сіянье сугубишь,
Коль съ ближними ее дѣлишь!
На что бы щедрой насъ судьбинѣ
Ко счастью весть рукой своей?
Оно не надобно въ пустынѣ,
Оно пріятно межъ людей.
Мы для людей его имѣемъ,
Для нихъ имъ должно дорожить!
Равно, что быть для всѣхъ злодѣемъ,
Что въ счастьѣ ближнимъ не служить.
Не куплей намъ оно досталось,
Случаемъ счастье притекло
И должно, чтобъ оно являлось
Прозрачно тако, какъ стекло...
Фортуна, будто сонъ, минется,
Но если мы разумно спимъ,
На сердцѣ радость остается,
Коль счастье съ ближними дѣлимъ.

Комедія Императрицы Екатерины.

О ВРЕМЯ!

КОМЕДІЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Явленіе 1-е.

Непустовъ, Мавра.

Мавра. Повѣрьте, что я говорю правду. Вы не можете ее видѣть. Она теперь молится, и я сама войти къ ней въ горницу не смѣю.

Непустовъ. Да развѣ она цѣлый день молится? Когда я ни приду,

все говорятъ мнѣ: не время; поутру была она у заутрени, а теперь опять на молитвѣ.

Мавра. И все такъ у насъ время проходитъ.

Непустовъ. Молиться хорошо; однако есть въ жизни нашей и должности, которыя свято наблюдать мы обязаны. Неужели она и день и ночь насквозь молится?

Мавра. Нѣтъ. Упражненія наши перемѣнны; однако все идетъ своимъ порядкомъ: иногда у насъ обыкновенныя службы, иногда чтеніе Миней-Четій, а иногда, покинувъ чтеніе, боярыня наша изволитъ проповѣдывать намъ о молитвѣ, воздержаніи и постѣ.

Непустовъ. Слышалъ я, что госпожа твоя ханжитъ много, а о добродѣтеляхъ ея мало я слыхалъ.

Мавра. Правду сказать, и я много о томъ говорить не могу. О постѣ и воздержаніи твердитъ она всѣмъ своимъ людямъ весьма часто, а особливо—при раздачѣ мѣсячины и указнаго. Сама жъ никогда столько прилежности къ молитвѣ не показываетъ, какъ въ то время, когда, приходя къ ней, должники требуютъ отъ нея за забранные по счетамъ товары платы. Она, швырнувъ одиножды въ меня молитвенникомъ, столь сильно голову мнѣ расшибла, что я съ недѣлю лежать принуждена была; а за что? за то только, что я пришла во время вечерни доложить ей, что купецъ пришелъ за деньгами, которыя она, занявъ у него по шести процентовъ, отдала въ ростъ по шестнадцати со ста. „Проклятая безбожница,—кричала она на меня:—такой ли теперь часъ? Пришла ты, какъ сатана, искушать меня свѣтскими суетами тогда, когда всѣ мысли мои заняты покаяніемъ и отъ всякаго о свѣтѣ семъ попеченія удалены!“ Прокричавъ съ великимъ сердцемъ сіе, бросила мнѣ въ високъ книгу. Посмотрите, и теперь еще знакъ есть; но я мушкою залѣпливаю его. Не можно никакъ къ ней примѣниться; странный весьма человѣкъ: иногда не хочетъ, чтобъ ей говорили, а иногда и въ самой церкви сама безъумолку и безъ конца болтаетъ. Говоритъ, что грѣшно осуждать ближняго, а сама всѣхъ судитъ, о всѣхъ переговариваетъ; особливо молодыхъ барынь терпѣть не можетъ; и кажется ей, что онѣ все не такъ дѣлаютъ, какъ бы, по мнѣнію ея, дѣлать надлежало.

Непустовъ. Радъ я узнать ея нравъ: это знаніе поможетъ мнѣ много въ дѣлѣ о женитьбѣ господина Молокососова. Но, правду сказать, трудно жъ ему будетъ уживаться съ этакою бабушкою: она или изъ дому его выживетъ, или въ могилу вгонитъ. Сама жъ она требовала, чтобъ мы къ Москвѣ пріѣхали, чтобъ условиться о внучкиной свадьбѣ. Мы для того, отпросясь на двадцать на девять дней въ отпускъ, изъ Петербурга сюда прискакали: и тому уже три недѣли, какъ, живучи здѣсь, всякій день о томъ домогаемся, а она всякій день новыя находитъ къ тому препятствія. Намъ приходитъ уже срокъ, и мы должны немедленно возвратиться. Что-то

будетъ сегодня? Она сегодня обѣщала дать рѣшительное слово, хотя я къ тому и начала не вижу.

Мавра. Потерпите, сударь, немного; послѣ вечерни, можетъ быть, вы ее увидите; а прежде этого времени она неохотно гостей принимаетъ.

Непустовъ. Да мнѣ есть много кое о чемъ переговорить съ нею, и для того скажи ей, что я здѣсь; авось-либо она и пуститъ меня къ себѣ.

Мавра. Нѣтъ, сударь; я ни изъ чего къ ней не пойду. Мнѣ или битой, или, по крайней мѣрѣ, браненой быть. Она и безъ того часто на меня гнѣвается и называетъ меня бусурманкою за то, что иногда читаю я „Ежемѣсячныя сочиненія“, а иногда и Клевеланда.

Непустовъ. Да ты можешь ей сказать, что я усильно прошу ее видѣть.

Мавра. Кой часъ вечерня отойдетъ, то я и пойду къ ней, а не прежде. Однако далѣе шести часовъ я не совѣтую вамъ оставаться. Въ это время наѣдетъ къ ней довольное число подобныхъ ей барынь, которыя обыкновенно забавляютъ ее вѣстьми, изо всѣхъ угловъ города собранными; переговариваютъ и злословятъ всѣхъ знакомыхъ, перебирая ихъ по христіанской любви всѣхъ наперечетъ; увѣдомляютъ о всѣхъ петербургскихъ новостяхъ, къ нимъ прилыгая, примышляя; однѣ убавляютъ, другія прибавляютъ. За правду никто въ этомъ собраніи не отвѣтствуетъ; до того намъ дѣла нѣтъ, лишь бы все было выговорено, что слышали и что къ тому примыслили.

Непустовъ. Да по крайней мѣрѣ оставятъ ли насъ хоть поужинать? Какъ ты думаешь?

Мавра. Сомнѣваюсь. Какія у постницъ ужины?

Непустовъ. Какъ? Да развѣ отъ скупости вы поститесь? Вѣдь сегодня и день непостный.

Мавра. Я того точно не говорю, только... только... мы лишнихъ гостей не любимъ.

Непустовъ. Говори со мною, Маврушка, откровеннѣе. Какъ тебѣ госпожи своей не знать? Скажи мнѣ правду. Мнѣ кажется, что она наполнена суевѣріемъ и пустосвятствомъ, а притомъ и весьма зла.

Мавра. Кто добродѣтелей ищетъ въ долгихъ молитвахъ и въ наружныхъ обыкновеніяхъ и обрядахъ, тотъ боярыню мою безъ похвалы не оставитъ. Она наблюдаетъ строго дни праздничные; къ обѣднѣ всякій день ѣздитъ; свѣчу передъ праздника всегда ставитъ; мяса по постамъ не ѣстъ; ходитъ въ шерстяномъ платьѣ... да не подумайте, что изъ скупости... и ненавидитъ всѣхъ тѣхъ, кои ея правиламъ не слѣдуютъ. Нынѣшнихъ обычаевъ и роскоши она терпѣть не можетъ, а любитъ хвалить старину и тѣ времена, когда она пятнадцати лѣтъ была, чему уже теперь, благодатіею Божіею, годиковъ пятьдесятъ и слишкомъ минуло.

Непустовъ. Что касается до нынѣшней роскоши, я и самъ ея не

люблю, и въ этомъ съ нею весьма согласенъ, такъ равно, какъ и старинную искренность почитаю. Похвальна, весьма похвальна старинная вѣрность дружбы и твердое наблюденіе даннаго слова, дабы въ несодержаніи его не было стыдно! Въ этомъ и самъ я одного съ нею мнѣнія. Жаль, по-истинѣ жаль, что нынѣ ничему не стыдятся, и многіе молодые молодцы, произнося ложь и обманывая заимодавцевъ, а боярыньки, дерзко противъ мужей поступая, мало отъ чего когда краснѣются.

Мавра. Оставимъ это. Въ платьѣ и головномъ госпожи моей уборѣ найдете вы совершенное изображеніе прародительскаго покроя, въ которомъ она и немалую добродѣтель и чистоту нравовъ поставляетъ.

Непустовъ. Да почему это прародительскіе нравы? Это не что иное, какъ ничего не значащіе обычаи, коихъ она съ нравами или не различаетъ или различать не умѣетъ.

Мавра. Однакожъ, по мнѣнію госпожи моей, чѣмъ платье старѣе, тѣмъ болѣе почтенія достойно.

Непустовъ. Скажи жъ мнѣ, пожалуй: что она въ цѣлый день дѣлаетъ?

Мавра. Да гдѣ мнѣ это все упомнить? А тѣмъ болѣе высказывать не можно; вы смѣяться станете. Но пусть такъ; нѣчто вамъ разскажу. Она встаетъ поутру въ шесть часовъ, и, слѣдуя древнему, похвальному обычаю, сходитъ съ постели на босу ногу; сошедъ, оправляетъ предъ образами лампаду; потомъ прочитаетъ утреннія молитвы и акафистъ, потомъ чешетъ свою кошку, обираетъ съ нея блохъ и поетъ стихъ *блаженъ, кто и скотъ милуетъ*! А при семъ пѣніи и насъ также миловать изволитъ: иную пощечиной, иную тростью, а иную бранью и проклятіемъ. Потомъ начинается заутреня, во время которой то бранитъ дворецкаго, то шепчетъ молитвы; то посылаетъ провинившихся наканунѣ людей на конюшню пороть батожьемъ, то подаетъ попу кадило; то со внучкою, для чего она молода, бранится; то по четкамъ кладетъ поклоны; то считаетъ жениховъ, за кого бы внучку безъ приданнаго съ рукъ сжить, то... А! Постойте, сударь, я слышу шумъ: пора мнѣ отсюда убираться. Конечно, госпожа моя идетъ; боюсь, чтобъ насъ вмѣстѣ не застала: вѣдь и Богъ знаетъ, что ей на мысль придетъ. (Отходитъ).

Явленіе 2-е.

Ханжахина, Непустовъ.

Ханжахина. А, господинъ Непустовъ, я и не знала, что вы здѣсь, сударь.

Непустовъ. Не погнѣвайтесь, сударыня, что я пришелъ отдать вамъ мой поклонъ. Вы изволите знать, какую я до васъ нужду имѣю. Въ вашей волѣ теперь выдать внучку вашу за господина Молокососова и со мною о приданомъ условиться.

Ханжахина. Ахъ, батюшка мой! Да какъ мнѣ на это рѣшиться сегодня? вѣдь подумай-ка самъ: это дѣло таково, что требуетъ многаго размышленія. Я должна и того посмотрѣть, съ чѣмъ бы мнѣ и самой остаться. Человѣкъ я бѣдный; вдовье мое дѣло: откуда мнѣ что взять? Пусть злые люди хоть и говорятъ, хоть и кричатъ о моемъ богатствѣ, да Богъ-то вѣдаетъ, что я не могу наградить внучку свою большимъ приданымъ. Къ тому жъ сегодня духъ мой такъ безпокоенъ, что я и съ мыслями не могу собраться. У меня столько печали, столько нуждъ, что и конца имъ нѣтъ, такъ что и при молитвѣ злой свѣтъ покою мнѣ не даетъ. Разсудите сами, какъ мнѣ бѣдной не горевать: все дорого, да къ тому жъ люди...

Непустовъ. Правда, сударыня, злыхъ людей много на свѣтѣ; но намъ ихъ не передѣлать; оставимъ ихъ и станемъ о своемъ дѣлѣ говорить. Вы знаете, что намъ долго здѣсь жить не можно. Срокъ близокъ: къ командѣ ѣхать надобно. И такъ уже три дня вы изволили меня и Молокососова обнадеживать, что сегодня дадите намъ рѣшительный отвѣтъ; пожалуйте, исполните свое слово. Жалокъ тотъ молодой человѣкъ будетъ, если онъ попусту взадъ и впередъ проскакать былъ долженъ!

Ханжахина. Я не то, сударь, говорю: изволь самъ разсудить, можно ли спокойному быть духу, если съ кѣмъ то случится, что̀ сдѣлалось сегодня со мною? Я обѣщалась, чтобъ до вечерни положить пятьдесятъ поклоновъ передъ образомъ, которымъ моя покойная бабушка благословила покойную мою матушку—помяни ихъ господи! И лишь только начала, анъ гляжу, вошелъ маминъ [1]) сынъ и стоитъ, какъ демонъ, въ горницѣ. Я ему говорю: „поди вонъ, не мѣшай мнѣ, проклятый, молиться"; а онъ мнѣ въ ноги; я и въ другой разъ ему молвила: „поди ты, сатана, вонъ"; а онъ, ничего не говоря, совъ мнѣ въ руку бумажку, да самъ и ушелъ. Какъ вы думаете, что въ этой бумажкѣ написано? О несмысленная тварь! О демонское навожденіе!.. Онъ осмѣлился просить позволенія — жениться. Мнѣ, дескать тридцать уже лѣтъ; мать де моя умерла, обшить, обмыть некому... И для того жениться! Экая негодница! И онъ жениться вздумалъ! Этимъ привелъ онъ меня въ такое сердце, въ такое, батька мой, сердце, что я и число поклоновъ позабыла и не знаю, сколько положила, и сколько еще класть надобно. Однакожъ велѣла его высѣчь и положить женитьбу ту на спинѣ: позабудетъ онъ у меня мѣшать мнѣ класть поклоны!

Непустовъ. Да вѣдь и онъ человѣкъ, сударыня; въ томъ только его неосторожность, что помѣшалъ вамъ считать поклоны; а можетъ быть, онъ и не зналъ, что вы на молитвѣ.

Ханжахина. Что за неосторожность! Какъ ему не знать, что я молюся? Я вить всегда молюся. Зачѣмъ ему жениться? Я бъ его постригла, но то бѣда, что нынѣ и не... О, я такъ осердилась, что вся и теперь дрожу!

---

[1]) Мама—кормилица.

Непустовъ. Такое великое движеніе можетъ повредить ваше здоровье. Оставимъ это; станемъ говорить о нашемъ дѣлѣ и о приданомъ внучки вашей.

Ханжахина. Вы не можете повѣрить, какъ много мнѣ досаждаютъ! Я не вѣдаю, какъ я отъ сердца по сю пору еще не умерла. На малаго-то я не столько еще сержуся; но поганая дѣвка, которая прости—меня, Господи!—ему на шею вѣшается, та-то мнѣ досадна! Да дамъ же я ей замужество!

Непустовъ. А для чего жъ бы ей нейти замужъ, коли ея лѣта уже такія?

Ханжахина. О, какая она скверная тварь!

Непустовъ. Вы почитаете, сударыня, молитву должностью, равно какъ и я; но вѣдь и снисхожденіе и любовъ къ ближнему есть также должности, закономъ намъ предписанныя.

Ханжахина. Очень хорошо! Изрядное показалъ онъ ко мнѣ снисхожденіе и любовь! Мерзкій малый! Помѣшалъ мнѣ въ счетѣ поклоновъ!

Непустовъ. Дѣвицу выдать замужъ стоитъ поклоновъ, сударыня.

Ханжахина. Хорошо, батька мой, со стороны такъ разсуждать. А мнѣ вѣдь не бросать же на улицу деньги! Гдѣ ихъ возьмешь? Вотъ внучку надобно выдать, и самой также пожить еще хочется, да еще и этакихъ мерзкихъ жени; а все-таки дай что-нибудь: только и затвердили, что дай да дай; вѣдь что больше дашь, то больше у самой убудетъ. Надлежало бы правительству-то сдѣлать такое учрежденіе, чтобъ оно вмѣсто насъ людей-то бы нашихъ при женитьбѣ снабжало. Правду сказать, вѣдь оно обо всемъ въ государствѣ-то печися должно. Да полно, что! Нынѣ ничего не смотрятъ!

Непустовъ. Правительство имѣетъ довольно попеченія и расходовъ и безъ того, чтобъ снабжать нашихъ людей, которые намъ служатъ, и слѣдовательно на нашихъ рукахъ быть должны. Но, пожалуй, сударыня, забудь это, и станемъ говорить о нашей свадьбѣ и приданомъ внучки вашей. Господинъ Молокососовъ скоро сюда будетъ и станетъ просить вашего на то соизволенія.

Ханжахина. Онъ молодецъ изрядный; я его ни въ чемъ не хулю и ничего порочнаго въ немъ не вижу. Когда бы эти проклятые меня не разсердили, то, можетъ быть, что я и подумала бы, что бы за внучкою-то дать... (Мавра входитъ). Чего ты хочешь, Мавра?

Явленіе 3-е.

Ханжихина, Непустовъ, Мавра.

Мавра. Васъ спрашиваютъ, сударыня. Сосѣдка ваша имѣетъ нужду слова два-три съ вами молвить.

Ханжахина (Непустову). Не прогнѣвайся, пожалуй: я на часъ выйду; бѣдная вдова, дворянская жена, меня спрашиваетъ; отказать не могу, люблю бѣднымъ помогать... Мавра, побудь ты здѣсь; я тотчасъ назадъ приду.

Явленіе 4-е.

Непустовъ, Мавра.

Непустовъ. Чудная женщина!

Мавра. Знаете ли, въ чемъ состоитъ помощь, которую она бѣдной подать хочетъ дворянкѣ? Эта бѣдняжка отъ крайней нищеты заложила ей во стѣ рубляхъ золотую табакерку, которая втрое того стоитъ, и платитъ ей по полуполтинѣ на недѣлю росту. Теперь пришелъ срокъ; заплатить ей нечѣмъ; такъ боится, чтобъ и вовсе еще табакерка та не пропала.

Непустовъ. Возможно ли столь безсовѣстно поступать? По полуполтинѣ со ста на недѣлю!.. Сказываютъ, что госпожа твоя чрезъ мѣру богата, что у ней тысячъ со сто въ росту ходитъ; какъ ей не стыдно брать по полуполтинѣ росту на недѣлю? Да еще съ кого? Съ бѣдной вдовы! Сходно ли это съ ея молитвами и постомъ?

Мавра. Какъ бы то ни было, только это такъ... Давеча, сударь, я не досказала вамъ, какъ она день провождаетъ; изволишь ли дослушать окончаніе?

Непустовъ. Изрядно. Я готовъ и любопытенъ дослушать.

Мавра. Остановились мы у заутрени, послѣ которой читаетъ она какія-то особливыя отъ сильнаго искушенія молитвы.

Непустовъ. Какъ? Она искушенія боится? Она отъ искушенія молится? Да вѣдь ей уже семьдесятъ лѣтъ!

Мавра. До того нѣтъ нужды... Когда она тѣ молитвы читаетъ, то уже, кромѣ кошки, никто къ ней въ образную войти не смѣетъ... По окончаніи отъ соблазна молитвъ, изволитъ она пойти въ кладовую, гдѣ обмѣтаетъ пыль и чиститъ вещи, кои у ней въ закладѣ, пересматриваетъ крѣпости и закладныя, считаетъ деньги и изъ мѣшка въ мѣшокъ пересыпаетъ. Тутъ, кромѣ Бога, какъ она говоритъ, никто свидѣтелемъ быть не долженъ; а мнѣ кажется, кромѣ чорта, никто тамъ не бываетъ... Потомъ она одѣнется, то-есть чулки на ноги да шубу на грѣшное тѣло надѣнетъ — и поѣдетъ къ обѣднямъ. Отслушаетъ она по разнымъ церквамъ раннихъ и позднихъ обѣдни двѣ-три и столько же отпоетъ молебновъ. Въ церквахъ даетъ она свиданья подобнымъ себѣ старушкамъ, разсказываетъ имъ и отъ нихъ сбираетъ вѣсти разныя, и здѣшнія, и петербургскія, словомъ, изо всѣхъ домовъ сплетни, которыя она, выправивъ, прибавивъ и украсивъ благочиніемъ, развозитъ, послѣ обѣда и послѣ обыкновеннаго съ часъ времени на канапе отдыха, изъ дома въ домъ, разсказывая всѣмъ, кто хочетъ и не хочетъ

слушать. Потомъ, или мимоѣздомъ гдѣ въ церкви или дома отслушаетъ вечерню, послѣ которой сберутся къ ней любимыя ея гостейки и навезутъ новыхъ еще вѣстей.

Непустовъ. Кто жъ эти любимыя ея гости?

Мавра. Сестрица ея, госпожа Вѣстникова, да госпожа Чудихина. Первая жеманна, всезнающа, высокомѣрна, вѣстовщица, злорѣчива и любитъ при старости наряды, а послѣдняя очень забавна: всякій день новыя у ней примѣты, всего она боится, ото всего обмираетъ, суевѣрна до безконечности, богомольна изъ пышности, мотовка безразсудная, а молебны однакожъ поетъ всегда въ долгъ; ссорщица, сплетница, безстыдна и лжива такъ, какъ болѣе никто быть не можетъ. Вотъ ихъ харак... Но шш... шш... барыня идетъ.

Явленіе 5-е.

Ханжахина, Непустовъ, Мавра.

Ханжахина. Жалка бѣдная вдова! Пятеро у нея ребятишекъ, а пить-ѣсть нечего. Я не знаю, для чего правительство не запрещаетъ такимъ бѣднымъ жениться. Да полно, что? Нынѣче и ни въ чемъ смотрѣнья-то нѣтъ; да кому и смотрѣть?... А изъ этакихъ свадебъ, кромѣ нищихъ, ничего не выходитъ. Мавра, вели-тка сварить намъ кофе.

Явленіе 6-е.

Ханжахина, Непустовъ.

Ханжахина. Я такъ теперь испужалась, что чуть жива. Какъ разговаривала я съ сосѣдкой, то вдругъ услышала, что въ спальнѣ моей что-то необычайно застучало. Я побѣжала туда, и... ахъ! горе мое... бѣдная я грѣшница!.. и увидѣла, что упалъ съ полки любимый покойнаго моего мужа муравленый горшечекъ, изъ котораго онъ всегда молочную кашу кушивать изволилъ; упалъ, батюшка, да и вдребезги разбился; а въ горницѣ-то никѣмъ никого не было. Это не передъ добромъ! Боюсь, не умереть ли мнѣ или внучкѣ моей?

Непустовъ. Чего этого бояться, сударыня? Можетъ быть, кошка или мышь сронила горшокъ съ полки... Пора, сударыня, говорить намъ о дѣлѣ нашемъ.

Ханжахина. Такъ, батька; вы ничему нынѣче не вѣрите; у васъ все натура... все натура... (Вошедъ, перебиваетъ рѣчь Мавра).

Явленіе 7-е.

Тѣ же и Мавра.

Мавра. Сестрица ваша пріѣхала, сударыня, и сюда идетъ.

Явленіе 8-е.

Вѣстникова, Ханжахина, Непустовъ, Мавра.

Вѣстникова. Здравствуй, сестрица матушка. Я безъ души къ тебѣ скакала. Знаешь ли ты, какую чудную сложили свадьбу? По всему городу сказываютъ (да уже и къ знатнымъ боярамъ дошло), что будто ты за Молокососова внучку свою выдаешь! Статочное ли это дѣло? Выдать дѣвку за такого несноснаго дурака! Да еще и нашей фамиліи дѣвку! Я его... вотъ этакаго (указываетъ) еще знала; онъ и тогда и глупъ, и спесивъ былъ. Однажды пріѣхала я... я!—къ матери его, хотѣла ей эту милость сдѣлать... Онъ былъ тогда лѣтъ девяти... Вошедъ въ горницу... вѣдь мы-таки не подлыя... поклонилась я всѣмъ; а онъ, стоя въ углу, играетъ мячикомъ, а на меня и не глядитъ; да и во весь вечеръ—подумай, матка!—во весь вечеръ ко мнѣ и не подошелъ, какъ будто я уродъ какой! Съ того времени я терпѣть его не могу. Какая жъ и нянюшка у него была! Да и матушка изрядная... не у кого, правду сказать, и научиться-то было. Няня была дѣвчища высокая, худощавая, косая, глупая; а мать, ты сама помнишь, дурища была непомѣрная... О, сестрица, ты не вѣдаешь со мною бѣды! Я бъ давно уже здѣсь была, да вотъ что сегодня со мною сдѣлалось. Я сѣла въ карету и не успѣла еще со двора съѣхать, какъ кучеръ мой, зашатавшись, упалъ съ козелъ. Я думала... не здѣсь будь сказано! (Онѣ оплевываются, подергиваютъ себя за ухо и отдуваются; Ханжахина, дѣлая то же, говоритъ: Ахъ! сестрица!..) Я думала, что черная немочь его убила; а онъ, плутъ, пьянъ былъ. Я кликнула людей, велѣла его сѣчь; а поваришкѣ спасибо: онъ сѣлъ на его мѣсто, однако ѣхалъ какъ сумасбродный, то вправо, то влѣво, а все не впопадъ. Ужъ я думала, что сегодня и до тебя не доѣду. Два раза спало колесо; два раза бурыя лошади выпрягались; а сѣрыя, поскользнувшись, упали. Да полно, въ томъ не кучеръ виноватъ. Полиція, слава Богу! полиція ничего не смотритъ. Улицы такъ склизки, такъ скверны, что и ѣздить нельзя...

Мавра (въ сторону). А того не скажутъ, что лошади не кованы, у колесъ чекъ нѣтъ, и что упряжка скверная!

Вѣстникова. Что ты ворчишь, Мавра?

Мавра. Ничего, сударыня, я о полиціи говорю.

Вѣстникова. Да и ни въ чемъ нынѣ смотрѣнія нѣтъ. О, какія нынѣче времена! Что-то изъ этого будетъ! А я чуть жива доѣхала... Сестрица, я, всѣмъ божилась, что ты внучки своей за Молокососова не выдашь.

Ханжихина. Все Божья воля, сестрица... Мавра, подай-ка стулья (Мавра даетъ стулья и выходитъ).

Вѣстникова. Мы можемъ, сестрица, и здѣсь сѣсть (Указывая на кресла и садятся). А вы не изволите ль тутъ? (Указываетъ на стулъ; садится и Непустовъ).

Явленіе 9-е.

Ханжахина, Вѣстникова и Непустовъ.

Вѣстникова. Письма изъ Петербурга пришли. Пишутъ, что вода тамъ такъ была высока, что весь городъ потопила, и люди на кровляхъ насилу мѣсто себѣ находили.

Непустовъ. Какъ же, сударыня? Развѣ водою почта оттуда отправлена, когда такое несчастіе случилось?

Вѣстникова. Такъ, сударь, ваши братья ничему не хотятъ вѣрить; однакожъ это такъ, какъ я сказываю; да пусть и не потонули, такъ по крайней мѣрѣ съ голода тамо люди мрутъ. Во всемъ недостатокъ, ни о чемъ ни правительство, ни полиція и никто не думаетъ. Я и еще кое-что знаю похуже этого: много оттуда вѣстей; хорошихъ только нѣтъ; да и не все сказывать надобно. Пишутъ ко мнѣ нѣчто подъ обинякомъ; однако, я догадалась, что это значитъ.

Ханжахина. А что жъ такое, сестрица, къ тебѣ пишутъ?

Вѣстникова. Очень можно сказать... да... точно этими словами пишутъ... „Если-бъ вы знали, какія у насъ къ масленицѣ готовятся крутыя горы, то бъ вы удивились и испужались!“ Вотъ какой обинякъ! Да я разумѣю, что онъ значитъ: крутенька гора-то затѣвается! Вы увидите. Я ничего не говорю; однакожъ я точно догадываюся, что это значитъ.

Непустовъ. Все пустое, сударыня; гора, какъ гора, и всякую масленицу бываетъ; а ваша мнимая гора, кромѣ мыши, ничего не родитъ. Въ прежнія времена за болтанье дорого плачивали: притупляли язычокъ, чтобъ меньше онъ пустого бредилъ; а нынѣ благодарить вамъ Бога надобно, что уничтожаютъ этакія бредни. Разумно бы и съ нашей стороны было, если бъ мы сами себя отъ глупостей, а паче отъ несбытныхъ затѣй и новостей воздерживали.

Вѣстникова. Ахъ, батька мой, куда какъ ты строгъ! да нѣсколько и..

Явленіе 10-е.

Тѣжъ и Мавра.

Мавра. Госпожа Чудихина пріѣхала, сударыня, да не изволитъ идти сюда и не хочетъ переступить черезъ порогъ, для того, что услышала сверчка. Если желаете, чтобъ она не уѣхала, то проситъ, чтобъ вы къ ней вышли въ другую горницу, а сюда войти боится, пока сверчка не поймаютъ.

Ханжахина. Изрядно, мы къ ней выйдемъ. (Ханжахина и Вѣстникова встаютъ). Пожалуй, не погнѣвайся, сударь; она намъ искренняя пріятельница

Явленіе 11-е.

Непустовъ и Мавра.

Непустовъ. Терпѣнья моего не доставало слушать всѣ ихъ бредни, и если бъ долгъ дружбы моей къ Молокососову меня не обязывалъ, давно бы я уже ушелъ отсюда.

Мавра. Ха! ха! ха! (Смѣется). Что, сударь? Вы уже скучаете. Извольте-тка подолѣ съ нами пожить, вы еще не столько услышите басенъ.

Непустовъ. Боюся я, чтобъ Вѣстникова не повредила въ мысляхъ твоей госпожи Молокососову. Она уже зачала его всякими браньми костить.

Мавра. Есть способъ къ молчанію ее принудить, сколько бы она его ни бранила.

Непустовъ. Да какой же это способъ? Скажи, пожалуй.

Мавра. Она любитъ деньги и подарки; словомъ, она корыстолюбива. Даромъ, что она сердита и зла; однако за деньги не одну уже свадьбу сложила, и не только свадьбы умѣетъ сводить, но и прочее, и прочее. Подарите ее чѣмъ-нибудь; а я думаю, что рублевъ сто на платье, къ которому она охотница, довольно силы имѣть будетъ унять ее отъ брани и принудить еще служить господину Молокососову.

Непустовъ. Если это такъ, то она намъ не страшна.

Явленіе 12-е.

Прежніе и Молокососовъ.

Молокососовъ. Что, сударь? Какъ наше дѣло идетъ.

Непустовъ. Плохо. Я не знаю, что мнѣ съ мнимою вашею бабушкою дѣлать. Лучше бъ я желалъ, чтобъ опекунъ вашъ самъ здѣсь былъ; онъ это сватанье началъ, пусть бы онъ и окончилъ, а мнѣ бы дѣла не было въ такомъ домѣ, гдѣ здравый разумъ почти невмѣстимъ. Разъ десять заговаривалъ я и о свадьбѣ и о приданомъ и ничего въ отвѣтъ не получилъ, кромѣ пустыхъ бредней, которыя ни конца, ни начала не имѣютъ.

Молокососовъ. Мнѣ бы до приданаго и нужды не было... Я недавно съ невѣстою видѣлся; куда какъ она хороша, прекрасна, ужасть какъ прекрасна!.. Да только...

Непустовъ. Что только? Что это „только" значитъ?

Молокососовъ. Она чрезъ мѣру пригожа!.. Да только...

Непустовъ. Да что жъ?.. Развѣ она тебѣ отказала?

Молокососовъ. Нѣтъ; я съ нею долго говорилъ; она прекрасна, богата, не безъ знати... да...

Непустовъ. Тфу, пропасть какая! Да что жъ она тебѣ сказала?

Молокососовъ. Ничего! Она на всѣ мои слова... ни слова не молвила.

Непустовъ. Ну, такъ чего жъ ты боишься? Развѣ она глупа?

Молокососовъ. Того я не знаю. Только то знаю, что она ничего не говоритъ.

Непустовъ. Если она глупа, такъ это по наслѣдству... И государыня ея бабушка не премудра: яблочко отъ яблоньки недалеко, видно, пало! Но вѣдь... она, помнится мнѣ, еще за полгода предъ симъ тебѣ понравилася?

Молокососовъ. Красота ея, безспорно, прелестна. И кто бъ могъ себѣ представить, что эта красота безмолвна! Она или нѣма, или глупа, или дурно воспитана.

Непустовъ. Чудно! Нашлась и въ Москвѣ молчаливая дѣвица! Ну... такъ, буде изволишь, мы перервемъ это сватовство.

Молокососовъ. Нѣтъ. Я бы лучше женился; да хочется мнѣ...

Непустовъ. Мнѣ кажется, что ты и самъ не знаешь, чего тебѣ хочется.

Молокососовъ. Пожалуй, не гнѣвайся; я и такъ довольно несчастливъ. Невѣста моя мила мнѣ; красота ея ни съ чѣмъ несравненна; опекуну моему далъ я слово на ней жениться; она богата, хотя мнѣ до того и нужды нѣтъ; вотъ сколько притяженій! О, если бъ столько была она умна, сколько пригожа! Не усумнился бъ я въ сію минуту быть ея мужемъ!

Непустовъ. Какое жъ твое намѣреніе?

Молокососовъ. Я не знаю. Дай ты мнѣ совѣтъ, что мнѣ дѣлать.

Непустовъ. Вѣдь тебѣ надобна жена, а не мнѣ: слѣдуй склонности и разсудку своему. При вступленіи въ такое обязательство, всего нужнѣе согласіе нравовъ; если находишь ты это между собою и невѣстою твоею, то я совѣтую тебѣ на ней жениться.

Мавра (въ сторону). Сколько жъ и они пустоши бредятъ!

Молокососовъ. Умилосердись, какъ я могу это знать? Я съ нею говорю, она ни слова не отвѣчаетъ; я изъясняю мою страсть—она безъ всякаго движенія слушаетъ; я горячностію, я вѣрностію моею ее увѣряю—она безчувственно то пріемлетъ; я спрашиваю: не противенъ ли я ей?—она молчитъ; наконецъ, сталъ я въ отчаяніи о постороннихъ говорить вещахъ, и тогда, кромѣ да и нѣтъ, ничего добиться отъ нея не могъ. Да и это произносила она одинакимъ голосомъ, съ одинакимъ движеніемъ, съ одинакимъ ощущеніемъ, и если бъ не были прелестные ея открыты глаза, то бъ можно подумать было, что она спитъ и во снѣ иногда въ-полслова молвитъ. Такъ она и черты лица ея были неподвижны! О!.. Я въ отчаяніи!..

Мавра. О, какъ вы мнѣ жалки, что такъ много ошибаетесь! Невѣсту вашу я сердечно люблю и для того изъ заблужденія васъ выведу. Она сердце имѣетъ ангельское, но воспитана дурно. Въ безпредѣльномъ содержана она страхѣ, а отъ того сдѣлалась толь робка и застѣнчива, что ни

съ кѣмъ говорить не можетъ и покажется всякому, кто ея не знаетъ, кускомъ дерева. Къ сему прибавьте и совершенное ея невѣжество, въ которомъ она содержана. Она ничему не учена и грамотѣ украдкою у меня училась, для того, что бабушка ея всегда боялась, чтобъ она, научась грамотѣ, не стала писать любовныхъ писемъ. Никого она не видала и до двѣнадцати лѣтъ и платья не знала, а бѣгивала для легкости всегда въ одной сорочкѣ; когда жъ пріѣзживали посторонніе къ намъ люди, то прятали ее въ спальнѣ за печкою. Несчастлива она, что въ младенчествѣ и матери и отца лишилась!

Молокососовъ. Что жъ въ этомъ? Развѣ ты думаешь облегчить этимъ печаль мою?

Мавра. Нѣтъ, сударь, но подождите немного и дайте мнѣ договорить... Хотя барышня моя толь дурно и воспитана, но она, конечно, не дура; правда, она не новосвѣтская госпожа и, какъ ужъ я сказала, не только по-французски, но и по-русски мало она знаетъ, а потому и языка русскаго не портитъ, но, говоря по-русски, брата называетъ братцемъ, а не mon frère, сестру сестрицею, а не ma soeur; не знаетъ и другихъ вытверженныхъ, подобно попугаю, словъ, ни кривлянья, ни презрѣнія къ людямъ, почтенія достойнымъ. Некстати не хохочетъ, кушанья за столомъ не называетъ блюдомъ славнымъ; словомъ, она не знаетъ того языка, котораго и я, когда молодыя боярыни говорятъ, не разумѣю, хотя я и весьма долго въ домѣ новомодной француженки служила. Но при всемъ томъ она не глупа, и естественный разумъ въ ней есть; и когда вы на ней женитесь и будете ее любить, то хотя она ни болванчикомъ, ни mon mari называть васъ не станетъ, однако, конечно, стараться будетъ вамъ угождать и добродѣтелью столько васъ прельститъ, сколько другіе свободнымъ обхожденіемъ прельщаются, забывъ и лбы, и глаза свои. Между тѣмъ она, увидя свѣтъ, конечно, выровняется, какъ и многія другія. Умъ ея таковъ, что она всякое наставленіе отъ любимаго человѣка съ охотою приметъ. Это я по себѣ знаю: она во всемъ совѣтамъ моимъ послѣдуетъ. Но, чуръ, не жить съ ней по модѣ; берегитесь, и вы будете заплачены тою же монетою, какъ и другіе.

Непустовъ. Да не прильнуло ли къ ней ханжество бабушки ея?

Мавра. Нѣтъ, того не бойтеся. Она не ханжа и не скупа. Она еще молода, и не больше пятнадцати ей лѣтъ, и если употребится съ нею ласка и снисхожденіе, то будетъ она такова, какову будущій мужъ ея имѣть похочетъ, и какъ ее поведетъ, къ добру или худу. Удобно разумному мужу, съ малымъ терпѣніемъ и любовію, подвесть добросердечную жену подъ всѣ свои правила и сдѣлать ее волѣ своей послушною. Много этому образцовъ на свѣтѣ!

Молокососовъ. О, если бъ уже была она такова, какову я желаю ее видѣть! Колико бы я счастливъ былъ!

Мавра. Имѣйте терпѣніе. Она тѣмъ еще милѣе вамъ будетъ, чѣмъ болѣе вы примѣтите, что она всѣ совершенства свои отъ вашихъ пріобрѣтаетъ совѣтовъ.

Молокососовъ. Ты всю мою надежду возстановляешь; ты возвращаешь мнѣ покой, котораго я совсѣмъ почти лишился.

Мавра. Извольте быть увѣрены и подите теперь къ старушкѣ.

Непустовъ. Ну, такъ пойдемъ же къ ней, не тратя времени.

Молокососовъ. Дай Боже, чтобъ она столь была разумна, сколь и прекрасна!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Явленіе 1-е.

Христина и Мавра.

Мавра. Что жъ, развѣ вы не хотите идти замужъ?

Христина. Я не знаю. Кажется, я никакого желанія не имѣю.

Мавра. Да развѣ господинъ Молокососовъ вамъ не нравится?

Христина. Этого не могу сказать. Нѣтъ... Ну... да какъ онъ тебѣ кажется?

Мавра. Неужто вы хотите замужъ идти по моему выбору? Вѣдь вамъ съ нимъ жить, а не мнѣ.

Христина. Ты меня любишь, Маврушка, такъ скажи мнѣ, что мнѣ дѣлать.

Мавра. Я васъ люблю, это правда; однако въ этомъ дѣлѣ вы болѣ на себя полагаться должны. Должны вы прежде себя разобрать, чувствуете ли вы къ нему склонность, или нѣтъ.

Христина. Лицомъ онъ не дуренъ; да только говоритъ такъ, что я и половины словъ его не разумѣю. Онъ говоритъ или не по-русски, или по книжному; а ты вѣдь знаешь, что я чужихъ языковъ не знаю, да и грамотѣ худо умѣю.

Мавра. Любовь и безграмотныя разумѣютъ. На что тутъ грамота? Надобно только сердце.

Христина. Я думаю, что сердце-то у меня есть, и я пойду за него, если онъ меня возьметъ; а ежели не возьметъ, то и я не желаю быть за нимъ.

Мавра. Какое это равнодушіе! Если-бъ вы его любили, то бы не такъ говорили.

Христина. Я не могу сказать, чтобы онъ мнѣ противенъ былъ. Я не знаю, люблю ли я его, только мнѣ хочется его видѣть; да однако...

Мавра. Что однако? Когда онъ говорилъ вамъ о своей страсти, что онъ васъ любитъ, что вы прекрасны... вы тогда сидѣли, потупя глаза, и

молчали, какъ будто бы у васъ языка не было: онъ перемѣнялъ рѣчи, онъ то то, то се вамъ говорилъ, а вы-таки все въ одномъ, и глазами, и тѣломъ, и языкомъ, остались положеніи и его съ равногласнымъ „да“ и „нѣтъ“ отвѣтомъ и отпотчевали.

Христина. Мнѣ было стыдно, Маврушка; ты вѣдь знаешь, что я съ мужчинами, кромѣ Фалелея, бабушкина дурака, ни съ кѣмъ не говаривала; да бабушка съ другими и говорить не приказываетъ. Я взросла въ дѣвичьей горницѣ и оттуда никогда не выхаживала, такъ что жъ мнѣ дѣлать? Пожалуй, душенька, читай мнѣ почаще „Памелу [1]), чтобъ я могла перенять, какъ съ людьми говорить. Съ тобой—такъ говорится, а съ другимъ ни съ кѣмъ, право, не умѣю.

Мавра. Дорого бы я дала, чтобы вы счастливы были. Я васъ люблю за ваше чистосердечіе. Вы не лживы, сударыня; обѣщаетесь ли вы все то дѣлать, что я вамъ велю?

Христина. Съ радостію обѣщаюсь и стану все то дѣлать, что ты велишь; я знаю, что ты ничему худому не научишь.

Мавра. Подите же теперь отсюда. Я послѣ переговорю съ вами, теперь мнѣ недосугъ.

Христина. Да увижу ль я его?

Мавра. А, невинная! Сердечишко-то ужъ тронуто!

Христина. Нѣтъ... Я не знаю...

Мавра. Изрядно, изрядно, подите теперь (Христина отходитъ).

Явленіе 2-е.

Мавра (одна). О, природа! Сильны твои дѣйствія! Любовь, ты входишь въ сердца человѣческія прежде, нежели человѣкъ узнаетъ, что есть любовь! Моя невинная боярышня познаетъ уже тебя, не зная сама, что она чувствуетъ и...

Явленіе 3-е.

Мавра и Молокососовъ.

Молокососовъ. Отъ роду такой бабы не видывалъ!.. Ну... вся моя теперь надежда исчезла! Я погибъ, Мавра! Старая твоя барыня наотрѣзъ мнѣ отказала.

Мавра. Что ей сдѣлалось? За что?

Молокососовъ. За проклятаго кузнечика! О, кабы его чортъ взялъ!

Мавра. Что это такое? Я не понимаю.

Молокососовъ. Не легко и разсказать это... Много въ отказѣ участія имѣютъ и г-жа Вѣстникова и Чудихина, а наипаче моя собственная неосторожность.

Мавра. Если ваша неосторожность, то сами на себя и пеняйте.

---

[1]) „*Памела*“—романъ Ричардсона.

Молокососовъ. Да кому придетъ на умъ, что можно подобною безделицею досадить людямъ, и чтобъ свадьба могла изъ-за кузнечика разойтися? Разсуди сама, вотъ въ чемъ дѣло. Ханжахина разсказывала, что не токмо за годъ передъ кончиною покойнаго ея супруга пѣтухъ снесъ яйцо, но и дни за три кузнечикъ въ стѣнѣ безумолку стучалъ; что она изъ того неизбѣжно заключить могла, что супругъ ея умретъ, и потому, не упуская времени, къ смерти приготовить его велѣла. Я, слыша этакій вздоръ, не могъ удержаться и громко захохоталъ; господинъ Непустовъ со всею своею твердостію, также, не преодолѣвъ себя, треснулъ и онъ, и оба мы взаходы смѣялись. Старухи всѣ три разсердились; вдругъ стали креститься, вдругъ плевать и одуваться, вдругъ, и въ одинъ голосъ, кричать и бранить насъ, называя насмѣшниками, бусурманами, безбожниками, которые ничему не вѣрятъ. Ханжахина съ подругою своей Чудихиной напали на г-на Непустова, а Вѣстникова опрокинулась со всею жестокостію на меня, и лучшее отъ нея слово мнѣ было: „спесивый дуракъ!“ Я хотѣлъ съ учтивствомъ ей доказать, что суевѣріе есть порокъ, что нравоученіе закона запрещаетъ такимъ нелѣпымъ вѣрить баснямъ; а она съ яростію доказывала, что кузнечиково предсказаніе сбылось смертію г. Ханжахина, и потому оно истинно, и что, кромѣ такого дурака, какъ я, всякій тому вѣрить долженъ. Въ то же время съ другой стороны Чудихина наступила съ бѣшенымъ изступленіемъ на г. Неупустова; а милостивая твоя госпожа, раздувшись и запыхавшись отъ гнѣва, то въ ту, то въ другую сторону на помощь къ обѣимъ злобнымъ бабамъ поспѣшая, словами, вдовѣ неприличными, уважала ихъ доказательства. И наконецъ изъ всего сего шума вышло то, что она ясно объявила намъ, что мы, то-есть и сватъ и женихъ, невѣрные, беззаконники, бусурманы, и чтобъ изъ дому ея убирались; что она внучки своей никогда не отдастъ за такого шалуна, каковъ я, и чтобъ впредь мы и дому ея не знали.

Мавра. Вотъ каково глупымъ противорѣчить!

Молокососовъ. Я всталъ, поклонился и вышелъ отъ нихъ вонъ... Теперь не знаю, что мнѣ дѣлать. И что я въ страсти моей начну? Отъ непочтенія къ проклятому кузнечику погибла вся моя надежда.

Явленіе 4-е.

Прежніе и Непустовъ.

Непустовъ. Пойдемъ изъ этого скареднаго дома.

Мавра. Погодите, сударь, немного; авось-либо все дѣло поправится.

Непустовъ. Какъ поправится? И видѣть насъ не хотятъ.

Марва. Господинъ Молокососовъ, развѣ вы хотите оставить Христину? Развѣ вы ея не любите?

Молокосовъ. Никогда она столь прелестна мнѣ не воображалась; никогда столько я не любилъ ее, какъ теперь, когда вся надежда моя исчезаетъ, и когда я не могу имѣть ее себѣ женою!

Мавра. Ну, такъ если вы ее столько любите, то вмѣсто празднословія и пустыхъ жалобъ помогайте мнѣ искать способовъ къ поправленію испорченнаго дѣла, между тѣмъ не мѣшайте, дайте мнѣ подумать; на выдумки я довольно способна бывала. (Думаетъ и говоритъ сама себѣ). Да!.. Нѣтъ... это не такъ... Ну... неловко... А!.. Хорошо! Слушайте: Вѣстникову всѣхъ легче склонить, а чрезъ нее авось-либо намъ удастся; она за деньги за все примется, и все, что мы хотимъ, сдѣлаетъ.

Молокососовъ. Вспомни, Мавра, что она меня терпѣть не можетъ.

Мавра. Нѣтъ, ничего.

Непустовъ. А!.. Да вотъ она и идетъ.

Явленіе 5-е.

Вѣстникова, Непустовъ, Молокососовъ и Мавра.

Вѣстникова (съ сердцемъ). Вы еще здѣсь? Вонъ! Что вы здѣсь дѣлаете?

Мавра. Если-бъ вы знали, сударыня, что они говорятъ, то-бъ вы и не гнѣвались, и не дивились, что они еще здѣсь.

Вѣстникова. Какъ сестрица узнаетъ, что ты съ такими бусурманами, коихъ она изъ дому выгнала, говоришь, то достанется и тебѣ; а я тебѣ сказываю, что быть худу.

Мавра. Ахъ, сударыня, какъ мнѣ съ пріятностію не слушать было разговоровъ? Они все объ васъ говорили.

Вѣстникова. Обо мнѣ? А что они обо мнѣ говорили?

Мавра. Они васъ хвалятъ, что вы разумны, что и въ самомъ гнѣвѣ вашемъ видно доброе ваше сердце и снисхожденіе. Г. Непустовъ и то еще примолвилъ: видно, дескать, что смолоду она и прекрасна была! А г. Молокососовъ сказалъ, что и теперь еще хороша.

Вѣстникова. Непустовъ дуракъ... а Молокососовъ, видно, поправляется; изъ него можетъ хорошій молодецъ быть.

Мавра. Да, сударыня, онъ говоритъ, что онъ не знаетъ, какъ бы заслужить несчастную свою предъ вами проступку и своимъ почтеніемъ поправить себя въ вашихъ мысляхъ. Пожалуй, сударыня, не сказывайте боярынѣ, что я съ ними здѣсь остановилась. Она станетъ гнѣваться; а я вѣдь для васъ это сдѣлала, чтобъ вывѣдать изъ нихъ, сколько хорошо объ васъ отзываются. Вы изволите знать, какъ я васъ почитаю.

Вѣстникова. Но впрямь ли, Мавра, такъ хорошо они думаютъ?

Мавра. Право, сударыня; извольте хоть сами у нихъ спросить.

(Мавра имъ мигаетъ и даетъ знаки, чтобъ ей ласкали).

Молкососовъ. Я помню, сударыня, что милость ваша и къ матери моей была велика; если бъ я могъ ласкаться, чтобъ вы...

Вѣстникова. Да, мы-таки дружненько живали. Да ты, батька мой, спесивымъ мнѣ казался; а я-таки и весь родъ-атъ вашъ знаю.

Непустовъ. Вы ошибаетесь, сударыня; онъ, право, не спесивъ, его видъ таковъ! А къ тому еще онъ и молодъ.

Вѣстникова. И подлинно еще молодъ: я ребенкомъ его зазнала, а и я не выстарокъ... Ха! ха!.. (Молокососову). Батюшка твой не таковъ былъ: онъ, помилуй Богъ, какъ меня любилъ!.. (Увидя на пальцѣ Молокососова перстень). А, мой свѣтъ, да это еще отцовскій на тебѣ перстенекъ-отъ! Тотъ, право, самый; онъ, покойникъ, бывало шучивалъ, что на поминъ душѣ своей его мнѣ оставитъ. Я знаю этотъ перстень.

Непустовъ. И я слыхалъ, что онъ съ вами въ короткой былъ дружбѣ.

Вѣстникова. Камешекъ-то не великъ, да чистехонекъ!

(Мавра мигаетъ Молокососову, чтобъ онъ подарилъ перстень Вѣстниковой).

Вѣстникова. Право, свѣтъ мой, чистехонекъ!

Молокососовъ. Позвольте, сударыня, чтобъ я слово родителя своего сдержалъ, и примите отъ меня этотъ перстень въ знакъ моего почтенія.

Вѣстникова. И... батька... вѣдь я не для того говорила... (Не отдавая). Никакъ, мой свѣтъ, на что такъ убытчишься...

Молокососовъ. Пожалуйте, сударыня, сдѣлайте мнѣ это одолженіе; я должностью почитаю себѣ исполнить обѣщанія родительскія и радоваться стану, исполняя столь пріятное завѣщаніе.

Вѣстникова. Благодарствую, благодарствую, мой свѣтъ; ежели могу сама чѣмъ отслужить, съ охотою, отъ всего сердца исполню.

Непустовъ. Вы можете, сударыня, великую ему сдѣлать милость.

Вѣстникова. Да какую бы?..

Непустовъ. Уговорите, сударыня, сестрицу вашу, чтобъ она внучку свою за него выдала. Онъ ее любитъ и свое счастье въ ней почитаетъ.

Вѣстникова (Молокососову). Добро, душенька, добро; стану ей говорить, и она, можетъ быть, меня послушаетъ.

Непустовъ. Надобно знать, сударыня, что время не терпитъ продолженія. Срокъ нашъ приходитъ; ѣхать надобно скоро въ Петербургъ...

Вѣстникова. Я въ сію минуту бъ ее уговорила, да нельзя теперь: у нея Чудихина сидитъ; а при ней говорить я не буду: все дѣло испортить можно.

Мавра. Если это только мѣшаетъ, то извольте безъ сомнѣнія идти къ сестрицѣ, а Чудихину я тотчасъ изъ комнаты ея выживу.

Вѣстникова. Не скоро ее съ мѣста подымешь, гдѣ она усядется, особливо теперь: вѣдь она на картахъ загадываетъ.

Мавра. Это мое дѣло. Я заведу рѣчь, что прежній этого дома хозяинъ за тридцать тому лѣтъ назадъ умеръ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она теперь сидитъ и гадаетъ. Вы увидите, какъ скоро она вскочитъ, броситъ и карты и все и уйдетъ изъ комнаты.

Вѣстникова. Хорошо, я пойду туда.

(Отходитъ).

Мавра. Извольте и вы удалиться, а я пришлю вамъ сказать, когда время будетъ; оставьте здѣсь слугу вашего.

Явленіе 6-е.

(Когда Непустовъ и Молокососовъ сходятъ, тогда съ противной стороны входятъ:)

Христина и Мавра.

Христина. Маврушка, Маврушка, знаешь ли что?

Мавра. Что такое, сударыня?

Христина. Вѣдь бабушка приказала серебряную ту парчу отослать назадъ къ купцу, также и пунцовыя ленты отдала назадъ; а Молокососову во мнѣ совсѣмъ отказала.

Мавра. Послѣднее знаю, а первое — слѣдствіе тому; да вы о чемъ больше жалѣете: о парчѣ или о женихѣ?

Христина. Какіе у тебя всегда мудреные вопросы! Ты все шутишь; а бабушка очень гнѣвна! Гнѣвна такъ, что она всѣхъ дѣвокъ выгнала изъ спальни и осталася одна съ Чудихиной и съ Вѣстниковою.

Мавра. Какая жъ это диковинка?

Христина. Какъ не диковинка! Вѣдь ты знаешь, что бабушка хоть часто на дѣвокъ гнѣвается, однако отъ нихъ ничего тайнаго не имѣетъ и обо всемъ она при всѣхъ говорить; а теперь и входить никому не велѣла до тѣхъ поръ, пока сама не кликнетъ.

Мавра. И впрямь это странно! Пойду я посмотрѣть, что-то у нихъ дѣлается.

Христина. Я тебѣ скажу, только ты не промолвься.

Мавра. Да вы почему жъ знаете? Вѣдь и васъ также туда не впускаютъ...

Христина. Почему...

Мавра. Конечно, вы у дверей подслушали, или въ замочную дырочку высмотрѣли?

Христина. Да, да! Только, пожалуй, бабушкѣ не сказывай.

Мавра. Этакая воровочка! Я, право, и не думала, что за вами это ремесло водится! Что жъ онѣ говорятъ тамъ?

Христина. Вѣстникова уговариваетъ бабушку, чтобъ она за Молокососова меня выдала, а Чудихина отговариваетъ; онѣ двѣ спорятъ. А бабушка держитъ сторону Чудихиной и выдавать меня не хочетъ.

Мавра. Да вамъ въ этомъ и нужды нѣтъ. Вѣдь для васъ все равно, идти ли замужъ, или нѣтъ! Не правда ли?

Христина. То... такъ... однакожъ...

Мавра. Изрядно, изрядно; пойдемъ отсюда; я пойду къ нимъ и чѣмъ-нибудь потщусь разорвать это сонмище.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Явленіе 1-е.

Чудихина бѣжитъ, а за нею Христина.

Чудихина. Ахъ! Погибла я!.. Умереть мнѣ, умереть!.. Ахъ... Ужъ умираю, чуть жива... чуть дышу... нѣтъ больше мочи! (Кидается у кулисъ на кресла).

Христина. Что вамъ это сдѣлалось?

Чудихина. Проклятая Мавра меня уморила своими разсказами. Подумай, пожалуй, свѣтъ мой: я сижу да гадаю въ карты, и въ самое то время, какъ у меня винновый-отъ король съ крестовою кралею передо мною лежали, и я тому порадовалась, а она и сказала, что я на томъ мѣстѣ сижу... ахъ, тошно мнѣ!.. на томъ будто мѣстѣ, на которомъ человѣкъ назадъ тому тридцать лѣтъ умеръ.

Христина. Такъ развѣ вы этого боитеся?

Чудихина. Да. Какъ этого не бояться! Видно, что ты еше молодехонька и свѣта еще не знаешь. Я вѣдь испорчена, душа моя; злые люди меня смолоду испортили: всего боюся! Да какъ и не бояться? Вотъ гдѣ (указываетъ на животъ) у меня порча-то сидитъ и нынѣ.

Христина. Такъ вы животомъ недомогаете?

Чудихина. У меня, свѣтъ мой, къ животѣ щука; смолоду впустила ее туда мнѣ, сонной, мачеха моя,—она была колдунья и меня не любила,— а въ спину засадила мнѣ собаку, и когда онѣ тамо ссорятся, такъ я чувствую... таки точнешенько слышу, какъ щука хвостомъ хлеснетъ по собакѣ, а собака отгрызается и ворчитъ. Ужасть какая у меня боль сдѣлается! Охъ... охъ!.. Боюсь... умру... Вѣрно умру...

(Христина, увидѣвъ, что у Чудихиной на концѣ шейнаго платка два маленькіе узелка завязны).

Христина. Что это за узелки, матушка, у васъ завязаны?

Чудихина. И... душа моя... ничего. Въ одномъ четверговая соль... а въ другомъ росный ладанъ, отъ уроковъ [1]).

(Въ это время вынимаетъ платокъ изъ кармана, и съ нимъ выпадаютъ два корешка, крестъ-на-крестъ волосами перевязанные).

Христина (поднявъ). А это что такое?

Чудихина. А это корешки, свѣтъ мой, на которыхъ нашептано. Я ихъ ношу всегда, чтобъ и меня-таки любили.

---

[1]) Урокъ—сглазъ.

Явленіе 2-е.

Прежніе и Мавра.

Мавра (Чудихиной). Что, сударыня, вы такъ стонете?

Чудихина. Окаянная, ты меня разсказами своими уморила!

Мавра. Да можно ль было мнѣ вообразить, что вы отъ одного слова, которое ничего не значитъ, испугаетесь?

Чудихина. Ахъ! Умереть мнѣ нынѣшній годъ, всемѣрно (плачетъ), всемѣрно умереть. Не даромъ третьяго дни курица у меня пѣтухомъ кричала. Я, правду сказать, приказала ее отъ того мѣста, гдѣ она сидѣла, черезъ голову до порога кувыркать, чтобъ узнать, голову ли, или хвостъ у ней отрубить. Жеребій палъ на голову, и какъ мнѣ сказали, такъ велѣла ей отрѣзать голову. Хоть насѣдка и добра была, да—провались она,—свой животъ всего дороже! Однако мнѣ умереть... хоть еще не такія лѣта... а многія живутъ себѣ... да веселятся.. которымъ бы и давно уже умирать надобно. Охъ! охъ!

Явленіе 3-е.

Вѣстникова, Ханжахина, Христина, Чудихина и Мавра.

Чудихина. Сядемте хоть здѣсь; Мавра, подай, на чемъ сѣсть.

Вѣстникова (Маврѣ не вслухъ). Мавра, пошли къ Непустову, чтобъ онъ и съ Молокососовымъ поскорѣе сюда пріѣхалъ. (Садятся. Мавра уходитъ. Чудихиной). Неужто ты по сю пору не опомнилась? ништо тебѣ! Для чего ты отговариваешь сестрицѣ выдать внучку за Молокососова? Вотъ Богъ тебя за то и наказалъ.

Чудихина. Я грѣшна! Что мнѣ дѣлать! люблю разбивать свадьбы и признаюсь, что для меня ничего нѣтъ пріятнѣе, какъ видѣть въ сватаньѣ разладъ. Вѣдаю, что дурно это, да удержаться не могу: какъ-таки не промолвить словца? А молвится всегда худое. Я ужъ и отцу духовному не одинъ разъ въ этомъ каялась. Всѣхъ амурщиковъ я съ природы ненавижу, и гдѣ только ни услышу про любовь, такъ тутъ врагъ меня и всунетъ!

Вѣстникова. Ну, такъ я утѣшу. Вѣдь у Принковой разошелся ладъ съ Краткобрадымъ. Мужъ свѣдалъ и, сказываютъ, жену-то прибилъ, да и бросилъ; а никто не знаетъ, какой дьяволъ ему на ухо шепнулъ. Кажется, онъ не изъ премудрыхъ и передъ ногами мало видитъ, а жена-то сама у себя... Какъ-бы ему догадаться?.. Не вѣдаю.

Чудихина. А я такъ вѣдаю, да и не дешево мнѣ стало это узнать.

Вѣстникова. Скажи, пожалуй, какъ?

Чудихина. Я согрѣшила, окаянная; научила своего дворецкаго, чтобъ онъ подкупилъ ихъ людей. Онъ это сдѣлалъ, а люди все и проболтали... Высказали, гдѣ у нихъ съѣзды, какъ и долго ли они видятся. А послѣ я сама посылала за ними своего человѣка верхомъ—подсматривать, и знала всегда объ ихъ свиданьи. Потомъ удалось мнѣ и письма ихъ получить въ свои руки, да какъ мнѣ до нихъ нужды нѣтъ, такъ я, чрезъ третьи руки, приказала ихъ вмѣсто жены отдать мужу. Вѣдь все равно, у жены ли они, или у мужа въ рукахъ: одинъ домъ, одна семья.

Вѣстникова. Да тебѣ-то что въ томъ прибыли? Ни она твоя дочь, ни она твоя племянница: кто тебя къ ней приставилъ? Ну, пусть бы поразсказать кому, это иное дѣло: слово на вороту не виситъ. А то... отдать мужу письма! На что это?

Чудихина. Можно ли этакой срамъ въ городѣ терпѣть?.. Никто за этакими пакостьми не смотритъ; вчужѣ, право, досадно. Однакожъ я сдѣлала по своему: таки разорвала; а право, мой свѣтъ, сто рублей мнѣ это стало! И жаль денегъ-то, да радуюсь, что удалось... Боялись же они меня очень.

Ханжахина. Сто рублей! Куда какая бѣда! какая ты мотовка! Не дивно, что у тебя почти никогда копѣйки въ домѣ нѣтъ. Лучше бъ ты сто-то рублей отдала въ ростъ, такъ однихъ указныхъ процентовъ дошло бы тебѣ по полтинѣ съ рубля въ мѣсяцъ, а закладъ закладомъ.

Чудихина. Что мнѣ въ полтинѣ? Свое удовольствіе стоитъ полтины. Чѣмъ нынѣче позабавиться? Вѣдь и такъ въ безконечной живемъ скукѣ и печали; таки нигдѣ радости-то нынѣче не увидишь! Съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ совсѣмъ сталъ превратенъ, и науки-то чужія врагъ къ намъ принесъ, такъ все стало и дурно, и время-то безтолково. Охъ-хо-хо! Хоть бы эту-то горесть съ рукъ сбыть, да пристроить бы малаго-то куда-нибудь къ мѣсту! Николашку-то моего бѣднаго... Онъ меня съѣдаетъ.

Вѣстникова. Вѣдь время еще не ушло. Сынъ твой Николашка еще молодъ.

Чудихина. Осьмнадцать уже лѣтъ, матушка.

Вѣстникова. А собою очень хорошъ?

Чудихина. Хорошъ, по несчастію: ты не повѣришь, сколько и пригожество-то его мнѣ слезъ навело. Кто ни увидитъ, всякъ ему дивится: куда какъ хорошъ, куда какъ пригожъ! Всякій это и говоритъ, а онъ урочливъ, мой свѣтъ, такъ урочливъ, что нельзя больше. То-и-дѣло и я, и мама попеременно его слизываемъ... Только и то уже не помогаетъ. Не одну уже и огневую онъ схватилъ отъ уроковъ и отъ пригляда.

Ханжахина. Да ты бы лучше за нимъ смотрѣла, да не всюду бы пускала, такъ и онъ бы, и лошадки-то бы здоровы были.

Чудихина. И такъ, кажется, какъ глазъ свой его берегу. Во всю зиму съ лежанки онъ у меня не сходитъ, а когда боленъ, то, кромѣ блиновъ и

сластей, ничѣмъ не кормлю. Одинъ разъ такъ-то въ болѣзни нивѣсть какъ захотѣлось ему теши съ кислыми щами; это любимое его кушанье, да еще тѣльное также онъ любитъ; однако я не дала, какъ онъ ни сердился. Какъ не беречь, свѣтъ мой? Онъ у меня одинъ, какъ порохъ въ глазу! Еще до самой прошлой осени все мама у него въ головахъ спала, чтобы-таки и ночью-бъ-то чего не причудилось. Больше никакъ уже смотрѣть нельзя; а онъ со всѣмъ тѣмъ все худѣетъ, все печалится. Вѣдь онъ здѣсь въ командѣ, такъ нападки на него великія...

Вѣстникова. Отъ кого нападки?

Чудихина. Отъ командировъ. Онъ въ Питерѣ-то не бывалъ, а все въ здѣшней командѣ числится; да не могу выпросить, чтобъ и капраломъ-то его сдѣлали. Ужъ я и дарывала, кому надлежитъ, да все не помогаетъ: говорятъ, что неграмотенъ; а онъ, мой голубчикъ, и азбуку уже доучилъ, да скоро и Часословъ начнетъ.

(Христина, закрываясь, смѣется, а Ханжахина говоритъ).

Ханжахина. Ты чему, матка моя, смѣешься?

Христина. Да какъ, бабушка-сударыня, не смѣяться: восемнадцати лѣтъ парень часовникъ учитъ! Вѣдь онъ не дѣвушка, ему не стыдно умѣть письма писать.

Ханжахина. А ты бы этого не примѣчала! Перестань!

Чудихина. Кабы и у меня дочь была, меньше бы и я имѣла заботы. На что дѣвку учить грамотѣ? имъ ни къ чему грамота не надобна: меньше дѣвка знаетъ, такъ меньше вретъ. Я принуждена была матушкѣ своей побожиться, что до пятидесяти лѣтъ пера въ руки не возьму. Да полно, что! нынѣче и дѣвокъ-то всему, сказываютъ, въ Питерѣ учатъ... Быть добру! (Христинѣ). А ты еще молоденька; тебѣ бъ и не надобно надъ нами, старушками, смѣяться: сама, мой свѣтъ, стара будешь... Эхъ, какъ я засидѣлась! А мнѣ пора ѣхать, нужда великая! Надобно мѣстахъ въ двухъ побывать, да кое о чемъ поговорить. Прощайте.

(Поклонясь, уходитъ).

Ханжахина (вслѣдъ). Прости, Богъ съ тобой! Не забудь, что услышишь, и намъ сказать.

Явленіе 4-е.

Вѣстникова, Ханжахина и Христина.

Вѣстникова. Насилу эту дуру выжили.

Ханжахина. За что ты ее бранишь, сестрица?

Вѣстникова. За то, что она вздоръ несетъ, а тебя, сестрица, съ пути сбиваетъ.

Ханжахина. Да вѣдь и сама ты давича отговаривала мнѣ выдавать внучку за Молокососова; за что жъ теперь всю вину кладешь на Чудихину? Куда, сестрица, какъ ты вѣтрена!

Вѣстникова. Ужъ будто я вѣтрена! Я немножко жива только. Да какъ бы то ни было, оставимъ это. Христина родилась въ сорочкѣ, ты это сама мнѣ сказывала; а Молокососовъ и хорошъ, и пригожъ, и богатъ, и знатенъ, такъ чего жъ этого лучше! Она и будетъ счастлива.

Ханжахина. Да, сестрица, у меня у самой пятнадцать было дѣтокъ, считая и отца Христинина, да всѣ за грѣхи мои померли. Одна она отъ покойнаго сына моего Василья осталась; да, правду сказать, и родилась она со всѣми счастливыми примѣтами: и въ сорочкѣ, и въ волоскахъ, и три раза, родясь, прокричала, и для того, сестрица, я всю надежду мою на старости въ ней полагаю.

Явленіе 5-е.

Ханжахина, Вѣстникова, Христина и Непустовъ.

Вѣстникова. Добро пожаловать, сударь; сестрица моя желаетъ васъ видѣть, чтобъ окончать начатое дѣло.

Непустовъ. Мнѣ весьма это пріятно, сударыня; а паче, что намъ нельзя долѣе здѣсь жить. И давича бъ къ концу мы пришли, если бъ вы этого молодого человѣка столько не оскорбили.

Вѣстникова. И, батька! Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ!

Ханжахина. Да, хорошо бъ сегодня окончать! И я съ благословеніемъ Божіимъ сама того желаю, только одно меня страшитъ...

Непустовъ. А что жъ бы это такое? Чего вы опасаетесь?

Ханжахина. Сегодня вѣдь понедѣльникъ, да къ тому жъ и первое число мѣсяца, а я ничего въ такіе дни никогда не начинаю. Примѣта худа! Много образцовъ бывало, да и покойный мой мужъ меня утвердилъ въ этомъ; за десять лѣтъ до смерти своей—помяни его, Господи!—предсказалъ онъ однажды въ понедѣльникъ, что онъ умретъ. А то и сбылось!

Непустовъ. Да это дѣло надлежитъ окончать, а не начинать сегодня.

Вѣстникова. Это правда, сестрица, сватовство-то вѣдь не сегодня началось! Такъ скажи начисто, отдаешь ли ты за Молокососова внучку, или нѣтъ? Но вотъ онъ и самъ идетъ.

Явленіе 6-е.

Ханжахина, Вѣстникова, Христина, Непустовъ, Молокососовъ и Мавра.

Молокососовъ. Я бы не осмѣлился, сударыня, еще разъ передъ вами показаться, если бъ другъ мой не увѣдомилъ меня, что вамъ это противно не будетъ.

Вѣстникова. Полно, батька мой, объ этомъ говорить; старое все позабыто. Скажи-тка намъ: имѣешь ли ты прежнее намѣреніе жениться?

Молокососовъ. Я бъ весьма былъ счастливъ, если бъ желаніе мое исполнилось, и могъ бы я получить соизволеніе отъ той, въ чьей власти и невѣста моя и благополучіе мое состоитъ.

Вѣстникова (Ханжахиной). Слышишь ли ты, сестрица? Что жъ ты не отвѣтствуешь? Видишь ты, какой это изрядный молодецъ!

Ханжахина. Я еще и съ Христиною не говорила: вѣдь надобно и ее спросить, не противенъ ли ей женихъ-атъ.

Вѣстникова. Какъ быть противну? Я бъ, право, и сама его полюбила,—таковъ-то онъ! Однако спросимъ Христину. (Христинѣ). Христинушка, не противенъ ли тебѣ суженый, котораго мы тебѣ выбрали?

Мавра. Я за нее отвѣтствую, сударыня, что она изъ воли бабушкиной не выступитъ.

Вѣстникова. Да для чего жъ ты, душа моя, сама не говоришь? Скажи: милъ ли онъ тебѣ?

(Между тѣмъ Ханжахина шепчетъ).

Христина. Воля бабушкина, сударыня.

Вѣстникова. Да долго ли этому быть, сестрица? Ну-тка, благословясь, да рука въ руку. (Беретъ Ханжахиной руку и даетъ ее насильно Непустову). А и за тебя скажу: господинъ Непустовъ, сестра моя согласна; внучку свою отдаетъ за господина Молокососова и при благословеніи Божескомъ ей въ приданыя пятьдесятъ тысячъ рублей: это ужъ я давно знаю.

Ханжахина (дергая Вѣстникову за платье). Сестрица, съ умомъ ли ты? Этого много. Я не могу столько дать. Охъ!.. бѣдная я!

Молокососовъ. Не приданое меня прельщаетъ, сударыня; вы хоть столько дайте, хотя нѣтъ,—для меня все равно; лишь только внукомъ своимъ меня называйте.

Ханжахина. Ну... быть такъ... что дѣлать, разставаться съ деньгами... разставаться съ душою... Христина... охъ!.. горе мнѣ! Христина, вотъ тебѣ женихъ!

Непустовъ. Для прекращенія лишнихъ убытковъ, не согласитесь ли, сударыня, въ будущую среду въ моей подмосковной сдѣлать свадьбу?

Ханжахина. Хорошо, батюшка, я согласна. Середу я паче прочихъ дней отмѣнно всегда любила; да вѣдь и коштъ-атъ вашъ тамо будетъ. Мнѣ не изъ чего, не изъ чего, право, дѣлать теперь банкетовъ.

Непустовъ. Объ этомъ не заботьтесь, сударыня.

Ханжахина (Молокососову). Да деньги-то приданыя отдашь ли въ ростъ? Вѣдь не шутка, мой свѣтъ! Пòтомъ онѣ наживаны... пòтомъ... Охъ!

Вѣстникова. Полно объ этомъ говорить, пойдемъ рядную писать. Да въ крестовой священникъ есть, такъ благословясь да помолвимъ.

Ханжахина. Ну... что жъ дѣлать... пойдемте. (Отходитъ).

Явленіе послѣднее.

Мавра (одна). Вотъ такъ нашъ вѣкъ проходитъ! Всѣхъ осуждаемъ, всѣхъ цѣнимъ, всѣхъ пересмѣхаемъ и злословимъ, а этого не видимъ, что и смѣха и осужденія сами достойны. Когда предубѣжденія заступаютъ въ насъ мѣсто здраваго разсудка, тогда сокрыты отъ насъ собственные пороки, а явны только погрѣшности чужія: видимъ мы сучокъ въ глазу ближняго, а въ своемъ и бревна не видимъ.

Фонвизинъ.

НЕДОРОСЛЬ.

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Явленіе 1-е.

Г-жа Простакова, Митрофанъ, Еремѣевна.

Г-жа Простакова (осматривая кафтанъ на Митрофанѣ). Кафтанъ весь испорченъ. Еремѣевна, введи сюда мошенника Тришку. (Еремѣевна отходитъ). Онъ, воръ, вездѣ его обузилъ. Митрофанушка, другъ мой! я, чаю тебя жметъ до смерти. Позови сюда отца. (Митрофанъ отходитъ).

Явленіе 2-е.

Г-жа Простакова, Еремѣевна, Тришка.

Г-жа Простакова (Тришкѣ). А ты, скотъ, подойди поближе. Не говорила ль я тебѣ, воровская харя, чтобъ ты кафтанъ пустилъ шире. Дитя, первое, растетъ; другое, дитя и безъ узкаго кафтана деликатнаго сложенія. Скажи, болванъ, чѣмъ ты оправдаешься?

Тришка. Да вѣдь я, сударыня, учился самоучкой. Я тогда же вамъ докладывалъ: ну, да изволите отдавать портному.

Г-жа Простакова. Такъ развѣ необходимо надобно быть портнымъ, чтобъ умѣть сшить кафтанъ хорошенько? Экое скотское разсужденіе!

Тришка. Да вѣдь портной-то учился, сударыня, а я нѣтъ.

Г-жа Простакова. Еще онъ же и споритъ! Портной учился у другого, другой у третьяго; да первоетъ портной у кого учился? Говори, скотъ.

Тришка. Да первоетъ портной, можетъ быть, шилъ хуже и моего.

Митрофанъ (вбѣгая). Звалъ батюшку. Изволилъ сказать: тотчасъ.

Г-жа Простакова. Такъ поди же, вытащи его, коли добромъ не дозовешься.

Митрофанъ. Да вотъ и батюшка.

Явленіе 3-е.

Тѣ же и Простаковъ.

Г-жа Простакова. Что, что ты отъ меня прятаться изволишь? Вотъ, сударь, до чего я дожила съ твоимъ потворствомъ! Какова сыну обновка къ дядину сговору? Каковъ кафтанецъ Тришка сшить изволилъ?

Простаковъ (отъ робости запинаясь). Мѣ... мѣшковатъ немного.

Г-жа Простакова. Самъ ты мѣшковатъ, умная голова.

Простаковъ. Да я думалъ, матушка, что тебѣ такъ кажется.

Г-жа Простакова. А ты самъ развѣ ослѣпъ?

Простаковъ. При твоихъ глазахъ мои ничего не видятъ.

Г-жа Простакова. Вотъ какимъ муженькомъ наградилъ меня Господъ: не смыслитъ самъ разобрать, что широко, что узко.

Простаковъ. Въ этомъ я тебѣ, матушка и вѣрилъ, и вѣрю.

Г-жа Простакова. Такъ вѣрь же и тому, что я холопямъ потакать не намѣрена. Поди, сударь, и теперь же накажи...

Явленіе 4-е.

Тѣ же и Скотининъ.

Скотининъ. Кого? За что? Въ день моего сговора! Я прошу тебя, сестрица, для такого праздника отложить наказаніе до завтраго; а завтра, коль изволишь, я и самъ охотно помогу. Не будь я Тарасъ Скотининъ, если у меня не всякая вина виновата. У меня въ этомъ, сестрица, одинъ обычай съ тобою. Да за что жъ ты такъ прогнѣвалась?

Г-жа Простакова. Да вотъ, братецъ, на твои глаза пошлюсь. Митрофанушка, подойди сюда. Мѣшковатъ ли этотъ кафтанъ?

Скотининъ. Нѣтъ.

Простаковъ. Да я и самъ уже вижу, матушка, что онъ узокъ.

Скотининъ. Я и этого не вижу. Кафтанецъ, братъ, сшитъ изряднехонько.

Г-жа Простакова (Тришкѣ). Выйди вонъ, скотъ. (Еремѣевнѣ). Поди жъ, Еремѣевна, дай позавтракать ребенку. Вѣдь я, чаю, скоро и учители прійдутъ.

Еремѣевна. Онъ уже и такъ, матушка, пять булочекъ скушать изволилъ.

Г-жа Простакова. Такъ тебѣ жаль шестой, бестія? Вотъ какое усердіе! Изволь смотрѣть!

Еремѣевна. Да во здравіе, матушка. Я вѣдь сказала это для Митрофана же Терентьевича. Протосковалъ до самаго утра.

Г-жа Простакова. Ахъ, Мати Божія! Что съ тобою сдѣлалось, Митрофанушка?

Митрофанъ. Такъ матушка. Вчера послѣ ужина схватило.

Скотининъ. Да видно, братъ, поужиналъ плотно.

Митрофанъ. А я, дядюшка, почти и вовсе не ужиналъ.

Простаковъ. Помнится, другъ мой, ты что-то скушать изволилъ.

Митрофанъ. Да что? Солонины ломтика три, да подовыхъ, не помню,— пять, не помню,—шесть.

Еремѣевна. Ночью то и дѣло испить просилъ. Квасу цѣлый кувшинецъ выкушать изволилъ.

Митрофанъ. И теперь какъ шальной хожу. Ночь всю такая дрянь въ глаза лѣзла.

Г-жа Простакова. Какая жъ дрянь, Митрофанушка?

Митрофанъ. Да то ты, матушка, то батюшка.

Г-жа Простакова. Какъ же это?

Митрофанъ. Лишь стану засыпать, то и вижу, будто ты, матушка, изволишь бить батюшку.

Простаковъ (въ сторону). Ну! бѣда моя! Сонъ въ руку!

Митрофанъ (разнѣжась). Такъ мнѣ и жаль стало.

Г-жа Простакова (съ досадою). Кого, Митрофанушка?

Митрофанъ. Тебя, матушка; ты такъ устала, колотя батюшку.

Г-жа Простакова. Обойми меня, другъ мой сердечный! Вотъ сынокъ—одно мое утѣшеніе!

Скотининъ. Ну, Митрофанушка! ты, я вижу, матушкинъ сынокъ, а не батюшкинъ.

Простаковъ. По крайней мѣрѣ я люблю его, какъ надлежитъ родителю; то-то умное дитя, то-то разумное, забавникъ, затѣйникъ! Иногда я отъ него внѣ себя, отъ радости самъ истинно не вѣрю, что онъ мой сынъ.

Скотининъ. Только теперь забавникъ нашъ стоитъ что-то нахмурясь.

Г-жа Простакова. Ужъ не послать ли за докторомъ въ городъ?

Митрофанъ. Нѣтъ, нѣтъ матушка. Я ужъ лучше самъ выздоровлю. Побѣгу-тка теперь на голубятню, такъ авось либо...

Г-жа Простакова. Такъ авось либо Господь милостивъ. Поди, порѣзвись, Митрофанушка. (Митрофанъ съ Еремѣевною отходятъ).

Явленіе 5-е.

Г-жа Простакова, Простаковъ, Скотининъ.

Скотининъ. Что жъ я не вижу моей невѣсты? Гдѣ она? Ввечеру быть уже сговору, такъ не пора ли ей сказать, что выдаютъ ее замужъ?

Г-жа Простакова. Успѣемъ, братецъ. Если ей это сказать прежде времени, то она можетъ еще подумать, что мы ее докладываемся. Хотя по мужѣ, однако, я ей свойственница, а я люблю, чтобъ и чужіе меня слушали.

Простаковъ (Скотинину). Правду сказать, мы поступили съ Софьюшкой, какъ съ сущею сироткой. Послѣ отца осталась она младенцемъ. Тому съ полгода, какъ ея матушкѣ, а моей сватьюшкѣ, сдѣлался ударъ...

Г-жа Простакова (показываетъ, будто креститъ сердце). Съ нами сила крестная.

Простаковъ. Отъ котораго она и на тотъ свѣтъ пошла. Дядюшка ея, г. Стародумъ, поѣхалъ въ Сибирь; а какъ нѣсколько уже лѣтъ не было о немъ ни слуху, ни вѣсти, то мы и считаемъ его покойникомъ. Мы, видя, что она осталась одна, взяли ее въ нашу деревеньку и надзираемъ надъ ея имѣніемъ, какъ надъ своимъ.

Г-жа Простакова. Что, что ты такъ сегодня разоврался, мой батюшка? Еще братецъ можетъ подумать, что мы для интересу ее къ себѣ взяли.

Простаковъ. Ну какъ, матушка, ему это подумать? Вѣдь Софьюшкино недвижимое имѣніе намъ къ себѣ придвинуть не можно.

Скотининъ. А движимое хотя и выдвинуто, я не челобитчикъ. Хлопотать я не люблю, да и боюсь. Сколько меня сосѣди ни обижали, сколько убытку ни дѣлали, я ни на кого не билъ челомъ; а всякій убытокъ, чѣмъ за нимъ ходить, сдеру съ своихъ же крестьянъ,—такъ и концы въ воду.

Простаковъ. То правда, братецъ: весь околотокъ говоритъ, что ты мастерски оброкъ собираешь.

Г-жа Простакова. Хоть бы ты насъ поучилъ, братецъ батюшка; а мы никакъ не умѣемъ. Съ тѣхъ поръ какъ все, что у крестьянъ ни было, мы отобрали, ничего уже содрать не можемъ. Такая бѣда!

Скотининъ. Изволь, сестрица, поучу васъ, поучу, лишь жените меня на Софьюшкѣ.

Г-жа Простакова. Неужели тебѣ эта дѣвчонка такъ понравилась?

Скотининъ. Нѣтъ, мнѣ нравится не дѣвчонка.

Простаковъ. Такъ по сосѣдству ея деревеньки?

Скотининъ. И не деревеньки; а то, что въ деревенькахъ-то ея води до чего моя смертная охота.

Г-жа Простакова. До чего, братецъ?

Скотининъ. Люблю свиней, сестрица; а у насъ въ околоткѣ такія крупныя свиньи, что нѣтъ изъ нихъ ни одной, котора, ставъ на задни ноги, не была бы выше каждаго изъ насъ цѣлой головою.

Простаковъ. Странное дѣло, братецъ, какъ родня на родню походить можетъ! Митрофанушка нашъ весь въ дядю—и онъ до свиней сызмала такой же охотникъ, какъ и ты. Какъ былъ еще трехъ лѣтъ, такъ, бывало, увидя свинью, задрожитъ отъ радости.

Скотининъ. Это, подлинно, диковинка! Ну, пусть, братецъ, Митрофанъ любитъ свиней для того, что онъ мой племянникъ. Тутъ есть какое нибудь сходство; да отчего же я къ свиньямъ такъ сильно пристрастился?

Простаковъ. И тутъ есть же какое-нибудь сходство. Я такъ разсуждаю.

Явленіе 6-е.

Тѣ же и Софья.

(Софья вошла, держа письмо въ рукѣ и имѣя веселый видъ).

Г-жа Простакова (Софьѣ). Что такъ весела, матушка? Чему обрадовалась?

Софья. Я получила сейчасъ радостное извѣстіе. Дядюшка, о которомъ столь долго мы ничего не знали, котораго я люблю и почитаю, какъ отца моего, на сихъ дняхъ въ Москву пріѣхалъ. Вотъ письмо, которое я отъ него теперь получила.

Г-жа Простакова (испугавшись, съ злобою). Какъ, Стародумъ, твой дядюшка, живъ? И ты изволишь затѣвать, что онъ воскресъ! Вотъ изрядный вымыселъ!

Софья. Да онъ никогда не умиралъ.

Г-жа Простакова. Не умиралъ: А развѣ ему и умереть нельзя? Нѣтъ, сударыня, это твои вымыслы, чтобъ дядюшкою своимъ насъ застращать, чтобъ мы дали тебѣ волю. Дядюшка-де человѣкъ умный; онъ, увидя меня въ чужихъ рукахъ, найдетъ способъ меня выручить. Вотъ чему ты рада, сударыня; однако, пожалуй, не очень веселись; дядюшка твой, конечно, не воскресалъ.

Скотининъ. Сестра! Ну, да коли не умиралъ?

Простаковъ. Избави Боже, коли онъ не умиралъ.

Г-жа Простакова (къ мужу). Какъ не умиралъ? Что ты бабушку путаешь? Развѣ ты не знаешь, что ужъ нѣсколько лѣтъ отъ меня его и въ памятцахъ за упокой поминали? Неужто таки и грѣшныя-то мои молитвы не доходили? (Къ Софьѣ). Письмецо ты мнѣ пожалуй (почти вырываетъ). Я объ закладъ бьюсь, что оно какое-нибудь амурное, и догадываюсь, отъ кого. Это отъ того офицера, который искалъ на тебѣ жениться и за котораго ты сама идти хотѣла. Да которая бестія безъ моего спросу отдаетъ тебѣ письма?

Я доберусь! Вотъ до чего дожили: къ дѣвушкамъ письма пишутъ, дѣвушки грамотѣ умѣютъ!

Софья. Прочтите его сами, сударыня: вы увидите, что ничего невиннѣе быть не можетъ.

Г-жа Простакова. Прочтите его сами! Нѣтъ, сударыня! я, благодаря Бога, не такъ воспитана. Я могу письма получать, а читать ихъ всегда велю другому. (Къ мужу). Читай.

Простаковъ (долго смотря). Мудрено.

Г-жа Простакова. И тебя, мой батюшка, видно воспитывали, какъ красную дѣвицу. Братецъ, прочти, потрудись.

Скотининъ. Я? Я и отъ роду ничего не читывалъ, сестрица! Богъ меня избавилъ этой скуки.

Софья. Позвольте мнѣ прочесть.

Г-жа Простакова. О, матушка, знаю, что ты мастерица, да лихъ не очень тебѣ вѣрю. Вотъ, я чаю, учитель Митрофанушкинъ скоро пріѣдетъ: ему велю...

Скотининъ. А ужъ зачали молодца учить грамотѣ?

Г-жа Простакова. Ахъ, батюшка братецъ! ужъ года четыре какъ учится. Нечего, грѣхъ сказать, чтобъ мы не старались воспитывать Митрофанушку: троимъ учителямъ денежки платимъ. Для грамоты ходитъ къ нему дьячекъ отъ Покрова—Кутейкинъ. Арихметикѣ учитъ его, батюшка, одинъ отставной сержантъ Цыфиркинъ. Оба они приходятъ сюда изъ города. Вѣдь отъ насъ и городъ въ трехъ верстахъ, батюшка. По-французски и всѣмъ наукамъ обучаетъ его нѣмецъ—Адамъ Адамычъ Вральманъ. Этому по триста рубликовъ на годъ; сажаемъ за столъ съ собою; бѣлье его наши бабы моютъ; куда надобно — лошадь; за столомъ стаканъ вина; на ночь сальная свѣча, и парикъ направляетъ нашъ же Ѳомка даромъ. Правду сказать, и мы имъ довольны, батюшка братецъ: онъ ребенка не неволитъ. Вѣдь, мой батюшка, пока Митрофанушка еще въ недоросляхъ, пота его и понѣжить; а тамъ, лѣтъ черезъ десятокъ, какъ войдетъ, избави Боже, въ службу, всего натерпится. Какъ кому счастіе на роду написано. братецъ! Изъ нашей же фамиліи Простаковыхъ, смотри-ка, на боку лежа, летятъ себѣ въ чины. Чѣмъ же плоше ихъ Митрофанушка? Ба! Да вотъ пожаловалъ кстати дорогой нашъ постоялецъ.

Явленіе 7-е.

Тѣ же и Правдинъ.

Г-жа Простакова. Братецъ, другъ мой, рекомендую вамъ дорогого гостя нашего, господина Правдина; а вамъ, государь мой, рекомендую брата моего.

Правдинъ. Радуюсь, сдѣлавъ ваше знакомство.

Скотининъ. Хорошо, государь мой; а какъ по фамиліи? Я не дослышалъ.

Правдинъ. Я называюсь Правдинъ, чтобъ вы дослышали.

Скотининъ. Какой уроженецъ, государь мой? Гдѣ деревеньки?

Правдинъ. Я родился въ Москвѣ, ежели вамъ то знать надобно, а деревни мои въ здѣшнемъ намѣстничествѣ.

Скотининъ, А смѣю ли спросить, государь мой, имени и отчества не знаю: въ деревенькахъ вашихъ водятся ли свинки?

Г-жа Простакова. Полно, братецъ, о свиньяхъ-то начинать. Поговоримъ-ка лучше о нашемъ горѣ. (Къ Правдину). Вотъ, батюшка! Богъ велѣлъ намъ взять на свои руки дѣвицу. Она изволитъ получать грамотки отъ дядюшекъ; къ ней съ того свѣта дядюшки пишутъ. Сдѣлай милость, мой батюшка, потрудись, прочти всѣмъ намъ вслухъ.

Правдинъ. Извините меня, сударыня, я никогда не читаю писемъ безъ позволенія тѣхъ, къ кому они писаны.

Софья. Я васъ о томъ прошу. Вы меня тѣмъ очень одолжите.

Правдинъ. Если вы приказываете (Читаетъ):

„Любезная племянница! Дѣла мои принудили меня жить нѣсколько лѣтъ въ разлукѣ со своими ближними; а дальность лишила меня удовольствія имѣть о васъ извѣстія. Я теперь въ Москвѣ, проживъ нѣсколько лѣтъ въ Сибири. Я могу служить примѣромъ, что трудами и честностію состояніе свое сдѣлать можно. Сими средствами, съ помощію счастія, нажилъ я десять тысячъ рублей доходу“...

Скотининъ и оба Простаковы. Десять тысячъ!

Правдинъ (читаетъ). „...которымъ тебя, моя любезная племянница, тебя дѣлаю наслѣдницею“...

Г-жа Простакова. Тебя наслѣдницею!
Простаковъ. Софью наслѣдницею!
Скотининъ. Ее наслѣдницею!
} Вмѣстѣ.

Г-жа Простакова (бросаясь обнимать Софью). Поздравляю, Софьюшка, поздравляю, душа моя! Я внѣ себя отъ радости! Теперь тебѣ надобенъ женихъ. Я, я лучшей невѣсты и Митрофанушкѣ не желаю. То-то дядюшка! То-то отецъ родной! Я и сама все-таки думала, что Богъ его хранитъ, что онъ еще здравствуетъ.

Скотининъ (протянувъ руку). Ну, сестрица, скорѣй же по рукамъ.

Г-жа Простакова (тихо Скотинину). Постой, братецъ, сперва надобно спросить ее, хочетъ ли еще она за тебя выйти?

Скотининъ. Какъ! Что за вопросъ! Неужто ты ее докладываться станешь?

Правдинъ. Позволите ли письмо дочитать?

Скотининъ. А на что? Да хоть пять лѣтъ читай, лучше десяти тысячъ не дочитаешься.

Г-жа Простакова (къ Софьѣ). Софьюшка, душа моя! пойдемъ ко мнѣ въ спальню. Мнѣ крайняя нужда съ тобой поговорить (увела Софью).

Скотининъ. Ба! Такъ я вижу, что сегодня сговору-то врядъ и быть ли.

Явленіе 8-е.

Правдинъ, Простаковъ, Скотининъ, слуга.

Слуга (къ Простакову, запыхавшись). Баринъ! баринъ! Солдаты пришли, остановились въ нашей деревнѣ.

Простаковъ. Какая бѣда! Ну! разорятъ насъ до конца!

Правдинъ. Чего вы испугались?

Простаковъ. Ахъ ты, отецъ родной! Мы ужъ видали виды. Я къ нимъ и появиться не смѣю.

Правдинъ. Не бойтесь. Ихъ, конечно, ведетъ офицеръ, который не допуститъ ни до какой наглости. Пойдемъ къ нему со мною. Я увѣренъ, что вы рабѣете напрасно. (Правдинъ, Простаковъ и слуга отходятъ).

Скотининъ. Всѣ меня одного оставили. Пойти-было прогуляться на скотный дворъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Явленіе 1-е.

Правдинъ, Милонъ.

Милонъ. Какъ я радъ, мой любезный другъ, что нечаянно увидѣлся съ тобою! Скажи, какимъ случаемъ...

Правдинъ. Какъ другъ, открою тебѣ причину моего здѣсь пребыванія. Я опредѣленъ членомъ въ здѣшнемъ намѣстничествѣ; имѣю повелѣніе объѣхать здѣшній округъ; а при томъ, изъ собственнаго подвига сердца моего, не оставляю замѣчать тѣхъ злонравныхъ невѣжъ, которые, имѣя надъ людьми своими полную власть, употребляютъ ее во зло безчеловѣчно. Ты знаешь образъ мыслей нашего намѣстника. Съ какою ревностію помогаетъ онъ страждущему человѣчеству! Съ какимъ усердіемъ исполняетъ онъ тѣмъ самимъ человѣколюбивые виды высшей власти! Мы въ нашемъ краю сами испытали, что гдѣ намѣстникъ таковъ, каковымъ изображенъ намѣстникъ въ Учрежденіи, тамъ благосостояніе обитателей вѣрно и надежно. Я живу здѣсь уже три дня. Нашелъ помѣщика дурака безсчетнаго, а жену—презлую фурію, которой адскій нравъ дѣлаетъ несчастье цѣлаго ихъ дома. Ты что задумался, мой другъ? Скажи мнѣ, долго ль здѣсь останешься?

Милонъ. Черезъ нѣсколько часовъ иду отсюда.

Правдинъ. Что такъ скоро? Отдохни.

Милонъ. Не могу. Мнѣ велѣно и солдатъ вести безъ замедленія... Да сверхъ того, я самъ горю нетерпѣніемъ быть въ Москвѣ.

Правдинъ. Что причиною!

Милонъ. Открою тебѣ тайну сердца моего, любезный другъ. Я влюбленъ и имѣю счастіе быть любимъ. Больше полугода, какъ я въ разлукѣ съ той, которая мнѣ дороже всего на свѣтѣ, и, что еще горестнѣе, ничего не слыхалъ я о ней во все это время. Часто, приписывая молчаніе ея холодности, терзался я горестью; но вдругъ получилъ извѣстіе, которое меня поразило. Пишутъ ко мнѣ, что по смерти ея матери какая-то дальняя родня увезла ее въ свои деревни. Я не знаю: ни кто, ни куда. Можетъ быть, она теперь въ рукахъ какихъ-нибудь корыстолюбцевъ, которые, пользуясь сиротствомъ ея, содержатъ ее въ тиранствѣ. Отъ одной этой мысли я внѣ себя!

Правдинъ. Подобное безчеловѣчіе вижу и въ здѣшнемъ домѣ. Ласкаюсь однако положить скоро границы злобѣ жены и глупости мужа. Я увѣдомилъ уже обо всемъ нашего начальника и не сомнѣваюсь, что унять ихъ возьмутся мѣры.

Милонъ. Счастливъ ты, мой другъ, будучи въ состояніи облегчать судьбу несчастныхъ. Не знаю, что мнѣ дѣлать въ горестномъ моемъ положеніи?

Правдинъ. Позволь мнѣ спросить объ ея имени.

Милонъ (въ восторгѣ). А! Вотъ она сама.

Явленіе 2-е.

Тѣ же и Софья.

Софья. Милонъ! Тебя ли я вижу?

Правдинъ. Какое счастіе!

Милонъ. Вотъ та, которая владѣетъ моимъ сердцемъ. Любезная Софья, скажи мнѣ, какимъ случаемъ здѣсь нахожу тебя?

Софья. Сколько горестей терпѣла я со дня нашей разлуки! Безсовѣстные мои свойственники...

Правдинъ. Мой другъ! не спрашивай о томъ, что столько ей прискорбно... Ты узнаешь отъ меня, какія грубости...

Милонъ. Недостойные люди!

Софья. Сегодня однакожъ въ первый разъ здѣшняя хозяйка перемѣнила со мною свой поступокъ. Услыша, что дядюшка мой дѣлаетъ меня наслѣдницею, вдругъ изъ грубой и бранчивой сдѣлалась ласковою до самой низости; и я по всѣмъ ея обинякамъ вижу, что прочитъ меня въ невѣсты своему сыну.

Милонъ (съ нетерпѣніемъ). И ты не изъявила ей тотъ же часъ совершеннаго презрѣнія?

Софья. Нѣтъ...

Милонъ. И не сказала ей, что ты имѣешь сердечныя обязательства, что...

Софья. Нѣтъ.

Милонъ. А! теперь вижу мою погибель. Соперникъ мой счастливъ! Я не отрицаю въ немъ всѣхъ достоинствъ: онъ, можетъ быть, разуменъ, просвѣщенъ, любезенъ, но чтобъ могъ со мною сравниться въ моей къ тебѣ любви, чтобъ...

Софья (усмѣхаясь). Боже мой! Еслибъ ты его увидѣлъ, ревность твоя довела бы тебя до крайности!

Милонъ (съ негодованіемъ). Я воображаю всѣ его достоинства!

Софья. Всѣхъ и вообразить не можешь. Онъ хотя и шестнадцати лѣтъ, а достигъ уже до послѣдней степени своего совершенства, а далѣ не пойдетъ.

Правдинъ. Какъ далѣ не пойдетъ, сударыня? Онъ доучиваетъ Часословъ; а тамъ, думать надобно, примутся и за Псалтырь!

Милонъ. Такъ таковъ-то мой соперникъ! А! любезная Софья, на что ты и шуткою меня терзаешь? Ты знаешь, какъ легко страстный человѣкъ огорчается и малѣйшимъ подозрѣніемъ. Скажи жъ мнѣ, что ты ей отвѣчала? (Здѣсь Скотининъ идетъ по театру, задумавшись, и никто его не видитъ).

Софья. Я сказала, что судьба моя зависитъ отъ воли дядюшкиной, что онъ самъ сюда пріѣхать обѣщалъ въ письмѣ своемъ, котораго (къ Правдину) не позволилъ вамъ дочитать господинъ Скотининъ.

Милонъ. Скотининъ!

Скотининъ. Я!

Явленіе 3-е.

Тѣ же и Скотининъ.

Правдинъ. Какъ вы подкрались, господинъ Скотининъ! Этого бы я отъ васъ и не чаялъ.

Скотининъ. Я проходилъ мимо васъ. Услышалъ, что меня кличутъ, я и откликнулся. У меня такой обычай: кто вскрикнетъ—Скотининъ! а я ему: я! Что вы, братцы, и за правду? Я самъ служилъ въ гвардіи и отставленъ капраломъ. Бывало, на съѣзжей въ перекличкѣ какъ закричатъ: Тарасъ Скотининъ: а я во все горло: я!

Правдинъ. Мы васъ теперь не кликали, и вы можете идти, куда шли.

Скотининъ. Я никуда не шелъ, а брожу, задумавшись. У меня такой обычай, какъ что заберу въ голову, того изъ нея гвоздемъ не выколотишь. У меня, слышь ты, что вошло въ умъ, тутъ и засѣло. О томъ вся и дума, то только и вижу во снѣ, какъ на яву, а на яву какъ во снѣ.

Правдинъ. Что жъ бы васъ такъ теперь занимало?

Скотининъ. Охъ, братецъ, другъ ты мой сердечный, со мною чудеса

творятся. Сестрица моя вызвала меня скоро-наскоро изъ моей деревни въ свою, а коли также проворно вывезетъ меня изъ своей деревни въ мою, то могу предъ цѣлымъ свѣтомъ, по чистой совѣсти, сказать: ѣздилъ я ни по-што, привезъ ничего.

Правдинъ. Какая жалость, господинъ Скотининъ! Сестрица ваша играетъ вами, хакъ мячикомъ.

Скотининъ (озлобясь). Какъ мячикомъ? Оборони Богъ! Да я и самъ зашвырну ее такъ, что цѣлою деревней въ недѣлю не отыщутъ.

Софья. Ахъ, какъ вы разсердились!

Милонъ. Что съ вами сдѣлалось?

Скотининъ. Самъ ты, умный человѣкъ, поразсуди: привезла меня сестра сюда жениться, теперь сама же подъѣхала съ отводомъ: „Что-де тебѣ, братецъ, въ женѣ; была бы де у тебя, братецъ, хорошая свинья". Нѣтъ, сестра! я и своихъ поросятъ завести хочу. Меня не проведешь.

Правдинъ. Мнѣ и самому кажется, господинъ Скотининъ, что сестрица ваша помышляетъ о свадьбѣ, только не о вашей.

Скотининъ. Эка притча! Я другому не помѣха. Всякій женись на своей невѣстѣ. Я чужую не трону, и мою чужой не тронь же. (Софьѣ). Ты не бойсь, душенька: тебя у меня никто не перебьетъ.

Софья. Это что значитъ! Вотъ еще новое!

Милонъ (вскричалъ). Какая дерзость!

Скотининъ (къ Софьѣ). Чего жъ ты испугалась?

Правдинъ (къ Милону). Какъ ты можешь сердиться на Скотинина?

Софья (Скотинину). Неужели суждено мнѣ быть вашею женою?

Милонъ. Я насилу могу удержаться!

Скотининъ. Суженаго конемъ не объѣдешь, душенька! Тебѣ на твое счастье грѣхъ пенять. Ты будешь жить со мною припѣваючи. Десять тысячъ твоего доходу! Эко счастье привалило! да я столько родясь и не видывалъ; да я на нихъ всѣхъ свиней со бѣла свѣта выкуплю; да я, слышь ты, то сдѣлаю, что всѣ затрубятъ: въ здѣшнемъ-де околоткѣ и житье однѣмъ свиньямъ.

Правдинъ. Когда же у васъ могутъ быть счастливы одни только скоты, то женѣ вашей отъ нихъ и отъ васъ будетъ худой покой.

Скотининъ. Худой покой! Ба! ба! ба! Да развѣ свѣтлицъ у меня мало? Для нея одной отдамъ угольную съ лежанкой. Другъ ты мой сердечный, коли у меня теперь, ничего не видя, для каждой свинки хлѣвокъ особливый, то женѣ найду свѣтелку.

Милонъ. Какое скотское сравненіе!

Правдинъ (Скотинину). Ничему не бывать, господинъ Скотининъ. Я скажу вамъ напрямки: сестрица ваша прочитъ ее за сынка своего.

Скотининъ (озлобясь). Какъ! племяннику перебивать у дяди! Да я его на первой встрѣчѣ какъ чорта изломаю! Ну, будь я свиной сынъ, если я не буду ея мужемъ, или Митрофанъ уродомъ.

Явленіе 4-е.

Тѣ же, Еремѣевна и Митрофанъ.

Еремѣевна. Да поучись хоть немножечко.

Митрофанъ. Ну, еще слово молви, стара хрычевка, ужъ я те отдѣлаю! Я опять нажалуюсь матушкѣ: такъ она тебѣ изволить дать таску по вчерашнему.

Скотининъ. Подойди сюда, дружочекъ.

Еремѣевна. Изволь подойти къ дядюшкѣ.

Митрофанъ. Здорово, дядюшка! Что ты такъ ощетиниться изволилъ?

Скотининъ. Митрофанъ! гляди на меня прямѣе.

Еремѣевна. Погляди, батюшка.

Митрофанъ (Еремѣевнѣ). Да дядюшка что за невидальщина? Что ты на немъ увидишь?

Скотининъ. Еще разъ: гляди на меня прямѣе!

Еремѣевна. Да не гнѣви дядюшку. Вонъ, изволь посмотрѣть, батюшка, какъ онъ глазки-то вытаращилъ, и ты свои изволь такъ же вытаращить. (Скотининъ и Митрофанъ, вытаращивъ глаза, другъ на друга смотрятъ).

Милонъ. Вотъ изрядное объясненіе!

Правдинъ. Чѣмъ-то оно кончится?

Скотининъ. Митрофанъ! ты теперь отъ смерти на волоску. Скажи всю правду. Если бъ я грѣха не побоялся, я бы те, не говоря еще ни слова, за ноги, да объ уголъ; да не хочу губить души, не найдя виноватаго.

Еремѣевна (задрожала). Ахъ, уходитъ онъ его! Куда моей головѣ дѣваться?

Митрофанъ. Что ты, дядюшка? бѣлены объѣлся! Да я знать не знаю, за что ты на меня вскинуться изволилъ.

Скотининъ. Смотри жъ, не отпирайся, чтобъ я въ сердцахъ съ одного разу не вышибъ изъ тебя духу. Тутъ ужъ руки не подставишь. Мой грѣхъ: виноватъ Богу и государю. Смотри, на клепли жъ и на себя, чтобъ напрасныхъ побой не принять.

Еремѣевна. Избави Богъ напраслины!

Скотининъ. Хочешь ли ты жениться!

Митрофанъ (разнѣжась). Ужъ давно, дядюшка, беретъ охота...

Скотининъ (бросаясь на Митрофана). Ахъ, ты, чушка проклятая!..

Правдинъ (не допуская Скотинина). Господинъ Скотининъ! рукамъ воли не давай.

Митрофанъ. Мамушка! заслони меня!

Еремѣевна (заслоня Митрофана, остервенясь и поднявъ кулаки). Издохну на мѣстѣ, а дитя не выдамъ. Сунься, сударь, только изволь сунуться. Я те бѣльмы-то выцарапаю.

Скотининъ (задрожавъ и грозя, отходитъ). Я васъ доѣду!

Еремѣевна (задрожавъ, въ слѣдъ). У меня и свои зацѣпы востры!

Митрофанъ (вслѣдъ Скотинину). Убирайся, дядюшка; проваливай.

Явленіе 5-е.

Тѣ же и оба Простаковы.

Г-жа Простакова (мужу, идучи). Тутъ перевирать нечего. Весь вѣкъ, сударь, ходишь, развѣся уши.

Простаковъ. Да онъ самъ съ Правдинымъ изъ глазъ у меня сгибъ да пропалъ. Я чѣмъ виноватъ?

Г-жа Простакова (къ Милону). А, мой батюшка, господинъ офицеръ! Я васъ теперь искала по всей деревнѣ: мужа съ ногъ сбила, чтобъ принести вамъ, батюшка, нижайшее благодареніе за добрую команду.

Милонъ. За что, сударыня?

Г-жа Простакова. Какъ за что, мой батюшка? Солдаты такіе добрые. До сихъ поръ волоска никто не тронулъ. Не прогнѣвайся, мой батюшка, что уродъ мой васъ прозѣвалъ. Отъ роду никого угостить не смыслитъ. Ужъ такъ рохлею родился, мой батюшка.

Милонъ. Я нимало не пеняю, сударыня.

Г-жа Простакова. На него, мой батюшка, находитъ такой, по здѣшнему сказать, столбнякъ. Иногда, выпуча глаза, стоитъ битый часъ, какъ вкопаный. Ужъ чего-то я съ нимъ ни дѣлала; чего только онъ у меня ни вытерпѣлъ! Ничѣмъ не проймешь. Ежели столбнякъ и попройдетъ, то занесетъ, мой батюшка, такую дичь, что у Бога просишь опять столбняка.

Правдинъ. По крайней мѣрѣ, сударыня, вы не можете жаловаться на злой его нравъ. Онъ смиренъ...

Г-жа Простакова. Какъ теленокъ, мой батюшка; оттого-то у насъ въ домѣ и избаловано. Вѣдь у него нѣтъ того смыслу, чтобъ все въ домѣ была строгость, чтобъ наказать путемъ виноватаго. Все сама управляюсь, батюшка. Съ утра до вечера, какъ за языкъ повѣшена, рукъ не покладываю: то бранюсь, то дерусь; тѣмъ и домъ держится, мой батюшка!

Правдинъ (въ сторону). Скоро будетъ держаться инымъ образомъ.

Митрофанъ. И сегодня матушка все утро изволила провозиться съ холопьями.

Г-жа Простакова (къ Софьѣ). Убирала покои для твоего любезнаго дядюшки. Умираю, хочу видѣть этого почтеннаго старичка. Я объ немъ много наслышалась. И злодѣи его говорятъ только, что онъ немножечко угрюмъ, а такой-де преразумный, да коли-де ужъ кого и полюбитъ, такъ прямо полюбитъ.

Правдинъ. А кого не возлюбитъ, тотъ дурной человѣкъ. (Софьѣ). Я и самъ имѣю честь знать вашего дядюшку. А сверхъ того отъ многихъ слышалъ объ немъ то, что̀ вселило въ душу мою истинное къ нему почтеніе.

Что̀ называютъ въ немъ угрюмостью, грубостью, то есть одно дѣйствіе его прямодушія. Отъ роду языкъ его не говорилъ, да когда душа его чувствовала нѣтъ.

Софья. За то и счастье свое долженъ онъ былъ доставать трудами.

Г-жа Простакова. Милость Божія къ намъ, что удалось. Ничего такъ не желаю, какъ отеческой его милости къ Митрофанушкѣ. Софьюшка, душа моя! не изволишь ли посмотрѣть дядюшкиной комнаты? (Софья отходитъ).

Г-жа Простакова (Простакову). Опять зазѣвался, мой батюшка. Да изволь, сударь, проводить ее. Ноги-то не отнялись.

Простаковъ (отходя). Не отнялись, да подкосились.

Г-жа Простакова (къ гостямъ). Одна моя забота, одна моя отрада—Митрофанушка. Мой вѣкъ проходитъ. Его готовлю въ люди. (Здѣсь появляются Кутейкинъ съ Часлословомъ, а Цыфиркинъ съ аспидной доской и грифилемъ. Оба они знаками спрашиваютъ Еремѣевну, входить ли. Она ихъ манитъ, а Митрофанъ отмахиваетъ).

Г-жа Простакова (не видя ихъ, продолжаетъ). Авось-либо Господь милостивъ и счастье на роду ему написано.

Правдинъ. Оглянитесь, сударыня, что за вами дѣлается.

Г-жа Простакова. А! это, батюшка, Митрофанушкины учители: Сидорычъ Кутейкинъ...

Еремѣевна. И Пафнутьичъ Цыфиркинъ.

Митрофанъ (въ сторону). Пострѣлъ ихъ побери и съ Еремѣевной.

Кутейкинъ. Дому владыкѣ миръ и многая лѣта съ чады и домочадцы.

Цыфиркинъ. Желаемъ вашему благородію здравствовать сто лѣтъ, да двадцать, да еще пятнадцать, несчетны годы.

Милонъ. Ба! это нашъ братъ, служивый! Откуда взялся, другъ мой?

Цыфиркинъ. Былъ гарнизонный, ваше благородіе, а нынѣ пошелъ въ чистую [1]).

Милонъ. Чѣмъ же питаешься?

Цыфиркинъ. Да кое-какъ, ваше благородіе! Малу толику арихметикѣ маракую, такъ питаюсь въ городѣ около приказныхъ служителей у счетныхъ дѣлъ. Не всякому открылъ Господь науку: такъ кто самъ не смыслитъ, меня нанимаетъ то счетецъ повѣрить, то итоги подвести. Тѣмъ и питаюсь, праздно жить не люблю. На досугѣ же ребятъ обучаю. Вотъ и у ихъ благородія съ парнемъ третій годъ надъ ломаными бьемся, да что-то плохо клеится. Ну и то правда, человѣкъ на человѣка не приходитъ.

Г-жи Простакова. Что, что ты это, Пафнутьичъ, врешь? Я не вслушалась.

---

[1]) Т.-е. въ полную отставку.

Цыфиркинъ. Такъ. Я его благородію докладывалъ, что въ иного пня въ десять лѣтъ не вдолбишь того, что другой ловитъ на полетѣ.

Правдинъ (Кутейкину). А ты, господинъ Кутейкинъ, не изъ ученыхъ ли?

Кутейкинъ. Изъ ученыхъ, ваше благородіе. Семинаріи здѣшнія епархіи. Ходилъ до реторики, да Богу изволившу, назадъ воротился. Подавалъ въ консисторію челобитье, въ которомъ прописалъ: „Такой-то-де, семинаристъ, изъ церковничьихъ дѣтей, убоялся бездны премудрости, проситъ отъ нея увольненія". На что и милостивая резолюція вскорѣ воспослѣдовала, съ отмѣткою: „Такого-то-де семинариста отъ всякаго ученія уволить: писано бо есть—не мечите бисера предъ свиніями, да не попрутъ его ногами".

Г-жа Простакова. Да гдѣ нашъ Адамъ Адамычъ?

Еремѣевна. Я и къ нему было толкнулась, да насилу унесла ноги: дымъ столбомъ, моя матушка! Задушилъ, проклятый, табачищемъ. Такой грѣховодникъ!

Кутейкинъ. Пустое, Еремѣевна! Нѣсть грѣха въ куреніи табака.

Правдинъ (въ сторону). Кутейкинъ еще и умничаетъ.

Кутейкинъ. Во многихъ книгахъ разрѣшается: во Псалтырѣ именно напечатано: „И злакъ на службу человѣкомъ".

Правдинъ. Ну, а еще гдѣ?

Кутейкинъ. И въ другой Псалтырѣ напечатано то же. У нашего протопопа маленькая въ осмушку, и въ той то же.

Правдинъ (г-жѣ Простаковой). Я не хочу мѣшать упражненіямъ сына вашего; слуга покорный.

Милонъ. Ни я, сударыня.

Г-жа Простакова. Куда жъ вы, государи мои?

Правдинъ. Я поведу его въ мою комнату. Друзья, давно не видавшись, о многомъ говорить имѣютъ.

Г-жа Простакова. А кушать гдѣ изволите: съ нами, или въ своей комнатѣ? У насъ за столомъ только-что своя семья съ Софьюшкой...

Милонъ. Съ вами, съ вами, сударыня.

Правдинъ. Мы оба эту честь имѣть будемъ.

Явленіе 6-е.

г-жа Простакова, Еремѣевна, Митрофанъ, Кутейкинъ и Цыфиркинъ.

Г-жа Простакова. Ну, такъ теперь хотя по-русски прочти зады, Митрофанушка.

Митрофанъ. Да, зады! Какъ не такъ.

Г-жа Простакова. Вѣкъ живи, вѣкъ учись, другъ мой сердечный! Такое дѣло.

Митрофанъ. Какъ не такое! Пойдетъ на умъ ученье. Ты бъ еще навезла сюда дядюшекъ!

Г-жа Простакова. Что, что такое?

Митрофанъ. Да, того смотри, что отъ дядюшки таска; а тамъ съ его кулаковъ да за Часословъ. Нѣтъ, такъ я, спасибо, ужъ одинъ конецъ съ собою!

Г-жа Простакова (испугавшись). Что, что ты хочешь дѣлать? Опомнись, душенька!

Митрофанъ. Вѣдь здѣсь и рѣка близко. Нырну — такъ поминай, какъ звали!

Г-жа Простакова (внѣ себя). Уморилъ! уморилъ! Богъ съ тобой!

Еремѣевна. Все дядюшка напугалъ: чуть-было въ волоски ему не вцѣпился. А ни за што, ни про што...

Г-жа Простакова (въ злобѣ). Ну...

Еремѣевна. Присталъ къ нему: хочешь ли жениться...

Г-жа Простакова. Ну...

Еремѣевна. Дитя не потаилъ: ужъ давно-де, дядюшка, охота беретъ. Какъ онъ остервенится, моя матушка! какъ вскинется...

Г-жа Простакова (дрожа). Ну... а ты, бестія, остолбенѣла, а ты не впилась братцу въ харю, а ты не раздернула ему рыла по уши...

Еремѣевна. Приняла было! Охъ, приняла, да...

Г-жа Простакова. Да... да что... не твое дитя, бестія! По тебѣ, ребенка хоть убей до смерти.

Еремѣевна. Ахъ, Создатель, спаси и помилуй! Да кабы братецъ въ ту жъ минуту отойти не изволилъ, то-бъ я съ нимъ поломалась во что-бъ Богъ ни поставилъ: притупились бы эти (указывая на ногти), я бъ и клыковъ беречь не стала.

Г-жа Простакова. Всѣ вы, бестіи, усердны на однихъ словахъ, а не на дѣлѣ...

Еремѣевна (заплакавъ). Я не усердна вамъ, матушка! Ужъ какъ больше служить, не знаешь... рада не токмо что... живота не жалѣешь... а все не угодно.

Кутейкинъ. Намъ во свояси повелите?
Цыфиркинъ. Намъ куда походъ, ваше благородіе? } Вмѣстѣ.

Г-жа Простакова. Ты же еще, старая вѣдьма, и разревѣлась. Поди, накорми ихъ съ собою, а послѣ обѣда тотчасъ опять сюда. (Къ Митрофану). Пойдемъ со мною, Митрофанушка. Я тебя изъ глазъ теперь не выпущу. Какъ скажу я тебѣ нещичко, такъ пожить на свѣтѣ слюбится. Не вѣкъ тебѣ, моему другу, не вѣкъ тебѣ учиться: ты, благодаря Бога, столько уже смыслишь, что и самъ взведешь дѣточекъ. (Къ Еремѣевнѣ). Съ братцемъ перевѣдаюсь не по твоему. Пусть же всѣ добрые люди увидятъ, что мама и что мать родная! (Отходитъ съ Митрофаномъ).

Кутейкинъ. Житье твое, Еремѣевна, яко тьма кромѣшная. Пойдемъ-ка за трапезу, да съ горя выпей сперва чарку...

Цыфиркинъ. А тамъ другую,—вотъ-те и умноженье.

Еремѣевна (въ слезахъ). Нелегкая меня не приберетъ. Сорокъ лѣтъ служу, а милость все та же...

Кутейкинъ. А велика-ль благостыня?

Еремѣевна. По пяти рублей на годъ да по пяти пощечинъ на день (Кутейкинъ и Цыфиркинъ отводятъ ее подъ руки).

Цыфиркинъ. Смекнемъ же за столомъ, что тебѣ доходу въ круглый годъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Явленіе 1-е.

Стародумъ и Правдинъ.

Правдинъ. Лишь только изъ-за стола встали, и я, подошедъ къ окну, увидѣлъ вашу карету, то, не сказавъ никому, выбѣжалъ къ вамъ на встрѣчу обнять васъ отъ всего сердца. Мое къ вамъ душевное почтеніе...

Стародумъ. Оно мнѣ драгоцѣнно, повѣрь мнѣ.

Правдинъ. Ваша ко мнѣ дружба тѣмъ лестнѣе, что вы не можете имѣть ее къ другимъ, кромѣ такихъ...

Стародумъ. Каковъ ты. Я говорю безъ чиновъ. Начинаются чины,—перестаетъ искренность.

Правдинъ. Ваше обхожденіе...

Стародумъ. Ему многіе смѣются. Я это знаю. Быть такъ. Отецъ мой воспиталъ меня по тогдашнему, а я не нашелъ и нужды себя перевоспитывать. Служилъ онъ Петру Великому. Тогда одинъ человѣкъ назывался ты, а не вы; тогда не знали еще заражать людей столько, чтобъ всякій считалъ себя за многихъ. За то нонче многіе не стоютъ одного. Отецъ мой у двора Петра Великаго...

Правдинъ. А я слышалъ, что онъ въ военной службѣ...

Стародумъ. Въ тогдашнемъ вѣкѣ придворные были воины, да воины не были придворные. Воспитаніе дано мнѣ было отцомъ моимъ по тому вѣку наилучшее. Въ то время къ наученію мало было способовъ, да и не умѣли еще чужимъ умомъ набивать пустую голову.

Правдинъ. Тогдашнее воспитаніе дѣйствительно состояло въ нѣсколькихъ правилахъ...

Стародумъ. Въ одномъ. Отецъ мой непрестанно мнѣ твердилъ одно и то же: имѣй сердце, имѣй душу,—и будешь человѣкъ во всякое время. На все прочее мода: на умы мода, на знанія мода, какъ на пряжки, на пуговицы.

Правдинъ. Вы говорите истину. Прямое достоинство въ человѣкѣ есть душа.

Стародумъ. Безъ нея просвѣщеннѣйшая умница жалкая тварь. (Съ чувствомъ). Невѣжда безъ души—звѣрь. Самый мелкій подвигъ вводитъ его во всякое преступленіе. Между тѣмъ, что онъ дѣлаетъ, и тѣмъ, для чего онъ дѣлаетъ, никакихъ вѣсковъ у него нѣтъ. Отъ такихъ-то животныхъ пришелъ я освободить...

Правдинъ. Вашу племянницу. Я это знаю. Она здѣсь. Пойдемъ...

Стародумъ. Постой. Сердце мое кипитъ еще негодованіемъ на недостойный поступокъ здѣшнихъ хозяевъ. Побудемъ здѣсь нѣсколько минутъ. У меня правило—въ первомъ движеніи ничего не начинать.

Правдинъ. Рѣдкіе правило ваше наблюдать умѣютъ.

Стародумъ. Опыты жизни моей меня къ тому пріучили. О, еслибъ я ранѣе умѣлъ владѣть собою, я имѣлъ бы удовольствіе служить долѣе отечеству.

Правдинъ. Какимъ же образомъ? Происшествія съ человѣкомъ вашихъ качествъ никому равнодушны быть не могутъ. Вы меня крайне одолжите, если разскажете...

Стародумъ. Я ни отъ кого ихъ не таю для того, чтобъ другіе въ подобномъ положеніи нашлись меня умнѣе. Вошедъ въ военную службу, познакомился съ молодымъ графомъ, котораго имени я и вспомнить не хочу. Онъ былъ по службѣ меня моложе, сынъ случайнаго отца, воспитанъ въ большомъ свѣтѣ и имѣлъ особливый случай научиться тому, что въ наше воспитаніе еще и не входило. Я всѣ силы употребилъ снискать его дружбу, чтобъ всегдашнимъ съ нимъ обхожденіемъ наградить недостатки моего воспитанія. Въ самое то время, когда взаимная наша дружба утверждалась, услышали мы нечаянно, что объявлена война. Я бросилъ обнимать его съ радостью. „Любезный графъ! вотъ случай намъ отличить себя. Пойдемъ тотчасъ въ армію и сдѣлаемся достойными званія дворянина, которое намъ дала порода“. Вдругъ мой графъ сильно наморщился и, обнявъ меня сухо: „Счастливый тебѣ путь“, сказалъ мнѣ, „а я ласкаюсь, что батюшка не захочетъ со мной разстаться“. Ни съ чѣмъ нельзя сравнить презрѣнія, которое ощутилъ я къ нему въ ту-жъ минуту. Тутъ увидѣлъ я, что между людьми случайными и людьми почтенными бываетъ иногда неизмѣримая разница, что въ большомъ свѣтѣ водятся премелкія души и что съ великимъ просвѣщеніемъ можно быть великому скареду.

Правдинъ. Сущая истина.

Стародумъ. Оставя его, поѣхалъ я немедленно, куда звала меня должность. Многіе случаи имѣлъ я отличить себя. Раны мои доказываютъ, что я ихъ и не пропускалъ. Доброе мнѣніе обо мнѣ начальниковъ и войска было лестною наградою службы моей, какъ вдругъ получилъ я извѣстіе, что графъ, прежній мой знакомецъ, о которомъ я гнушался вспоминать,

произведенъ чиномъ, а обойденъ я,—я, лежащій тогда отъ ранъ въ тяжкой болѣзни! Такое неправосудіе растерзало мое сердце, и я тотчасъ взялъ отставку.

Правдинъ. Что жъ бы иное и дѣлать надлежало?

Стародумъ. Надлежало образумиться. Не умѣлъ я остеречься отъ первыхъ движеній раздраженнаго моего любочестія. Горячность не допустила меня тогда разсудить, что прямо любочестивый человѣкъ ревнуетъ къ дѣламъ, а не къ чинамъ; что чины нерѣдко выпрашиваются, а истинное почтеніе необходимо заслуживается; что гораздо честнѣе быть безъ вины обойдену, нежели безъ заслугъ пожаловану.

Правдинъ. Но развѣ дворянину не позволяется взять отставки ни въ какомъ уже случаѣ?

Стародумъ. Въ одномъ только: когда онъ внутренно удостовѣренъ, что служба его отечеству прямой пользы не приноситъ. А! тогда поди.

Правдинъ. Вы даете чувствовать истинное существо должности дворянина.

Стародумъ. Взявъ отставку, пріѣхалъ я въ Петербургъ. Тутъ слѣпой случай завелъ меня въ такую сторону, о которой мнѣ отъ роду и въ голову не приходило.

Правдинъ. Куда же?

Стародумъ. Ко двору. Меня взяли ко двору. А? Какъ ты объ этомъ думаешь?

Правдинъ. Какъ же вамъ эта сторона показалась?

Стародумъ. Любопытна. Первое показалось мнѣ странно то, что въ этой сторонѣ по большой прямой дорогѣ никто почти не ѣздитъ, а всѣ объѣзжаютъ крюкомъ, надѣясь доѣхать поскорѣй.

Правдинъ. Хоть крюкомъ, да просторна ли дорога?

Стародумъ. А такова-то просторна, что двое, встрѣтясь, разойтиться не могутъ. Одинъ другого сваливаетъ, и тотъ, кто на ногахъ, не поднимаетъ уже никогда того, кто на землѣ.

Правдинъ. Такъ поэтому тутъ самолюбіе...

Стародумъ. Тутъ не самолюбіе, а, такъ назвать, себялюбіе. Тутъ себя любятъ отмѣнно, о себѣ одномъ пекутся, объ одномъ настоящемъ часѣ суетятся. Ты не повѣришь: я видѣлъ тутъ множество людей, которымъ во всѣ случаи ихъ жизни ни разу на мысль не приходили ни предки, ни потомки.

Правдинъ. Но тѣ достойные люди, которые у двора служатъ государству...

Стародумъ. О! тѣ не составляютъ двора для того, что дворъ имъ полезенъ. Я не былъ въ числѣ первыхъ и не хотѣлъ быть въ числѣ послѣднихъ.

Правдинъ. Васъ, конечно, у двора не узнали?

Стародумъ. Тѣмъ для меня лучше. Я успѣлъ убраться безъ хлопотъ; а то бы выжили жъ меня однимъ изъ двухъ манеровъ.

Правдинъ. Какихъ?

Стародумъ. Отъ двора, мой другъ, выживаютъ двумя манерами: либо на тебя разсердятся, либо тебя разсердятъ. Я не сталъ дожидаться ни того, ни другого; разсудилъ, что лучше вести жизнь у себя дома, нежели въ чужой передней.

Правдинъ. И такъ, вы отошли отъ двора ни съ чѣмъ? (Открываетъ свою табакерку).

Стародумъ (беретъ у Правдина табакъ). Какъ ни съ чѣмъ? Табакеркѣ цѣна пятьсотъ рублевъ. Пришли къ купцу двое. Одинъ, заплатя деньги, принесъ домой табакерку; другой пришелъ домой безъ табакерки. И ты думаешь, что другой домой пришелъ ни съ чѣмъ? Ошибаешься. Онъ принесъ назадъ свои пятьсотъ рублевъ цѣлы. Я отошелъ отъ двора безъ деревень, безъ ленты, безъ чиновъ, да мое принесъ домой неповрежденно: мою душу, мою честь, мои правила.

Правдинъ. Съ вашими правилами людей не отпускать отъ двора, а къ двору призывать надобно.

Стародумъ. Призывать? А зачѣмъ?

Правдинъ. За тѣмъ, за чѣмъ къ больнымъ врача призываютъ.

Стародумъ. Мой другъ, ошибаешься. Тщетно звать врача къ больнымъ неисцѣльно; тутъ врачъ не пособитъ, развѣ самъ заразится.

Явленіе 2-е.

Тѣ же и Софья.

Софья (къ Правдину). Силъ моихъ не стало отъ ихъ шуму.

Стародумъ (въ сторону). Вотъ черты лица ея матери! Вотъ моя Софья!

Софья (смотря на Стародума). Боже мой, онъ меня назвалъ! Сердце мое меня не обманываетъ...

Стародумъ (обнявъ ее). Нѣтъ! Ты дочь моей сестры, дочь сердца моего!

Софья (бросаясь въ его объятія). Дядюшка! я внѣ себя съ радости.

Стародумъ. Любезная Софья! Я узналъ въ Москвѣ, что ты живешь здѣсь противъ воли. Мнѣ на свѣтѣ шестьдесятъ лѣтъ. Случалось быть часто раздраженнымъ, иногда быть собою довольнымъ. Ничто такъ не терзало мое сердце, какъ невинность въ сѣтяхъ коварства; никогда не бывалъ я такъ собой доволенъ, какъ если случалось вырвать добычу изъ рукъ порока.

Правдинъ. Сколь пріятно быть тому и свидѣтелемъ!

Софья. Дядюшка! ваши ко мнѣ милости...

Стародумъ. Ты знаешь, что я одной тобой привязанъ къ жизни. Ты

должна дѣлать утѣшеніе моей старости, а мои попеченія — твое счастье. Пошедъ въ отставку, положилъ я основаніе твоему воспитанію, но не могъ иначе основать твоего состоянія, какъ разлучась съ твоею матерью и съ тобою.

Софья. Отсутствіе ваше огорчало насъ несказанно.

Стародумъ (къ Правдину). Чтобъ оградить ея жизнь отъ недостатка въ нужномъ, рѣшился я удалиться на нѣсколько лѣтъ въ ту землю, гдѣ достаютъ деньги, не промѣнивая ихъ на совѣсть, безъ подлой выслуги, не грабя отечества; гдѣ требуютъ денегъ отъ самой земли, которая поправосуднѣе людей, лицепріятія не знаетъ, а платитъ одни труды вѣрно и щедро.

Правдинъ. Вы могли бъ обогатиться, какъ я слышалъ, несравненно больше.

Стародумъ. А на что?

Правдинъ. Чтобъ быть богату, какъ другіе.

Стародумъ. Богату! А кто богатъ? Да вѣдаешь ли ты, что для прихотей одного человѣка всей Сибири мало? Другъ мой, все состоитъ въ воображеніи. Послѣдуй природѣ, никогда не будешь бѣденъ; послѣдуй людскимъ мнѣніямъ, никогда богатъ не будешь.

Софья. Дядюшка, какую правду вы говорите!

Стародумъ. Я нажилъ столько, чтобъ при твоемъ замужествѣ не остановляла насъ бѣдность жениха достойнаго.

Софья. Во всю жизнь мою ваша воля будетъ мой законъ.

Правдинъ. Но выдавъ ее, не лишнее было бы оставить и дѣтямъ...

Стародумъ. Дѣтямъ? Оставлять богатство дѣтямъ! Въ головѣ нѣтъ. Умны будутъ, безъ него обойдутся: а глупому сыну не въ помощь богатство. Видалъ я молодцовъ въ золотыхъ кафтанахъ, да съ свинцовой головою. Нѣтъ, мой другъ! наличныя деньги—не наличныя достоинства. Золотой болванъ—все болванъ.

Правдинъ. Со всѣмъ тѣмъ мы видимъ, что деньги нерѣдко ведутъ къ чинамъ, чины обыкновенно къ знатности, а знатнымъ оказывается почтеніе.

Стародумъ. Почтеніе! Одно почтеніе должно быть лестно человѣку— душевное; а душевнаго почтенія достоинъ только тотъ, кто въ чинахъ не по деньгамъ, а въ знати не по чинамъ.

Правдинъ. Заключеніе ваше неоспоримо.

Стародумъ. Ба! Это что за шумъ!

Явленіе 3-е.

Тѣ же, г-жа Простакова, Скотининъ и Милонъ.

(Милонъ разнимаетъ г-жу Простакову съ Скотининымъ).

Г-жа Простакова. Пусти! пусти, батюшка! Дай мнѣ до рожи, до рожи...

Милонъ. Не пущу, сударыня. Не прогнѣвайся!

Скотининъ (въ запальчивости, оправляя парикъ). Отвяжись, сестра! Дойдетъ дѣло до ломки, погну, такъ затрещишь.

Милонъ (г-жѣ Простаковой). И вы забыли, что онъ вамъ братъ!

Г-жа Простакова. Ахъ, батюшка, сердце взяло! дай додраться!

Милонъ (Скотинину). Развѣ она вамъ не сестра?

Скотининъ. Что грѣха таить, одного помету! Да вишь какъ развизжалась.

Стародумъ (не могши удержаться отъ смѣха, къ Правдину). Я боялся разсердиться, теперь смѣхъ меня беретъ.

Г-жа Простакова. Кого-то? Надъ кѣмъ-то? Это что за выѣзжій?

Стародумъ. Не прогнѣвайся, сударыня, я отъ роду ничего смѣшнѣе не видывалъ.

Скотининъ (держась за шею). Кому смѣхъ, а мнѣ и полсмѣха нѣтъ.

Милонъ. Да не ушибла ль она васъ?

Скотининъ. Передъ-отъ заслонялъ обѣими, такъ вцѣпилась въ зашеину...

Правдинъ. И больно?

Скотининъ. Загривокъ немного пронозила.

(Въ слѣдующую рѣчь г-жи Простаковой Софья сказываетъ взорами Милону, что передъ нимъ Стародумъ. Милонъ ее понимаетъ).

Г-жа Простакова. Пронозила!.. Нѣтъ, братецъ, ты долженъ образъ вымѣнять господина офицера: а кабы не онъ, то-бъ ты отъ меня не заслонился. За сына вступлюсь; не спущу родному. (Стародуму). Это, сударь, ничего и не смѣшно, не прогнѣвайся. У меня материно сердце. Слыхано ли, чтобъ сука щенятъ своихъ выдавала? Изволилъ пожаловать невѣдомо къ кому, невѣдомо кто.

Стародумъ (указывая на Софью). Пріѣхалъ къ ней ея дядя, Стародумъ.

Г-жа Простакова (обробѣвъ и струся). Какъ! это ты! ты, батюшка! гость нашъ безцѣнный! Ахъ, я дура безсчастная! Да такъ ли бы надобно было встрѣтить отца родного, на котораго вся надежда, который у насъ одинъ, какъ порохъ въ глазу! Батюшка, прости меня: я дура! Образумиться не могу. Гдѣ мужъ? Гдѣ сынъ? Какъ въ пустой домъ пріѣхалъ! Наказаніе Божіе! Всѣ обезумѣли. Дѣвка! дѣвка! Палашка! дѣвка!

Скотининъ (въ сторону). Тотъ-то! онъ-то! дядюшка-то!

Явленіе 4-е.

Тѣ же и Еремѣевна.

Еремѣевна. Чего изволишь?

Г-жа Простакова. А ты развѣ дѣвка? собачья ты дочь! Развѣ у меня въ домѣ, кромѣ твоей скверной хари, и служанокъ нѣтъ! Палашка гдѣ?

Еремѣевна. Захворала, матушка; лежитъ съ утра.

Г-жа Простакова. Лежитъ! Ахъ, она бестія! Лежитъ! какъ будто она благородная!

Еремѣевна. Такой жаръ рознялъ, матушка; безъ умолку бредитъ...

Г-жа Простакова. Бредитъ, бестія! Какъ будто благородная! Зови же ты мужа, сына! Скажи, имъ, что, по милости Божіей, дождались мы дядюшку любезной нашей Софьюшки; что второй нашъ родитель къ намъ теперь пожаловалъ, по милости Божіей. Ну, бѣги, переваливайся!

Стародумъ. Къ чему такъ суетиться, сударыня! По милости Божіей, я вашъ не родитель; по милости же Божіей, я вамъ незнакомъ.

Г-жа Простакова. Нечаянный твой пріѣздъ, батюшка, умъ у меня отнялъ; да дай хотя обнять тебя хорошенько, благодѣтель нашъ!

Явленіе 5-е.

Тѣ же, Простаковъ, Митрофанъ и Еремѣевна.

(Въ слѣдующую рѣчь Стародума Простаковъ съ сыномъ, вышедшій изъ средней двери, стали позади Стародума. Отецъ готовъ обнять, какъ скоро дойдетъ очередь, а сынъ подойти къ рукѣ. Еремѣевна взяла мѣсто къ сторонѣ и, сложа руки, стала, какъ вкопанная, выпялила глаза на Стародума съ рабскимъ подобострастіемъ).

Стародумъ (обнимая неохотно г-жу Простакову). Милость совсѣмъ лишняя, сударыня; безъ нея могъ бы я весьма легко обойтись.

(Вырвавшись изъ рукъ ея, обертывается на другую сторону, гдѣ Скотининъ, стоящій уже съ распростертыми руками, тотчасъ его схватываетъ).

Стародумъ. Это кому я попался?

Скотининъ. Это я, сестринъ братъ.

Стародумъ (увидя еще двухъ, съ нетерпѣніемъ). А это кто еще?

Простаковъ (обнимая). Я женинъ мужъ.
Митрофанъ (ловя руку). А я матушкинъ сынокъ. } Вмѣстѣ.

Милонъ (Правдину). Теперь я не представлюсь.

Правдинъ (Милону). Я найду случай представить тебя послѣ.

Стародумъ (не давая руки Митрофану). Этотъ ловитъ целовать руку: видно, что готовятъ въ него большую душу.

Г-жа Простакова. Говори, Митрофанушка: какъ-де, сударь, мнѣ твоей ручки не целовать! ты мой второй отецъ!

Митрофанъ. Какъ не целовать, дядюшка, твоей ручки! ты мой отецъ... (Къ матери). Который бишь?

Г-жа Простакова. Второй.

Митрофанъ. Второй? Второй отецъ, дядюшка.

Стародумъ. Я, сударь, тебѣ ни отецъ, ни дядюшка.

Г-жа Простакова. Батюшка, вѣдь ребенокъ, можетъ быть, свое

счастье прорекаетъ: авось-либо сподобитъ Богъ быть ему и впрямъ твоимъ племянничкомъ.

Скотининъ. Право! А я чѣмъ не племянникъ? Ай, сестра!

Г-жа Простакова. Я, братецъ, съ тобою лаяться не стану. (Къ Стародуму). Отъ роду, батюшка, ни съ кѣмъ не бранилась. У меня такой нравъ: хоть разругай, вѣкъ слова не скажу. Пусть же, себѣ на умѣ, Богъ тому заплатитъ, кто меня, бѣдную, обижаетъ.

Стародумъ. Я это примѣтилъ, какъ скоро ты, сударыня, изъ дверей показалась.

Правдинъ. А я уже три дня свидѣтелемъ ея добронравія.

Стародумъ. Этой забавы я такъ долго имѣть не могу. Софьюшка, другъ мой, завтра же поутру ѣду съ тобою въ Москву.

Г-жа Простакова. Ахъ, батюшка, за что такой гнѣвъ?

Простаковъ. За что немилость?

Г-жа Простакова. Какъ? Намъ разстаться съ Софьюшкой, съ сердечнымъ нашимъ другомъ! Я съ одной тоски хлѣба отстану.

Простаковъ. А я уже тутъ сгибъ да пропалъ.

Стародумъ. Когда же вы такъ ее любите, то долженъ я васъ обрадовать: я везу ее въ Москву для того, чтобы сдѣлать ея счастье. Мнѣ представленъ въ женихи ея нѣкто молодой человѣкъ большихъ достоинствъ; за него ее и выдамъ.

Г-жа Простакова. Ахъ, уморилъ!

Милонъ. Что я слышу!

(Софья кажется пораженною).

Скотининъ. Вотъ те разъ!

(Простаковъ всплеснулъ руками).

Митрофанъ. Вотъ-тебѣ на!

(Всѣ вмѣстѣ.)

(Еремѣевна печально кивнула головою. Правдинъ показываетъ видъ огорченнаго удивленія).

Стародумъ (примѣтя всѣхъ смятеніе). Что это значитъ? (Къ Софьѣ) Софьюшка, другъ мой, и ты, мнѣ кажется, въ смущеніи? Неужель мое намѣреніе тебя огорчило? Я заступаю мѣсто отца твоего. Повѣрь мнѣ, что я знаю его права. Они нейдутъ далѣе, какъ отвращать несчастную склонность дочери; а выборъ достойнаго человѣка зависитъ совершенно отъ ея сердца. Будь спокойна, другъ мой: твой мужъ, тебя достойный, кто бы онъ ни былъ, будетъ имѣть во мнѣ истиннаго друга. Поди, за кого хочешь. (Всѣ принимаютъ веселый видъ).

Софья. Дядюшка, не сомнѣвайтесь въ моемъ повиновеніи.

Милонъ (въ сторону). Почтенный человѣкъ!

Г-жа Простакова (съ веселымъ видомъ). Вотъ отецъ! Вотъ послушать! Поди, за кого хочешь, лишь бы человѣкъ ее стоилъ. Такъ, мой ба-

тюшка, такъ. Тутъ лишь только жениховъ пропускать не надобно. Коль есть въ глазахъ дворянинъ малый молодой...

Скотининъ. Изъ ребятъ давно ужъ вышелъ...

Г-жа Простакова. У кого достаточекъ хоть и небольшой...

Скотининъ. Да свиной заводъ не плохъ...

Г-жа Простакова. Такъ и въ добрый часъ, въ архангельской. } Вмѣстѣ.

Скотининъ. Такъ веселымъ пиркомъ, да и за свадебку. } Вмѣстѣ.

Стародумъ. Совѣты ваши безпристрастны. Я это вижу.

Скотининъ. То ль еще увидишь, какъ опознаешь меня покороче? Вишь ты—здѣсь содомно. Черезъ часъ-мѣста приду къ тебѣ одинъ, тутъ дѣло и сладимъ. Скажу не похвалясь, каковъ я, право такихъ мало. (Отходитъ).

Стародумъ. Это всего вѣроятнѣе.

Г-жа Простакова. Ты, мой батюшка, не диви на братца...

Стародумъ. А онъ вашъ братецъ?

Г-жа Простакова. Родной, батюшка: вѣдь и я по отцѣ Скотининыхъ. Покойникъ батюшка женился на покойницѣ матушкѣ; она была по прозванію Приплодиныхъ. Насъ дѣтей было у нихъ восемнадцать человѣкъ; да кромѣ меня съ братцомъ, всѣ, по власти Господней: примерли, иныхъ изъ бани мертвыхъ вытащили; трое, похлебавъ молочка изъ мѣднаго котлика, скончались; двое о Святой Недѣлѣ съ колокольни свалились; а достальныя сами не стояли, батюшка!

Стародумъ. Вижу, каковы были и родители ваши.

Г-жа Простакова. Старинные люди, мой отецъ! Не нынѣшній былъ вѣкъ. Насъ ничему не учили. Бывало, добры люди приступятъ къ батюшкѣ, ублажаютъ, ублажаютъ, чтобъ хоть братца отдать въ школу,—кстати ли? Покойникъ-свѣтъ и руками, и ногами, царство ему небесное! Бывало, изволилъ закричать: прокляну ребенка, который что-нибудь переймѣтъ у басурмановъ, и не будь тотъ Скотининъ, кто чему-нибудь учиться захочетъ.

Правдинъ. Вы однакожъ своего сынка кое-чему обучаете.

Г-жа Простакова. Да нынѣ вѣкъ другой, батюшка! (Къ Стародуму). Послѣднихъ крохъ не жалѣемъ, лишь бы сына всему выучить. Мой Митрофанушка изъ-за книги не встаетъ по суткамъ. Материно мое сердце. Иное жаль, жаль, да подумаешь: зато будетъ и дѣтина хоть куда. Вѣдь вотъ ужъ ему, батюшка, шестнадцать лѣтъ исполнится около зимняго Николы. Женихъ хоть кому, а все-таки учители ходятъ, часа не теряютъ, и теперь двое въ сѣняхъ дожидаются. (Мигнула Еремѣевнѣ, чтобъ ихъ позвать). А въ Москвѣ приняли иноземца на шесть лѣтъ, и чтобъ другіе не сманили, контрактъ въ полиціи заявили. Подрядился учить, чему мы хотимъ, а по насъ—учи, чему самъ умѣетъ. Мы весь родительскій долгъ исполнили! Нѣмца

приняли и деньги впередъ по третямъ платимъ. Желала бъ я душевно, чтобъ ты самъ, батюшка, полюбовался на Митрофанушку и посмотрѣлъ бы, что́ онъ выучилъ.

Стародумъ. Я худой тому судья, сударыня.

Г-жа Простакова (увидя Кутейкина и Цыфиркина). Вотъ и учителя! Не говорила ль я, батюшка, что Митрофанушка мой ни днемъ, ни ночью покою не имѣетъ. Свое дитя хвалить дурно, а куда не безсчастна будетъ та, которую приведетъ Богъ быть его женою.

Правдинъ. Это все хорошо. Не забудьте однакожъ, сударыня, что гость вашъ теперь только что изъ Москвы пріѣхалъ, и что ему покой гораздо нужнѣе похвалъ вашего сына.

Стародумъ. Признаюсь, что я радъ бы отдохнуть и отъ дороги, и отъ всего того, что слышалъ и что видѣлъ.

Г-жа Простакова. Ахъ, мой батюшка! все готово; сама для тебя комнату убирала.

Стародумъ. Благодаренъ! Софьюшка, проводи же меня.

Г-жа Простакова. А мы-то что? Позволь, мой батюшка, проводить тебя и мнѣ, и сыну, и мужу. Мы всѣ за твое здоровье въ Кіевъ пѣшкомъ обѣщаемся, лишь бы дѣльцо наше сладить.

Стародумъ (къ Правдину). Когда же мы увидимся? Отдохнувъ, я сюда приду.

Правдинъ. Такъ я здѣсь и буду имѣть честь васъ видѣть.

Стародумъ. Радъ душою. (Увидя Милона, который ему съ почтеніемъ поклонился, откланивается и ему учтиво).

Г-жа Простакова. Такъ милости просимъ.

(Кромѣ учителей, всѣ отходятъ. Правдинъ съ Милономъ въ сторону, а прочіе въ другую).

Явленіе 6-е.

Кутейкинъ и Цыфиркинъ.

Кутейкинъ. Что за бѣсовщина! Съ самаго утра толку не добьешься. Здѣсь каждое утро процвѣтетъ и погибнетъ.

Цыфиркинъ. А нашъ братъ и вѣкъ такъ живетъ. Дѣла не дѣлай, а отъ дѣла не бѣгай. Вотъ бѣда нашему брату, какъ кормятъ плохо, какъ сегодня къ здѣшнему обѣду провіанту не стало...

Кутейкинъ. Да кабы не умудрилъ и меня Владыко, шедши сюда, забрести на перепутье къ нашей просвирнѣ, взалкахъ бы яко песъ ко вечеру.

Цыфиркинъ. Здѣшни господа добры командиры!

Кутейкинъ. Слыхалъ ли ты, братецъ, каково житье-то здѣшнимъ челядинцамъ? Даромъ что ты служивый, бывалъ на баталіяхъ, страхъ и трепетъ пріидетъ на тя...

Цыфиркинъ. Вотъ на, слыхалъ ли? Я самъ видалъ здѣсь бѣглый огонь въ сутки сряду часа по три. (Вздохнувъ) Охъ-ти мнѣ! грусть беретъ.

Кутейкинъ. О, горе мнѣ грѣшному!

Цыфиркинъ. О чемъ вздохнулъ, Сидорычъ?

Кутейкинъ. И въ тебѣ смятеся сердце твое, Пафнутьевичъ?

Цыфиркинъ. За неволю призадумаешься! Далъ мнѣ Богъ ученика, боярскаго сынка. Бьюсь съ нимъ третій годъ; трехъ перечесть не умѣетъ.

Кутейкинъ. Такъ у насъ одна кручина. Четвертый годъ мучу свой животъ. Посесть часъ кромѣ задовъ новой строки не разберетъ; да и зады мямлетъ, прости Господи, безъ складу по складамъ, безъ толку по толкамъ.

Цыфиркинъ. А кто виноватъ? Лишь онъ грифель въ руки, а нѣмецъ въ двери: ему шабашъ изъ-за доски, а меня рады въ толчки.

Кутейкинъ. Тутъ мой ли грѣхъ? Лишь указку въ персты, басурманъ въ глаза: ученичка по головкѣ, а меня по шеѣ.

Цыфиркинъ (съ жаромъ). Я далъ бы себѣ ухо отнести, лишь бы этого тунеядца прошколить по-солдатски.

Кутейкинъ. Меня хоть теперь шелепами, лишь бы вью грѣшничу путемъ накостылять.

Явленіе 7-е.

Тѣ же, г-жа Простакова и Митрофанъ.

Г-жа Простакова. Пока онъ отдыхаетъ, другъ мой, ты хоть для виду поучись, чтобъ дошло до ушей его, какъ ты трудишься, Митрофанушка.

Митрофанушка. Ну, а тамъ что?

Г-жа Простакова. А тамъ и женишься.

Митрофанъ. Слушай, матушка, я тебя потѣшу, поучусь: только чтобъ это былъ послѣдній разъ и чтобъ сегодня жъ быть сговору.

Г-жа Простакова. Прійдетъ часъ воли Божіей!

Митрофанъ. Часъ моей воли пришелъ: не хочу учиться, хочу жениться. Ты жъ меня взманила, пеняй на себя. Вотъ я сѣлъ. (Цыфиркинъ очиниваетъ грифель).

Г-жа Простакова. А я тутъ же присяду. Кошелекъ повяжу для тебя, другъ мой! Софьюшкины денежки было бы куда класть.

Митрофанъ. Ну, давай доску, гарнизонная крыса! Задавай, что писать.

Цыфиркинъ. Ваше благородіе завсегда безъ дѣла лаяться изволите.

Г-жа Простакова (работая). Ахъ, Господи Боже мой! ужъ ребенокъ не смѣй и избранить Пафнутьича! Ужъ и разгнѣвался!

Цыфиркинъ. За что разгнѣваться, ваше благородіе. У насъ россійская пословица: собака лаетъ, вѣтеръноситъ.

Митрофанъ. Задавай же зады, поворачивайся.

Цыфиркинъ. Все зады, ваше благородіе. Вѣдь съ задами-то вѣкъ назади останешься.

Г-жа Простакова. Не твое дѣло, Пафнутьичъ. Мнѣ очень мило, что Митрофанушка впередъ шагать не любитъ. Съ его умомъ, да залетѣть далеко, да и Боже избави!

Цыфиркинъ. Задача: изволилъ ты, на прикладъ [1]), идти по дорогѣ со мною; ну, хоть возьмемъ съ собою Сидорыча. Нашли мы трое...

Митрофанъ (пишетъ). Трое.

Цыфиркинъ. На дорогѣ, на прикладъ же, триста рублей.

Митрофанъ (пишетъ). Триста.

Цыфиркинъ. Дошло дѣло до дѣлежа. Смякни-тко, по чему на брата?

Митрофанъ (вычисляя, шепчетъ). Единожды три—три, единожды нуль—нуль.

Г-жа Простакова. Что, что, до дѣлежа?

Митрофанъ. Вишь, триста рублей, что нашли, троимъ раздѣлить.

Г-жа Простакова. Вретъ онъ, другъ мой сердечный! Нашелъ деньги, ни съ кѣмъ не дѣлись: всѣ себѣ возьми, Митрофанушка! не учись этой дурацкой наукѣ.

Митрофанъ. Слышь, Пафнутьичъ, задавай другую.

Цыфиркинъ. Пиши, ваше благородіе. За ученье жалуете мнѣ въ годъ десять рублей.

Митрофанъ. Десять.

Цыфиркинъ. Теперь, правда, не за что; а кабы ты, баринъ, что-нибудь у меня перенялъ, не грѣхъ бы тогда было и еще прибавить десять.

Митрофанъ (пишетъ). Ну, ну, десять.

Цыфиркинъ. Сколько жъ бы на годъ?

Митрофанъ (вычисляя, шепчетъ). Нуль да нуль—нуль; одинъ да одинъ... (Задумался).

Г-жа Простакова. Не трудись по пустому, другъ мой, гроша не прибавлю; да и не за что, наука не такая: лишь тебѣ мученье; а все, вижу, пустота. Денегъ нѣтъ—что считать? деньги есть—сочтемъ и безъ Пафнутьича хорошохонько.

Кутейкинъ. Шабашъ, право, Пафнутьичъ. Двѣ задачи рѣшены. Вѣдь на повѣрку приводить не станутъ.

Митрофанъ. Не бось, братъ. Матушка тутъ сама не ошибется. Ступай-ка ты теперь, Кутейкинъ, проучи вчерашнее.

Кутейкинъ (открываетъ Часословку. Митрофанъ беретъ указку). Начнемъ, благословясь. За мною со вниманіемъ. Азъ же есмь червь...

Митрофанъ. Азъ же есмь червь...

Кутейкинъ. Червь, сирѣчь животина, скотъ. Сирѣчь: азъ есмь скотъ.

---

[1]) Напримѣръ.

Митрофанъ. Азъ есмь скотъ...

Кутейкинъ (учебнымъ голосомъ). А не человѣкъ.

Митрофанъ (также). А не человѣкъ.

Кутейкинъ. Поношеніе человѣковъ.

Митрофанъ. Поношеніе человѣковъ.

Кутейкинъ. И уни...

Явленіе 8-е.

Тѣ же и Вральманъ.

Вральманъ. Ай! ай! ай! ай! ай! Теперь-то я фижу! Умаритъ хотятъ репенка! Матушка ты мая! сшалься натъ сфаей утропой,—такъ скасать, асмое тифа фъ сфѣтѣ. Тай фолю этимъ преклятымъ слатѣямъ, исъ такой калафы толго-ль палфанъ? Ушь диспозисіонъ, ушь все есть.

Г-жа Простакова. Правда, правда твоя, Адамъ Адамычъ! Митрофанушка, другъ мой, коли ученье такъ опасно для твоей головушки, такъ по мнѣ перестань.

Митрофанъ. А по мнѣ и подавна.

Кутейкинъ (затворяя Часословъ). Конецъ и Богу слава.

Вральманъ. Матушка моя! Што тебѣ натопно? Сынокъ, каковъ есть, да талъ Похъ старовье; или сынокъ премудрой, такъ скасать, Аристотелисъ [1]), да въ могилу.

Г-жа Простакова. Ахъ, какая страсть, Адамъ Адамычъ! Онъ же и такъ вчера небережно поужиналъ.

Вральманъ. Разсути-шь, мать мая, напилъ прюхо лишнѣ—пѣда; фить калоушка-то у нефо караздо слапѣ прюха, напить ее лишнѣ, захрани Поже!

Г-жа Простакова. Правда твоя, Адамъ Адамычъ! Да что ты станешь дѣлать? Ребенокъ, не выучась, поѣзжай-ка въ тотъ же Петербургъ: скажутъ, дуракъ. Умницъ-то нынѣ завелось много; ихъ-то я боюсь.

Вральманъ. Чефо паяться, мая матушка? Расумный шеловѣкъ никахта ефо не сатеретъ, никахта зъ нимъ не саспоритъ: а онъ съ умными лютьми не сфясывайся, такъ и путетъ плаготенствіе Пожіе.

Г-жа Простакова. Вотъ какъ надобно тебѣ на свѣтѣ жить, Митрофанушка!

Митрофанъ. Я и самъ, матушка, до умницъ-то не охотникъ. Свой братъ завсегда лучше.

Вральманъ. Сфая кампанія то ли тѣло!

Г-жа Простакова. Адамъ Адамычъ! да изъ кого же ты ее выберешь?

---

[1]) Знаменитый греческій философъ.

Вральманъ. Не крушинься, моя матушка, не крушинься; какофъ тфой тражайшій сынъ, такихъ на сфѣтѣ милліоны, милліоны. Какъ ему не фыпрать сепѣ кампаній!

Г-жа Простакова. То даромъ, что мой сынъ: малый острый, проворный.

Вральманъ. То ли пы тѣло, капы не самарили ефо на ушенье! Россиска краматъ! Арихметика! Ахъ Хосподи Поже мой! Какъ туша фъ тѣлѣ остаеса! Какъ путто пы россиски тфорянинъ ушь и не могъ фъ сфѣтѣ авансировать пезъ россиской краматъ!

Кутейкинъ (въ сторону). Подъ языкъ бы тебѣ трудъ и болѣзнь.

Вральманъ. Какъ путто пы до арихметики пыли люти тураки не счотные!

Цыфиркинъ (въ сторону). Я те ребра-то пересчитаю. Попадешься ко мнѣ.

Вральманъ. Ему потрепно снать, какъ шить фъ сфѣтѣ. Я снаю сфѣтъ наизустъ; я самъ терта калашъ.

Г-жа Простакова. Какъ тебѣ не знать большого свѣту, Адамъ Адамычъ! Я чай, и въ одномъ Петербургѣ ты всего наглядѣлся.

Вральманъ. Тафольно, мая матушка, тафольно. Я сафсегда ахотникъ пыль смотрѣть публикъ. Пыфало, о праснике съѣтутца въ Катрингофъ кареты съ хосподамъ; я фсе на нихъ смотру. Пыфало, не сойту ни на минуту съ коселъ.

Г-жа Простакова. Съ какихъ козелъ?

Вральманъ (въ сторону). Ай, ай, ай, ай! Што я зафралъ! (Вслухъ). Ты, матушка, снаешь, што сматрѣть фсегда лофче зповыши, такъ я, пыфало, на снакому карету и сасѣлъ, та и смотру польшой сфѣтъ съ коселъ.

Г-жа Простакова. Конечно, виднѣе. Умный человѣкъ знаетъ, куда взлѣзть.

Вральманъ. Вашъ тражайшій сынъ также на сфѣтѣ какъ нипуть вмаститца лютей посматрѣть и сепя покасать. Уталецъ! (Митрофанъ, стоя на мѣстѣ, перевертывается).

Вральманъ. Уталецъ! Не постоитъ на мѣстѣ, какъ тикой конь пезъ усды. Ступай! Фортъ! (Митрофанъ убѣгаетъ).

Г-жа Простакова (усмѣхаясь радостно). Ребенокъ, право, хоть и женихъ. Пойти за нимъ однакожъ, чтобъ онъ съ рѣзвости безъ умыслу чѣмъ-нибудь гостя не прогнѣвалъ?

Явленіе 9-е.

Вральманъ, Кутейкинъ и Цыфиркинъ.

Вральманъ. Поти, мая матушка! Салетна птиса! Съ нимъ тфой гласа натопно.

Г-жа Простакова. Прощай же, Адамъ Адамычъ! (Отходитъ).

Цыфиркинъ (насмѣхаясь). Эка образина!

Кутейкинъ (насмѣхаясь). Притча во языцѣхъ!

Вральманъ. Чему фы супы-то скалите, нефѣжи?

Цыфиркинъ (ударивъ по плечу). А ты что брови-то нахмурилъ, чухонская сова!

Вральманъ. Ой! ой! шелѣсны лапы!

Кутейкинъ (ударивъ по плечу). Филинъ проклятый, что ты буркалами-то похлопываешь?

Вральманъ (тихо). Пропаль я. (Вслухъ). Што фы истефаетесь, репята, што ли, нато мною?

Цыфиркинъ. Самъ праздно хлѣбъ ѣшь, и другимъ ничего дѣлать не даешь; да ты жъ еще и рожи не уставишь.

Кутейкинъ. Уста твоя всегда глаголаша гордыню, нечестивый!

Вральманъ (оправляясь отъ робости). Какъ фы терсаете нефѣшничать передъ ушоной персоной? Я на-краулъ сакричу.

Цыфиркинъ. А мы те и честь отдадимъ: я доскою...

Кутейкинъ. А я Часословомъ.

Вральманъ. Я хоспожѣ на фасъ пошаляюсь.

(Цыфиркинъ, замахиваясь доскою, а Кутейкинъ Часословомъ).

Цыфиркинъ. Раскрою тебѣ рожу на пятеро. } Вмѣстѣ.
Кутейкинъ. Зубы грѣшника сокрушу. }

(Вральманъ бѣжитъ).

Цыфиркинъ. Ага! поднялъ трусъ ноги!

Кутейкинъ. Направи стопы своя, окаянный.

Вральманъ (въ дверяхъ). Што фсяли, пестія? Сюта сунтесь.

Цыфиркинъ. Уплелъ! Мы бы дали тебѣ таску.

Вральманъ. Лихъ не паюсь теперь, не паюсь!

Кутейкинъ. Засѣлъ пребеззаконный! Много-ль тамъ васъ басурмановъ-то! Всѣхъ высылай.

Вральманъ. Съ атнимъ не слатили. Эхъ, пратъ, фсяли! }
Цыфиркинъ. Одинъ десятерыхъ уберу. } Всѣ вдругъ кричатъ.
Кутейкинъ. Во утріе избію вся грѣшныя земли. }

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Явленіе 1-е.

Софья (одна, глядя на часы). Дядюшка скоро долженъ выйти. (Садясь). Я его здѣсь подожду. (Вынимаетъ книжку и, прочитавъ нѣсколько). Это правда. Какъ не быть довольну сердцу, когда спокойна совѣсть! (Прочитавъ опять нѣсколько). Нельзя не любить правилъ добродѣтели: они способы къ счастію. (Прочитавъ нѣсколько, взглянула и, увидѣвъ Стародума, къ нему подбѣгаетъ).

Явленіе 2-е.

Софья и Стародумъ.

Стародумъ. А! ты уже здѣсь, другъ мой сердечный.

Софья. Я васъ дожидалась, дядюшка. Читала теперь книжку.

Стародумъ. Какую?

Софья. Французскую: Фенелона, о воспитаніи дѣвицъ.

Стародумъ. Фенелона, автора Телемака? Хорошо. Я не знаю твоей книжки, однако читай ее, читай. Кто написалъ Телемака, тотъ перомъ своимъ нравовъ развращать не станетъ. Я боюсь для васъ нынѣшнихъ мудрецовъ. Мнѣ случилось читать изъ нихъ все то, что переведено по-русски. Они, правда, искореняютъ сильно предразсудки, да воротятъ съ корня добродѣтель. Сядемъ. (Оба сѣли). Мое сердечное желаніе видѣть тебя столько счастливою, сколько въ свѣтѣ быть возможно.

Софья. Ваши наставленія, дядюшка, составятъ все мое благополучіе. Дайте мнѣ правила, которымъ я послѣдовать должна. Руководствуйте сердцемъ моимъ; оно готово вамъ повиноваться.

Стародумъ. Мнѣ пріятно расположеніе души твоей. Съ радостью подамъ тебѣ мои совѣты. Слушай меня съ такимъ вниманіемъ, съ какою искренностію я говорить буду. Поближе. (Софья подвигаетъ стулъ свой).

Софья. Дядюшка, всякое слово ваше врѣзано будетъ въ сердце мое.

Стародумъ (съ важнымъ чистосердечіемъ). Ты теперь въ тѣхъ лѣтахъ, душа наслаждаться хочетъ всѣмъ бытіемъ своимъ, разумъ хочетъ знать, а сердце чувствовать. Ты входишь теперь въ свѣтъ, гдѣ первый шагъ рѣшитъ часто судьбу цѣлой жизни, гдѣ всего чаще первая встрѣча бываетъ умы, развращенные въ своихъ понятіяхъ, сердца, развращенныя въ своихъ чувствіяхъ. О, мой другъ! умѣй различить, умѣй остановиться съ тѣми, которыхъ дружба къ тебѣ была бы надежною порукою за твой разумъ и сердце.

Софья. Все мое стараніе употреблю заслужить доброе мнѣніе людей достойныхъ. Да какъ мнѣ избѣжать, чтобъ тѣ, которые увидятъ, какъ отъ нихъ я удаляюсь, не стали на меня злобиться? Не можно ль, дядюшка, найти такое средство, чтобъ мнѣ никто на свѣтѣ зла не пожелалъ?

Стародумъ. Дурное расположеніе людей, недостойныхъ почтенія, не должно быть огорчительно. Знай, что зла никогда не желаютъ тѣмъ, кого презираютъ; а обыкновенно желаютъ зла тѣмъ, кто имѣетъ право презирать. Люди не одному богатству, не одной знатности завидуютъ: и добродѣтель также своихъ завистниковъ имѣетъ. Они всею силою стараются развратить невинное сердце, чтобъ унизить его до себя самихъ, и разумъ, не имѣвшій испытанія, обольщаютъ для того, чтобъ полагать свое счастье не въ томъ, въ чемъ надобно.

Софья. Возможно ли, дядюшка, чтобъ были въ свѣтѣ такіе жалкіе люди, въ которыхъ дурное чувство родится точно отъ того, что есть въ другихъ хорошее? Добродѣтельный человѣкъ сжалиться долженъ надъ такими несчастными.

Стародумъ. Они жалки, это правда, однако для этого добродѣтельный человѣкъ не перестаетъ идти своей дорогой. Подумай ты сама, какое было бы несчастье, ежели-бъ солнце перестало свѣтить для того, чтобъ слабыхъ глазъ не ослѣпить!

Софья. Да скажите жъ мнѣ, пожалуйте, виноваты ли они? Всякій ли человѣкъ можетъ быть добродѣтеленъ?

Стародумъ. Повѣрь мнѣ, всякій найдетъ въ себѣ довольно силъ, чтобъ быть добродѣтельну. Надобно захотѣть рѣшительно, а тамъ всего будетъ легче не дѣлать того, за что бъ совѣсть угрызала.

Софья. Кто жъ остережетъ человѣка, кто не допуститъ до того, за что послѣ мучитъ его совѣсть?

Стародумъ. Кто остережетъ? Та же совѣсть. Вѣдай, что совѣсть всегда, какъ другъ, остерегаетъ прежде, нежели какъ судья наказываетъ.

Софья. Такъ поэтому надобно, чтобъ всякій порочный человѣкъ былъ дѣйствительно презрѣнія достоинъ, когда дѣлаетъ онъ дурно, знавъ, что дѣлаетъ. Надобно, чтобъ душа его была очень низка, когда она не выше дурнаго дѣла.

Стародумъ. И надобно, чтобъ разумъ его былъ не прямой разумъ, когда онъ полагаетъ свое счастье не въ томъ, въ чемъ надобно.

Софья. Мнѣ казалось, дядюшка, что всѣ люди согласились, въ чемъ полагать свое счастье. Знатность, богатство...

Стародумъ. Такъ, мой другъ! И я согласенъ назвать счастливымъ знатнаго и богатаго. Да сперва согласимся, кто знатенъ и кто богатъ. У меня мой расчетъ. Степени знатности разсчитываю я по числу дѣлъ, которыя большой господинъ сдѣлалъ для отечества, а не по числу дѣлъ, которыя нахваталъ на себя изъ высокомѣрія; не по числу людей, которые шатаются въ его передней, а по числу людей, довольныхъ его поведеніемъ и дѣлами. Мой знатный человѣкъ, конечно, счастливъ; богачъ мой тоже. По моему расчету, не тотъ богатъ, который отсчитываетъ деньги, чтобъ прятать ихъ въ сундукъ, а тотъ, который отсчитываетъ у себя лишнее, чтобъ помочь тому, у кого нѣтъ нужнаго.

Софья. Какъ это справедливо! Какъ наружность насъ ослѣпляетъ! Мнѣ самой случалось видѣть множество разъ, какъ завидуютъ тому, кто у двора ищетъ и значитъ...

Стародумъ. А того не знаютъ, что у двора всякая тварь что-нибудь да значитъ и чего-нибудь да ищетъ; того не знаютъ, что у двора всѣ придворные и у всѣхъ придворные. Нѣтъ, тутъ завидовать нечего: безъ знатныхъ дѣлъ знатное состояніе ничто.

Софья. Конечно, дядюшка. И такой знатный никого счастливымъ не дѣлаетъ, кромѣ себя одного.

Стародумъ. Какъ! А развѣ тотъ счастливъ, кто счастливъ одинъ? Знай, какъ бы онъ знатенъ ни былъ, душа его прямого удовольствія не вкушаетъ. Вообрази себѣ человѣка, который бы всю свою знатность устремилъ на то только, чтобъ ему одному было хорошо, который бы и достигъ уже до того, чтобъ самому ему ничего желать не оставалось; вѣдь тогда вся душа его занялась бы однимъ чувствомъ, одной боязнію: рано или поздно сверзиться. Скажи жъ, мой другъ, счастливъ ли тотъ, кому нечего желать, а есть чего бояться?

Софья. Вижу, какая разница казаться счастливымъ и быть дѣйствительно. Да мнѣ это непонятно, дядюшка, какъ можно человѣку все помнить одного себя. Неужели не разсуждаютъ, чѣмъ одинъ обязанъ другому? Гдѣ жъ умъ, которымъ такъ величаются?

Стародумъ. Чѣмъ умомъ величаться, другъ мой? Умъ, коль онъ только что умъ, самая бездѣлица. Съ пребѣглыми умами видимъ мы худыхъ мужей, худыхъ отцовъ, худыхъ гражданъ. Прямую цѣну уму даетъ благонравіе; безъ него умный человѣкъ чудовище. Онъ неизмѣримо выше всей бѣглости ума. Это легко понять всякому, кто хорошенько подумаетъ. Умовъ много и много разныхъ. Умнаго человѣка легко извинить можно, если онъ какого-нибудь качества ума и не имѣетъ; честному человѣку никакъ простить нельзя, ежели недостаетъ въ немъ какого-нибудь качества сердца: ему необходимо всѣ имѣть надобно. Достоинство сердца нераздѣлимо. Честный человѣкъ долженъ быть совершенно честный человѣкъ.

Софья. Ваше изъясненіе, дядюшка, сходно съ моимъ внутреннимъ чувствомъ, котораго я изъяснить не могла. Я теперь живо чувствую и достоинство честнаго человѣка, и его должность.

Стародумъ. Должность! А, мой другъ, какъ это слово у всѣхъ на языкѣ, и какъ мало его понимаютъ! Всечасное употребленіе этого слова такъ насъ съ нимъ ознакомило, что, выговоря его, человѣкъ ничего уже не мыслитъ, ничего не чувствуетъ. Еслибъ люди понимали его важность, никто не могъ бы вымолвить его безъ душевнаго почтенія. Подумай, что такое должность. Это тотъ священный обѣтъ, которымъ обязаны мы всѣмъ тѣмъ, съ кѣмъ живемъ и отъ кого зависимъ. Еслибъ такъ должность исполняли, какъ объ ней твердятъ, всякое состояніе людей осталось бы при своемъ любочестіи и было бъ совершенно счастливо. Дворянинъ, напримѣръ, считалъ бы за первое безчестье не дѣлать ничего, когда есть ему столько дѣла: есть люди, которымъ помогать; есть отечество, которому служить. Тогда не было бъ такихъ дворянъ, которыхъ благородство, можно сказать, погребено съ ихъ предками. Дворянинъ, недостойный быть дворяниномъ,—подлѣе его ничего на свѣтѣ не знаю.

Софья. Возможно ль такъ себя унизить?

Стародумъ. Другъ мой, что сказалъ я о дворянинѣ, распространимъ теперь вообще на человѣка. У каждаго свои должности. Посмотримъ, какъ онѣ исполняются. Каковы, напримѣръ, большею частію мужья нынѣшняго свѣта: не забудемъ, каковы и жены. О мой сердечный другъ! теперь мнѣ все твое вниманіе потребно. Возьмемъ въ примѣръ несчастный домъ, каковыхъ множество, гдѣ жена не имѣетъ никакой сердечной дружбы къ мужу, ни онъ къ женѣ довѣренности; гдѣ каждый съ своей стороны своротили съ пути добродѣтели. Вмѣсто искренняго и снисходительнаго друга, жена видитъ въ мужѣ своемъ грубаго и развращеннаго тирана. Съ другой стороны, вмѣсто кротости, чистосердечія, свойствъ жены добродѣтельной, мужъ видитъ въ душѣ своей жены одну своенравную наглость, а наглость въ женщинѣ есть вывѣска порочнаго поведенія. Оба стали другъ другу въ несносную тягость; оба ни во что уже не ставятъ доброе имя, потому что у обоихъ оно потеряно. Можно ль быть ужаснѣе ихъ состоянія? Домъ брошенъ; люди забываютъ долгъ повиновенія, видя въ самомъ господинѣ своемъ раба гнусныхъ страстей его; имѣніе расточается: оно сдѣлалось ничье, когда хозяинъ его самъ не свой. Дѣти, несчастныя ихъ дѣти, при жизни отца и матери уже осиротѣли. Отецъ, не имѣя почтенія къ женѣ своей, едва смѣетъ ихъ обнять, едва смѣетъ отдаться нѣжнѣйшимъ чувствованіямъ человѣческаго сердца. Невинные младенцы лишены также и горячности матери. Она, недостойная имѣть дѣтей, уклоняется ихъ ласки, видя въ нихъ или причины безпокойствъ своихъ, или упрекъ своего развращенія. И какого воспитанія ожидать дѣтямъ отъ матери, потерявшей добродѣтель? Какъ ей учить ихъ благонравію, котораго въ ней нѣтъ? Въ минуты, когда мысль ихъ обращается на ихъ состояніе, какому аду должно быть въ душахъ и мужа и жены?

Софья. Ахъ, какъ я ужасаюсь этого примѣра!

Стародумъ. И не дивлюся: онъ долженъ привести въ трепетъ добродѣтельную душу. Я еще той вѣры, что человѣкъ не можетъ быть развращенъ столько, чтобъ могъ спокойно смотрѣть на то, что видимъ.

Софья. Боже мой! отчего такія страшныя несчастія?

Стародумъ. Оттого, мой другъ, что при нынѣшнихъ супружествахъ рѣдко съ сердцемъ совѣтуются. Дѣло о томъ: знатенъ ли, богатъ ли женихъ, хороша ли, богата ли невѣста; о благонравіи вопросу нѣтъ. Никому и въ голову не входитъ, что въ глазахъ мыслящихъ людей честный человѣкъ безъ большого чина — презнатная особа; что добродѣтель все замѣняетъ, а добродѣтели ничто замѣнить не можетъ. Признаюсь тебѣ, другъ мой, что сердце мое тогда только будетъ спокойно, когда увижу тебя за мужемъ, достойнымъ твоего сердца, когда взаимная любовь ваша...

Софья. Да какъ достойнаго мужа не любить дружески?

Стародумъ. Такъ. Только, пожалуй, не имѣй ты къ мужу своему любви, которая на дружбу походила бъ; имѣй къ нему дружбу, которая на

любовь бы походила: это будетъ гораздо прочнѣе. Тогда, послѣ двадцати лѣтъ женитьбы, найдете въ сердцахъ вашихъ прежнюю другъ къ другу привязанность. Мужъ благоразумный, жена добродѣтельная—что почтеннѣе быть можетъ! Надобно, мой другъ, чтобъ мужъ твой повиновался разсудку, а ты мужу, и будете оба совершенно благополучны.

Софья. Все, что вы ни говорите, трогаетъ сердце мое...

Стародумъ (съ нѣжнѣйшею горячностію). И мое восхищается, видя твою чувствительность. Отъ тебя зависитъ твое счастіе. Богъ далъ тебѣ всѣ пріятности твоего пола. Вижу въ тебѣ сердце честнаго человѣка. Ты, мой сердечный другъ, ты соединяешь въ себѣ обоихъ половъ совершенства. Ласкаюсь, что горячность моя меня не обманываетъ, что добродѣтель...

Софья. Ты ею наполнилъ всѣ мои чувства. (Бросаясь целовать ему руки). Гдѣ она?

Стародумъ (цалуя самъ ея руки). Она въ твоей душѣ. Благодарю Бога, что въ самой тебѣ нахожу твердое основаніе твоего счастія. Оно не будетъ зависѣть ни отъ знатности, ни отъ богатства. Все это прійти къ тебѣ можетъ; однако для тебя есть счастье всего этого больше. Это то, чтобъ чувствовать себя достойною всѣхъ благъ, которыми ты можешь наслаждаться...

Софья. Дядюшка! Истинное мое счастье то, что ты у меня есть. Я знаю цѣну...

Явленіе 3-е.

Тѣ же и Камердинеръ.

(Камердинеръ подаетъ письмо Стародуму).

Стародумъ. Откуда?

Камердинеръ. Изъ Москвы, съ нарочнымъ. (Отходитъ).

Стародумъ (распечатавъ и смотря на надпись). Графъ Честанъ. А! (Начиная читать, показываетъ видъ, что глаза разобрать не могутъ). Софьюшка, очки мои на столѣ, въ книгѣ.

Софья (отходя). Тотчасъ, дядюшка.

Явленіе 4-е.

Стародумъ (одинъ). Онъ, конечно, пишетъ ко мнѣ о томъ же, о чемъ въ Москвѣ сдѣлалъ предложеніе? Я не знаю Милона; но когда дядя его мой истинный другъ, когда вся публика считаетъ его честнымъ и достойнымъ человѣкомъ... если свободно ея сердце...

Явленіе 5-е.

Стародумъ и Софья.

Софья (подавая очки). Нашла, дядюшка.

Стародумъ (читаетъ). „...Я теперь только узналъ... ведетъ въ Мо-

скву свою команду... онъ съ вами долженъ встрѣтиться. Сердечно буду радъ, если онъ увидится съ вами... Возьмите трудъ узнать образъ мыслей его..." (Въ сторону). Конечно, безъ того ее не выдамъ... „Вы найдете... Вашъ истинный другъ..." Хорошо. Это письмо до тебя принадлежитъ. Я сказывалъ тебѣ, что молодой человѣкъ, похвальныхъ свойствъ, представленъ... Слова мои тебя смущаютъ, другъ мой сердечный; я это и давича примѣтилъ и теперь вижу. Довѣренность твоя ко мнѣ...

Софья. Могу ли я имѣть на сердцѣ что-нибудь отъ васъ скрытое? Нѣтъ, дядюшка, я чистосердечно скажу вамъ...

Явленіе 6-е.

Тѣ же, Правдинъ и Милонъ.

Правдинъ. Позвольте представить вамъ господина Милона, моего истиннаго друга.

Стародумъ (въ сторону). Милонъ!

Милонъ. Я почту за истинное счастіе, если удостоюсь вашего добраго мнѣнія, вашихъ ко мнѣ милостей...

Стародумъ. Графъ Честанъ не свойственникъ ли вашъ?

Милонъ. Онъ мнѣ дядя.

Стародумъ. Мнѣ очень пріятно быть знакому съ человѣкомъ вашихъ качествъ. Дядя вашъ мнѣ о васъ говорилъ. Онъ отдаетъ вамъ всю справедливость. Особливыя достоинства...

Милонъ. Это его ко мнѣ милость. Въ мои лѣта и въ моемъ положеніи было бы непростительное высокомѣріе считать все то заслуженнымъ, чѣмъ молодого человѣка ободряютъ достойные люди.

Правдинъ. Я напередъ увѣренъ, что другъ мой пріобрѣтетъ вашу благосклонность, если вы его узнаете короче. Онъ бывалъ часто въ домѣ покойной сестрицы вашей... (Стародумъ оглядывается на Софью).

Софья (тихо Стародуму и въ большой робости). И матушка любила его, какъ сына.

Стародумъ (Софьѣ). Мнѣ это очень пріятно. (Милону). Я слышалъ, что вы были въ арміи. Неустрашимость ваша...

Милонъ. Я дѣлалъ мою должность. Ни лѣта мои, ни чинъ, ни положеніе еще не позволяли мнѣ показать прямой неустрашимости, буде есть во мнѣ она.

Стародумъ. Какъ! Будучи въ сраженіяхъ и подвергая жизнь свою...

Милонъ. Я подвергалъ ее, какъ прочіе. Тутъ храбрость была такое качество сердца, какое солдату велитъ имѣть начальникъ, а офицеру— честь. Признаюсь вамъ искренно, что показать прямой неустрашимости не имѣлъ я еще никакого случая; испытать же себя сердечно желаю.

Стародумъ. Я крайне любопытенъ знать, въ чемъ же полагаете вы прямую неустрашимость?

Милонъ. Если позволите мнѣ сказать мысль мою: я полагаю истинную неустрашимость въ душѣ, а не въ сердцѣ. У кого она въ душѣ, у того, безъ всякаго сомнѣнія, и храброе сердце. Въ нашемъ военномъ ремеслѣ храбръ долженъ быть воинъ, неустрашимъ военачальникъ. Онъ съ холодною кровью усматриваетъ всѣ степени опасности, принимаетъ нужныя мѣры, славу свою предпочитаетъ жизни; но что всего болѣе—онъ для пользы и славы отечества не устрашается забыть свою собственную славу. Неустрашимость его состоитъ слѣдственно въ томъ, чтобъ презирать жизнь свою: онъ ее никогда не отваживаетъ; онъ умѣетъ ею жертвовать.

Стародумъ. Справедливо. Вы прямую неустрашимость полагаете въ начальникѣ; свойственна ли же она и другимъ состояніямъ?

Милонъ. Она—добродѣтель; слѣдственно нѣтъ состоянія, которое ею не могло бы отличиться. Мнѣ кажется, храбрость сердца доказывается въ часъ сраженія, а неустрашимость души—во всѣхъ испытаніяхъ, во всѣхъ положеніяхъ жизни. И какая разница между безстрашіемъ солдата, который на приступѣ отваживаетъ жизнь свою на ряду съ прочими, и между неустрашимостію человѣка государственнаго, который говоритъ правду государю, отваживаясь его прогнѣвать? Судья, который, не убоясь ни мщенія, ни угрозъ сильнаго, отдалъ справедливость безпомощному, въ моихъ глазахъ—герой. Какъ мала душа того, кто за бездѣлицу вызоветъ на дуэль, передъ тѣмъ, кто вступится за отсутствующаго, котораго честь при немъ клеветники терзаютъ? Я понимаю неустрашимость такъ...

Стародумъ. Какъ понимать должно тому, у кого она въ душѣ. Обойми меня, другъ мой! Извини мое простосердечіе: я другъ честныхъ людей. Это чувство вкоренено въ мое воспитаніе. Въ тебѣ вижу и почитаю добродѣтель, украшенную разсудкомъ просвѣщеннымъ.

Милонъ. Душа благородная... Нѣтъ, не могу скрывать болѣе моего сердечнаго чувства... Нѣтъ. Добродѣтель твоя извлекаетъ силою своею все таинство души моей. Если мое сердце добродѣтельно, если стоитъ оно быть счастливо, отъ тебя зависитъ сдѣлать его счастье. Я полагаю его въ томъ, чтобъ имѣть женою любезную племянницу вашу. Взаимная наша склонность...

Стародумъ (къ Софьѣ, съ радостью). Какъ! Сердце твое умѣло отличить того, кого я самъ предлагалъ тебѣ? Вотъ мой тебѣ женихъ...

Софья. И я люблю его сердечно.

Стародумъ. Вы оба другъ друга достойны. (Въ восхищеніи соединяетъ ихъ руки). Отъ всей души моей даю вамъ мое согласіе.

Милонъ (обнимая Стародума). Мое счастіе несравненно.

Софья (цалуя руки Стародумовы). Кто можетъ быть счастливѣе меня?

} Вмѣстѣ.

Правдинъ. Какъ искренно я радъ!

Стародумъ. Мое удовольствіе неизреченно.

Милонъ (цалуя руки Софьи). Вотъ минута нашего благополучія!

Софья. Сердце мое вѣчно любить тебя будетъ.

Явленіе 7-е.

Тѣ же и Скотининъ.

Скотининъ. И я здѣсь.

Стародумъ. Зачѣмъ пожаловалъ?

Скотининъ. За своей нуждой.

Стародумъ. А чѣмъ могу служить?

Скотининъ. Двумя словами.

Стародумъ. Какими это?

Скотининъ. Обнявъ меня покрѣпче, скажи: Софьюшка твоя.

Стародумъ. Не пустое ль затѣвать изволишь? Подумай-ка хорошенько.

Скотининъ. Я никогда не думаю и напередъ увѣренъ, что коли и ты думать не станешь, то Софьюшка моя.

Стародумъ. Это странное дѣло! Человѣкъ ты, какъ вижу, не безъ ума, а хочешь, чтобъ я отдалъ мою племянницу за кого, не знаю.

Скотининъ. Не знаешь, такъ я скажу. Я Тарасъ Скотининъ, въ родѣ своемъ не послѣдній. Родъ Скотининыхъ великій и старинный. Пращура нашего ни въ какой герольдіи [1]) не отыщешь.

Правдинъ (смѣючись). Эдакъ вы насъ увѣрите, что онъ старѣе Адама.

Скотининъ. А что ты думаешь? Хоть немногимъ...

Стародумъ (смѣючись). То есть, пращуръ твой созданъ хоть въ шестой же день, да немного попрежде Адама.

Скотининъ. Нѣтъ, право? Такъ ты добраго мнѣнія о старинѣ моего рода?

Стародумъ. О! такого-то добраго, что я удивляюсь, какъ на твоемъ мѣстѣ можно выбирать жену изъ другого рода, какъ изъ Скотининыхъ.

Скотининъ. Разсуди же, какое счастье Софьюшкѣ быть за мною. Она дворянка...

Стародумъ. Экой человѣкъ! Да для того-то ты ей не женихъ.

Скотининъ. Уже я на то пошелъ. Пусть болтаютъ, что Скотининъ женился на дворяночкѣ; для меня все равно.

Стародумъ. Да для нея не все равно, когда скажутъ, что дворянка вышла за Скотинина.

---

[1]) Учрежденіе, вѣдающее дворянскія родословныя.

Милонъ. Такое неравенство сдѣлало бъ несчастье вамъ обоимъ.

Скотининъ. Ба! Да этотъ что тутъ равняется? (Тихо Стародуму). А! не отбиваетъ ли?

Стародумъ (тихо Скотинину). Мнѣ такъ кажется.

Скотининъ (тѣмъ же тономъ). Да гдѣ къ чорту!

Стародумъ (тѣмъ же тономъ). Тяжело.

Скотининъ (громко указывая, на Милона). Кто жъ изъ насъ смѣшонъ? Ха, ха, ха, ха!

Стародумъ (смѣется). Вижу, кто смѣшонъ.

Софья. Дадюшка, какъ мнѣ мило, что вы веселы!

Скотининъ (Стародуму). Ба! Да ты весельчакъ. Давича я думалъ, что къ тебѣ и приступу нѣтъ. Мнѣ слова не сказалъ, а теперь все со мной смѣешься.

Стародумъ. Таковъ человѣкъ, мой другъ! Часъ на часъ не приходитъ.

Скотининъ. Это и видно. Вѣдь и давича былъ я тотъ же Скотининъ, а ты сердился.

Стародумъ. Была причина.

Скотининъ. Я ее и знаю. Я и самъ въ этомъ таковъ же. Дома, когда зайду въ хлѣва, да найду свиней не въ порядкѣ,—досада и возьметъ. И ты, не въ проносъ слово, заѣхавъ сюда, нашелъ сестринъ домъ не лучше хлѣвовъ,—тебѣ и досадно.

Стародумъ. Ты меня счастливѣе. Меня трогаютъ люди.

Скотининъ. А меня такъ свиньи.

Явленіе 8-е.

Тѣ же, г-жа Простакова, Простаковъ, Митрофанъ и Еремѣевна.

Г-жа Простакова (входя). Все ль съ тобою, другъ мой?

Митрофанъ. Ну, да ужъ не заботься.

Г-жа Простакова (Стародуму). Хорошо ли отдохнуть изволилъ, батюшка? Мы всѣ въ четвертой комнатѣ на цыпочкахъ ходили, чтобъ тебя не обезпокоить; не смѣли въ дверь заглянуть; послышимъ, анъ ужъ ты давно и сюда выйти изволилъ. Не взыщи, батюшка...

Стародумъ. О, сударыня, мнѣ очень было бы досадно, ежели бъ вы сюда пожаловали ранѣе.

Скотининъ. Ты, сестра, какъ на смѣхъ, все за мною по пятамъ. Я пришелъ сюда за своею нуждою.

Г-жа Простакова. А я такъ за своею. (Стародуму). Позволь же, мой батюшка, потрудить васъ теперь общею нашею просьбою. (Мужу и сыну). Кланяйтесь.

Стародумъ. Какою, сударыня?

Г-жа Простакова. Во-первыхъ, прошу милости всѣхъ садиться. (Всѣ садятся, кромѣ Митрофана и Еремѣевны). Вотъ въ чемъ дѣло, батюшка. За молитвы родителей нашихъ (намъ грѣшнымъ гдѣ-бъ и умолить!) даровалъ намъ Господь Митрофанушку. Мы все дѣлали, чтобъ онъ у насъ сталъ таковъ, какъ изволишь его видѣть. Не угодно ль, мой батюшка, взять на себя трудъ и посмотрѣть, какъ онъ у насъ выученъ?

Стародумъ. О, сударыня, до моихъ ушей уже дошло, что онъ теперь только и отучиться изволилъ. Я слышалъ объ его учителяхъ и вижу напередъ, какому грамотѣю ему быть надобно, учася у Кутейкина, и какому математику, учася у Цыфиркина. (Къ Правдину). Любопытенъ бы я былъ послушать, чему нѣмецъ-отъ его выучилъ.

Г-жа Простакова. Всѣмъ наукамъ, батюшка.
Простаковъ. Всему, мой отецъ.
Митрофанъ. Всему, чему изволишь.
} Вмѣстѣ.

Правдинъ (Митрофану). Чему жъ бы напримѣръ?

Митрофанъ (подаетъ ему книгу). Вотъ грамматикѣ.

Правдинъ (взявъ книгу). Вижу. Это грамматика. Что жъ вы въ ней знаете?

Митрофанъ. Много. Существительна, да прилагательна...

Правдинъ. Дверь, напримѣръ, какое имя: существительное или прилагательное?

Митрофанъ. Дверь? котора дверь?

Правдинъ. Котора дверь! вотъ эта.

Митрофанъ. Эта? Прилагательна.

Правдинъ. Почему-жъ?

Митрофанъ. Потому что она приложена къ своему мѣсту. Вонъ у чулана шеста недѣля дверь стоитъ еще не навѣшена: такъ та покамѣсть существительна.

Правдинъ. Такъ поэтому у тебя слово дуракъ прилагательное, потому что оно прилагается къ глупому человѣку?

Митрофанъ. И вѣдомо.

Г-жа Простакова. Что, каково, мой батюшка?

Простаковъ. Каково, мой отецъ?

Правдинъ. Нельзя лучше. Въ грамматикѣ онъ силенъ.

Милонъ. Я думаю, не меньше и въ исторіи.

Г-жа Простакова. То, мой батюшка, онъ еще сызмала къ исторіямъ охотникъ.

Скотининъ. Митрофанъ по мнѣ. Я самъ безъ того глазъ не сведу, чтобъ выборный не разсказывалъ мнѣ исторій. Мастеръ, собачій сынъ! Откуда что берется.

Г-жа Простакова. Однако все-таки не придетъ противъ Адамъ Адамыча.

Правдинъ (Митрофану). А далеко ли вы въ исторіи?

Митрофанъ. Далеко-ль? Какова исторія!! Въ иной залетишь за тридевять земель, за тридесято царство.

Правдинъ. А! такъ этой-то исторіи учитъ васъ Вральманъ?

Стародумъ. Вральманъ! Имя что-то знакомое.

Митрофанъ. Нѣтъ. Нашъ Адамъ Адамычъ исторіи не разсказываетъ; онъ, что я же, самъ охотникъ слушать.

Г-жа Простакова. Они оба заставляютъ себѣ разсказывать исторіи скотницу Хавронью.

Правдинъ. Да не у ней ли оба вы учились и географіи?

Г-жа Простакова (сыну). Слышишь, другъ мой сердечный. Это что за наука?

Митрофанъ (тихо матери). А я почемъ знаю?

Г-жа Простакова (тихо Митрофану). Не упрямься, душенька, теперь-то себя и показать.

Митрофанъ (тихо матери). Да я не возьму въ толкъ, о чемъ спрашиваютъ.

Г-жа Простакова (Правдину). Какъ, батюшка, назвалъ ты науку-то?

Правдинъ. Географія.

Г-жа Простакова (Митрофану). Слышишь, еоргафія.

Митрофанъ. Да что такое? Господи Боже мой! Пристали съ ножемъ къ горлу.

Г-жа Простакова (Правдину). И вѣдомо, батюшка. Да скажи ему, сдѣлай милость, да какая наука-то: онъ ее и разскажетъ.

Правдинъ. Описаніе земли.

Г-жа Простакова (Стародуму). А къ чему бы это служило на первый случай?

Стародумъ. На первый случай годилось бы и къ тому, что ежели бъ случилось ѣхать, такъ знаешь, куда ѣдешь.

Г-жа Простакова. Ахъ, мой батюшка! Да извозчики-то на что жъ? Это ихъ дѣло. Это таки и наука-то не дворянская. Дворянинъ только скажи: повези меня туда,—свезутъ, куда изволишь. Мнѣ, повѣрь, батюшка, что, конечно, то вздоръ, чего не знаетъ Митрофанушка.

Стародумъ. О, конечно, сударыня, въ человѣческомъ невѣжествѣ весьма утѣшительно считать все то за вздоръ, чего не знаешь.

Г-жа Простакова. Безъ наукъ люди живутъ и жили. Покойникъ батюшка воеводою былъ пятнадцать лѣтъ, а съ тѣмъ и скончаться изволилъ, что не умѣлъ грамотѣ, а умѣлъ достаточекъ нажить и сохранить. Челобитчиковъ принималъ всегда, бывало, сидя на желѣзномъ сундукѣ. Послѣ всякаго сундукъ отворитъ и что-нибудь положитъ. То-то экономъ былъ! Жизни не жалѣлъ, чтобъ изъ сундука ничего не вынуть. Передъ другимъ не похвалюсь, отъ васъ не потаю: покойникъ-свѣтъ лежа на сундукѣ съ деньгами умеръ, такъ сказать, съ голоду. А! каково это?

Стародумъ. Препохвально. Надобно быть Скотинину, чтобъ вкусить такую блаженную кончину.

Скотининъ. Да коль доказывать, что ученье вздоръ, такъ возьмемъ дядю Вавилу Фалелеича. О грамотѣ никто отъ него не слыхивалъ, ни онъ ни отъ кого слышать не хотѣлъ, а какова была головушка!

Правдинъ. Что жъ такое?

Скотининъ. Да съ нимъ на роду вотъ что случилось. Верхомъ на борзомъ иноходцѣ разбѣжался онъ хмельной въ каменны ворота. Мужикъ былъ рослый, ворота низки: забылъ наклониться—какъ хватитъ себя лбомъ о притолку, индо пригнуло дядю къ похвямъ потылицею, и бодрый конь вынесъ его изъ воротъ къ крыльцу навзничь. Я хотѣлъ бы знать: есть ли на свѣтѣ ученый лобъ, который бы отъ такого тумака не развалился; а дядя, вѣчная ему память, протрезвясь, спросилъ только: цѣлы ли ворота?

Милонъ. Вы, господинъ Скотининъ, сами признаете себя неученымъ человѣкомъ; однако, я думаю, въ этомъ случаѣ и вашъ лобъ былъ бы не крѣпче ученаго.

Стародумъ (Милону). Объ закладъ не бейся, другъ мой. Я думаю, что Скотинины всѣ родомъ крѣпколобы.

Г-жа Простакова. Батюшка мой! да что за радость и выучиться? Мы это видимъ своими глазами и въ нашемъ краю. Кто посмышленѣе, того свои же братья тотчасъ выберутъ еще въ какую-нибудь должность.

Стародумъ. А кто посмышленѣе, тотъ и не откажетъ быть полезнымъ своимъ согражданамъ.

Г-жа Простакова. Богъ васъ знаетъ, какъ вы нынче судите. У насъ, бывало, всякій того и смотритъ, что на покой. (Правдину) Ты самъ, батюшка, сколько трудишься! Вотъ и теперь, сюда шедши, я видѣла, что къ тебѣ несутъ какой-то пакетъ.

Правдинъ. Ко мнѣ пакетъ? И мнѣ никто этого не скажетъ! (Вставая) Я прошу извинить меня, что васъ оставлю. Можетъ быть, есть ко мнѣ какія-нибудь повелѣнія отъ намѣстника.

Стародумъ (встаетъ и всѣ встаютъ). Поди, мой другъ; однако я съ тобою не прощаюсь.

Правдинъ. Я еще увижусь съ вами. Вы завтра ѣдете поутру?

Стародумъ. Часовъ въ семь. (Правдинъ отходитъ).

Милонъ. А я завтра же, проводя васъ, поведу мою команду. Теперь пойду сдѣлать къ тому распоряженіе. (Милонъ отходитъ, прощаясь съ Софьею взорами).

Явленіе 9-е.

Г-жа Простакова, Митрофанъ, Простаковъ, Еремѣевна, Стародумъ и Софья.

Г-жа Простакова (Стародуму). Ну, мой батюшка, ты довольно видѣлъ, каковъ Митрофанушка?

Скотининъ. Ну, мой другъ сердечный, ты видишь, каковъ я?

Стародумъ. Узналъ обоихъ нельзя короче.

Скотининъ. Быть ли же за мною Софьюшкѣ?

Стародумъ. Не бывать.

Г-жа Простакова. Женихъ ли ей Митрофанушка?

Стародумъ. Не женихъ.

Г-жа Простакова. А что бъ помѣшало?
Скотининъ. За чѣмъ же дѣло стало? } Вмѣстѣ.

Стародумъ (сведя обоихъ). Вамъ однимъ за секретъ сказать можно: она сговорена. (Отходитъ и даетъ знакъ Софьѣ, чтобъ шла за нимъ).

Г-жа Простакова. Ахъ, злодѣй!

Скотининъ. Да онъ рехнулся.

Г-жа Простакова (съ нетерпѣніемъ). Когда они выѣдутъ?

Скотининъ. Вѣдь ты слышала, поутру въ семь часовъ.

Г-жа Простакова. Въ семь часовъ!

Скотининъ. Завтра и я проснусь съ свѣтомъ вдругъ. Будь онъ уменъ, какъ изволитъ, а и съ Скотининымъ развяжется не скоро! (Отходитъ).

Г-жа Простакова (бѣгая по театру въ злобѣ и въ мысляхъ). Въ семь часовъ!.. Мы встаемъ поранѣ... Что захотѣла, поставлю на своемъ... Всѣ ко мнѣ! (Всѣ подбѣгаютъ).

Г-жа Простакова (къ мужу). Завтра въ шесть часовъ чтобъ карета подвезена была къ заднему крыльцу. Слышишь ли ты? Не прозѣвай.

Простаковъ. Слышу, мать моя.

Г-жа Простакова (къ Еремѣевнѣ). То всю ночь не смѣй вздремать у Софьиныхъ дверей. Лишь она проснется, бѣги ко мнѣ.

Еремѣевна. Не промигну, моя матушка.

Г-жа Простакова (сыну). Ты, мой другъ сердечный, самъ въ шесть часовъ будь совсѣмъ готовъ и поставь троихъ слугъ въ Софьиной передспальней, да двоихъ въ сѣняхъ на подмогу.

Митрофанъ. Все будетъ сдѣлано.

Г-жа Простакова. Подите жъ съ Богомъ. (Всѣ отходятъ). А я ужъ знаю, что дѣлать. Гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость. Старикъ погнѣвается, да и проститъ и за неволю. А мы свое возьмемъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Явленіе 1-е.

Стародумъ и Правдинъ.

Правдинъ. Это былъ тотъ пакетъ, о которомъ при васъ сама здѣшняя хозяйка вчера меня увѣдомила.

Стародумъ. И такъ, ты имѣешь теперь способъ прекратить безчеловѣчіе злой помѣщицы.

Правдинъ. Мнѣ поручено взять подъ опеку домъ и деревни при первомъ бѣшенствѣ, отъ котораго могли бы пострадать подвластные ей люди.

Стародумъ. Благодареніе Богу, что человѣчество найти защиту можетъ! Повѣрь мнѣ, другъ мой, гдѣ государь мыслитъ, гдѣ знаетъ онъ, въ чемъ его истинная слава, тамъ человѣчеству не могутъ не возвращаться его права; тамъ всѣ скоро ощутятъ, что каждый долженъ искать своего счастья и выгодъ въ томъ одномъ, что законно, и что угнетать рабствомъ себѣ подобныхъ беззаконно.

Правдинъ. Я въ этомъ согласенъ съ вами; да, какъ мудрено истреблять закоренѣлые предразсудки, въ которыхъ низкія души находятъ свои выгоды.

Стародумъ. Слушай, другъ мой! Великій государь есть государь премудрый. Его дѣло показать людямъ прямое ихъ благо. Слава премудрости его та, чтобы править людьми, потому что управляться съ истуканами нѣтъ премудрости. Крестьянинъ, который плоше всѣхъ въ деревнѣ, выбирается обыкновенно пасти стадо, потому что немного надобно ума пасти скотину. Достойный престола государь стремится возвысить души своихъ подданныхъ. Мы это видимъ своими глазами.

Правдинъ. Удовольствіе, которымъ государи наслаждаются, владѣя свободными душами, должно быть столь велико, что я не понимаю, какія побужденія могли бы отвлекать...

Стародумъ. А! сколь великой душѣ надобно быть въ государѣ, чтобъ стать на стезю истины и никогда съ нея не совращаться! Сколько сѣтей разставлено къ уловленію души человѣка, имѣющаго въ рукахъ своихъ судьбу себѣ подобныхъ! И во-первыхъ, толпа скаредныхъ льстецовъ всеминутно силится увѣрять его, что люди сотворены для него, а не онъ для людей.

Правдинъ. Безъ душевнаго презрѣнія нельзя себѣ вообразить, что такое льстецъ.

Стародумъ. Льстецъ есть тварь, которая не только о другихъ, ниже о себѣ хорошаго мнѣнія не имѣетъ. Все его стремленіе къ тому, чтобъ сперва ослѣпить умъ у человѣка, а потомъ дѣлать изъ него, что ему надобно. Онъ ночной воръ, который сперва свѣчу погаситъ, а потомъ красть станетъ.

Правдинъ. Несчастіямъ людскимъ, конечно, причиною собственное ихъ развращеніе; но способы сдѣлать людей добрыми...

Стародумъ. Они въ рукахъ государя. Какъ скоро всѣ увидятъ, что безъ благонравія никто не можетъ выйти въ люди; что ни подлой выслугой и ни за какія деньги нельзя купить того, чѣмъ награждается заслуга; что люди выбираются для мѣстъ, а не мѣста похищаются людьми, — тогда всякій найдетъ свою выгоду быть благонравнымъ и всякій хорошъ будетъ.

Правдинъ. Справедливо. Великій государь даетъ...

Стародумъ. Милость и дружбу тѣмъ, кому изволитъ; мѣста и чины тѣмъ, кто достоинъ.

Правдинъ. Чтобъ въ достойныхъ людяхъ не было недостатку, прилагается нынѣ особливое стараніе о воспитаніи...

Стародумъ. Оно и должно быть залогомъ благосостоянія государства. Мы видимъ всѣ несчастныя слѣдствія дурного воспитанія. Ну, что для отечества можетъ выйти изъ Митрофанушки, за котораго невѣжды-родители платятъ еще и деньги невѣждамъ-учителямъ! Сколько дворянъ-отцовъ, которые нравственное воспитаніе сынка своего поручаютъ своему рабу крѣпостному! лѣтъ черезъ пятнадцать и выходятъ вмѣсто одного раба двое: старый дядька да молодой баринъ.

Правдинъ. Но особы высшаго состоянія просвѣщаютъ дѣтей своихъ...

Стародумъ. Такъ, мой другъ; да я желалъ бы, чтобъ при всѣхъ наукахъ не забывалась главная цѣль всѣхъ знаній человѣческихъ — благонравіе. Вѣрь мнѣ, что наука въ развращенномъ человѣкѣ есть лютое оружіе дѣлать зло. Просвѣщеніе возвышаетъ одну добродѣтельную душу. Я хотѣлъ бы, напримѣръ, чтобъ при воспитаніи сына знатнаго господина наставникъ его всякій день разогнулъ ему исторію и указалъ въ ней два мѣста: въ одномъ, какъ великіе люди способствовали благу своего отечества; въ другомъ, какъ вельможа недостойный, употребившій во зло свою довѣренность и силу съ высоты пышной своей знатности низвергся въ бездну презрѣнія и поношенія.

Правдинъ. Надобно, дѣйствительно, чтобъ всякое состояніе людей имѣло приличное себѣ воспитаніе: тогда можно быть увѣрену... Что за шумъ?

Стародумъ. Что такое сдѣлалось?

Явленіе 2-е.

Тѣ же, Милонъ, Софья, Еремѣевна.

Милонъ (отталкивая отъ Софья Еремѣевну, которая за нее было уцѣпилась, кричитъ къ людямъ, имѣя въ рукѣ обнаженную шпагу). Не смѣй никто подойти ко мнѣ!

Софья (бросаясь къ Стародуму). Ахъ, дядюшка, защити меня!

Стародумъ. Другъ мой, что такое?
Правдинъ. Какое злодѣяніе?
Софья. Сердце мое трепещетъ!
Еремѣевна. Пропала моя головушка!
} Вмѣстѣ.

Милонъ. Злодѣи! Идучи сюда, вижу множество людей, которые, подхватя ее подъ руки, несмотря на сопротивленіе и крикъ, сводятъ уже съ крыльца къ каретѣ.

Софья. Вотъ мой избавитель.

Стародумъ. Другъ мой.

Правдинъ (Еремѣевнѣ). Сейчасъ скажи, куда везти хотѣли, или какъ съ злодѣйкой...

Еремѣевна. Вѣнчаться, мой батюшка, вѣнчаться!

Г-жа Простакова (за кулисами). Плуты! воры! мошенники! Всѣхъ прибить велю до смерти!

Явленіе 3-е.

Тѣ же, г-жа Простакова, Простаковъ и Митрофанъ.

Г-жа Простакова. Какая я госпожа въ домѣ! (Указывая на Милона). Чужой погрозитъ, приказъ мой ни во что!

Простаковъ. Я ли виноватъ?
Митрофанъ. За людей приниматься!
Г-жа Простакова. Жива быть не хочу! } Вмѣстѣ.

Правдинъ. Злодѣяніе, которому я самъ свидѣтель, даетъ право вамъ, какъ дядѣ, а вамъ, какъ жениху...

Г-жа Простакова. Жениху!
Простаковъ. Хороши мы!
Митрофанъ. Все къ чорту. } Вмѣстѣ.

Правдинъ. Требовать отъ правительства, чтобъ сдѣланная ей обида наказана была всею строгостью законовъ. Сейчасъ представлю ее передъ судъ, какъ нарушительницу гражданскаго спокойства.

Г-жа Простакова (бросаясь на колѣни). Батюшки! Виновата!

Правдинъ. Мужъ и сынъ не могли не имѣть участія въ злодѣяніи.

Простаковъ. Безъ вины виноватъ!
Митрофанъ. Виноватъ, дядюшка! } Вмѣстѣ, бросаясь на колѣни.

Г-жа Простакова. Ахъ, я собачья дочь! Что я надѣлала?

Явленіе 4-е.

Тѣ же и Скотининъ.

Скотининъ. Ну, сестра, хорошу было шутку... Ба! что это? Всѣ наши на колѣняхъ!

Г-жа Простакова (стоя на колѣняхъ). Ахъ, мои батюшки! повинную голову мечъ не сѣчетъ. Мой грѣхъ! Не погубите меня! (Къ Софьѣ) Мать ты моя родная, прости меня, умилосердись надо мною (указывая на мужа и сына) и надъ бѣдными сиротами!

Скотининъ. Сестра! О своемъ ли ты умѣ?

Правдинъ. Молчи, Скотининъ.

Г-жа Простакова. Богъ дастъ тебѣ благополучіе и съ дорогимъ женихомъ твоимъ. Что тебѣ въ головѣ моей?

Софья (Стародуму). Дядюшка, я мое оскорбленіе забываю.

Г-жа Простакова (поднявъ руки къ Стародуму). Батюшка! прости и ты меня, грѣшную. Вѣдь я человѣкъ, не ангелъ.

Стародумъ. Знаю, знаю, что человѣку нельзя быть ангеломъ, да не надобно быть и чортомъ.

Милонъ. И преступленіе, и раскаяніе въ ней презрѣнія достойны.

Правдинъ (Стародуму). Ваша малѣйшая жалоба, ваше одно слово предъ правительствомъ... и ужъ спасти ее нельзя.

Стародумъ. Не хочу ничьей погибели. Я ее прощаю.

(Всѣ вскочили съ колѣнъ).

Г-жа Простакова. Простилъ! Ахъ, батюшка!.. Ну, теперя-то дамъ я зорю канальямъ своимъ людямъ! теперь-то я всѣхъ переберу по-одиночкѣ! теперь-то допытаюсь, кто изъ рукъ ее выпустилъ! Нѣтъ, мошенники! Нѣтъ, воры! Вѣкъ не прощу этой насмѣшки!

Правдинъ. А за что вы хотите наказывать людей вашихъ?

Г-жа Простакова. Ахъ, батюшка! Это что за вопросъ? Развѣ я не властна и въ своихъ людяхъ?

Правдинъ. А вы считаете себя въ правѣ драться тогда, когда вамъ вздумается?

Скотининъ. Да развѣ дворянинъ не воленъ поколотить слугу, когда захочетъ?

Правдинъ. Когда захочетъ! Да что за охота? Прямой ты Скотининъ. (Г-жѣ Простаковой). Нѣтъ, сударыня, тиранствовать никто не воленъ.

Г-жа Простакова. Не воленъ! Дворянинъ, когда захочетъ, и слуги высѣчь не воленъ! Да на что жъ данъ намъ указъ о вольности дворянства? [1]).

Стародумъ. Мастерица толковать указы!

Г-жа Простакова. Извольте насмѣхаться; а я теперь же всѣхъ съ головы на голову... (Порывается идти).

Правдинъ (останавливая ее). Поостановитесь, сударыня. (Вынувъ бумагу и важнымъ голосомъ Простакову). Именемъ провительства вамъ приказываю сей же часъ собрать людей и крестьянъ вашихъ для объявленія имъ указа, что за безчеловѣчіе жены вашей, до котораго попустило ее ваше крайнее слабомысліе, повелѣваетъ мнѣ правительство принять въ опеку домъ вашъ и деревни.

Простаковъ. А! До чего мы дожили!

Г-жа Простакова. Какъ! Новая бѣда! За что? за что, батюшка? Что я въ своемъ домѣ госпожа...

Правдинъ. Госпожа безчеловѣчная, которой злонравіе въ благоучрежденномъ государствѣ терпимо быть не можетъ. (Простакову). Подите.

Простаковъ (отходитъ, всплеснувъ руками). Отъ кого это, матушка!

---

[1]) Указъ Петра III, предоставлявшій дворянамъ многія преимущества.

Г-жа Простакова (тоскуя). О, горе взяло! О, грустно!

Скотининъ (въ сторону). Ба! ба! ба! Да эдакъ и до меня доберутся. Да эдакъ и всякій Скотининъ можетъ попасть подъ опеку... Уберусь же я отсюда по-добру, по-здорову.

Правдинъ (Скотинину). А скорѣе всего ты. Я слыхалъ, что ты съ свиньями не въ примѣръ лучше обходишься, нежели съ людьми...

Скотининъ. Государь ты мой милостивый! да какъ къ людямъ и лежать у меня сердцу? Самъ ты разсуди: люди передо мною умничаютъ, а между свиньями я самъ всѣхъ умнѣе.

Г-жа Простакова. Все теряю! Совсѣмъ погибаю!

Скотининъ (Стародуму). Я шелъ-было къ тебѣ добиться толку. Женихъ...

Стародумъ (указывая на Милона). Вотъ онъ.

Скотининъ. Ага! такъ мнѣ и дѣлать здѣсь нечего. Кибитку впречь, да и...

Правдинъ. Да и ступай къ своимъ свиньямъ. Не забудь однако жъ повѣстить всѣмъ Скотининымъ, чему они подвержены.

Скотининъ. Какъ друзей не остеречь! Повѣщу имъ, чтобъ они людей...

Правдинъ. Побольше любили, или бъ по крайней мѣрѣ...

Скотининъ. Ну...

Правдинъ. Хоть не трогали.

Скотининъ (отходя). Хоть не трогали.

Явленіе 5-е.

Г-жа Простакова, Стародумъ, Правдинъ, Митрофанъ, Софья, Еремѣевна.

Г-жа Простакова (Правдину). Батюшка! не погуби ты меня! Что тебѣ прибыли? Не возможно ль какъ-нибудь указъ поотмѣнить? Всѣ ли указы исполняются?

Правдинъ. Я отъ должности никакъ не отступлю.

Г-жа Простакова. Дай мнѣ сроку хоть на три дня. (Въ сторону). Я дала бы себя знать...

Правдинъ. Ни на три часа.

Стародумъ. Да, другъ мой, она и въ три часа напроказить можетъ столько, что вѣкомъ не пособишь.

Г-жа Простакова. Да какъ вамъ, мой батюшка, самому входить въ мелочи?..

Правдинъ. Это мое дѣло. Чужое возвращено будетъ хозяевамъ, а...

Г-жа Простакова. А съ долгами-то раздѣлаться?.. Не доплачено учителямъ.

Правдинъ. Учителямъ? (Еремѣевнѣ). Здѣсь ли они? Введи ихъ сюда.

Еремѣевна. Чай, что прибрели. А нѣмца-то, мой батюшка?

Правдинъ. Всѣхъ позови. (Еремѣевна отходитъ).

Правдинъ. Не заботься ни о чемъ сударыня: я всѣхъ удовольствую.

Стародумъ (видя въ тоскѣ г-жу Простакову). Сударыня, ты сама себя почувствуешь лучше, потерявъ силу дѣлать другимъ дурно.

Г-жа Простакова. Благодарна за милость! Куда я гожусь, когда въ моемъ домѣ моимъ же рукамъ и воли нѣтъ?

Явленіе 6-е.

Тѣ же, Еремѣевна, Вральманъ, Кутейкинъ и Цыфиркинъ.

Еремѣевна (введя учителей, къ Правдину). Вотъ тебѣ и вся наша сволочь, мой батюшка.

Вральманъ (Правдину). Фаше фысоко-и-плахоротіе, исфолили сепѣ прасить?

Кутейкинъ (Правдину). Званъ быхъ и пріидохъ.

Цыфиркинъ (Правдину). Что приказу будетъ, ваше благородіе?

Стародумъ (съ прихода Вральмана въ него вглядывается). Ба! Это ты, Вральманъ?

Вральманъ (узнавъ Стародума). Ай! ай! ай! ай! ай! Это ты, мой милостифый хосподинъ! (Цѣлуя полу Стародумову). Старофенька ли, мой отесъ, пошифать исфолишь?

Правдинъ. Какъ! Онъ вамъ знакомъ?

Стародумъ. Какъ не знакомъ! Онъ три года былъ у меня кучеромъ (Всѣ показываютъ удивленіе).

Правдинъ. Изрядный учитель!

Стародумъ. А ты здѣсь въ учителяхъ, Вральманъ? Я думалъ, право, что ты человѣкъ добрый и не за свое не возьмешься.

Вральманъ. Та што тѣлать, мой патюшка! Не я перфой, не я послѣтній. Три мѣсеса фъ Москфѣ шатался пезъ мѣстъ, кушеръ нихтѣ не ната. Пришло мнѣ липо съ голотъ мереть, липо ушитель...

Правдинъ (къ учителямъ). По волѣ правительства, ставъ опекуномъ надъ здѣшнимъ домомъ, я васъ отпускаю.

Цыфиркинъ. Лучше не надо!

Кутейкинъ. Отпускать благоволите? Да прежде разочтемся...

Правдинъ. А что тебѣ надобно?

Кутейкинъ. Нѣтъ, милостивый господинъ, мой счетецъ зѣло на малъ. За полгода за ученье, за обувь, что истаскалъ въ три года, за простои, что сюда прибредешь, бывало, попусту, за...

Г-жа Простакова. Ненасытная душа! Кутейкинъ! За что это?

Правдинъ. Не мѣшайтесь, сударыня, я васъ прошу.

Г-жа Простакова. Да коль пошло на правду: чему ты выучилъ Митрофанушку?

Кутейкинъ. Это его дѣло, не мое.

Правдинъ (Кутейкину). Хорошо, хорошо. (Цыфиркину) Тебѣ много ль заплатить?

Цыфиркинъ. Мнѣ? Ничего.

Г-жа Простакова. Ему, батюшка, за одинъ годъ дано десять рублей, а еще за годъ ни полушки не заплачено.

Цыфиркинъ. Такъ на тѣ десять рублей я износилъ сапоговъ въ два года—мы и квиты.

Правдинъ. А за ученье?

Цыфиркинъ. Ничего.

Стародумъ. Какъ ничего?

Цыфиркинъ. Не возьму ничего: онъ ничего не перенялъ.

Стародумъ. Да тѣмъ не меньше тебѣ заплатить надобно.

Цыфиркинъ. Не за что. Я государю служилъ слишкомъ двадцать лѣтъ. За службу деньги бралъ; по пустому не бралъ и не возьму.

Стародумъ. Вотъ прямо добрый человѣкъ! (Стародумъ и Милонъ вынимаютъ изъ кошельковъ деньги).

Правдинъ. Тебѣ не стыдно, Кутейкинъ?

Кутейкинъ (потупя голову). Посрамихся, окаянный.

Стародумъ (Цыфиркину). Вотъ тебѣ, другъ мой, за добрую душу.

Цыфиркинъ. Спасибо, ваше высокородіе, благодаренъ. Дарить меня ты воленъ; самъ, не заслужа, вѣкъ не потребую.

Милонъ (давая ему деньги). Вотъ еще тебѣ, другъ мой!

Цыфиркинъ. И еще спасибо. (Правдинъ даетъ также деньги).

Цыфиркинъ. Да за что, ваше благородіе, жалуете?

Правдинъ. За то, что ты не походишь на Кутейкина.

Цыфиркинъ. И! ваше благородіе! Я солдатъ.

Правдинъ (Цыфиркину). Пойди жъ, мой другъ, съ Богомъ. (Цыфиркинъ отходитъ).

Правдинъ. А ты, Кутейкинъ, пожалуй-ка сюда завтра, да потрудись разсчесться съ самою госпожею.

Кутейкинъ (выбѣгая). Съ самою! Отъ всего отступаюсь.

Вральманъ (Стародуму). Старофа слуха не остафте, фаше фысокоротіе. Фосмите меня апять къ сепѣ.

Стародумъ. Да ты, Вральманъ, я чаю, отсталъ и отъ лошадей?

Вральманъ. Эй, нѣтъ, мой патюшка! Шіучи съ стѣшнимъ хоспотамъ, касалось мнѣ, што я фсе съ лошатками.

Явленіе 7-е.

Тѣ же и Камердинеръ.

Камердинеръ (Стародуму). Карета ваша готова.

Вральманъ. Прикашишь мнѣ дофести сепя?

Стародумъ. Поди, садись на козлы. (Вральманъ отходитъ).

Явленіе послѣднее.

Г-жа Простакова, Стародумъ, Милонъ, Софья, Правдинъ, Митрофанъ, Еремѣевна.

Стародумъ (Правдину, держа руки Софьи и Милона). Ну, мой другъ, мы ѣдемъ. Пожелай намъ...

Правдинъ. Всего счастья, на которое имѣютъ право честныя сердца.

Г-жа Простакова (бросаясь обнимать сына). Одинъ ты остался у меня, мой сердечный другъ, Митрофанушка!

Митрофанъ. Да отвяжись, матушка! Какъ навязалась...

Г-жа Простакова. И ты, и ты меня бросаешь! А! неблагодарный! (Упала въ обморокъ).

Софья (подбѣжавъ къ ней). Боже мой! она безъ памяти.

Стародумъ (Софьѣ). Помоги ей, помоги. (Софья и Еремѣевна помогаютъ).

Правдинъ (Миторфану). Негодница, тебѣ ли грубить матери? Къ тебѣ ея безумная любовь и довела ее всего больше до несчастья.

Митрофанъ. Да она, какъ будто невѣдомо...

Правдинъ. Грубіянъ!

Стародумъ (Еремѣевнѣ). Что она теперь? Что?

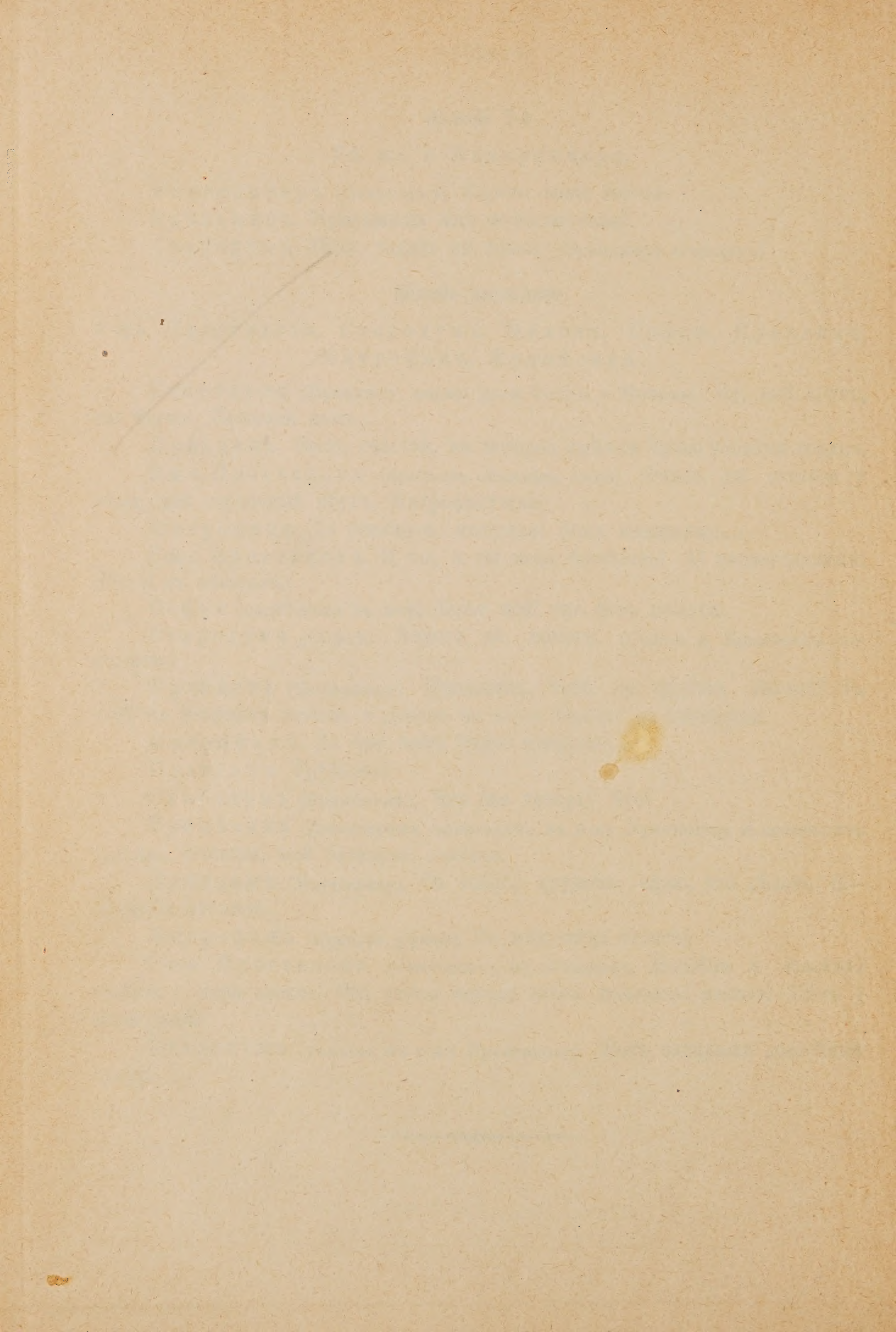
Еремѣевна (посмотрѣвъ пристально на г-жу Простакову и всплеснувъ руками). Очнется, мой батюшка, очнется.

Правдинъ (Митрофану). Съ тобой, дружокъ, знаю, что дѣлать. Пошелъ-ка служить...

Митрофанъ (махнувъ рукой). По мнѣ, куда велятъ!

Г-жа Простакова (очнувшись, въ отчаяніи). Погибла я совсѣмъ! Отнята у меня власть! Отъ стыда никуда глазъ показать нельзя! Нѣтъ у меня сына!

Стародумъ (указавъ на г-жу Простакову). Вотъ злонравія достойные плоды!

Цѣна 80 коп. въ переплетѣ

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
у Я. Башмакова и К°
С.-Петербургъ-Итальянская 61
Книга имѣется въ достаточномъ количествѣ у
Бр. Башмаковыхъ
Москва-Казань

Переп. Н. Трухачева офиц.